

Д

ольские

народные

легенды

и
сказки

Тольские
Народные
Легенды
и
Сказки

ИЗДАТЕЛЬСТВО

"Художественная
Литература"

Москва • Ленинград • 1965

И (польск.)
II—53

Составитель

П. Глинкин

Редакция перевода

и вступительная статья

Я. Мацюсович.

Иллюстрации художника

В. Власова

Переплет, суперобложка
и титульные листы художника

Г. Епифанова

ПОЛЬСКАЯ СКАЗКА

Собрание и изучение польского фольклора теснейшим образом связано с просветительским движением передовых слоев польской интеллигенции второй половины XVIII—XIX веков, вставшей на борьбу за интересы своего народа, который подвергался двойному гнету — польской шляхты и внешних поработителей. В конце XVIII века Польша лишилась своей национальной независимости и снова обрела ее лишь в 1918 году. В течение более чем столетия правящие круги царской России, Пруссии и Австрии подавляли польскую национальную культуру, преследовали прогрессивных общественных деятелей — ученых, писателей, жестоко расправлялись с борцами за освобождение.

Но народ в легендах, сказках, песнях выражал свои думы и чаяния, хранил и развивал родной язык, укреплял национальное самосознание. Поэтому обращение к фольклору со стороны прогрессивных представителей нации, и в первую очередь писателей, было естественным проявлением их патриотических чувств и заботы о сохранении и развитии самобытной национальной культуры.

Одним из первых к собиранию народных песен, сказок, легенд призвал Гуго Коллонтай (1752—1812), выдающийся деятель польского просвещения, писатель, активный участник освободительного восстания, возглавленного Тадеушем Костюшко. Коллонтай выступал за раскрепощение крестьянства, за предоставление ему политических прав. Он считал, что изучение жизни простого народа, его обычаев, обрядов, его сказок и песен поможет создать современную национальную литературу, выражающую передовые идеи времени.

Эти мечты Коллонтая воплотились в творчестве великого польского поэта Адама Мицкевича. Поэт обратился к фольклору

как источнику для создания своих подлинно народных произведений и сам записывал сказки и песни.

В 1822 году вышла книга его стихотворений «Баллады и романсы». Многие в ней были навеяно народными песнями и сказками, услышанными поэтом в детстве. Читателя привлекала яркая, невычурная форма стихов и выраженное в них искреннее чувство симпатии к простым людям. Недаром так яростно ополчились на молодого поэта критики из реакционного лагеря. В дальнейшем в произведениях Мицкевича идейная, внутренняя связь с думами и мечтами народа становится еще более прочной, осознанной. Поэма «Пан Тадеуш», вершина творчества великого поэта, завершается типичной сказочной концовкой:

И я с гостями был, пил добрый мед и ви́па.
Что видел, что слышал — собрал здесь воедино.

Вся последующая история развития польской литературы также свидетельствует о глубокой связи ее с народными истоками.

Основы научной польской фольклористики были заложены Зорианом Ходаковским, который становится профессиональным собирателем произведений народного творчества. За период с 1813 по 1818 год он обошел множество украинских и польских сел, записывая поверья, песни и сказки. Приходилось ему встречаться и с недоверием крестьян, не понимавших, для чего записывают их байки, интересуются их обрядами, и с прямой враждебностью панов-помещиков, которых возмущало, что Ходаковский беседует с «бабами». Однако все это не остановило собирателя-энтузиаста.

Вот что рассказывает о Ходаковском один из его современников: «Я слышал о его способе собирания народных песен, слышал о том, как он в коротком тулупчике, с небольшой сумкой на спине, с бутылкой водки под мышкой, ходит от деревни к деревне... от одной бабы-певуньи к другой, от одного дударя или деда с лирой к другому и как везде, упрямывая, уговаривая, угощая, поощряя и сам подпевая, выуживает он почти все, что касается славящины».

Деятельность собирателя-фольклориста Ходаковский расценивал как служение своему народу. «Злое сердце у того, — говорил он, — кто не любит народ всей силой братской любви». Демократические взгляды Ходаковского вызвали неприязненное отношение к нему со стороны реакционных ученых. Они всячески препятствовали появлению на страницах печати записей Ходаковского. Лишь частично материалы его были опубликованы

собрателем А. Максимовичем в сборнике украинских песен в 1834 году. Остальные записи Ходаковского, среди которых, конечно, были и сказки, не сохранились.

Первым печатным сборником польских сказок и преданий была книга Казимежа Вуйцицкого (1807—1879), вышедшая в 1837 году. В 1851 году появилось ее расширенное издание. Однако Вуйцицкий смотрел на польскую народную сказку как на сырой материал, требующий литературной шлифовки. В его обработке польские народные сказки во многом утратили черты народности. По этому пути пошли и другие польские собиратели первой половины XIX века.

Повст-революционер Ришард Бервиньский (1819—1879), свидетельствуя о возросшем интересе польских ученых к фольклору, писал в 1838 году: «Ученые мужи пошли в XIX столетии в провинцию, стучались в покосившиеся от времени халупы, восхищались чистыми, неспорченными нравами их обитателей, дивились здравому их рассудку, изучали обычаи, суждения, внимательно слушали сказки, басни, поверья, которые лучше всего отражают их душу. Все это они записывали в толстые тома и отдавали потом на суд общественности».

Сам молодой Бервиньский также с энтузиазмом обратился к собиранию польских сказок. Как и Ходаковский, «с посохом в руке» путешествуя по Польше, записывал он сказки и предания, которые составили книгу «Великопольские повести», вышедшую в 1840 году. Бервиньский мечтал о роли польского Бояна, или создателя «Слова о полку Игореве», и считал себя вправе улучшать, украшать народную сказку.

В 1852 году выходит сборник «Предания и сказки народа» другого польского поэта — Романа Зморского (1824—1867). Следуя по стопам своих предшественников, он тоже старался пригладить стиль сказок, а иногда даже переделывал прозу в стихи.

В 1853 году в Вильно вышел сборник «Польский сказочник» Антония Юзефа Глиньского. Эта книга в течение нескольких десятилетий пользовалась большой популярностью и выдержала несколько изданий.

Сказки Глиньского отличаются большими художественными достоинствами, по своему духу народны и демократичны. Особенно интересен цикл сказок о расторопном мужичке. Но сборник в целом нельзя считать отражением исключительно польского фольклора. Глиньский делал свои записи под Новогрудком (на территории нынешней БССР), и, следовательно, сказки его соединяют в себе белорусские и польские мотивы, которые сейчас уже трудно отделить друг от друга. Кроме того, Глиньский вклю-

чил в сборник и некоторые русские сказки, а в отдельных случаях даже переложил на польский язык сказки Пушкина и Жуковского, не ссылаясь на их авторов.

Таким образом, и «Польский сказочник» не давал еще подлинного представления об истинной народной сказке. Конечно, при оценке деятельности первых польских фольклористов следует исходить из общего уровня достижений фольклористики первой половины XIX века. Воспроизведение записей устного творчества с научной точностью еще не стало в то время обязательным требованием для издателей. Но в этот первоначальный период своего развития для польской фольклористики ценно и важно было уже само широкое обращение к творчеству народа, и, в частности, к сказке.

Большой вклад в развитие польской фольклористики внес Оскар Кольберг (1814—1890). Первоначально он записывает только песни. Примерно с 1861 года Кольберг обращается и к сказкам. За период с 1865 по 1890 год вышло двадцать три тома сказок Кольберга под названием «Народ»; в издания вошли и записи его предшественников. В этих томах был объединен фольклор многих воеводств. Свой титанический труд собирания, обработки и публикации фольклорных материалов Кольберг продолжал до последних дней своей жизни. Жил он очень скромно, единственным богатством его был большой ясеневый шкаф, в котором ученый хранил свои бесценные материалы.

Пример Кольберга воодушевил целую армию любителей польской сказки, которые стали присылать собранные материалы во вновь возникшие этнографические издания. С 1887 по 1905 год в Варшаве выходил этнографический журнал «Висла». В 1895 году во Львове было создано Этнографическое общество, органом которого стал журнал «Люд» («Народ»). В 1896 году возникло издание «Материалы по антропологии, археологии и этнографии» (МАОЭ). В этих многотомных изданиях стали широко публиковаться сказки, песни, легенды и предания. Часто появлялись сказки и в отдельных этнографических трудах.

Перечисленные этнографические издания были как бы резервуаром, куда стекалось множество фольклорных записей, в том числе сказок и преданий. К 1905 году, по подсчетам одного польского этнографа, только записей сказок было около шести тысяч. Эти материалы ожидали исследования, научного анализа.

Попытку такого научного исследования предпринял польский филолог Ян Карлович в статье «Предание о Медее», опубликованной в 1889 году в журнале «Висла», редактором которого он являлся. Однако Карлович, занятый издательской работой и со-

ставлением словарей, не мог уделить много времени фольклористике. Таким образом, собирателей стало много, а исследователей почти не было. В 1905 году Съезд польских этнографов высказался за прекращение дальнейшей публикации фольклорных материалов без научной обработки. Как отмечают сами польские фольклористы, решение это имело вдвойне отрицательный результат: научные исследования не появились, и в то же время прекратилась публикация записей.

В дальнейшем собиранием фольклора занимаются главным образом языковеды. Но они ищут лишь материал для характеристики польских говоров и записывают подряд все услышанное. Самый значительный труд польских языковедов-собрателей «Выбор польских диалектных текстов», опубликованный Казимежем Нитшем (Львов, 1929), содержит записи, ценные лишь в диалектном отношении.

Перед польской фольклористикой по-прежнему стояла задача научного исследования собранного материала, и прежде всего сказки. Необходимо было систематизировать уже собранный сказочный материал. За эту работу взялся крупнейший польский ученый-литературовед Юлиан Кшижановский. Результатом многолетнего труда профессора Кшижановского является выпущенная в 1947 году в Варшаве книга «Систематика польской народной сказки. Часть I. Сказки о животных. Часть II. Волшебная сказка. Готовится часть III — «Бытовая сказка, шутка».

В своем труде Юлиан Кшижановский опирался на опыт создания указателей сказочных сюжетов ученых Аарне, Больте и Поливки. В указателе Кшижановского дано изложение всех известных польских сказочных сюжетов со справкой, где и когда была опубликована сказка с тем или иным сюжетом, на какой территории, в каком районе она была записана. Приводятся также ссылки на использование сказочных сюжетов в литературе и, наоборот, на литературные источники некоторых сказок. Систематика польской сказки создала основу для научных исследований фольклористов и литературоведов, изучающих взаимные связи литературы и народного творчества.

В 1947 году в предисловии к своему указателю сказочных сюжетов Юлиан Кшижановский отмечал, что поляки не имеют образцового сборника сказок типа собрания братьев Grimm в Германии или Афанасьева в России. Последние годы принесли перелом и в этом отношении. Появились сборники польских сказок, построенные уже на научной основе, с сохранением всех подлинно народных черт в содержании и форме сказок. К такому изданию следует отнести в первую очередь сборник «Сто народ-

ных сказок», составленный Хеленой Капелюшь и Юлианом Кшижановским (с предисловием и комментариями Кшижановского). Главное внимание в этой книге уделяется бытовым сказкам. Книга является своего рода антологией, по ней уже можно судить об особенностях и характере польской сказки.

Если видеть национальную самобытность народной сказки только в специфических, свойственных данному народу сюжетах, то не много найдется сказочных сюжетов, принадлежащих какому-нибудь одному славянскому народу. Общность культуры, исторические и экономические связи — все это наложило определенный отпечаток на характер и быт близких по духу народов и не могло не найти отражения в фольклоре. Бывают и заимствования сюжетов. Одни и те же сказочные сюжеты встречаются и у народов, очень отдаленных друг от друга. Ученые говорят в этом случае о «странствующих сюжетах». Польский писатель Стефан Жеромский называет сказку «вечной странницей, осыпанной пылью дорог».

Нет народа, который в своих сказках защищал бы богатых и ленивых, лжецов и предателей, злых и неблагодарных. Самобытность польской сказки также надо искать не в какой-то исключительности сюжетов, не в присущей только польской нации морали. Она заключается в отображении исторически сложившихся особенностей жизни народа, его быта, симпатий и антипатий.

Эта национальная самобытность народного творчества наиболее ярко проявляется в бытовых сказках, а также в легендах и преданиях. У героя бытовой народной сказки всегда особенный, свой характер, именно это и делает его чем-то непохожим на героев сказок у других народов. Польский ксендз или органист отличается какими-то своими национальными штрихами, хотя сюжеты сказок о попе и ксендзе во многом схожи: того и другого часто надувает умный, изворотливый батрак, работник или простой бедный мужик. В бытовых сказках резко выявляются и социальные противоречия. Хлоп всегда в столкновении с ксендзом, с жестоким и жадным богачом. У каждого народа есть свои любимые сказочные герои, которые всегда противопоставляются угнетателям разного рода. Есть такой герой и в польских народных сказках: это смекалистый мужичок Простачок (Хлопек Ростропек), шутник и балагур, находчивый, остроумный, он ловко наказывает панов и вельмож за обиды и оскорбления.

В легендах и преданиях, преломляясь сквозь призму народного сознания, фиксируются различные моменты исторического

развития нации от древнейших времен. В польских легендах мы находим забавные истолкования возникновения различных географических названий («Туя и разбойник»), происхождения городских гербов («Лосось и угорь»). Здесь и традиционные для средневековья предания о провалившихся замках, о забытых кладках, о недоброй славе монастырей.

Не случайно именно по мотивам народных легенд написаны многие литературные произведения. В легенде «Замок под Корне» говорится о наказании жестокого властителя. Этот мотив отмщения жестокосердному пану за поруганное достоинство своих подданных широко использован Адамом Мицкевичем. В его балладе «Рыбка» шляхтич, обманувший крестьянскую девушку, превращается в камень. Страшная кара постигает шляхтича Сицинского, предателя родины и угнетателя крестьян (баллада «Привал в Упите»). Во второй части поэмы «Деда» Мицкевич рисует фантастическую картину мщения крестьян жестокому помещику. В реалистической балладе «Воевода», известной русскому читателю по переводу Пушкина, коварного пана, который хотел убить свою молодую жену и ее возлюбленного, постигает возмездие от руки его собственного слуги.

Польский писатель XIX века Казимеж Тетмайер по легендам и сказкам о разбойниках («Процьпак», «Конь с трютом в ухе») создал яркий роман «Яносик Нендза Литмановский». Герой романа, как и герои легенд и сказок, мстит шляхте за надругательство над подданными, старается «уравнять свет» — отбирает у богатых имущество и отдает бедным.

Очень своеобразным в польском народном творчестве является цикл легенд о Скарбнике. Им представлен фольклор силезских горняков. Реалистические зарисовки труда и быта шахтеров перемежаются здесь с фантастикой, характерной для волшебных сказок о подземном царстве. Легенды эти навеяны влюбленностью шахтеров в свою профессию и поистине являются гимном шахтерскому труду. Привлекательность их усиливается еще и добродушным юмором.

Любопытна легенда «Конь-предсказатель». В ней запечатлены, и при этом очень реалистически, эпизоды борьбы христианства с языческими верованиями на Поморье. Симпатии рассказчика скорее на стороне язычества, хотя об обряде языческих верований он рассказывает трезво, — добрые и злые предсказания определяются не вмешательством каких-то высших сил, а просто сновкой коня.

Известный в фольклоре разных стран образ королевы лесов находим мы и в польской легенде «Королева пущи». Но здесь

этому традиционному лирическому сюжету придается социальная окраска. Королева со всем подвластным ей царством живет не просто для себя, — она берет под защиту обиженных крестьян, бежавших от панов-притеснителей. В стиле этой легенды отчетливо проступают следы литературной правки, несколько искажающей сказочное повествование, но тем не менее легенда интересна многими своими особенностями.

Оригинальны своеобразными деталями и волшебные сказки. Сюжет сказки «Королева-упырь» (знакомый нам по «Вию» Гоголя) интересен своей концовкой: королева в польском варианте избавляется от смерти и затем как бы опрощается. Она сама решает выйти замуж за пьянчужку солдата, быстро усваивает его солдатские склонности. В сказке «О том, как мужик стал королем и привез себе жену со дна морского» читатель легко узнает несколько измененный сюжет «Копька-горбунка». Завязкой служит здесь суждение старого короля о том, что паны в роли королей плохи. Поэтому он хочет сделать своим наследником мужика. Но королю не нравится мужичье лицо выбранного им в наследники юноши: король должен быть красавцем. Таким образом, известный сказочный сюжет приобретает некоторую социальную заостренность, хотя и не без противоречий (мужик может стать королем, но от своего мужичьего лица ему надо избавиться). Такое своеобразное переплетение волшебных и социальных мотивов можно проследить и в других сказках.

Одна из популярных фигур польского фольклора — пан Твардовский, «польский Фауст», как его называют ученые. Но в этот сюжет польский народ внес свое национальное, своеобразное: доктор Фауст превратился в разгульного шляхтича Твардовского — образ, включающий элементы социальной сатиры. Мотивы легенды о Твардовском использовал Мицкевич в балладе «Пани Твардовска». Поэт, однако, отбросил традиционную назидательную концовку, в которой шляхтич избавляется от ада с помощью молитвы; герой Мицкевича требует от черта, чтобы тот прожил год с пани Твардовской как с женой. Услышав это, черт спасается бегством. Мицкевич взял здесь и другой излюбленный мотив народных сказок — о злой жене (см. сказку «Хромой бес»).

Польскому народу вовсе не свойственна глубокая религиозность, как это стараются представить защитники католицизма. Об этом нам говорит польская сказка. Она не щадит ни ксендза, ни органиста, как не щадит пана и кулака; нет в ней уважительного отношения к святым и апостолам, да и к самому богу. Очень интересна в этом смысле сказка «О пане боге и черте»: промахи бога люди приписывают черту, а добрые дела черта —

богу. За шутливой, юмористической формой скрывается глубокий атеистический смысл.

Отношение народа к религии хорошо выражено в небольшой сказке «Улюлю...»; «Лучше одно «улюлю», чем сто молитв», — говорится в сказке (то есть лучше действовать самому, чем ожидать помощи от небесных сил).

Так же мало свидетельствует о религиозности польского народа и весь цикл сказок о черте, очень интересных и оригинальных. В польском фольклоре сказки о черте по разнообразию сюжетов, красочности и просто по количеству занимают едва ли не первое место. В XIX веке черт был таким обычным персонажем польских сказок, что один из собирателей фольклора К. Вуйтыцкий на основании сказок описывает его внешность и повадки. При этом он замечает, что польский черт не так страшен, как черт на Руси. «По долгу службы» черт должен вредить человеку, и, пожалуй, самое большое преступление, какое приписывает ему польская сказка, — это изобретение горилки («О черте Водкоробе и бедном хлопце»). Но в то же время в польской сказке черт способен и на хорошие поступки: он не терпит несправедливости, наказывает жестокого и жадного, может даже пожалеть бедняка и помочь ему («Ярошек», «Как черт помог бедному мужику»). Иногда он становится как бы союзником обиженных и даже сам мстит их обидчикам (батрак в сказке «На службе у дьявола» обнаруживает, что в котле варятся все его прежние хозяева).

Образ черта, дьявола в религиозной мифологии призван устрашать грешников. А черт в польских сказках, хоть и наделен сверхъестественной силой, но не страшен. Так же как и в русских сказках, сметливый мужичок всегда оказывается хитрее и умнее самого дьявола. Такие сказки мог создать лишь народ, не верующий ни в бога, ни в черта.

Польская фольклористика XIX века не слишком интересовалась фигурами сказочников. В основном, конечно, это были крестьяне, в их среде создавались прежде всего бытовые сказки, бичующие угнетателей всякого рода. Были сказочниками и мастеровые (легенда «Часы Мариацкого костела», сказка «Как кузнец в рай попал»). Громкую популярность приобрел сказочник Сабала — гураль (карпатский горец) из Закопане, проводник в горах, доживший до глубокой старости и умерший в 1896 году. Сказки Сабалы печатались в журналах, одну из его сказок обработал Сенкевич (она так и была напечатана под названием «Сабалова байка»). В Закопане Сабале поставлен памятник.

Выходившие в дореволюционной России на русском языке сборники польских народных сказок не давали русскому чита-

телю сколько-нибудь правильного представления о польском народном творчестве. Составители этих сборников чурались ярких социальных и антиклерикальных мотивов. Бытовые сказки, сказки о черте не были совершенно допущены в эти издания. Зато охотно, под маркой народных сказок, преподносились читателю всевозможные подделки, рассчитанные на то, чтобы показать мнимое смирение и религиозность польского народа.

В советские годы отдельные польские народные сказки в русских переводах публиковались в сборниках славянских сказок; в 1958 году в городе Чите вышла также небольшая книжка польских сказок под названием «Пастух тысячи зайцев».

В настоящее издание включено сто пятьдесят четыре сказки, легенды и шутки. При отборе материала, помимо уже названных сборников: «Сто народных сказок» Ю. Кшижановского, «Польский сказочник» А. Глиньского, использованы также и другие польские источники, в частности сборник «Клехды польске» писателя Станислава Дзиковского, который многие годы своей жизни посвятил изучению польской сказки.

Интересный материал дали так называемые региональные сборники, посвященные фольклору отдельных районов Польши. Эти издания, как правило, отличаются большой точностью передачи народного творчества. Используются материалы польского филолога Люциана Малиновского, переизданные в 1954 году под заглавием «Силезские рассказы», а также «Силезские сказки» (1957) Яна Барановича; «Рассказы краковского люда» (1956) Мечислава Карася; сборники сказок Жешовского воеводства (1956) и другие (см. указатель источников).

Нетрудно заметить, что не все сказки, представленные в настоящем издании, однородны по языку и стилю. Это объясняется не только различием жанров сказок (например, легендам свойственна большая торжественность, серьезность, бытовым сказкам — живость, юмор), но и тем, что сказки эти взяты из различных польских сборников и собиратели подвергали их в большей или меньшей степени литературной обработке. Это различие стилей отразилось и на русских переводах сказок.

Я. Мацюсович

“Легенды
и
предания”

1—4. ЛЕГЕНДЫ О СКАРБНИКЕ

КАК ГОРНЯК ПРОМЕНИЛ РАЙ НА ШАХТУ

Без малого полвека трудился углекоп в своей шахте, и вот пришла за ним смерть, постучала в двери его дома.

А в этот час багровое солнце, будто толстое колесо, отпиленное от громадного бревна, закатывалось за лес. Вечерний туман опережал мрак и окутывал кусты крыжовника. В хату заглядывали яркие листья дикого хмеля, обвили окна, словно узорчатые занавески. За плетнем на пригорке чернел копер шахты.

С трудом обратил шахтер к окнам угасающий взгляд. Хотелось старику встать и выйти за калитку, чтобы в последний раз взглянуть на поля и потешить взор мельканием спиц на копре шахты. Но силы все слабели и уходили из немощного тела, как вода из разбитой посуды, а глаза застилала предсмертная тоска.

— Умираешь... И дома тебе не жалко? И меня?.. — зарыдала жена-старуха, присев на краешек его постели.

— Конечно, не радуюсь, — прошептал он. — Жалко тебя, очень жалко. А больше всего шахту жалко.

Удивилась жена:

— Шахта ведь не человек.

— Пятьдесят годков там проработал. Сжились мы...

Но смерть равнодушна к людской тоске. Она все яростней отнимала жизнь у шахтера, а когда в избе воцарилась тьма, отняла ее совсем.

.....

Шагает горняк Млечным Путем, и такой неудобной кажется ему эта дорога: камни сияют, как звезды, свет слепит глаза, привыкшие к земным тропкам, ноги ступают не так смело. Куда свободнее чувствовал он себя на шлаковой дорожке, по которой каждый день ходил на шахту.

Вот добрался он до райских ворот и робко постучал в них трубкой, что захватил с собой, рассчитывая на долгую дорогу. Только он постучал, как за воротами что-то зашелестело, кто-то кашлянул, заскрипел засов, и ворота открылись.

Вход заслонил собой святой Петр-ключник. Шахтер сразу смекнул, что это он: точь-в-точь похож на святого в приходском костеле — белая борода, лысина, обрамленная седыми кудрями, у пояса болтаются ключи, одежда в сборку, больше похожая на бабью, чем на мужскую.

Шахтер низко поклонился небесному ключнику, а святой в ответ дружески проворчал:

— На небеса?

— Да вот пришлось отправиться... На панихиде ксендз говорил, что за столько лет труда заслужил я вечный отдых в раю, никак не меньше. Впустите, святой Петр, пора мне отоспаться под райскими яблонями, а то измучился я здорово. Да и дорога-то дальняя, в гору все...

— Добро пожаловать, — разрешил святой. — Только вот трубку надо оставить в сенях: здесь, на небе, дымить нельзя.

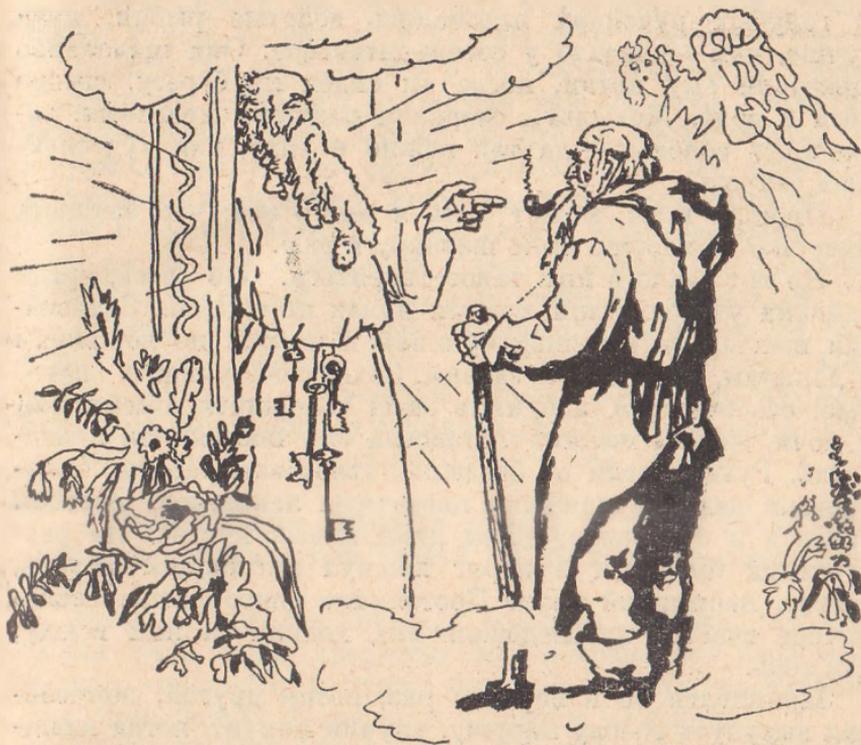
— Да как же я буду без трубки? — запечалился шахтер. — До самой смерти почти не выпускал ее изо рта.

Хотел поспорить, да вовремя прикусил язык, вспомнил, что со святым говорит, не с кем-нибудь...

Швырнул трубку и кисет под куст дикой розы и покорно вошел в рай. Захлопнулись ворота. Тотчас его принял святой Павел, небесный управляющий, представил кому следует, перед господом богом велел стать на колени. А после этого разрешил идти куда угодно. В раю никто никого ни в чем не стесняет.

И святые куда-то ушли, а шахтер остался один. Огляделся кругом и думает:

«Усядусь-ка я спервоначала под райской грушей и схрупаю парочку груш. Столько слышался о них, дай-ка попробую, какие они на вкус. А райские-то чудеса еще успею осмотреть, и к тому же не на работу спешить: всем

известно — на небе никто не работает. Да что потом делать здесь веки вечные, если все сразу осмотришь?..»

Вот отдохнул он с дороги, поправился на райских харчах, начал посматривать кругом. И чего тут только не было: сады, пруды, стада всякой скотины, да такой диковинной, как в зоологическом саду. Ангелы, всякие святые, облака, звезды... Глянул в какую-то форточку в облаках, подумал: «Поглядеть, что там, на земле?» Но ничего не увидел. Далеко, видно, лежала земля, где-то за тучами, за непогодой. Только в одном местечке, где было чуть повыше, чернело что-то — колесо копра, а может, и не колесо. Так и не мог разглядеть с такой высоты, что там такое.

Осмотрелся он и стал смелее ходить по райским садам. Отлеживался на лугах, любовался цветами и кустами, такими удивительными и нежными, как узор, вытканый по газу. Гладил зверей и птиц: в раю все ручные и ласковые. Травы так благоухали, что дух занимало в груди: ведь на шахте-то он привык к дыму и сквознякам.

В голубых ручейках плескались золотые рыбки, куда лучше, чем на шахте у соседа-штейгера. Они шаловливо щекотали ему пятки, когда он сидел на берегу, свесив ноги в воду. Мотыльки сверкали разными красками, заливались соловьи — да так нежно и тихо, как чудеснейшая свирель.

Прошли годы, может быть и много лет: кто вечность измерит? — хорошо было шахтеру в раю.

Но вот стало с ним такое твориться, чего здесь, среди райских удовольствий, сам он никак не ожидал. Затосковал шахтер по прежней будничной жизни, по дорожкам и долинам, по шахте и забоям. Захотелось увидеть знакомые, озабоченные, небритые лица товарищей, смену дня и ночи, зной и непогоду. Надоела ему постоянная праздность. Руки зудели от безделья, требовали работы. Осточертели пахучие дождики цветочных лепестков, шествия ангелов и стриженные ряды диковинных кустов. Не рассердился бы, если б вдруг хлынул настоящий ливень, грянул настоящий гром. Постоянное однообразие, бесконечное счастье преследовали его, ходили за ним всюду, как тень.

Припделся он к воротам раз, потом другой, попробовал высунуть голову наружу, улучив момент, когда ключник впускал нового жильца в небесную квартиру. Уж так ему хотелось взять кисет и трубку, набить ее табачком, сделать пару затяжек. Да разве найдешь их теперь там, где оставил в день прихода на небеса, — сорняками заросло то место под кустом розы!

Все напрасно. Захлопнулись райские ворота. Святой привратник пригрозил ему длинным ключом, похожим на кирку, да еще для острастки отпустил несколько крепких слов.

— Кто в рай попадает, — заключил он, — это уж навеки. Врата небесные — та же межа, только не поля делит, а жизнь и смерть.

У шахтера, по правде говоря, кончилось терпение. Обратился он к святым во время прогулки по усыпанным звездами дорожкам, хотел поболтать, как когда-то с приятелями, о работе, о шахте, об угле. Да разве об этом с ними поговоришь! Святые в молитве возносили сложенные ладошки, склоняли головы перед богом — старичком, который дремал на подушках-облаках, и славили его без устали. Но о шахтерском обушке или там о крепях в шах-

те — ни словечка, ни звука. Как будто боялись испачкать языки углем. А может, и не слышали никогда о шахте.

Больше уж он и не лез в их святое общество, бродил в одиночку. Слонялся и каждый раз все острее чувствовал свое одиночество. Понял он, что по земле тоскует, по старушке шахте, по дружкам-шахтерам, по тяжелому шахтерскому рабочему дню. Разноцветные райские туманы не могли затмить в его глазах любимые виды. Ничего он не мог с собой поделаться. Метался по пышному раю, как птица в клетке, и безустанно искал выхода.

Разведдал за время своих тревожных метаний по раю, какой уголок больше всего по душе господу богу. Подкрался, обманул бдительную стражу небесную, нарушил божеское уединение. Грохнулся создателю в ноги. Старец даже попятился от изумления. На небесах — и тронутый!

— Что надобно? Откуда печаль в твоих очах? Роса осела на ресницах или слезы? Слезы в раю — почти богохульство!

Конечно, господь бог знал все и так только, для вида пенял ему, чтобы проситель мог объясниться свободнее. А тому только это и нужно было! Заговорил так складно, как по-писаному. В жизни так хорошо не говорил.

— Не от горя плачу, боже, и никто мне зла не чинит. Ангелы ходят около меня на цыпочках, всего вдоволь, катаюсь как сыр в масле. Житье без заботы, и приятности всякие кругом. Да в том и беда.

— Как это так? — Добродетельный бог еще попятился назад. Изумление его росло.

Шахтер помолчал минутку, стыдно ему стало, что так собирается он отблагодарить бога за гостеприимство. Но не сдержался. Тоска по родине победила все.

Горячие слова мольбы потоком полились из уст шахтера:

— Все цветочки, птички, изюм... Виды как нарисованные... А мне от этого всего не по себе, нутро во мне переворачивается от тоски. Тянет в шахту, и все райские чудеса мне ни к чему. Смилуйся, благой господи, отошли меня назад, вниз! Позволь запачкать снова руки в угле, попотеть в забое с обушком!

Бог — известно — и есть бог, не то что любой из нас. И сердце у него из меда и воска. Снисходительность удивительная, добродетель бесконечная... А тут как-то непо-

приятно и обидно даже, что шахтер в рай попал — и недополон.

Усмехнулся бог, покачал головой. Похоже было, что удивился. Но вспомнил пословицу: «На вкус и цвет товарища нет». Позвал святого ключника и говорит ему:

— Выпусти-ка шахтера, Петр, нечего его держать, раз ему милее работа, чем райские яблоки, пусть трудится. И останется он в шахте навсегда, коли небо готов на шахту променять.

Улыбнулся господь бог, повернулся и засеменял по усыпанной звездами дорожке. Пошел любоваться на танцы ангелов, на их веселье на небесной полянке. Сегодня его херувимы как раз показывали новый танец.

Зато суровый ключник сердито брэнчал ключами.

Его злило благодущие создателя и неблагодарность шахтера. Однако воле божьей не смел он противиться. Отворил райские врата настезь.

Услужливые ангелы подхватили шахтера под руки и опустили с небесной вышины на землю. А там снесли его еще ниже — в глубь шахты, во тьму, освещенную не звездами, а мигающими карбидовыми лампами.

И с этого времени шахтер — когда-то почетный житель небес — пребывает в подземелье. Пробивает штреки, спит на кучах угля, подсказывает забойщикам, где найти богатый пласт, помогает, предостерегает.

Шахтеры зовут его Скарбником — Владыкой недр. И никогда он не разлюбит черные пласты, потому что уголь для него — сокровище, что дороже драгоценных камней.

Из любви к шахте он бросил даже рай на небесах.

И называли его правильно, другого имени ему и не подберешь.

ГОРНЫЙ ОБУШОК ВЛАДЫКИ НЕДР

Часы на шахте пробили двенадцать раз. В эту полночь с шахтерами вошел в клеть и Франек Лещина. Сердце его билось сильнее обычного. У кого оно будет спокойным в такую минуту? Ему двадцать два года, и первый раз

спускается он в шахту, оставив у ворот голубоглазую Доротку.

Трепетало ее сердечко. С тревогой думала девушка о том, как пройдет первая смена под землей.

Доротка не позволила Франеку идти одному; сама проводила хлопца, у каштанов перед шахтой горячо поцеловала на прощание. Обещала ждать всю ночь, всю долгую шахтерскую смену, а утром спозаранку, когда подыметя он в клетки, прийти к воротам встретить, приласкать его, расспросить, любовно глядя в глаза, как работалось в глубоком забое.

Не со спокойной душой провожала она хлопца. Самые страшные картины рисовались в ее встревоженной голове.

— Господи, это же так глубоко! Колодцев тридцать подряд вырыть надо, чтобы достать дно шахты.

— Если бы тридцать-то, — поправил дед Миколай. Проходя по двору в сени, он слышал вздохи внучки. — Двадцать раз по тридцать, а то и побольше. До дна шахты — вот как до деревянной часовни. Ее можно увидеть в ясную погоду, да и то с пригорка... А ты говоришь... Когда спускаешься, мороз по коже дерет, думаешь, что и конца не будет...

Напугал он ее еще больше. Знала — дед не врет. Пятьдесят лет изо дня в день в слякоть и мороз спускался он под землю. Теперь состарился, дома сидит, а ведь не один обушок изломался в его мозолистых руках. Гордился дед шахтерским званием, считал горняцкое дело занятием настоящих мужчин. Доротка должна гордиться Франеком, что пошел он в шахту. Не посрамит он себя ни перед дедом, ни перед своим отцом, что погиб в прошлом году от несчастного случая.

— Да что там! — Дед покачал седой головой. — Шахтер — это не что-нибудь, не шутка... Ему нет равного на свете.

Беспокойство о женихе улеглось. Сердце девушки наполнилось радостью. Она думала с тайной надеждой: «Подруги иначе будут смотреть на меня, когда выйду за шахтера, а не за какого-нибудь шалопаю, лопнут от зависти».

Доротка хотела, чтобы Франек назвал ее любимой женушкой еще до того, как станет шахтером, чтобы хоть денька два погулять с обручальным колечком и в щещинском узорном чепце. Но он уперся и настоял на своем: «Встану рядом с моей разлюбезной женушкой только

в шахтерской каске с перьями и с серебряным обушком в руке». Ну что ж, может быть, лучше, что на своем хлебе, а не на родительском, начнут супружескую жизнь. Если не лучше, то честнее.

Месяц освещал распутившиеся косы девушки, когда она возвращалась домой по черной от угольной пыли дорожке. Благоухали цветущие липы; какая-то птица (наверное, соловей, кто же еще) заливалась в кустах шиповника за шахтными постройками...

А тем временем Франек Лещина шагал с товарищами под землей к своему забою. Волнение как рукой сняло. Сердце его стучало ровно и твердо, и так же звучали шаги по каменному полу туннеля. Горняцкий обушок, недавно купленный в лавке, нес он на плече. На голове кожаный шлем, у пояса покачивалась карбидка.

Приятели не болтали, шагали молча. Давным-давно известно, что шахта — не корчма, не любит людского шума. Ей больше по душе стук обушков, шарканье лопат, перестук вагонеток по рельсам. Да и Владыка сокровищ, Дух шахты, не любит шуток и балагурства. Лучше его не серди болтовней.

Штрек уходил в темноту, извиваясь, как сказочный змей, и казалось, что ему нет конца и края. С потолка капала вода, бревна ослинявила плесень. Нет-нет да и сорвется с потолка камень, ударит в каску. На перекрестках штреков сквозняк охлаждал потные лица. Франек представил, как будет жарко в забое. Он ждал этой минуты как чего-то необыкновенного. Столько наслушался он о работе здесь, внизу, от отца и деда Доротки. Теперь ему не терпелось поскорее встретиться с этой работой лицом к лицу.

Добрались до сердца шахты, разошлись по местам. Одни встали к вагонеткам, другие — на крепление кровли. Франек вместе с напарником должен был работать в забое. Тесно здесь было и низковато, зато уголь стоял сплошной стеной. Франек отдышался, поплевал на ладони и с маху начал отваливать глыбы угля.

Он пробивался вглубь, не щадя ни собственных сил, ни обушка. Не смотрел, как работают другие, боялся оскандалиться. Вот бы посмеялись товарищи, узнав, что он не справляется с работой. А уж больше всех красавица Доротка. Не посмел бы Франек смотреть в ее голубые глаза, когда бы товарищи сказали, что он не справляется

с обушком. Старые шахтеры ценят труд по добыче. Острие обушка вгрызлось в черную стену, отбивая с треском большие куски. Влажные, угловатые, они хрустели под ногами. За Франеком выростала куча угля.

— Франек, да постой ты, чертушка! Так будешь орудовать — до рассвета и сил не останется, — предостерег его степенный товарищ. — Они тебе не только на сегодня нужны.

— А, работать так работать, — отвечал Лещина, не поворачивая головы. — Не спать пришел сюда.

Приятель махнул рукой и стал помогать возчику нагружать уголь, чтобы Франек не зарылся в нем по пояс. Другие тоже поднажали на лопаты. Не хотелось отставать; еще бы — ведь у Франека только начинают пробиваться усы.

Время шло, работа кипела вовсю. Стена отступала. Поскрипывала рукоятка обушка в крепких руках Франека. Но даже стальное острие обушка, не то что деревянная ручка, может сломаться от непомерной нагрузки. Франек чувствовал, как ясеневые щепки вылетают из-под рук, услышал сухой треск раз, другой. Не придавал этому никакого значения. «Пусть трещит, — думал. — Как-нибудь дотяну смену».

Еще яростнее начал рубить уголь, и вдруг ручка переломилась пополам. Стальное лезвие, вонзившись в уголь, так и осталось там, а в руках оказался бесполезный обломок ручки.

Лещина даже свистнул от злости:

— Фьюить! Ах, чтоб тебе... — Повернулся к товарищам: — Одолжите! — протянул он к ним руки. — Час до смены остался.

Посмотрели они друг на друга, потом на Лещину.

— Нет! — отвечали разом, как будто сговорились.

— Так что же? Стоять с пустыми руками?

— Помоги грузчикам у вагонеток...

— Эх, вы! — с обидой вырвалось у Лещины.

Пожилой шахтер появился из темноты. Подошел к Франеку, тронул его за мокрое от пота плечо. Забойщик неохотно повернулся и взглянул на него.

— Чего вам, Вавжычко?

Тот серьезно проговорил ему в ответ:

— Ты молодой еще шахтер, многого не знаешь. Такой закон есть шахтерский и честь: не брать ни у кого обуш-

ка и своего не давать никому. Почини или новый достань. Кто нарушает...

— К черту этот закон и честь! — с гневом оборвал Лещина старика. — Работа ждет, а мне нечем рубить.

— Возьми мой, — услышал вдруг Франек тихий голос. Оглянулся. Рядом стоял белобородый низенький шахтер, в руке держал новехонький обушок. И разглядывал Лещину не то сурово, не то с усмешкой.

Парень не колебался ни минуты. Схватил обушок жадными руками. Кивнул головой — мол, спасибо, — замахнулся снова на черную стену, но старичок задержал его порыв. Тихонько посоветовал:

— В твоём забое скверный пласт. Вот здесь становись! — И широким жестом руки указал место, где надо рубить. Да властно так, по-штейгерски.

Лещина всмотрелся, и глаза его загорелись как огоньки карбидки. Перед ним, над головой и с боков — всюду чернела огромная стена угля. Массивная, богатейшая. Нависшие пласты завораживали глаза, просили удара обушка. Они сулили такую добычу, какая и во сне не снилась шахтерам. Каким же ничтожным казался теперь его прежний забой, низкий, изрезанный жилами камня, перед этой массой угля! Смешно и вспоминать.

— Фью-фью! — еще раз присвистнул Лещина. Губы расплзлись в улыбке. — Вот это работа, я понимаю.

Таинственный шахтер еще раз тронул его за плечо. Нахмутив брови, видимо не одобряя свиста, сказал шахтеру:

— Больше никого тебе не дам в помощь. Руби! Руби до тех пор, пока не кончится пласт, и тогда требуй от шахты платы.

Радостно кивнул головой Франек Лещина. Хотел поблагодарить удивительного шахтера за новый обушок и советы, но его уже не было. Расплылся, исчез во мраке.

Молодой забойщик не знал, как понимать все это. Искал глазами своих товарищей, чтобы поддержали советом. Но никого не было поблизости. Как будто пропали куда-то... как и этот удивительный шахтер.

С жаром принялся он рубить. Вонзал острое дареного обушка в угольные выступы, отворачивал, разбивал пузатые навесы. Кучи угля сыпались к его ногам, как лавина, укладывались валами. Он не оглядывался. Разгребет уголь вправо и влево, чтобы не загромоздить подступ к

стене, и снова идет вперед, как древоточец, как крот в земле.

Не чувствовал ни усталости, ни голода. Не дотрагивался до фляги, чтобы промочить горло глотком воды. Мускулы работали, как железные механизмы, росла в них сила, в сердце восторг. Глаза сияли, глядя на выработку, губы шептали ласковые слова:

— Колдовство, ей-богу, колдовство. Вот будет рада Доротка, когда из шахты приду к ней и высыплю из сумки кучу денег на стол, кучу талеров, сверкающих, как лучи солнца. Справлю потом богатую свадьбу, одену ее как надо и — кто знает? — может, и дом построю. Жила она бедно, не всегда досыта ела...

Мысль о будущем счастье удвоила его силы. Если уголек просится на лезвие обушка, почему же его не взять? Кто знает, что там будет в конце смены. Может быть, угольная стена кончится и столбы негде поставить будет. У шахты ведь тоже свои капризы. Сейчас она такая щедрая, а другой раз камень пересекает уголь, прекрециваются пласты породы. Бьется забойщик, работа вгоняет его в пот, а выработки не прибавляется. Откатчик без дела ждет, злится, что вагонетки стоят пустые, а наполнить их нечем. Наказание, а не работа!

Франек отдышался, оглянулся кругом. Сзади него, освещенная шахтерским фонарем, виднелась черная лента отбитого угля. Она напоминала затор на Одере во время ледохода. Куски напирали друг на друга, расползались во все стороны. Откатчики не поспевали с отгрузкой. Черный от пыли Лещина, опершись на молоток, любовался и качал головой в восхищении. Такое богатство! Как обнимет Доротка, когда узнает! Дух захватывает от таких мыслей!..

И снова острый обушок забухал в стену. Жадно вгрызся в черный пласт раз, другой. С грохотом рухнули новые куски. Пыль встала столбом, заленила глаза. Когда пыль осела, шахтер снова рванулся вперед.

Но не ударил — обушок повис на полпути. Лещина увидел, что черная стена исчезла, и то, во что он хотел ударить, было уже не углем, а обыкновенной скалистой породой. Желтая, осклизлая от воды, с неровными прослойками, никуда не годная.

Опустил он обушок, вздохнул не то с сожалением, не то с облегчением:

— Ну, вот и все... добрался до конца. Теперь пора к Доротке.

Живо вскинул обушок на плечо. Спотыкаясь, пробирался по отбитому блестящему углю к далекому главному стволу.

— Бог в помощь! — крикнул он откатчикам, которые возились около выработки. За полчаса прошел через лабиринт забоев и штреков и подошел к подъемной клетки.

Вошел в нее, заскрипел канат, рвануло вверх, и он очутился на земле. Сразу направился в канцелярию шахты, мечтая о своем счастье. Заработанные талеры уже заранее звенели в ушах, и звон этот был как музыка...

Понемногу, однако, он опомнился. Мечты его развеяла действительность. Он шел, посматривая кругом, и удивлялся все больше. Как-то изменилось все: и строения, и деревья, и дорожка с той поры, как он спустился в шахту. Люди тоже были какие-то чужие, не те, с которыми встречался перед работой. Франек успокаивал себя, что не знает всех, — ведь это была его первая смена в жизни.

Подошел он к окошку кассы, рассказал что и как, потребовал уплатить за работу. Никто не запротестовал, как будто его уже ждали. Сумма, что причиталась ему, была огромной, в сотни, в тысячи раз больше шахтерского дневного заработка.

Все складывалось гладко. «Наверно, штейгер уж подсчитал всю выработку», — подумал он.

Взял деньги, набил ими карманы. Учтиво поклонился кассирше и сразу вспомнил Доротку. Bravo зашагал в пригородный поселок, где жила Доротка.

Шагал, посматривая по сторонам, и все больше задумывался. Заблудился он, или черт его водит? Все, что ни увидит, — незнакомое. Правда, улицы были похожими на вчерашние, но каменные дома на них и лица людей — не те. Если бы не одежда и говор, он подумал бы, что ошибся. Костел на пригорке склонился к земле, скособочился. Липы у костела разрослись, стали вчетверо больше. Как будто годы росли они, а не одни сутки. Диво, чудо!

Подошел он к родному месту. Березовая аллея была та же, но все дома вдоль аллей — незнакомые. Прохожие почтительно приподнимали шляпы, но на горячий блеск его глаз отвечали так равнодушно, как будто он был не Франеком Лещиной, а случайным путником.

Наконец он наткнулся на забор, около которого стоял развесистый дуб, и подумал: «Это же двор Доротки. Такой же дуб рос здесь, когда мы встретились с ней перед уходом на шахту, только не такой могучий и гораздо моложе». Пригляделся к халупе. Наклонилась она крышей чуть не до земли, из бревен сыпалась гниль. А Дороткина хата была из крепких бревен, с новой крышей — единственное сокровище отца и деда.

Девушка выглянула из сеней, приветливо поглядела на пришельца. Была она незнакомая, но такая же пригожая, как его невеста.

Он усмехнулся, спросил несмело:

— Доротка дома?

Та посмотрела на него с испугом.

— Какая Доротка? — удивилась она. — Нет здесь таких...

— А дочка Зорыхты. Франека Лещины нареченная, — уже радостно растолковал он.

Девушка, вместо ответа, крикнула в сени:

— Мамочка! Выйди-ка сюда, да побыстрой!

Здоровенная баба с румянцем во всю щеку встала на пороге. Сверкнула глазами на дочку и на шахтера.

— Ну чего? — спросила она.

Дочка указала рукой на Лещину, который боязливо топтался у калитки. Сказала матери:

— Спрашивает о Доротке Зорыхтовой... О той, что собиралась за горняка...

— Господи! О нашей бабке? Померла бедняжка... в прошлом году. Ждала тридцать лет своего Франека и не дождалась. Вышла за моего батюшку, за дедушку Хажбетки.

— Я и есть тот Франек... Франек Лещина, жених Доротки, — отвечал шахтер срывающимся голосом. — Чего вы мне плетете здесь о какой-то старухе?

Мать и дочка стали быстро креститься, как будто хотели отогнать от себя привидение. В глазах старой мелькнул испуг:

— Господи помилуй! Свят, свят! Да ведь Франек, жених Доротки, ушел в шахту лет шестьдесят тому назад. Ушел и не вернулся. Шахтеры, что были с ним, сказали: «Его забрал к себе в подземное царство Скарбник — Владыка сокровищ». В наказание за то, что взял он чужой обушок. Госноди, госноди!

Больше он ни о чем не спрашивал. Понял все. Опустился на лавочку около плетня в тени дикого хмеля. Закрыв ладонями лицо — плакал.

Женщины тоже утирали глаза платками. Не знали, нормальный человек перед ними или тронутый. Потом стоворились. Приняли пришельца в дом, тем более охотно, что многолетняя работа под землей ничуть не тронула его молодости. Как и тогда, был он сильный, мужественный, да к тому же и с деньгами. Владыка перемещал наказание с милостью...

Пожились они с черноокой Хажбеткой, и начал Франек новую жизнь. Ту жизнь, которую должен был прожить с Дороткой Зорыхтовой, бабкой Хажбетки.

СКАРЬНИК
ПОМОГАЕТ РУДОКОПАМ

Случилась эта история давно. Даже самые старые не помнят когда и рассказывают ее со слов родителей. А кто знает, может и отцы их слышали всё от своих отцов или дедов. Вот и определи, сколько воды утекло с тех пор.

Неподалеку от Бытома находился цинковый рудник. Много старых и молодых горняков работало в его глубинах. Как корни могучего дуба, расползлись под землей забои и штреки. Легко заблудиться в таком лабиринте.

Однажды рудничное начальство приказало пробивать новый штрек. Поговаривали, что в той стороне есть богатейшие залежи руды. Вот и решили любой ценой добратся до нее.

Начали рудокопы долбить, но камень был такой крепкий, что работа — ни с места. Лучшие проходчики опускали руки, а потом и вовсе бросили работу. Время шло, казалось, никто уж не возьмется за это дело.

Но штейгер все-таки нашел охотника. Молодой рудокоп, на редкость трудолюбивый и знаток своего дела, не испугался трудностей, хотя штейгер ничего не скрыл от него. Велел крепко подумать, а то проходу не дадут приятели-насмешники. Языки-то у них — ой-ой какие!..

Карлик — так все звали молодого горняка — был человек веселый. С улыбкой взял он сверло и пошел к нача-

тому штреку. Добрался до места, сел на камень, вынул из торбы хлеб и сыр. Он по-своему смотрел на печали, рассуждал: «По работе и силы должны быть». И расправлялся с едой так, что за ушами трещало.

Вдруг он увидел, что из-под камня выбежала мышь, повела усами, посмотрела кругом, подбежала и уселась на задних лапках перед горняком. Сидит и глаз не сводит, как будто хочет спросить: «А не найдется ли кусочка для меня?»

Рудокопу понравилась доверчивость зверька. Усмехнулся он, отщипнул мякиша и бросил ей:

— На, попробуй!

Мышка ловко управилась с хлебом и опять уставилась на Карлика ласковыми глазенками: «Дай еще кусочек». Не пожалел хлеба шахтер, бросил ей еще корочку. С аппетитом захрукала мышка — видно, проголодалась. И шахтер проглотил последний кусок. На аппетит и он пожаловаться не мог.

Посмотрел на мышь, подумал в шутку: «Опоздала. Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает». А она и не думала убегать. Сидела и просительно смотрела ему в глаза: маловато было этих крошек.

Карлик усмехнулся, пожал плечами:

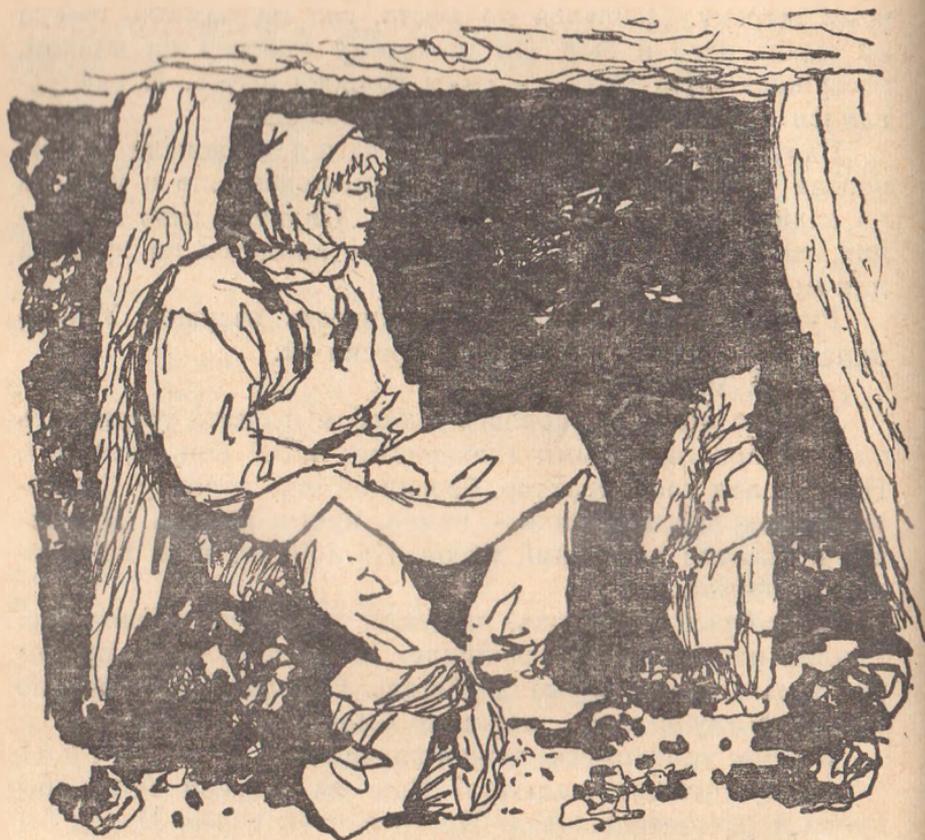
— Ну, что же, малютка? Еще бы с тобой ели, кабы куски в рот летели... Все. Чисто в моей торбе. И рад бы угостить, да печем. Здорово ты уплетала хлебушко. понравилось? Если по вкусу пришлось, завтра поделюсь с тобой. Прибегай сюда. А может, и не приду... Где же силы возьмешь, если так пойдет дело, как шло до меня?..

Не успел договорить, как мышь куда-то исчезла, словно растаяла. А на ее месте появился гном, малюсенький человечек. Одежда шахтерская, шапка на голове, длинная седая борода до пояса.

Вот гном и говорит:

— Не тужи, бери сверло. Потрудишься не зря. Поделится ты со мной, а я помогу тебе в работе... Но одно условие: половина заработка моя. Теперь давай начнем...

Сказал — и сразу исчез. Дивится шахтер: на месте гнома перед ним та же мышка. Смотрит на рудокопа быстрыми глазками, потом проворно подбежала к каменной стене, обнюхала и — тр-р-тр-р — вгрызлась зубками и коготками... Поднялась пыль, полетели обломки... Когда

пыль осела, карлик увидел шесть отверстий, да таких круглых, как от сверла. Не успел он опомниться, а мышь исчезла. Опять перед ним гном стоит.

— Закладывай взрывчатку и поджигай фитиль. За отделку штрека не беспокойся. Свод, стены, пол — все будет как зеркало. Сегодня здесь делать больше нечего. Завтра приду. Бог в помощь!

Разинул рот шахтер, хотел поблагодарить чародея, а его и след простыл. Пришел в чувство, ущипнул себя за щеку — мол, не спится ли ему сон? Нет. Наяву все, больно щеке.

Исполнил все, как приказал гном. Забил мешочки с порохом в готовые отверстия, зажег фитиль, отбежал за выступ. Когда прогремел взрыв и дым разошелся, прибежал на место и не узнал его: перед ним был штрек в сажень длинной, а стены, пол и потолок словно каменотес

резцом обработал. Чудо-штрек! Около выхода гряда камней ждала возчика.

Довольный успехом, Карлик взял карбидку и отправился наверх. Даже забыл, что совсем недавно спустился в рудник. Пришел к штейгеру и почтительно попросил дать ему возчика, чтобы завтра отбитая порода не мешала.

Штейгер вспыхнул. Думал, что рудокоп смеется над ним, — мол, понюхал, чем пахнет работа, струсил и деру дал наверх, как и другие до него.

Зарычал на него, как затравленный в пуще медведь:

— Как, уже вернулся? Быстро же ты наелся работой в проклятом штреке! Ну и дела! Даю голову на отсечение, что в штреке сидит сам черт и пакостит руднику.

Карлик лукаво улыбался.

— И мне так кажется. Черт или не черт, а от работы я не бегу. Мне теперь ее только подавай! Да и не диво — первым отпалом я столько наворочал породы, что возчики попотеют крепко.

— Отпалом? — изумился штейгер, не веря собственным ушам. — Да ведь там и одной дыры не просверлить. Не болтай языком, бездельник.

— И одной не просверлить? Ха-ха-ха! — залился Карлик. — Поверьте, пан штейгер, шесть дырок, как бог свят, и все отбил взрывом...

От этих слов штейгер даже попятился:

— Шесть дыр в крепкой, как железо, скале? Как хочешь, хлопец, но без дьявольской помощи тут дело не обошлось.

Рудокоп рассердился, но не стал ссориться:

— Давайте возчика, пан штейгер. А не верите, спустимся вниз, увидите все сами.

Штейгер не знал, как поступить. Покачал седой головой, но возчика дал. Вместе с Карликом спустился в рудник. Все было так, как говорил шахтер, но штейгер понял, что какие-то таинственные силы играют с ними в прятки. Суеверный страх охватил его. Он уже смотрел на шахтера как на чародея и боялся к нему подойти. Но смекнул: из шахтерской удачи можно выжать много пользы для себя и рудничного начальства.

— Давай, сынок, работай, — пожелал штейгер. — Шахта тебя не забудет.

— Да уж поработаю, — согласился Карлик.

Он орудовал сверлом, мышка действовала своим способом. Невесть откуда появится, укажет нужное местечко и давай рушить глыбы на манер крота.

Штрек быстро продвигался вперед, уже видна была богатейшая руда. Сердце штейгера замирало от радости. Дошло до того, что однажды на докладе у начальника шахты он предложил Карлика в компаньоны. От его успехов рудник стал самым доходным в воеводстве.

— Добре! Возьмем парня в компанию, — расхохотался толстопузый пан.

Время шло. С каждым днем росла та сумма, что причиталась шахтеру за работу. Бережливый, хороший семьянин, он не любил безрассудно проматывать деньги с приятелями, и вскоре его мощна должна была разбухнуть от золотых талеров.

Настал день получки. Сунул шахтер деньги за пазуху и сразу — прочь от приятелей, бегом вниз.

В штреке около главного ствола его ждал приветливый чародей-гном.

— Не подвел, — увидев рудокопа, заулыбался гном.

— Уговор дороже денег, — ответил Карлик и снял шапку.

— Ну что, сядем? Делить стоя неудобно. — Гном быстро огляделся. — Ноги не казенные...

В углу лежала длинная доска. Гном приволок ее, положил над пропастью ствола.

— Садись, — показал рукой на доску.

Карлик сел не колеблясь. Ноги его болтались над бездной. Он полез рукой за пазуху...

— Подожди, — остановил его гном. — Прежде всего — условие...

— Какое условие?

— Сядем лицом к лицу.

— И все?

Карлик исполнил желание гнома. Все было готово для дележа. Высыпали из мешка деньги на доску. Пересчитали все до копейки, хоть денег было много.

Но сумма оказалась нечетной.

— Этот талер отложим в сторону. — Карлик последнюю монету отодвинул от сверкающей кучи.

— Что ты делаешь? — воспротивился чародей. — И эту монету надо поделить.

Рудокоп добродушно улыбнулся.

— Делить? Нет, пусть он будет твоим. И так всем своим заработком я обязан тебе. По правде, это все твое — не только этот талер.

Даже в полумраке видно было, как морщинистое лицо гнома осветилось улыбкой:

— Так. Вот наконец слова, каких я давно не слышал. На счастье свое ты их сказал...

— Как так? — удивился Карлик.

— Очень просто. Если бы ты пожадничал и потянул за этой монетой, лежать бы тебе на дне шахты, как многим другим до тебя...

Чем более гном объяснял ему, тем сильнее удивлялся шахтер.

— Ты, наверное, уже догадался, что я — Хранитель сокровищ, Дух подземелья. Пришел тебе на помощь, чтобы найти человека с добрым сердцем, без алчности к деньгам. Такой человек будет мне правой рукой в случае, когда надо выручить людей из беды. Целые века я даром трудился. Были и до тебя здесь люди, но при виде золота у них тряслись руки, всякий старался урвать лишний грош. Не соблюдали условия и гибли в пропасти. Вот только ты... Хитрил я для проверки твоего характера. Ты поступил по-шахтерски честно и почет мне оказал. Я это ценю. Дома на столе увидишь и мою часть денег. Оправдай мое доверие — богатство шахты и твои доходы от пая в руднике возрастут во сто крат. Не сомневайся, я позабочусь обо всем. Ты убедился в моей власти. Не трать богатств легкомысленно, обрати их на благо людей. Я буду рядом, в трудном случае выручу. Бог в помощь!

И на глазах изумленного шахтера он превратился в светлое облачко и сразу исчез.

Рудокоп спрятал в сумку свою долю богатого заработка. Поднялся с доски, сошел в штрек — и как будто кто позвал его! — оглянулся. Ноги так и подогнулись в коленях от страха, мурашки пробежали по спине: оказалось, они сидели над бездной не на доске, а на ржаной соломинке.

Бородатый гном — Хранитель подземных сокровищ — еще раз показал ему свое могущество и всеисилие.

Поднялся рудокоп на свет. Шагая домой, он думал о величии и благородстве той задачи, что возложил на него

Хозяин недр. Щедро роздал богатство больным и бедным. Особенно постарался помочь семьям шахтеров, которых постигло несчастье под землей.

Этим он заслужил высокое звание помощника Хозяина подземных сокровищ.

В ЦАРСТВЕ СКАРБНИКА — ВЛАСТЕЛИНА ГОР

Жил когда-то шахтер по имени Юзек Заранковский. Конечно, имя неплохое, но прославился он тем, что ничего не боялся, о подземных духах даже и слушать не хотел.

Почтенные пожилые люди предостерегали его:

— Не мели языком... Молод еще: что ты понимаешь? Ведь так и Хозяин может услышать, тогда держись!

— Какой там еще Хозяин?! — хохотал Заранковский. — Нет никакого Хозяина подземелья. Это его выдумали папы, чтобы пугать шахтеров.

— Панов еще на свете не было, а Хозяин уже был, — убеждал парня дядя Ямроз, человек бывалый. Уж он-то сквозь огонь и воду прошел и повидал чудес на свете. — Не хорохорься, смотри не накликай беды на свою голову.

— Хо-хо-хо! — грохотал в ответ Юзек. В этом смехе было и легкомыслие и упрямство молодости.

И вот однажды, заканчивая смену, услышал он позади себя кашель, как будто кто поперхнулся угольной пылью.

— Небось дух пришел, а? — пошутил Юзек.

Уж хотел еще что-то сострить, да и рта раскрыть не успел: то, что он увидел, обернувшись назад, лишило его дара речи. Тут не до шуток! Впервые беспокойство овладело его легкомысленной головой, сердце затрепетало в груди.

Он резко повернулся, опираясь на обушок. Перед ним стоял высокий как столб мужчина в одежде штейгера. Заранковский быстро смекнул, что он только по одежде штейгер. Глаза горели, как раскаленный уголь, и лицо странно светилось. Смотрел он сурово, пронизывая взглядом насквозь.

«Владыка гор! — молнией сверкнула догадка в голове шахтера. — Правду, значит, говорили старики, не сказки это».

Как будто разгадав эти мысли, штейгер громко подтвердил:

— Да, ты прав. Я — Хозяин сокровищ, Властелин горного царства.

— Чего вы от меня хотите? — Заранковский вновь обрел дар речи. Однако на ты не посмел обратиться: солидный возраст пришельца требовал почтения. Пальцы крепче сжали ручку обушка.

— Чего хочу, спрашиваешь? — вопросом ответил Владыка. — Так просто, сынок, хочу посмотреть, как ты работаешь.

— Ну, тогда торопитесь смотреть, а то я кончаю смену. — Заранковскому такая инспекция была не по душе: он спешил наверх, на гулянье, к приятелям.

— Как-нибудь договоримся, — усмехнулся Владыка. — Думаю, что придем к согласию. Кончится одна смена, отработаешь другую... Компания от тебя не уйдет...

— А я не хочу работать, — уперся Заранковский.

— Соглашайся по-хорошему, — гневом загремел голос штейгера. — А не то...

— Что «не то»? — вспыхнул шахтер.

— Не то пропадешь.

Угроза прозвучала как приговор, и Заранковский больше не прекословил: просто испугался Владыки, понимая, что не с ровесниками имеет дело.

— Я не лодырь, — оправдывался он. — Работа — моя сестра.

— А обушок — твой брат... Бери же его в руки, нечего ему скучать...

Заранковский сплюнул угольную пыль, сжал рукоятку обушка. Рубанул раз! Другой! Эхо повторило удары, посыпался уголь. Таинственный штейгер стоял поодаль, смотрел и одобрительно кивал головой: работа ему нравилась.

Да и шахтер не забавлялся, а с таким жаром, по-молодецки принялся за добычу, как будто бился с противником. Кучи угля росли.

А время шло; вторая смена кончалась. Все мускулы и кости Юзека ломило от натуги, но работал он лучше, чем всегда: испуг и желание показать себя сделали свое дело. Доказал, что работа ему по плечу.

Вдруг слышит он голос чародея-штейгера:

— Бери обушок и иди за мной!

— За вами? А куда поведете меня? — снова испугался Заранковский.

Но штейгер успокоил его:

— Ничего плохого не сделаю. Не верил, что я существую, теперь пришло время убедить тебя.

Долго-долго шли они по штрекам, так долго, что Заранковский и не дотянул бы до конца, если бы вдруг не почувствовал прилив свежести и сил в мускулах. Это утроил его силы таинственный штейгер. Каменные штреки и переходы пересекались то и дело. Раз повернут влево, раз — вправо; то вниз спускаются по ступенькам, то вверх поднимаются. Глаза шедшего впереди штейгера освещали путь, как шахтерские лампы.

Заранковский хорошо знал шахту, но таких штреков никогда не встречал: ни единого столба крепи, а ступени ровные-ровные, гладкие как стекло.

Вдруг штрек кончился. Они остановились перед сплошной каменной стеной. Заранковский подумал, что уже конец дороги, и с замиранием сердца ждал, что теперь будет. Вдруг штейгер поднял серебряный обушок и три раза ударил им в скалу.

Загремело, загудело кругом, как будто под ногами разверзлась земля, а удары летней грозы проникли в глубь земли и слились воедино с ударами сердца земли. Зашатались скалы в подземелье, шахтер крепче оперся на обушок. Страшный грохот оглушил его, мелькнула мысль, что вот-вот рухнет на него скальный потолок и похоронит его в этой могиле.

И вот все смолкло. Раскрыл шире глаза перепуганный шахтер и увидел, что скала раздвинулась, как ворота двора. Идти вперед или бежать отсюда? Повелительный голос Хозяина недр рассеял его недоумение.

— Вот мое королевство, Фома неверующий! Иди за мной!

Ноги сами понесли его вперед. Сзади опять загрохотало: скальные ворота затворились.

Теперь они шли не по штрекам, а по широкой аллее, залитой ярким светом. Причудливые соляные сталактиты спускались сверху, а снизу поднимались хрустальные сталагмиты. В сверкании огней видно было, что аллея впереди расширялась и переходила в прекрасную дорогу, где каждый шаг звучал, как струны гуслей.

Так казалось шахтеру, но звуки плыли навстречу им откуда-то издалека, где начинался подземный сад. Заранковский не мог вымолвить и слова, его острый язык одеревенел. А звуки переходили в аккорды, и лилась чудесная музыка. Хоровая капелла в шахтерском наряде исполняла бодрый марш. Дирижер в каске с пучком разноцветных перьев взмахнул палочкой. Грянули трубы, кларнеты, барабаны:

— Да здравствует Владыка подземного царства! Виват, Хозяин недр!

Заранковский взглянул на своего проводника и остолбенел от изумления.

Не штейгер в рабочей, запачканной углем одежде стоял перед ним, а Владыка подземного царства — величественный, в пурпурной мантии, с золотой короной на седых кудрях. В руке, как жезл или меч, сверкал горняцкий обушок — знак власти над подземным шахтерским племенем.

— Хвала богу! — раздались отовсюду радостные голоса.

— Хвала богу! — ответил Владыка с приветливой улыбкой.

Глаза Заранковского, как зачарованные, не отрывались от чудной картины, которая открылась перед ним. Высокие черные базальтовые скалы, смыкаясь вверху, образовали величественный свод над подземным садом. Причудливые деревья и кусты, диковинные цветы переливались всевозможными красками и благоухали так, что дух захватывало. Птицы были несравненно красивее земных, пение их сливалось с чарующими звуками музыки, а затем их голоса сменили музыку, когда она, замирая, ушла куда-то вглубь.

На зеленых газонах били фонтаны. Разинутые пасти чудовищ из яшмы выбрасывали струи лучезарной воды. Шахтер пригляделся: да ведь это серебро, настоящее серебро лилось в бассейны, а не чистая, сверкающая в свете звезд и луны вода.

На высокой темной скале, среди зелени верб, черемух, яблонь и вишен, возносился дворец, сияющий радугой. Чудесам не было конца. Ни один из могущественных правителей Силезии не имел такого дворца, его могло создать разве что детское воображение в очаровательных вечерних сказках.

Владыка жестом позвал к себе углекопа.

— Иди сюда! Покажу тебе мой дворец.

Долго-долго шли они анфиладами комнат, коридорами, галереями. Заранковский прикрывал глаза, боясь ослепнуть от блеска и сверкания пола, потолка, стен и мебели, сделанной из драгоценных металлов и камней. Такого не увидишь и во сне!

Не знал он слова «инкрустация», но если бы и знал, оно не выразило бы и доли той прелести мозаичного пола, по которому они шли; золотые, серебряные и пурпуровые жилки, как солнечные лучи, сливались в занавесы, портьеры, в сотни и тысячи всяких чудесных вещей.

Остановились на мраморной веранде. У подножия колыхался пруд, над которым шел обильный золотой дождь. Шахтер только качал головой. Не всплески дождевых капель, а музыка металлических звуков заполонила его слух.

Владыка указал на пруд обушком:

— Подойди ближе и подставь ладони.

Ошеломленный Заранковский исполнил волю Владыки недр. В руки падали не капли дождя, а золотые талеры, какие он видел только на картинках в сундуках богачей.

В его глазах невольно загорелись жадные огоньки.

Владыка сразу заметил это и добродушно усмехнулся.

— Не теряйся, набивай карманы. Сколько сможешь взять, все твое будет.

Повторять шахтеру не пришлось: он хватал падающие монеты и прятал в карманы. Скоро они так разбухли от талеров, что ноги подгибались от тяжести.

Хозяин благосклонно промолвил:

— Ну, пора расставаться. Думаю, не каешься, что я тебя помучил? Теперь ты убедился в моем существовании. Я помогу тебе добраться до своих.

И только успел Заранковский пробормотать: «Спасибо», как дворец, сад, Владыка — все исчезло из глаз.

Опять перед ним чернел штрек, по которому он всегда возвращался с работы, вдали слышались удары колокола. Был конец смены.

Приятели оторопели, когда к ним подошел углекоп, которого все уже месяц назад считали пропавшим в шахте.

Не сказал он им, где был и что с ним случилось: ведь никто бы не поверил его рассказам. Уж очень невероят-

ная, удивительная, сказочная история, чтобы в нее поверить!

Пришел к родителям. Счастью и радости их не было конца — ведь они уж поминали сына.

На деньги — дар Властелина подземелья — поправил он свое хозяйство, распродался с нуждой и с тех пор жил в достатке и без забот.

5. КОРОЛЕВА ПУЩИ

Много лет тому назад жила среди лесов, близ Тухоли, лесная Королева, властительница и хранительница пущи. И хоть не было у нее воинов, вооруженных копьями и стрелами, королева эта не была беззащитна. По зову ее сходились на службу богатыри медведи, рогатые олени, слетались зоркие бесстрашные орлы, и множество маленьких лесных фей окружало Королеву. По первому ее знаку они готовы были исполнить любое приказание.

И не было оружия сильнее, чем взор Королевы, всевидящий и острый. Королева знала обо всем, что творилось в огромных лесных владениях от Балтики до Потецинских топей. Тот, на кого падал ее взгляд, оказывался во власти могущественной хозяйки и не мог уже выбраться из лесных дебрей. А если и пытался, то блуждал по чащобе, как слепой, и на каждом шагу его преследовали мстительные лесные феи, во всем послушные Королеве. И никому не удавалось выбраться из тех мест и освободиться из-под власти повелительницы пущи.

Жила она в недоступном дремучем лесу, мох служил ей постелью, большие пни заменяли столы, а стволы поваленных грозю деревьев — скамьи. Если кто павещал ее, Королева предлагала гостю место рядом, а служанки-феи подавали землянику, малину, ежевику, орехи и все, чем богато было лесное царство. Беседу ее сопровождал хор лесных певцов: дроздов, снегирей, кукушек — неисчислимого множества птиц, одетых в разноцветные перья. Феи украшали дворец своей владычицы ветками бузины и жасмина. Воздух был напоен чудесным запахом свежих смол. А зимой седоусый мороз превращал жилище

повелительницы лесов в прекрасный ледяной замок с тончайшей резьбой.

А как великолепно были наряды Королевы! Весной и осенью ее маленькие помощницы-феи собирали паутину и пряли для своей хозяйки легкие, воздушные ткани, какие едва ли могли сделать человеческие руки. Когда обнажались деревья, феи шили для Королевы платья из золотистых листьев, а зимой окутывали ее в белоснежные меха.

Повелительница знала обо всем, что творилось в лесных чащобах. Взгляд ее проникал в любой тайник. Да и проворные феи, перелетая с места на место, собирали все новости и приносили их своей госпоже. От них узнавала она о том, что вековой дуб свалился и умирает, что ленивец медведь проснулся наконец после зимней спячки и, потягиваясь, выбирается на первую весеннюю прогулку; солнце уже бросило свой ласковый взгляд на пущи, и под его теплыми лучами закружились в танце жучки и бабочки; в старой борти отроились пчелы и ищут теперь новое жилище. Доносили и о том, что вернулись перелетные птицы, а у быстроногой серпы родился детеныш, что пернатые отложили яйца и терпеливо высиживают птенцов; только хитрая кукушка, как всегда, побывала уже в чужом гнезде: она слишком ленива, чтобы самой вывести потомство.

Жизнь в пуще была ключом. Все старое уходило и уступало место молодому и сильному, а Королева зорко осматривала свои владения и оберегала их обитателей. Если надвигалась буря, властительница лесов посылала фей предупредить птиц, зверей и насекомых:

— Возвращайтесь домой, прячьтесь скорее под спасительный кров лесных великанов, сейчас начнется буря.

Лесные жители слушали эти голоса и спешили укрыться.

А случалось, посланцы предупреждали:

— Осторожно, идет человек.

Станным и непонятным казалось лесной владычице, что человек, умнейшее из существ, был ее врагом. Порой случалось, люди оравой, с топорами в руках, врываются в дремучую чащу и начинали рубить деревья направо и налево. Сваленным лесным великанам обламывали руки и истерзанные стволы увозили куда-то.

Горько было видеть лесной хозяйке, как человек опустошает ее царство, безжалостно вырывает у леса куски его живого тела. И иногда, разгневанная, она обрушивала на людей одного из зеленых гигантов и убивала смельчаков.

Но однажды Королева повстречала человека, сжалилась над ним и выручила из беды. Был это смерд по имени Вцех. Работал он на поле у своего хозяина. Злой пап бил Вцеха, кормил плохо, а трудиться заставлял сверх сил. Долго терпел бедный батрак и наконец взбунтовался — бросил панское поле и убежал в пущу. Забрел в самые глухие дебри, и охватил беднягу страх. Он привык видеть поле, какое и взглядом не охватишь, а тут вокруг стояли огромные деревья; их было великое множество, и они обступали человека непроходимой стеной. В первую минуту Вцеху показалось, будто за каждым деревом притаился кто-то и вот-вот нападет на него.

Уж он было собрался бежать из лесу и вернуться в неволю. Но Королева пуцци (а она все видела и все знала)

послала к нему своих верных помощниц. Они стали уговаривать пришельца идти дальше. Смерду чудилось, будто кто-то тихо-тихо напевает:

В чащах леса тихоструйных,
Где сплелася зелень буйно,
Где кружатся мошки роем,
Мы тебя от бед укроем.

Напевы эти придали смелости беззащитному, и он тронулся дальше. Шел, шел, пока не предстал перед самой владычицей дремучего царства. Увидел ее смерд и оробел. Да только та посмотрела так ласково и приветливо, что все его страхи тут же пропали. Ждет мужик, что скажет владычица леса. А та и спрашивает:

— Как же ты забрел сюда, в эти дебри?

Поведал Вцех про свои горести и закончил рассказ такими словами:

— Сбежал я от неволи, от голода, да не знаю: может, ждет меня здесь еще большее лихо.

Но Королева его утешает:

— Никто тебя здесь не тронет, и беды ты больше не узнаешь.

Низко поклонился ей Вцех и поблагодарил лесную Королеву. Она же опять его спрашивает:

— Умеешь ли ты ловить рыбу?

— А как же! Ведь у пана где только не приходилось работать.

— Тогда взгляни туда. Видишь озеро?

— Вижу.

— Вот и построй себе хату на берегу. Рыбы там вдоволь, и ты сможешь ловить ее сколько захочешь.

Так Вцех и сделал. Много ли, мало ли дней прошло с тех пор, только однажды чем-то встревоженные феи опять прилетели к своей госпоже.

— Люди едут на телеге, — сообщили они. — Должно быть, рубить лес будут.

Но мудрая Королева ответила так:

— Не все люди нам враги. Среди них есть бедняки. Человеческая злоба гонит их с родных мест, и они ищут у нас пристанища. Таким нужно помогать.

А в это время лесной тропой тащился бедняцкий воз, запряженный парой волов. Разбитые колеса то и дело подпрыгивали на корневищах. Волон погонял мужик, уже немолодой, одетый в сермягу и лапти. Он тревожно по-

глядывал по сторонам. За ним шла женщина в домотканой длинной рубахе и вела за собой двух оборванных ребятшек.

Это был крестьянин Слива со своей семьей. Колеса на деревянных осях так скрипели, что испуганные птицы срывались с места и улетали.

По приказу Королевы лесные феи приблизились к людям и потихоньку стали напевать:

В чащах леса тихоструйных,
Где сплелась зелень буйно,
Где кружатся мошки роем,
Мы тебя от бед укроем.

И Слива со своей семьей двигался дальше, пока не остановился перед лесной владычицей. Как увидели люди перед собой пани в таком дивном наряде, оробели. Но добрая улыбка Королевы пуши рассеяла их страхи.

— Бедные люди, — спросила она, — что привело вас сюда, в этот лес?

И старый Слива тут же поведал Королеве свою печальную историю.

— Был я вольный кмет,¹ и имел свой клочок земли. Пахал, сеял, урожай собирал, и жила моя семья в достатке. Но вот однажды прискакал гонец от каштеляна и велел мне убираться с моей земли — ее, мол, присоединят к городским владениям. Правда, каштелян дозволил мне остаться и служить у него в батраках. Да только не захотел я на него работать и пошел по свету искать место, где нет каштелянов. Вот и пришел сюда с семьей и со всем своим скарбом.

Добрая хозяйка пуши велела Сливе поселиться на лесной поляне, сжечь кусты, обработать землю и посеять хлеб.

— Трудитесь, никто вас здесь не обидит, — сказала она.

Еще приходили в лес бедные люди — и батраки, и смерды, и кметы — и находили здесь убежище от злой неволи. Одним Королева назначила ловить рыбу, другим заняться бортничеством, а третьим — пахать землю. Всем позволяла она собирать грибы, ягоды, орехи и пользоваться другими богатствами леса.

Прошло много времени; возле одиноких халуп появились новые, и выросли так целые поселения. А назы-

---

¹ К м е т — крестьянин.

ваются они по имени первых жителей: Сливицы, Быслав, Славенцин, Вешхуцин.

Теперешние люди уже не помнят тех времен, когда лесная пуща давала беглецам приют и спасала жизнь. Но легенда хранит память об этом; и слышится нам эта история в шорохах леса и в каждом дуновении ветерка.

6. ТУЯ И РАЗБОЙНИК

Когда-то Гданьские низины были затоплены водами Гданьского залива. Берега его в ту пору выглядели совсем по-иному. Висла тогда разливалась до самого Тчева и Мальборка, но была в тех местах мелкой. Пришло время, и люди с удивлением заметили, что эта необозримая водная гладь стала меньше и кое-где из воды проглядывает земля. Вскоре на Жулавах, еще залитых водой, появились настоящие острова, а потом на них поселились люди.

На одном из таких островов, где сейчас «Новый Двор», поселился Жрейко с дочерью Туей. Это была девушка красивая и сильная. Многие парни заглядывались на нее, но ни один не был ей по душе, и ни одного из них не выбрала гордая дивчина.

А на соседнем острове жил великан. Звали его Куник. Не торговал он скотом, как Жрейко, а разбойничал — нападал на людей и грабил их. Где бы ни появился злодей, он наводил страх и приносил разорение.

Но вот полюбила Кунику Туя. И однажды он сказал своим соседям:

— Уведу у Жрейки красавицу дочь и сделаю своей женой.

Страх охватил несчастную, как узнала она об этом.

Как-то раз топкой тропинкой шла она по воду. Подошла к серебристому озеру, зачерпнула воды и направилась было к дому, да тут с испугу чуть не выронила жбан.

Как дуб, стоял перед нею Куник. Он загородил девушке дорогу и смотрел на нее с вожделением и угрозой. Туя замерла на месте, а потом рванулась в сторону и бросилась бежать. Великан ринулся за ней. Девушка бежала все быстрее и не замечала, что свернула с тропинки и может увязнуть в болоте. В ужасе металась она из сто-

роны в сторону, стараясь убежать от преследователя. Вода выплескивалась из жбана и оставляла за ней серебряный след.

Наконец девушка очутилась на самом краю острова. Перед нею была водная гладь, а позади — грозный разбойник, который уже настигал свою жертву. Увидев, что Туя приостановилась, Кулик закричал:

— Не уйдешь от меня! Теперь ты моя!

Но Туя не дала себя схватить: она бросилась в воду.

Бешеная злоба охватила разбойника, как увидел он, что девушка любой ценой старается уйти от него. И злодей прыгнул за Туей. Но великан был тяжел, целовок и быстро пошел ко дну.

А над Туей судьба сжалилась. Неподалеку рыбак ловил рыбу. Он заметил девушку и спас ее.

А там, где Туя расплескала воду, убегая от разбойника, появилась речка. Она извивается тонкой змейкой и делает множество поворотов. Речку эту и по сей день называют Туя в память о мужественной девушке, что бросилась в пучину, лишь бы не стать женой разбойника.

7. ДВА БРАТА-ВЕЛИКАНА

Давным-давно в пойме Вислы, недалеко от местечка Толкмицко, жил человек-великан по имени Свор. Был он такой высоченный, что головой доставал до верхушек сосен. Сосны же эти были могучие. А если поднимал он свои длинные руки, то казалось, будто машет крыльями ветряная мельница. Голова великана походила на копыту сена, а глаза горели, как два огненных шара. И носил он светлую бороду, длинную-длинную, словно то не борода была, а выбеленный холст, что крестьяне ткут на своих кроснах, а потом расстилают по росе. Бывало, крикнет великан, и по всей округе гремит эхо, подобное грому, наводит ужас на людей и животных.

Был у Свора брат Вильчей, очень на него похожий. Жил тот Вильчей по другую сторону поймы, возле селения Лысица, или, как его называли, Морской Источник.

Задумали однажды братья построить для себя жилье, огромные дома, под стать себе, чтобы могли они там поместиться: и встать и лечь. Много братья извели леса, пока их строили. Кузнец сковал им топор: пятеро нынешних мужиков с трудом бы его подняли. С одного удара топором этим можно свалить огромное дерево. Порешили братья, что топор они будут брать поочередно: сначала Свор Толкмицкий, потом Вильчей Лысицкий.

Рубит Свор себе деревья, разделяет их и, потрудившись вдоволь, берет топор на плечо, отправляется к краю поймы и кричит своему брату:

— Вильчей! Бери топор... Бросаю!

Вильчей, слышав его голос, похожий на звериный рев, подходил к берегу и отзывался:

— Слышу, давай!

Свор брал топор обеими руками и бросал его с такой силой, что тот со свистом пролетал через пойму и падал у ног Вильчея. Так и передавали они друг другу топор, пока строили себе жилища. Выдумкой своей братья были довольны. Один отдыхал, другой работал, и топор не лежал без дела.

Но как-то раз Вильчей то ли из упрямства, то ли по другой причине не захотел отдать топор брату, хотя Свор кричал во все горло и просил:

— Дай топор, он мне нужен.

Но Вильчей заупрямился:

— Не дам топора, у самого дело горит.

Видно, не терпелось ему поскорей закончить работу. Но Свору было не до шуток. Рассердился он на брата и заревел, аж холмы и леса задрожали, а бедные звери попрятались со страху в зарослях.

— Не дашь?.. Так я ж тебе покажу!

Схватил он огромный камень — такой и десяток мужиков не сдвинули бы с места. Поднял его, раскачал и, выкрикивая ругательства, швырнул на ту сторону поймы, где стоял Вильчей. И убил бы, наверное, своего брата или ранил бы, да только гладкий камень выскользнул у него из рук и упал в воду недалеко от того места, где стоял Свор.

По сей день лежит та глыба у берега и напоминает о том, как поссорились между собой братья-великаны.

8. УЖИ ВОЗЛЕ БЫТОВА

В давние времена на Поморье люди верили, будто ужи приносят счастье. Если поселились они где-нибудь возле жилья, а то и в самой хате, значит к добру: уберегут от беды. Потому-то за великий грех почиталось выгнать ужа из сарая или из дома, ударить его палкой или бросить камнем и — не дай бог — убить. Старались даже угождать этим тварям: подбрасывали в угол пучок соломы, чтоб было им где приютиться. А всякий раз, когда хозяйка доила корову, наливали молоко в черепушку и ставили для ужей, как нынче ставят для кошек. Стоило только гадам почувствовать запах свежего молока, как они вылезали из своих убежищ и бесшумно подползали к черепушке.

Не диво, что при таких обычаях развелась ужей тьма-тьмушая. Их можно было найти и в грудах камней и в снопах соломы, они забирались в хлев, а то и ползали в доме, прямо под ногами.

Но пришло время, народ перестал верить, что ужи — добрая примета. Стали гнать со двора непрошенных гостей. Теперь при виде ползучих тварей всякий испытывал отвращение. А там, где ужей расплодилось великое множество, люди стали подумывать, как бы от них избавиться.

Так оно было и на Незабышевской мельнице возле Бытова. Мельницу окружали дремучие леса, и ужей там гнезвилось видимо-невидимо. Всякий, кто проходил лесом, слышал, как в траве и кустарниках копошатся ползучие гады.

Больше всего нравилось им на самой мельнице в Незабышеве. Здесь ужи так освоились, что ни мельник, ни его помощники не могли с ними справиться. Не давали людям работать, да и только. Едва начинали молотить зерно, незваные гости подползали к мешкам с мукой и лакомились. А вечерами становилось жутко, когда они выползали из всех углов и наполняли все строение шорохами. Никто из приезжих не решался теперь ночевать на мельнице, да и те, кто там жил, были сыты по горло таким соседством.

Но вот однажды на мельницу пришел старик. Лицо в глубоких морщинах, а на плечи спадают длинные седые волосы. Шел он издалека и попросился переночевать. Рассказали гостю об ужах да о том, как страшно ночевать на мельнице, а старик и говорит:

— Не боюсь я ваших ужей, как-нибудь сумею с ними справиться.

А как услышал, сколько хлопот доставляют хозяевам гады, взялся увести ужей с мельницы.

По душе прищлись мельнику стариковы слова, и пообещал он гостю, что, как тот уведет ужей с мельницы, заплатит ему за это сто злотых.

После этого уговора начал старик приготовления. Отправился в лес, нашел там какое-то дерево. Была это черная бузина, да не простая, а волшебная. Срезал он ветку и сделал свирель. Пела та свирель на разные голоса.

Вернулся старик из лесу. И едва наступили сумерки, велел всем уйти из дому и спрятаться кому в сарае, кому в хлеву. А сам сел на табурет посреди мельницы и начал играть на свирели из черной бузины.

Много ли, мало ли прошло времени, а только в доме вдруг что-то зашуршало. Изо всех углов — из-под ящиков, из-под колес и лестниц — поползли скользкие серые гады. Они подползали к страннику и вставали, вытягиваясь на хвостах. Казалось, волшебника окружила клетка из живых прутьев. А он все играл и играл, будто выжидал чего-то...

Наконец случилось то, чего ждал старик. Показалась огромная голова, а за нею туловище толщиной с человеческую ногу и длиннее самого рослого мужика. Глаза чудовища горели огнем. А среди других ужей этот выделялся еще и тем, что на голове его была золотисто-желтая корона. Неторопливо и важно подполз он к старику и присоединился к своим собратьям.

Музыкант обливался потом, казалось, вот-вот лопнет от натуги, а играть не переставал. Теперь ему некого было ждать, но он не отрывал взгляда от ужей, а из свирели лились такие мающиеся, такие чарующие звуки и будто звали:

Все — и малый и большой, —
Все теперь за мной идите
В лес зеленый и густой;
Где родились, там живите.

Волшебник встал и не спеша пошел с мельницы прочь.

И — о, диво! Ужи поползли за ним, и впереди всех — самый большой. Человек продолжал играть и уходил все дальше и дальше к лесу. Это было невиданное шествие. Шел сторбленный седой старец, а за ним, как покорные собаки, двигались сотни ужей.

Лились нежные, тоскливые звуки. И волшебник, хотя едва не падал от усталости, не прерывал своей игры. Это в ней была властная сила, что гнала ползучих гадов и довела их до самых королевских лесов. Там они и остались.

С тех пор в Незабышеве не водится этой твари.

Старик потом так ослаб, что долго не мог оправиться. А как выздоровел, то мельник после такой удачи не только дал ему сто злотых, как обещал, а еще и торбу старикову набил всем, что могло пригодиться путнику в дороге.

9. ЛОСОСЬ И УГОРЬ

Недалеко от Пущка — там, где залив называют Малым Морем, благородный лосось повстречался с менее благородным угрем. И хотя они были совсем различны и по внешности и по характеру, было в них и нечто общее: и тот и другой мечтали о славе. Узнали рыбы друг друга поближе и сразу поняли, что жаждут одного и того же. И каждый стал тогда подумывать, как бы избавиться от соперника.

Лосось решил, что просто сожрет угря, и дело с концом, лишь бы случай подвернулся выполнить это намерение. Но точно так же порешил расправиться с врагом и угорь. Одно его смущало: сумеет ли он проглотить такую крупную рыбу? Лучше он сделает так: обовьет своим телом противника, соберет все силы и задушит его. Он ведь не какой-нибудь червяк — в длину семь футов, да семьдесят фунтов весу, и силушка в нем немалая.

Жили себе, жили в Пущком заливе лосось и угорь, а напасть друг на друга все не удавалось. Бывало, подстерегает один и вот-вот бросится на противника, но в

последний момент то передумает, то кто-нибудь третий появится и помешает.

Так вот и шло время.

Но однажды напал все же угорь на лосося. Обвился вокруг него и зажал как в тиски. Но не такая немощная рыба лосось, чтоб можно было придушить ее сразу. Началась борьба не на жизнь, а на смерть.

Видит угорь — нелегко ему одержать победу, обвился он вокруг лосося еще крепче, чтобы тот и проглотить ничего не мог, чтоб умер, значит, голодной смертью. «За мной-таки будет победа», — решил угорь.

Может, лосось и уступил бы более выносливому врагу, если б не один случай. Откуда ни возьмись, появилась лодка, а в ней лев с огромной мордой и мохнатой гривой. Тот самый, которого люди надумали поместить на гербе нового города Пуцка.

Увидел лев, как схватились две рыбы, и захотелось ему выручить лосося из беды. Но как? И тогда лев пустился на хитрость. Обратился он к угрю и говорит:

— Решили люди водрузить меня на гербовый щит, но ведь один я не займу на щите всего места. Хорошо, если бы возле меня поместилась какая-нибудь порядочная рыба. Да к тому же Пуцк — город рыбацкий. И если ты мечтаешь прославиться — а я полагаю, так оно и есть, — то, оказавшись рядом со мной на гербе столь важного города, ты и себе и всему своему роду снискал бы немалую честь.

Лестные, сладкие речи царственного зверя пришлись угрю по душе. Немного поразмыслив, он согласился отправиться в Пуцк вместе со львом. Высвободил лосося из своих железных объятий и поплыл за львом к городу. Теперь, когда лосось был на свободе, мудрый лев сказал угрю:

— Можно ли оставить лосося, такого слабого и исхудавшего? Нужно сначала вернуть ему прежнюю силу.

Угорь не противился: он и без того чувствовал себя победителем. И некоторое время лев, лосось и угорь все вместе жили в Малом Море. Лосось и впрямь стал красивым да сильным, как прежде. Но пока они жили втроем, лев понял, что угорь — существо сварливое и неприятное и что сдружиться с ним трудно. Зато благородный характер второго, его приветливость и общительность понравились льву. И вот, все обдумав, лев решил взять

и себе в товарищи не угря, а лосося. Да и правду сказать — коль уж за такое короткое время они с угрем не поладили, то можно ли им оставаться вместе на гербовом щите?

Пронирыливый угорь быстро смекнул, куда клонит лев. Он так вскипел, что его даже подбросило от возмущения. В ярости он стал угрожать и льву и лосося и даже опять попытался напасть на своего врага и придушить. Тогда лосось уговорил льва бежать. Так они и сделали.

Однажды, когда угорь был далеко, лосось посадил льва к себе на спину и они поплыли к берегу, к городу Пуцку. На берегу, почувствовав под собою твердую землю, лев принес лосося в город и втащил его на башню городской ратуши, где красовался гербовый щит.

Так возник герб города Пуцка. На щите его лосось, а чуть повыше — лев, его защитник.

А угорь, как узнал про пуцкий герб, как увидел эмблему, что возвышается над Малым Морем, от злости чуть не лишился рассудка. Стал очень задиристым и кровожадным. Пожирал всех рыб, какие водились в заливе, а тех, что не удавалось сожрать, преследовал и старался извести.

А потом так обнаглел, что и людям не давал покоя, выходил далеко на берег, заползал на чердаки и пугал народ. Правда, бесчинства его не могли продолжаться долго. Он ведь не мог жить без воды и волей-неволей должен был возвращаться к морю. Это были радостные дни для людей. А пришло время, угорь и вовсе сдох, и тогда все облегченно вздохнули. А льву и лосося никто уже отныне не мешает царствовать над городом Пуцком.

10. МОРСКИЕ ДЕВЫ

Когда-то, очень давно, на Балтийском побережье, в окрестностях Свиноуйся, как рассказывали старые люди, можно было встретить морских дев. До пояса они выглядели как женщины. У них были лица необыкновенной красоты, длинные волосы, выпуклые груди, точеные руки. А ниже пояса тело их было покрыто чешуей и заканчива-

лось хвостом, как у рыб. Отсюда и название их: морские девы, или русалки.

Морские девы появлялись в одиночку, либо группами. Чаще всего их можно было увидеть, когда светило и грело солнце. Они выходили из моря, ложились на песок и расчесывали свои волосы. Случалось, что они подплывали к лодке или судну и с любопытством присматривались к находящимся там предметам. Но больше всего их интересовали люди. Иногда они даже забирались на палубу корабля и, осмотревшись вокруг, прыгали обратно в море. Некоторые рыбаки рассказывали, что морские девы переворачивали находившиеся в открытом море лодки, а рыбаков втаскивали в смертоносную пучину.

Как-то раз молодой рыбак вышел один в море и направился к отдаленному от берега месту. Он знал, что там есть богатые косяки рыбы. Греб себе спокойно и вдруг, к своему удивлению, по правому борту увидел женщину с пышными распущенными волосами и блестящими зелеными глазами. Повачалу он подумал, что ему просто померещилось, даже протер глаза и посмотрел еще раз. Женщина не исчезала. Теперь уже он не сомневался, что рядом с его лодкой плывет морская дева. Пораженный ее видом и очень заинтересовавшись ею, молодой рыбак подумал про себя: «Выходит, правда, что говорил дед. Морские девы и впрямь есть на свете и плавают в море».

От волнения сердце его стало биться сильнее, дыхание участилось. Он не мог оторвать глаз от ее прекрасного лица, от ее пышных волос. С большим трудом утихомирив он kloкочущие в нем чувства, призвал всю свою смелость и спросил плывущую около него морскую деву:

— Кто ты?

Морская дева не отвечала. Она плыла дальше, разрезая волны узкими плечами, а своими зелеными глазами продолжала всматриваться в молодого рыбака. И он не отрывал глаз от нее. Так молча плыли они рядом. Через некоторое время рыбак опять спросил:

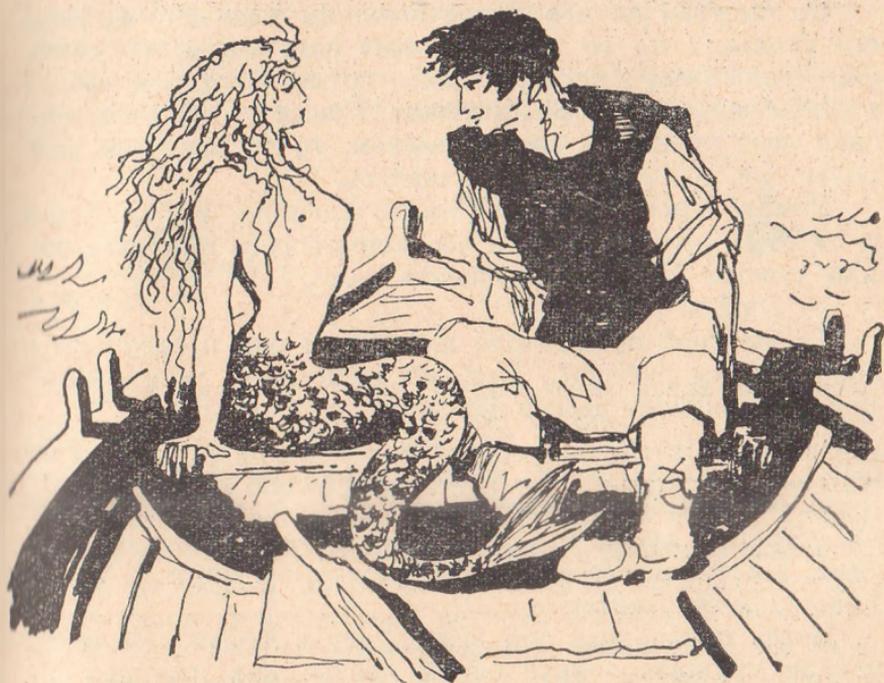
— Куда ты плывешь?

На этот раз он услышал нежный, как легкое дуновение ветра, голос:

— В море.

— А где ты живешь?

— В море.

Так состоялось знакомство. Рыбак окончательно убедился, что видит перед собою настоящую морскую деву, потому что ни один человек в море жить не может.

Чем больше смотрел он на деву, тем сильнее разгоралось в нем желание втащить ее в лодку и отвезти домой. При виде красивой женщины в нем взыграла кровь, он жаждал схватить ее в объятия и овладеть ею навсегда. Принялся мечтать, тешить себя надеждами, что с этим очаровательным существом начнет новую, прекрасную жизнь. Морская дева, видно, догадывалась, что происходит в душе юноши, и своим поведением, может быть сознательно, разжигала его страсть. Она приблизилась к лодке и руками схватилась за борт.

— Устала? — спросил рыбак.

Она в ответ кивнула головой.

— Влезай в лодку. Отдохни.

Он помог ей выбраться из воды, а это оказалось нелегким делом: ведь вместо ног у нее был хвост. Лодка сильно закачалась; но в конце концов морская дева оказалась в ней, уселась на скамейку и принялась опять с большим любопытством разглядывать рыбака.

Он смотрел на нее с еще большим удивлением. Взор его скользил по ее распущенным волосам, серебряным, как лунный свет, колыхающейся груди и останавливался на перламутровом рыбьем хвосте. Время от времени морская дева шевелила своим хвостом, то ли выражая удовольствие, то ли просто обмахиваясь.

Рыбак и дева провели немало времени, разговаривая и любясь друг другом, и оба испытывали необыкновенные чувства. И вот послышались слова:

— Люблю тебя.

То ли море прошептало их? То ли они прозвучали в воображении рыбака?.. Нет, их вымолвили уста рыбака под впечатлением доселе неведомых ему чувств.

Юноша сел рядом с морской девой, забыл про ловлю рыбы, перестал грести, весла сложил на дне лодки — пусть она плывет по воле волн. Так их застал вечер, так их встретил месяц и ошлеп своими таинственными нитями, расстилая сверкающую дорожку, бегущую от лодки к далеким горизонтам.

Когда признались они друг другу в любви, мысли их начали кружить вокруг одной мечты: как продлить на всю жизнь минуты, проведенные в лодке... Тихим, взволнованным голосом рыбак спросил ее:

— Могла бы ты прийти в мой дом и жить в нем?

— Это невозможно, — ответила она. — Я не умею ходить, умею только плавать. Я не могу жить без моря, без него для меня — смерть.

— Что же нам делать? — спросил опечаленный рыбак.

Морская дева прошептала:

— Если я не могу прийти к тебе, так приди ко мне ты. Тогда мы будем вместе всю жизнь.

И прежде чем он успел что-либо сказать, сообразить, морская дева, не выпуская его из объятий, перегнулась через борт и увлекла в морскую глубь. Сейчас же вокруг появились льняные головы других дев, которые запели гимн любви...

Пустая, подгоняемая морским течением лодка рыбака прибилась к берегу. Люди удивлялись: весла на месте, а рыбака нет. Испуганно спрашивали они друг друга:

— Где он? Что с ним случилось? Где его искать?

Никто не смог ответить. Море умело хранить свои тайны. Люди могли только строить догадки... Лишь один

трисущийся от старости дед сказал уверенно, не допускающим возражений тоном:

— Я вам говорю: морские девы затащили его в море. Он стал одной из жертв, которых время от времени требует от нас море.

II. БЕССЕРДЕЧНАЯ КНЯЖНА

В Вежбне над озером Медве стоял когда-то богатый замок. Издалека видна была его башня. Жила в том замке княжна, а вместе с нею придворные, служанки и слуги. Княжна была гордая, высокомерная, а если и разжимала губы, так разве только для того, чтобы отдать строгое, зачастую трудно выполнимое распоряжение. Улыбка никогда не играла на ее устах. Любила она подчеркнуть свою власть и роскошью, которой постоянно себя окружала. Она носила дорогие платья, покои ее были великолепно отделаны, сервировка стола поражала изысканностью и богатством.

В покоях были расстелены пушистые шкуры медведей и зубров, на стенах висели огромные рога тура, лося и оленя, столы покрывали сверкающие ткани и тонкие вышивки, а вдоль стен стояли резные и лаковые ларцы. В них хранились драгоценные ткани, бусы из золотистого янтаря или синего и зеленого стекла, а также золотые и серебряные изделия.

Княжна не довольствовалась прекрасным поморским янтарем. Она требовала заграничных украшений. Выписывала филигрань, которую носила на шее как подвески, или замысловатые серьги в виде виноградной кисти, корзинки либо звезды.

В ларцах сверкали широкие, мастерски выкованные из золота или серебра пояса, диадемы. И все это поражало такой легкостью и тонкостью, что казалось сделанным не из металла, а из пуха. Не удивительно, что женщины, рассматривая эти сокровища, не могли удержаться от возгласов восхищения.

В замке было вдоволь всякой всячины, особенно съестного. Амбары ломились от хлеба, который крестьяне свозили

после каждой жатвы. В кладовых громоздились туши мяса и свинины — обязательная дань соседних сел. В обширных подвалах рядами стояли бочки, наполненные сельдью, а почему именно сельдью — скоро узнаете.

Княжна была очень требовательной не только в одежде, но и в еде. Служанкам приходилось немало мозолить руки, чтобы одеть свою хозяйку, и случалось, оскорбленные ею из-за пустяка, они горько плакали. И повар дрожа входил в ее комнату. Отвесив глубокий поклон, он спрашивал испуганным голосом:

— Что ваша светлость изволит сегодня кушать на обед?

— Сегодня хочу глухаря.

— В кладовой, ваша светлость, глухарей нет.

— Почему? — резко спрашивала княжна. — Неужели я не в силах добиться того, чтобы в моем замке было все, чего я пожелаю?

— Ваша светлость, — повар сгибался в еще более низком поклоне, — глухарей сейчас никто не может поймать.

— Не может?.. Позвать ко мне ловчего.

Когда и ловчий заверял ее, что глухарей можно подстрелить только весной, когда они токуют, разгневанная княжна приказывала сквозь зубы:

— Дайте мне лосиную печень.

И горе поварам и ловчим, если они не исполняли и этого желания!..

По вечерам правительница употребляла только легко перевариваемую пищу и чаще всего... не угадаете... икру и молоку сельди. Пополудни повар приходил к ней спокойный и, заранее угадывая желание княжны, спрашивал с улыбкой:

— Что ваша светлость изволит кушать на ужин?

— Дашь мне калач, икру и молоку.

Так ужинали ежедневно она и весь двор, за исключением тех дней, когда в замок прибывали гости, а это случалось редко. Поэтому в подвалах всегда стояли сотни бочек с сельдью. Из нескольких десятков штук добывались икра и молока, чтобы хватило для княжны и ее придворных дам: они должны были кушать то, что и их повелительница, хотя в душе часто на это сетовали. Выпотрошенные сельди укладывали обратно в бочки,

их использовали изредка, чтобы накормить слуг или собак.

Спусти несколько лет во всей округе настал голод. Оговсюду шли разговоры о неурожае. Голодали и пригородные крестьяне Вежбня, особенно перед новой жатвой. Обычно урожая хватало до весны, по крайней мере настолько, чтобы печь блины и варить похлебку с клецками, а часть хлеба крестьяне меняли на сельдь. Засоленной или засушенной ее хватало на целую зиму. Этот же год не сулил крестьянам ничего хорошего: несмотря на строжайшую экономию, запасы хлеба кончились еще зимою, не было и сельди.

Пришла голодная пора. Люди посматривали друг на друга, шептались про себя:

— Нечего положить на зуб, даже детям нет ни куска хлеба. Что делать? Что-то будет с нами?

Когда в мучных ларях показалось дно, беспокойство достигло своего предела. Крестьяне, сжимая кулаки, собрались на мирскую сходку. Ее начал старец Влих. Он сказал дрожащим голосом:

— Вы все знаете, что последние хлеба были плохие, пустые уже на корню. В редкую халупу не заглянул голод. Каждый в отдельности ничем себе не поможет, надо действовать всем миром. Теперь скажите честно, в чьей халупе есть что-нибудь из еды. Мы бы тогда могли спасти самых бедных, которые совсем ослабли.

Оказалось, однако, что во всей деревушке ни у кого не было столько зерна или муки, чтобы поделиться с соседом. Сказали это все, и все говорили правду.

— Да, всех беда скрутила, — заявил Влих.

Крестьяне убедились, что сами они своему горю не помогут. После долгих разговоров один из стариков посоветовал:

— Нужно кого-нибудь попросить о помощи, иначе пропадем.

— Но кого, — спрашивали люди, — кого?

И решили:

— Пойдем к княжне, может, она как-нибудь нас поддержит.

Но тут же многие засомневались — ведь все хорошо се знали. Влих сказал:

— Уж больно горда. Неизвестно, примет ли еще нас, выслушает ли. Все же говорят: это дьяволица.

— Нужно все-таки попробовать, — отвечали другие. — Может, чего и добьемся.

Порешили послать ходоков деревни во главе с Влихом к хозяйке замка. Когда согбенные, одетые в худые сермяги фигуры приблизились к крепостным стенам, стражник на башне начал трубить в рог, а оруженосец помчался к воротам посмотреть, что там такое, повернулся и бегом к повелительнице с сообщением:

— К замку идут крестьяне. Впустить их?

Княжна удивилась. Неслыханное дело — никем не званные мужики приходят толпой, как будто намереваясь чего-то требовать.

— Крестьяне, говоришь?.. А что им надо?.. Хотя, впрочем, все равно, пусть себе сунутся.

Подняли железную решетку, крестьяне прошли во двор и вскоре оказались перед княжной. Холодным взглядом окинула она склонившиеся фигуры, изможденные лица, по ни словом, ни жестом не дала знать, что можно начинать говорить. Стояла словно каменное изваяние. Крестьяне приветствовали ее глубоким поклоном, потом вперед вышел старый Влих и так объяснил цель посольства:

— Мы пришли, почтенная правительница, чтобы просить вас о помощи. Нашим бабам уже нечего положить в горшок. Мы голодаем, смилуйтесь над нами, дайте хоть немного муки либо несколько бочек сельди, что стоят в подвалах.

Во время всей речи Влиха красивое лицо правительницы не дрогнуло. Лишь когда он упомянул о сельдяных бочках, по челу ее пробежала тень недовольства. Она подумала: «Что ж это такое — мужичье лезет в мои дела?.. Каковы! Ну, погодите же!»

Когда Влих закончил, княжна окинула собравшихся ненавидящим взглядом и сказала:

— Вы не только пренебрегаете своими обязанностями и не приносите мне десятую часть урожая и скота, а еще смеете приходиться с требованием, чтобы я снабдила вас пищей? Не дождетесь, ничего я вам не дам. Вон отсюда!

А когда крестьяне в своих серых сермягах, тиская в руках шапки, беспомощные, убитые ее словами, чуть замешкались с выходом, княжна крикнула слуг и приказала вытолкать мужиков силой. Они потянулись к воротам. Привыкшие к смирению и покорности крестьяне молчали, но в их сердцах клокотал бунт. Они мысленно слали ей

проклятия, а некоторые даже шептали, чтобы стража не услышала:

— Дьяволица.

Правительница с издевательской усмешкой наблюдала за уходящими. И чтобы обезопасить себя от всяких искусов жалости и милосердия, крикнула слуге:

— Запряжешь в большую телегу двух лошадей, нагрузишь ее вместе с оруженосцем бочками с сельдью, той, что без икры, отвезешь их на озеро Медве и там утопишь.

Послушные слуги выполнили приказ своей хозяйки. Бочки с сельдью были утоплены в озере. Поверхность воды заволновалась, принимая то, что могло бы накормить многих голодающих, потом волны исчезли. Но весть об этом страшном злодеянии разошлась среди людей. Голодавшие крестьяне стали громко и открыто проклинать княжну:

— Бессердечная женщина, недостойная того, чтобы ее носила святая земля!

Узнав об этих речах, княжна начала поносить крестьян перед своей дворней:

— Пусть проклинают сколько им влезет. Им захотелось княжеской пищи. Как же! Ничего не получают. Все повелю уничтожить, но им не дам ничего!

И дабы доказать, что она действительно насмехается над крестьянской нуждой, как-то ночью велела она слугам посыпать солью деревенскую дорогу. Казалось, будто выпал снег. А поутру поехала по этой дороге на саних, запряженных лошадьми, у которых сбруя была украшена не только бубенцами, но и калачами. Люди, видя в саних злорадно улыбающуюся княжну, калачи, развешанные на конской упряжи, — все это вызывающее расточительство, вспылали ненавистью и, уже не боясь мести, открыто бросали ей вслед проклятия и угрожали кулаками.

Заслуженное возмездие не заставило себя ждать. Когда после этой поездки княжна возвращалась в замок, довольная, что отомстила крестьянам, вдруг что-то загремело и молния с ясного неба ударила в сани, убила княжну и обвешанных калачами лошадей. А замок со всем, что в нем находилось, провалился под землю.

12. ЗАМОК ПОД КОРНЕ

К северу от деревни Корне, над озером Длуге, где впадает в него речка Вонска, стоял когда-то величественный замок. Владел этим замком рыцарь, что должен был охранять от врагов и замок и жителей. Но был он так жаден на добычу, что и сам устраивал разбойничьи набеги. Да при этом не только чужих грабил, но и со своих готов был содрать шкуру, лишь бы пожитья.

Выжимал он соки из крестьян, живущих в деревне у замка. Мужики жаловались, что слишком часто приходится ходить на отработки, да еще поставлять подводы, платить большие подати, что слуги из замка только и смотрят, как бы еще что-нибудь забрать из хаты.

Пап богател все больше и больше, в погребах замка копил драгоценности, съестные припасы и оружие. Когда не бывал в походе, то бездельничал и развлекался. В замок съезжались гости, и начинались попойки. В деревне слышали, как гуляют в замке, люди качали головами и говорили друг другу:

— Опять веселятся. Должно, скоро новые подати сдирать будут.

И впрямь, нередко случалось, по приказу пана слуги его врывались в деревню и забирали корову или теленка, чтоб гостей попотчевать свежим мясом. Тут уж не спрашивали, заплатил ты подати или нет, а просто хватали все, что им попадало под руку.

Однажды трое обозников ворвались в хлев и увели у бедной вдовы корову, а было в той корове все вдовье богатство. Как увидела это женщина, закричала не своим голосом. Услышали люди, сбежались на крик, и хоть каждый в гневе сжимал кулаки, никто и голосу не смел подать. А слугам что за дело до вдовьих слез. Оттолкнули старуху и повели корову в замок. Бросилась женщина за ними. Бежит, кричит:

— Сердца у вас нет! Грабители вы! Была-то у меня одна корова, и ту забрали. Пойду пану пожалуюсь. Авось сжалятся, отдаст Лацятую.

Запахавшись, вбежала она в зал, где пировал рыцарь со своими гостями. Оторопела женщина, как увидела длинный стол с богатыми яствами, а за ним людей вели-

кое множество. Повернулись к ней, смотрят на бабу и смеются, издеваются. Не по себе ей стало, да только вспомнила вдова про свое горе, собралась с духом, подошла к хозяину и, сложив руки как для молитвы, стала просить его:

— Пан, забрали твои слуги у меня корову, кормилицу мою. Сжался над бедной вдовой. Чем буду жить? Отдай мне корову.

Глядят на нее гости и никак понять не могут, что привело сюда эту оборванку, как посмела она среди них появиться. А поняв, в чем дело, разразились хохотом. Хозяин же замка только поморщился, махнул рукой и заметил небрежно:

— Корова... Должно быть, в котле варится. Ты же видишь, женщина, сколько нас тут за столом.

Еще громче засмеялись гости, а один из них, передразнивая вдову, совсем по-бабьи проголосил:

— Пан, отдай мне корову...

Он так потешно изобразил ее, что гости чуть не попадали со смеху.

С трудом удержалась бедная от слез. Поняла она, что просьбами тут ничего не добьешься... Тогда женщина выпрямилась, глаза ее загорелись огнем, и, указав на гостей, она крикнула:

— Будьте прокляты все, кто тут есть! Да поглотит вас святая земля!

Но и эти слова были встречены смехом. Кое-кому, правда, стало не по себе от страшного проклятия. И тут вдруг, едва женщина вышла со двора, замок зашатался и с треском провалился под землю, а с ним все, кто там был.

Увидела вдова такое чудо, перепугалась до смерти и что было духу пустилась бежать.

Но на этом история не кончается. Иногда из замка, погребенного под землей, выходит панна, пятнадцатилетняя дочка рыцаря. Бывает это в воскресенье, утром. Уже не раз видели ее люди из Корне. Одета в белое платьице, бледная и печальная, бродит она над озером, оглядывается по сторонам, будто ищет чего-то, а то, склонившись над ручьем, засучив рукава, стирает белье.

Ходила среди людей молва, что панна была в замке, когда провалился он сквозь землю. Но ведь дочь не при-

частна к бесчинствам отца, вот она и не погибла, а живет в погребенном замке и изредка выходит оттуда.

Как-то раз красивый и статный парень пас скотину на том месте, где стоял замок. Лежал он на земле и любовался восходящим солнцем. Вдруг видит: прекрасная панна собирает землянику. Удивился хлопец: откуда взялась эта красавица? Любопытно ему стало, подошел к девушке и говорит:

— Бог в помощь.

А та обернулась к нему так приветливо, и на ее бледном лице, как солнечный лучик, блеснула радость. Заговорили они, и панна рассказала юноше, что она та самая девушка из заколдованного замка. И добавила:

— Ты можешь спасти меня и весь замок, взять оттуда все сокровища, если выполнишь одно условие.

— Какое? — с любопытством спросил парень. — Что я должен сделать?

— А должен ты перенести меня через реку Вонску, да только, упаси тебя бог, не вздумай оглянуться.

Парень охотно согласился исполнить ее просьбу, очень уж понравилась ему панна, да к тому же и условие показалось не трудным. Взял он девушку на руки и направился к речке.

Едва тронулся с места, как стали мерещиться ему чудища разные, звери страшные и птицы невиданные. Каждый поровил схватить его за штаны, уцепиться за ногу; чудища вставали перед ним и загораживали дорогу. Но парень не обращал на них внимания, а все шагал и шагал вперед. Вдруг видит: поднимается из-под земли замок и растет сажень за саженью. Уж и башенный колокол начал звонить. И тут какое-то чудовище возьми да и сорви с его головы шляпу, а шляпа-то была новехонькая, отец в Костежине на празднике купил. Жалко стало шляпы, обернулся парень, чтобы посмотреть, куда она подевалась, и в тот же миг упала панна в воду, только и слышно было, как простонала жалобно:

— О, горе мне, горе... Еще сто лет жить мне под землюю.

Панна пропала, а замок снова провалился под землю.

11. КОНЬ-ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

В языческие времена в Волине было целых четыре капища, или храма. Эти храмы были посвящены богу с тремя головами — Триглаву. Стены храмов и снаружи и изнутри были украшены искусными изображениями людей, зверей и птиц, написанными так похоже и умело, что они казались живыми. И краски на них держались так прочно, что ни снег, ни дождь не могли их смыть или повредить потускнеть.

Посередине капищ стояли столы со скамьями, здесь происходили торжественные собрания, на которых обсуждались дела, важные для всех жителей города. А на самом почетном месте красовалась статуя Триглава высотой больше человеческого роста, с тремя головами и тремя лицами.

В одном из этих храмов, в особой пристройке, поместили коня. Он должен был стать предсказателем. Для этого важного дела выбрали ладного и сильного Сивку, с пышной гривой и быстрыми глазами. А ходить за ним приставили старого жреца. Жрецу по сердцу пришелся подопечный. Старик часто заглядывал в конюшню, подкладывал ему то сена, то овса, нежно похлопывал коня по спине, говорил с ним. Сивка скоро стал узнавать друга, встречал его ржанием и, ласкаясь, терся лбом о плечо жреца. От заботливого ухода конь раздобрел, шерсть его начала лосниться и отливать серебром, глаза смотрели умно и весело.

Свою важную и необычную роль Сивка исполнял во время особого обряда. На земле перед конем клали девять копий, одно возле другого на расстоянии локтя. Затем старый жрец проводил Сивку через эти копыя. И если конь проходил, не коснувшись копытом ни одного копыя, это принималось как доброе предзнаменование; если же хоть одно копые было задето, это считалось дурным знаком.

Вначале, по настоянию главного жреца капища, Сивка использовался для предсказаний только в самых важных случаях, которые волновали весь народ. Он предсказывал, например, какую ждуть зиму — суровую или мягкую, хороший или плохой будет урожай, можно ли начинать войну или лучше с ней повременить... Но потом,

однако, вошло в обычай, что старый жрец за мешок овса позволял коню предсказывать будущее и семьям и даже отдельным людям. Так, Сивке не раз приходилось решать, выходить ли замуж дочке ремесленника и отправляться ли кушцу за товарами...

Иначе говоря, четверногий обитатель пристройки капища отвечал теперь на любой вопрос, с которым к нему обращались. На его копыта, ступающие между разложенными копьями, с нетерпеливым ожиданием смотрел и отец, выдающий дочку замуж, и купец, собиравшийся за море, и представитель власти города, готовящегося к войне.

Чувствовал ли Сивка, какая он важная персона в жизни города и всех его обитателей, сказать трудно. Но зато жрец, ходивший за конем, наверняка понимал его значение и гордился своей ролью. Иногда он говорил служителям капища:

— Сивка — священный конь, он послан самим Триглавом. Это по указанию божества он говорит «да» или «нет». Сам Триглав вещает через него.

Со временем Сивка набрался сноровки — ведь ему приходилось ступать через коня по нескольку раз в неделю. Он научился ходить осторожно и все реже задевал ногами древка копий. Конь сделался добрым провидцем, несчастливые предсказания случались очень редко, и от этого Сивка пользовался еще большим уважением жителей Волина. И он ни в чем не знал недостатка: каждый нес ему что-нибудь повкуснее.

Но вот однажды в городе появились миссионеры-христиане. Сила была на их стороне, и они смело принялись за дело. Жрецов — и тех склоняли отречься от своего божества. А в доказательство того, что Триглав — всего лишь деревянный идол, миссионеры опрокинули его статую, отсекали все три головы и отослали их своим начальникам как свидетельство того, что на Поморье новая вера одерживает верх. Большинство жрецов согласилось на крещение, рассудив так:

— Раз Триглав допустил поругание наших капищ — значит, кончилась его власть.

Верность старому богу сохранил один только жрец, ходивший за конем. Он остался глух ко всем речам миссионеров. Не поддался он и на уговоры жрецов, изменивших своему языческому богу. Он отвечал им:

— Всю жизнь служил я Триглаву и буду ему верен до самой смерти.

Лишь одна забота угнетала сердце старика, и, набравшись смелости, он как-то раз обратился к миссионерам:

— А что будет с Сивкой-предсказателем?

— Его мы продадим, — ответили они.

Услышав это, старик пошатнулся: он любил своего бога и любил Сивку. С той поры жрец сделался сам не свой. Все время думал об одном: о боге Триглаве и о том, что будет со священным конем Сивкой... Раз ночью он не мог заснуть. Вся жизнь прошла перед его глазами, а Сивку он видел так ясно, словно тот стоял у постели. И вспомнил старик ту минуту, когда в каплице привели молоденького жеребенка. Пугливый и неуклюжий, он не умел ходить между копытами, то и дело задевал их копытом. А потом привык и научился обходить острия. Казалось, он понимал, чего от него хотят, и старался хорошо выполнить свою роль, к удовольствию тех, кто приходил воровать.

А теперь? Неужели теперь этот чудесный, мудрый конь, священный конь Триглава будет продан, как обыкновенная скотина? При этой мысли сердце жреца разрывалось от горя. Утром старика нашли мертвым.

А Сивку в самом деле продали в деревню мужику. И конь, бывший некогда предсказателем, превратился в помощника хлебопашца: он послушно тянул плуг и борону, перевозил скошенный хлеб и зерно, к радости своего нового хозяина.

Одна привычка осталась у него от былых времен: ходил он всегда с большой осторожностью и никогда не ступал ногою на палку или ветвь, лежащую на его дороге.

14. ЧАСЫ МАРИАЦКОГО КОСТЕЛА

Во второй половине XV века в городе Гданьске жил умелец Ян, который славился среди людей как отличный часовых дел мастер. Любую работу, пусть самую трудную, выполнял он так, что заказчик нахвалиться не мог.

Однажды городская рада решила сделать такие часы, чтобы стали они и украшением Мариацкого костела и свидетельством богатства города. А Гданьск при короле польском Казимире Ягеллоне процветал и развивался.

Старейшинам хотелось, чтобы часы эти достойно представили культуру, которой так гордился приморский город. И чтоб восторгались ими не только местные жители, но и приезжие тоже.

Сделать такие часы поручили мастеру Яну. Обсудил он это дело со старейшинами и принялся за работу. В голове умельца рождались большие замыслы и воодушевляли его. Новые часы должны были показывать не только дни и часы, но и отмечать астрономические явления. А астрономия занимала тогда многих жителей города.

Шесть лет трудился над часами мастер. Все свои мечты воплотил в ожившем механизме. Устал от тяжелого труда, но в 1470 году, к празднику зелени, часы были установлены на башне Мариацкого костела.

В костеле собралась городская рада, пришли знатные горожане; прославленный мастер показал им свое детище. И объяснил, как действуют часы.

Дивились все мастерству Яна и его неслыханному терпению, какое понадобилось, чтоб создать такой сложный механизм.

Чего там только не было! Не только день, час и минуту по этим часам можно было определить, но час восхода и захода луны и солнца, время года, дни праздников и, уж чего никто не ожидал, расположение звезд, для каждого дня свое. Были тут и другие фокусы. Когда часы били, один из апостолов выходил на площадку перед циферблатом и шагал по ней из одного конца в другой. Апостолы сменяли друг друга каждый час.

А еще там появлялись фигуры Адама и Евы. Каждый час они тянули за шнур, и молоточек, привязанный к нему, ударяя в колокол, вызванивал время.

Люди не могли надивиться невиданному доселе творению. Слава о мастере разлетелась по всей Польше и всей Европе. Другие города завидовали новому украшению Гданьска и старались для себя заполучить нечто подобное. Нет-нет да и наведаются к Яну то из одного, то из другого города, и все уговаривают его сделать для них такие же часы. Но мастер-гданьчанин отказывал им: не хотел, чтобы у гданьских часов появился соперник.

Но однажды обратился к нему бургомистр богатого ганзейского города Любека и посулил небывало щедрую награду. Мастер Ян согласился. Мог ли он тогда знать, чем все это кончится?

Астрономические часы на костельной башне были гордостью гданьских старейшин. Они величаво красовались над городом. И старейшинам хотелось, чтобы других таких часов не было не только в Польше, но и во всем мире. Рада приказала потихоньку следить за мастером, вовремя разузнать о его намерениях и в случае чего помешать его новой работе, дабы не преуменьшить славы Гданьска.

А потому, как только городская рада узнала о договоре Яна с городом Любеком, бургомистр созвал членов рады. Долго продолжался совет: каждый из старейшин хотел сказать свое слово. Все они жаждали любой ценой помешать договору между Яном и Любеком. А чтобы впредь не случилось такого, Гданьская городская рада приняла решение, а исполнить его поручила бургомистру.

Бургомистр приказал Яну явиться в городскую ратушу. Пристально посмотрел он на прославленного мастера и спросил:

— Правда ли, мастер, что пообещал ты городу Любеку смастерить такие же часы, как наши, гданьские?

Удивился мастер такому вопросу, но, не предвидя ничего дурного, ответил:

— Да, обещал. И еду теперь в Любек, чтобы сделать там такие часы, как наши.

— Ты не сделаешь этого, — резко прервал его бургомистр. — Ты не сделаешь таких часов.

От слов этих тревожно стало на душе у Яна. Он спросил:

— Почему же, пан бургомистр, я не могу сделать того, что посулил? На то же я и часовых дел мастер, чтобы часы собирать.

Но бургомистр и слушать не хотел прославленного умельца. Он провозгласил решение городской рады. А было оно таково:

«Чтобы ни для Любека, ни для другого города мастер Ян не сделал таких часов, как в городе Гданьске, следует его ослепить».

Ужас охватил несчастного мастера. Казалось ему, что все это неправда, что произошло какое-то страшное недоразумение и советники просто хотят его запугать, чтоб не делал он часов для Любека. Думая, что нашел ту соломинку, за которую можно ухватиться, он сказал:

— Как же так? Ослепить меня! Ведь я не совершил никакого преступления. А если городская рада не желает, я не стану делать часов для Любека.

Но бургомистр был неумолим. Ничего не ответил он Яну, только подвел прославленного мастера к окну и, указав на башню Мариацкого костела, сказал:

— Посмотри на этот город... Ты видишь его в последний раз.

Мастер упал перед бургомистром на колени и стал умолять:

— Сжальтесь над моей женой и детьми. Кляпуюсь всеми святыми... никогда не сделаю часов для Любека.

Но отчаянные мольбы несчастного не тронули бургомистра. Отворив двери в соседнюю комнату, он кликнул палача и его помощников. А те уж были наготове и ждали.

— Выполняйте решение городской рады, — приказал им бургомистр.

Бросились палачи на мастера и ослепили его. Искалеченного, истекающего кровью, отвели его домой и отдали в руки перепуганных родственников.

Городская рада, желая как-нибудь загладить свой бесчеловечный поступок, назначила Яну ежегодную ренту. Горько усмехнулся он, узнав об этом.

— Что мне в этой подачке?

У мастера отняли его ремесло, не собирать ему больше часов, которые вызывают у людей восхищение. Нет у него больше радости в жизни. Милостыня советников была для него лишь насмешкой. Но отказаться от нее он не мог: надо было кормить семью. От этого еще тяжелее было на сердце. День и ночь думал слепой, как отомстить за страшную обиду. Такого случая не было, но мастер ждал его и ждал терпеливо.

Внимательно, в каком-то болезненном напряжении прислушивался он к звукам на Мариаккой башне, где красовалось его детище. Иногда сын провожал слепого мастера к башне и объяснял:

— Сейчас Адам и Ева тянут за шнур. А теперь идет апостол. Вот опять ушел...

А отец, считая удары колокола, пояснял мальчику, какой это был апостол. Он очень хорошо помнил, как расставил их в хороводе двенадцати часов.

Однажды отец с сыном стояли возле башни и ждали, когда ударит колокол. Но колокол почему-то молчал.

Мальчик забеспокоился:

— Татусь, уже четыре часа, а Адам и Ева все не хотят тянуть шнур. Что это с ними приключилось?

— Не знаю, дитя мое. Может, еще надумают. Подождем немного.

Но Адам и Ева не потянули за шнур, апостол не вышел, часы молчали.

Тогда мастер Ян сказал сыну:

— Посмотри-ка, сынок, на циферблат и скажи мне, движутся на нем стрелки или стоят.

Мальчик внимательно посмотрел на часы и вдруг закричал:

— Татусь... стоят! Ни одна стрелка не шелохнется.

И тут будто яркий луч света озарил мрачное лицо слепого. Буря поднялась в его душе. Он не мог сдержать свое волнение и едва слышно произнес:

— Вот он, счастливый день в моей жизни.

— Татусь, что ты говоришь такое?

— Ничего, дитя мое, я говорю: часы стоят.

То, что часы остановились, взволновало жителей города. И особенно это обеспокоило городских советников. Все с тревогой спрашивали:

— Что это значит? Неужто часы в самом деле испортились?

Бургомистр тут же послал к одному из лучших мастеров, и тот поспешил на Мариакскую башню. Но сколько ни копался в часах, так и не мог сказать, что с ними случилось. Привели второго и третьего. И никто из них не сумел наладить часов. Не оставалось ничего другого, как обратиться к их создателю.

Мастер Ян не отказался посмотреть часы. Наоборот, он очень охотно согласился подняться на башню. Долго ощупывал старик пальцами части сложного механизма — пружинки, колесики, цепочки и винтики — так, будто хотел приласкать их, натешиться ими.

Бургомистр и двое советников стояли тут же на башне, внимательно следя за каждым движением мастера, — им не терпелось узнать, есть ли надежда, что часы можно исправить.

Но вот наступил момент, когда слепой произнес:

— Я знаю, что здесь испортилось. И он вынул из кармана щипцы. Некоторое время он возился с часами, что-то скреплял, прикручивал ослабевшие части, и вдруг часы пробили четыре часа, на которых остановились.

Когда Адам и Ева потянули за шнур и появился апостол, радостный крик вырвался у всех, кто был на башне.

Но эта радость тяжестью легла на сердце Яна. Услышал он, как веселится бургомистр, и у него от гнева встал комок в горле, а лицо вдруг стало нервно подергиваться. Душа мастера взбунтовалась.

И вот тогда он подошел к циферблату, охватил его руками и, собрав все силы, резко повернул в обратную сторону. В часах тут же все перемешалось, раздался треск, скрежет, колесики напоззли друг на друга, цепи перервались — часы остановились.

Сломав часы и насладившись ужасом, который охватил бургомистра и советников, мастер Ян подошел к краю балкона, схватился за перила и, прежде чем кто-

либо успел разгадать его намерение, бросился с высокой башни.

Так отомстил мастер за обиду. Часов уже никто не смог починить. Долго еще стояли фигуры Адама и Евы и держали в руках шнур, но уже никогда больше его не тнули. А потом остался один циферблат со стрелками, но были они неподвижны и никогда более не показывали время.

15. ЛИПНИЦА

Шел Казимир Великий с войском из Бохнии и пришел в тому месту, где теперь расположена Липница. А в те времена стояло там всего лишь несколько домов да росла громадная липа. Поднял король меч и вонзил в дерево.

— Вот так липа! — сказал он.

С той поры и стало местечко называться Липницей, а в гербе его красуется липа, пронзенная мечом.

16. КАК ЗАКРЫЛИ МОНАСТЫРЬ В ВИСНИЧЕ

Висницкий монастырь для своего костела частенько шил новые ризы, а остатки парчи приор отдавал экономке на корсажи. Увидал это молодой монах, не стерпел и говорит:

— Куда это годится, чтобы бабы щеголяли в нарядах из той парчи, в которой славят нашего господа!

Приор, понятно, взъелся на него:

— Да как ты смеешь мне указывать? Твое дело исполнять мои приказания!

Но монах твердо стоял на своем и не захотел покориться приору. Тогда приор велел посадить его под арест. Монах под арестом умер. Пошел к нему приор, смотрит, а монах уж окоченел. Приор взял и повесил его. Потом вернулся в свою келью, вызвал привратника и велел ему привести монаха в тепло погреться.

Приходит привратник в арестантскую, а там — на тебе! — висельник. Закопали монаха, не мешкая, в землю, но родные и друзья умершего стали обвинять приора: мол, наверняка, покойный не сам повесился. Прошел уже год, как вдруг приезжает комиссия, чтобы установить, отчего же все-таки умер монах. Разрезали его лекари и нашли у него яд в желудке. Тотчас выгнали из монастыря всех монахов и устроили в этом монастыре тюрьму.

17. КЛАД

Во всяком старом замке спрятаны клады, и сторожат их злые духи. Есть такой клад и в Висницком замке. Добыть клад можно только в вербное воскресенье, когда все черти отправляются в костел слушать евангелие, а как служба кончится, возвращаются обратно. Вот и надо торопиться, а не то застанут тебя черти возле денег и оторвут голову. Исчезают эти клады в вербное воскресенье чаще всего до восхода солнца. Взялись же они вот откуда: один из хозяев замка, скупой и жадный пан, накопил много денег и зарыл их в землю, но при этом не перекрестил. Тогда-то и завладели деньгами нечистые, и уж хозяину больше не видать этих денег, не сумеет он теперь отыскать свои сокровища. А глубоко под замком зарыт в сундуке еще один клад, и на сундуке написано: «На обновление замка».

18. ГОРОХ У ДОРОГИ

Нынче парни ухаживают за девками, а ведь было время, когда сами девки парней выбирали, не дожидаясь, пока к ним явятся ухажеры. Повелось это от Евы, которая сама взяла да и выбрала Адама себе в мужья. И существовал бы этот обычай с сотворения мира до сего дня, если бы не горох.

Как-то раз собрались девки все вместе, чтобы договориться между собой, кому какого парня выбрать. Договорились и пошли к парням. А у дороги рос горох. И дер-

никуда же девок нелегкая забраться в горох. Стали они его рвать горстями да есть, и так им набили животы, что уж и шагу больше ступить не могли.

Тем временем парни узнали, что девки с вином направились к ним гулять, но по дороге застряли в горохе, где и по сие время пируют! Вышли парни им навстречу и, отыскав их в горохе, сказали:

— Ну, девки, опоздали вы! Не застрянь вы в горохе, каждая могла бы выбрать себе парня по вкусу, а теперь, уж коли вас из гороха тащить надо, это к нам переходит. Теперь мы вас выбирать будем.

С того времени не девки парней, а парни девок стали выбирать. А девкам только и осталось, что пенять на дурный горох, из-за которого приходится им дожидаться, пока-то они кому-нибудь приглянутся.

Вот почему девка может попотчевать горохом старика или, скажем, молодого, но безобразного — ведь они оба ей ни к чему, но не даст его молодому красивому парню, чтобы не напоминать ему о том случае.

19—21. ЛЕГЕНДЫ О ПРОЦЬПАКЕ

ПРОЦЬПАК

Там, где сходятся польская, венгерская и силезская границы, в давние времена водились разбойники. Атаман их звался Процьпаком. Промышляли они больше по пастушьим шалашам, каких в тамошних местах тогда было множество, да и нынче они там встречаются. Забирали оттуда сыр, масло, овец пожирнее... Зато уж денег никогда им брать не доводилось, потому что их у пастухов и в заводе не было. Так трудились разбойники все лето, а зимой разбредались по родным углам.

Позднее, когда вошли в силу города, нашлась управа и на разбойников. Как начали хватать их да сажать в тюрьму, а потом вздергивать на виселице, так и заглох разбой в горах.

А еще раньше, не то в Галиции, не то в Польше, где-то на границе, недалеко от Камешницы и Шаре, пове-

силы шестерых разбойников. Был среди них органист из Скавинок, что близ Кракова. Так вот, когда шли разбойники на виселицу, каждый сказал про него:

— Он не заслужил такой кары.

**ПРОЦЬПАК
ВЕЛИТ КУПИТЬ
ПОРОХУ И СВИНЦА**

Два колбасника — Ян Лигоцкий и Франц Матер — шли из Цешина на ярмарку. Шли, значит, они из Цешина через Яблонков и дошли до деревни Истебно, где царская дорога кончалась. По тропинкам перебрались в Бескиды, на польскую сторону. Кругом густой лес. Поднимаются они на гору и видят двенадцать разбойников. Говорит тут Матер:

— Всемогущий боже, все пропало! Смотри, ведь это сам Процьпак.

У Лигоцкого было больше денег: у него было пятьсот, а у Матера — триста. Лигоцкий говорит:

— Эх, плакали наши денежки!

Бежать было некуда. Приблизились они к разбойникам, Процьпак их спрашивает:

— Куда идете?

— В Живец, на ярмарку.

Спрашивает Процьпак Лигоцкого:

— Денег много несешь? Давай сюда.

Тот отсчитал все пятьсот.

— А у тебя сколько?

— Триста.

Процьпак и их забрал.

— Откуда вы оба?

Они отвечают:

— Из Цешина.

— Зачем идете на ярмарку?

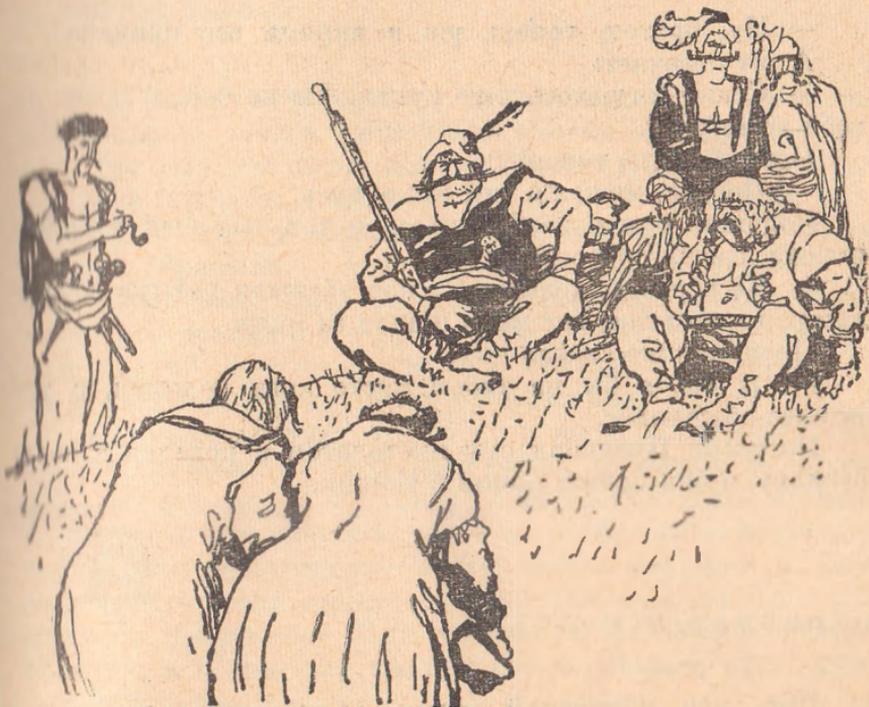
— Волон купить.

— На волон у вас денег не хватит, — говорит Процьпак.

А колбасники говорят:

— Больше у нас нету. Эти — и то в долг взяли.

— Много на них не купишь, — говорит Процьпак. —

Да не бойтесь вы, я вам ваши деньги верну: вот, берите; и в придачу к вашим еще восемьсот: купите мне шесть фунтов пороха и шесть фунтов свинца. А теперь идите, ярмарка нынче будет удачная, народу там немного: все боится нас, разбойников.

Добрались колбасники в Живец и купили с большой выгодой все, что им было нужно. Но при этом один колбасник не захотел покупать порох и свинец, а другой, более предусмотрительный, купил.

Первый и говорит второму, тому, который купил Процьпаку порох и свинец:

— Знаешь что, пойдем обратно другой дорогой.

А тот, у которого были порох и свинец, говорит:

— Ну, как знаешь.

Пошли они другой дорогой. Лесом через Бескиды вышли к Висле, взобрались с волами на гору, а на горе — Процьпак и с ним двенадцать разбойников.

Первым заметил Процьпака тот колбасник, который не стал ничего покупать. Говорит он приятелю:

— Ну, братец, теперь уж и впрямь все пропало.

А тот отвечает:

— Слава богу, хоть я-то купил. Ты не бойся, я все на себя возьму.

Первый тогда говорит:

— Погоди, может я сам выкручусь.

Подошли они к разбойникам, и тот, который шел без пороха, говорит Процьпаку:

— Не сердись, хозяин. От пас убежали четыре вола и как раз в этот лес, вот мы и пошли за ними.

Процьпак же сказал ему:

— Эх ты, я бы на твоём месте ноги поломал, а уж принес обещанное.

Погрозил Процьпак ему пистолетом и подался в свою сторону, а они пошли домой в Цешин.

ПРОЦЬПАК-ЯСНОВИДЕЦ

Шел раз яблонский купец с деньгами из Оравы. Процьпак этого купца знал и как-то попросил у него взаймы несколько сотен ренских. Купец ему одолжил. Как говорится, коли потащат тебя в пекло, самого дьявола назовешь дядюшкой. Процьпак со временем вернул купцу все до копейки, но купец все-таки не верил разбойнику.

Так вот, шел раз купец из Оравы, нес с собой кругленькую сумму серебром и сильно боялся, как бы Процьпаковы приятели где-нибудь на узенькой дорожке не отняли у него деньги. Выпросил он у одного мужика кувшин, положил туда деньги, сверху налил сливок, так и миновал опасное место и благополучно добрался до дому.

Пошел он в Ораву другой раз, а Процьпак его спрашивает:

— Ну как, Янек, опять деньги в сливках понесешь?

Купца даже в жар бросило, не знает, что и говорить. Долго он в себя не мог прийти от удивления: и как только Процьпак узнал об его уловке!

Еще недавно у дороги, которая ведет из Велигоры в Смаховице, лежал громадный камень. Он был так велик, что казался пограничным холмом. Камень блестел в отлуме серебром и золотом. Его огромные размеры, удивительный цвет и форма, напоминающая яйцо, острым концом обращенное точно на север, — все наводило на мысль, что дело здесь не просто. Каждый прохожий замечал эту диковинку и ломал себе голову: откуда взялся этот валун? Все называли его «чертовым камнем», да мало кто знал, откуда пошло это название.

Сказывали старухи, будто в ту пору, когда были они малыми детьми, их столетние бабки вечерком, за прялкой, нет-нет да и вспомнят, бывало, историю валуна. А было это в те времена, когда по всему свету увивалось чертей видимо-невидимо. Черти сидели на дорогах, бродили по дубравам, прятались в оврагах, гарцевали с ведьмами на Лысой горе. Они чинили людям обиды, соблазнили их, а потом, как рыбаки сетью, тащили души прямохонько в ад.

Неподалеку от тех мест жил в деревне пан, известный злым нравом и неслыханной силой. Звали его Валигора. К югу от него жил в своем поместье другой пан, которого звали Смешек, потому что он любил посмеяться. А к востоку, всего в каких-нибудь восьмидесяти верстах находился третий пан по имени Жить.

Все трое продали души чертям. Старшой черт приготовил договор на телячьей коже, который каждый из них скрепил кровью из среднего пальца.

Первый пан хотел быть сильным, второй — всегда веселым, а третий собирался прожить не меньше, чем Мафусаил. Черт устроил им житье-бытье, какое кому хотелось. Но без денег на этом свете не обойдешься, и черт показал им в трясине, что была как раз посреди их владений, глубоченную яму, заполненную по самые края чем-то как снег белым. А было это чистое серебро, и хотя трое панов стали выгребать его целыми мешками, серебро все не убывало.

Черти стерегли эту яму днем и ночью, но не под силу им было уберечь свое сокровище: ведь и в те времена

хвatalo воров, которые, не боясь утонуть в трясине, постоянно таскали серебро.

Ко всему этому присматривался господь бог со своего небесного престола. С согласия бога черти жестоко мучили тех, кого им удавалось схватить на месте преступления, ибо всякий грех должен быть наказан. Но вот вмешалась в это святая дева. Видя муки грешников, она, в своем великом милосердии, именем сына божьего, принявшего смерть на кресте, упросила бога-отца, чтобы в лапы к чертям попадали только нехристи и еретики, а чтобы католиков не смели трогать без суда всевышнего.

Однажды ночью какому-то захудалому шляхтенку удалось при свете месяца одолеть трясины. С мешком, полным серебра, он кинулся удирать полями. Черти его заметили и тотчас пустились в погоню. Но шляхтенок на своих длинных ногах бежал быстрее зайца. Старшой черт затрясся от злобы, увидав, что молодые дьяволята не могут догнать наглеца. Бежать за ним вдогонку самому было поздно. Тогда черт выворотил из земли камень величиной без малого с бедняцкую халупу и со страшной силой пшвырнул его вслед убежавшему. Глыба загремела, засвистала, заскрежетала и наполовину врезалась в землю. Черт остался доволен: тяжелый камень придавил и шляхтича и мешок с серебром.

Все это не укрылось от глаз отца небесного. Он вспомнил про обещание, данное святой деве. Ведь тот шляхтенок, хоть и согрешил от жадности, соблазвившись дьявольским добром, был все же праведным католиком, а его имя даже в святую книгу было записано. И тогда повелел господь бог чертям, не медля ни минуты, убираться в пекло. А старшому черту наказал сидеть на том самом камне и, уж не чиня людям обиды, стеречь до Страшного суда тело грешника, лежащего под камнем.

Вместе с чертями пропала навсегда и яма с серебром. На другой день, когда паны Валигора, Смешек и Жить сошлись, как обычно, к заветному месту, они увидели не белое сверкающее серебро, а расщелину, по самые края заполненную смердящим и черным дьявольским дерьмом.

Люди на богатство-то всегда завистливы, один другому не доверяет, вот и те паны начали промеж себя ругаться, а вскоре дошло и до потасовки. Один сваливает на другого, один другому кричит: ты, мол, украл серебро!

Больше всех горячился пан Жить, ему ведь предстояло еще долгое житье. Схватил он Валигору за ворот и так рванул к себе, что оба упали на землю. Смешек не стал дожидаться, пока Валигора подымется да порасшибает им лбы: спихнул он их обоих в яму со зловонным чертовым дерьмом. Не по силам оказалось панам выбраться из тонкой жижи. На Смешека же напал неудержимый смех. Хохотал он, хохотал... пока брюхо не лопнуло.

А еще говорили старые люди, что деревня называется Валигора, а не Валигора вот почему: как вырвал черт свою глыбу из середики земли, так оттуда и поднялась преполюккая гора. Смеховицы ведут свое название от пана Смешека, а деревня Жите от третьего пана — Житя, который хотел жить не меньше покойника Мафусаила, да Смешек утопил его в чертовом болоте раньше времени...

23. СВЯТОЙ В ШАФЛАРАХ

Когда-то, скажу я вам, костел был у нас куда дальше, чем теперь. Ближе, как в городе да в Шафларах или, к примеру, в Черном Дунайце, — костела в ту пору не было. Вот мы и ходили, если времечко выпадало, то в Шафлары, а то в Дунаец.

Думали мы, думали и надумали сделать в Шафлары какое-нибудь пожертвование. Туда-то мы ходили чаще, а ходить задаром в костел не хотели. Времена же тогда настали тяжелые, и люди, скажу я вам, были — эгей — какие бедные.

Велел войт, сельский староста, созвать громаду, а когда старики собрались, стал спрашивать — эгей, — чего бы они хотели в дар принести. Думали, думали и надумали принести в дар святого Анджея. Того самого — эгей, — что был покровителем Шафлар. Ну вот, хорошо ли, плохо ли, сварядили двух мужиков. Один был из Банькувок, а другой из семьи Питоней. Пошли они в долину Явожинки, присмотрели там для того святого ель, а может, и пихту — кто его знает. Нашли страх какую большую, срубили и стали тесать. Тесали, тесали, да и вытесали святого. Только — эгей — до чего ж он вышел нескладный.

Вместо глаз вложили ему два камешка. Резчики-то они были неважные. В ту пору, скажу я вам, о такой резьбе, как сейчас, у нас и не слыхивали, вот и не умели такие удивительные фигуры вырезать, какие — эгей — теперь научились.

Ну вот, хорошо ли, худо ли — стали мужики думать, как бы святого в костел доставить, а было туда две мили. Раз он святой — на телеге его не повезешь. Правду сказать, никто его не святил, да уж коли назвали святым, так и надо не везти, а — эгей — на себе нести. Принялись искать мужика покрепче, который мог бы спести в Шафлары этот подарочек. Думали, думали и надумали дать тому, кто понесет святого, отпущение грехов на сто дней. Решили: найдется, мол, такой, что соблазнится отпущением грехов. Яцек из Грубы и соблазнился, взял святого и понес. Несет, несет, донес до Банькувок, а дальше не может. Смотрит — идет здоровенная баба и, видать, свя-

тоша, а Яцек знал, что такие бабы страх как падки на отпущение грехов. Он и говорит ей:

— Помоги-ка мне отнести святого в Шафлары, и тебе на двадцать пять дней отпустятся грехи. — Это из тех ста — эгей!

Подступила баба к святому, натужилась так, что у нее кости в хребтине затрещали. Утробу надорвала, а святого с места не могла сдвинуть. Не нужно бабе и отпущение грехов. Яцек отдохнул, взвалил святого на спину и понес дальше. В Белом Дунайце стал он просить одного мужика, чтобы помог ему. Посмотрел мужик на святого и головой покрутил. Обещал ему Яцек отпущение грехов на все сто дней: только снеси. Но мужик ни в какую, лишь головой крутит.

— Что ж это, — говорит тогда Яцек святому, — нес я тебе, нес и ничего не заработал! Да и какой ты святой, раз тебя никто не святил.

Пригляделся он к нему поближе:

— Толковали мне: святой Анджей, святой Анджей, а какой там святой Анджей — просто кормушка лошадиная.

И точно, скажу я вам, святой этот сверху был малость повыщерблен.

Бросил его Яцек в воду. И вода понесла святого дальше, пока в Шафларах — эгей — не схватили его да не поставили в костеле.

Чему суждено стоять, то не утонет; вот святой и добрался до Шафлар.

Вот так, скажу я вам, придумать-то ловко придумали, а до конца не довели. А все потому, что грешному человеку святого на своих плечах не снести.

24. ЛЮДСКОЙ ВЕК

Вот что скажу я вам, панове, человек на своем веку разным бывает: не всегда у него те же шкура и кости.

Когда пан Исус сотворил зверей, он позвал льва и сказал ему:

— Ты царствуй над зверями, а я буду царствовать над людьми.

Ну что ж, хорошо ли, плохо ли, собрались как-то вместе вол, осел, теленок и собака. Задумали они прогнать льва с трона и сами поцарствовать. Договорились помогать друг дружке. Собака помчалась с депешами, теленку велели реветь как можно жалобней, будто с голоду, а вол ходил рядом и говорил за него, потому что сам теленок был еще совсем глупый. Вол жаловался, что лев их не кормит, а только мучает. Осел в это время шевелил ушами и показывал, что как он, осел, так, то лев сяк, а как лев так, то он, осел, сяк, — мол, никак поладить не можем.

Хорошо ли, худо ли, узнал об этом лев. Созвал всех в свои палаты и говорит им:

— Эх вы, дураки набитые. Ишь ведь чего захотели! И кто только надоумил вас?!

Стал лев их стыдить, да никто не захотел повиниться перед ним.

— А чтоб вас черти взяли, раз вы такое дурачьё! Вы думаете, мне нравится быть царем? Да попробуй-ка ослушайся, если сам пан Исус велел. Ну что ж, согрешили — эгей — должны и покаяться. Сейчас я на вас наложу покаяние.

Хорошо ли, худо ли, а только не захотел лев унижать себя да сам с ними пачкаться. Велел он волу съесть собаку, а ослу — вола. Теленок же осла не мог съесть — кости у того больно твердые. Грыз теленок кости, грыз, — все зубы поломал. Наконец — чего только не бывает — съел теленок осла. Только головы зверей остались целехоньки. Теперь льву нужно было съесть теленка, головы же — эгей — он есть не стал, потому что были они страховидные, да и к тому ж еще, скажу я вам попросту, дурные. Съел лев теленка, оп-то был мягче и вкуснее других, а голову его тоже оставил.

Потом закопал шкуры и головы в землю, и так все это гнило. Летят годы, летят, гниют головы, гниют. Гниют и шкуры...

А тут как раз надумал бог человека сотворить. Набрал он земли и слепил человека. Но что поделаешь — эгей, — если взял он эту землю как раз с того места, где они были зарыты, те самые дурни!

Вот почему человек, будь это хоть самый умный богатей, сделан из тех скотов. И когда он молод, то глуп, как теленок. Когда же подрастет, то носится, как собака,

и никак не остановится. Когда женится, тянет дямку, как вол, а как старость придет — снова поглупеет, как осел.

Но это только мужики такие, бабы-то — эгей — были сотворены после.

25. ЛЕГЕНДА

ОБ АДАМЕ И ЕВЕ

Первыми людьми на земле были Адам и Ева. Родилось у них семеро сыновей и одна дочка, и когда сыновья выросли, захотелось им жениться. Только на ком же им было жениться?

Каждый хотел взять в жены свою сестру. Но этого нельзя было сделать.

Тогда Адам велел сыновьям сплести семь корзин; у одних корзины вышли маленькие и узкие, у других — большие и широкие, потому что плели их из толстых прутьев. Адам велел поставить все корзины на дворе. Под первую корзину он посадил наседку, под вторую — гусыню, под третью — утку, под четвертую — овцу, под пятую — медведицу, под шестую — змею, а под седьмую корзину он посадил свою собственную дочку. Потом Адам позвал сыновей с поля. А за это время все звери превратились в девушек, каждый сын унес свою корзину и получил жену. Но характеры у их жен так и остались от тех зверей.

Вот и теперь разные бывают женщины: большие и маленькие, толстые и тонкие, совсем как корзины адамовых сыновей.

И сегодня выйдет иная панна замуж и сделается наседка-наседкой, всего-то у нее много, а она знай под себя подгребает: ну, клуша, да и только!

У второй повадки, как у утки; доберется эта утка до кучки ячменя и всю ее перевероршит снизу доверху.

Третья — гогочет, как гусыня.

У четвертой — нрав овечий, она спокойна и тиха, словно овечка.

А пятая похожа на медведицу: спросишь ее о чем-нибудь, а она так и зарычит в ответ, как медведь.

Шестая же пошла от той змеи. И лжива-то, как змея, и кругом у нее одно притворство. Ей бы только укусить либо поссорить кого-нибудь...

А седьмая? Седьмая и должна быть настоящей женой, у нее Евин характер. Но, по правде сказать, и она не настоящая, потому что Адам с Евой жили вместе больше трехсот лет и тоже раз повздорили друг с другом. Тогда Ева оставила Адама, ушла от него навсегда. Так и теперь ее дочери оставляют своих мужей и уходят с другими.

26. О ВОРОБЬЯХ

Весной ласточки прилетают из чужих краев и видят пустые амбары.

— Когда мы отправлялись в путь, амбары были битком набиты, а теперь в них нет ничего! Кто тут хозяйничал? — спрашивают они воробья. А воробей скачет по балке:

— Это я, это я, это я!

Ласточки поднимают крик:

— Вилами его, вилами его, ах, он негодник, чтоб ему пусто было!

* * *

Слетятся воробьи на спелые колосья пшеницы и начнут чирикать:

— Чиу-чви, чиу-чви, чиу-чви... — Словно быстро-быстро друг с другом разговор ведут: — Поспела панская пшеница! Жать пора! Жать пора!

А потом станут ее делить, приговаривать:

— Мне чет, тебе нечет, мне чет, тебе нечет...

* * *

Любят воробьи поболтать между собой:

— Видишь у ксендза на поле пшеницу?

— Вижу!

— Видишь?

— Вижу!

— Видишь?

— Вижу! Ким-ким-ким-ким. (Будто по-еврейски: «Иди, иди, иди — полакомимся пшеничкой!»).

* * *

Сын однажды настрелял много воробьев. Отец ему говорит:

— Ну, если ты и завтра столько же набьешь (а было это в канун праздника святого Идзия), я за каждого воробья дам тебе по дукату.

На следующий день с раннего утра пошел сын на гумно, насыпал свежей мякны и ждет. Нет воробьев! Подсыпал он тогда пшенички, воробьи все не летят. Приходит сын обедать, отец спрашивает:

— Что, много настрелял?

Сын отвечает:

— Ни одного.

И тут отец рассказал ему такую притчу:

— В праздник святого Идзия, первого сентября, черт меряет воробьев четвертью, и тех, что останутся поверх четверти, выпускает на волю, а тех, что в четверти оказались, сыпает в ад. Делает он это для того, чтобы на земле не развелось воробьев больше положенного.

Такая притча о воробьях возникла вот почему: об эту пору у хозяйственных строений почти не видно воробьев.

27. АИСТ

Сотворил пан бог землю, всех зверей, и увидел он, что очень уж много наплодил змей, червей и прочей твари. Спустился бог на землю и упрятал всю эту нечисть в огромный мешок. Потом позвал слугу Войтека и велел бросить мешок в глубокое море, да только строго-настрого запретил заглядывать внутрь.

Войтек, мужик худой, с длинным носом, был толковый малый, и ему ничего не стоило исполнить божье приказание. Взвалил он торбу на плечи и, не тратя времени даром, отправился в путь-дорогу. Тяжела была ноша, а путь долог, и Войтеку захотелось передохнуть.

А пока отдыхал, его все время так и подмывало заглянуть в мешок. И мужик-таки не утерпел, заглянул.

Едва успел он развязать мешок, как вся нечисть поползла оттуда в разные стороны.

Одни удрали в море, другие расползлись по земле, а третьи поднялись в воздух. Страшно стало Войтеку: очень уж провинился он перед богом; стал тут бедняга догонять и хватать гадов. Да только все понапрасну. Не успевал он одного засунуть в мешок, как трое других вылезали обратно.

Войтек покалечил себе ноги, в кровь изодрал руки, а все без толку. Что ему оставалось делать? Одно только — вернуться обратно.

И вот грязный, сгорбленный, уныло повесив нос, пришел он к богу. В это время пан бог был занят каким-то новым делом и ворошил горящие поленья. Как узнал он, что натворил любопытный слуга, рассердился страшно и закричал на Войтека:

— Как? Ты распустил всю эту мерзость? Так знай же, теперь и ты и твои потомки будете собирать ее, съедать и очищать от нее землю.

И как запустил в Войтека горячей головней! Мужик едва успел отскочить в сторону, так что огонь чуть-чуть опалил ему бок.

Превратился тут слуга в большую неуклюжую птицу. Вместо носа у него вырос длинный клюв, а на том месте, куда попала головня, осталось большое черное пятно.

С той поры аисты собирают старательно жаб, ящериц, ужей и червей — все, что распустил по земле их любопытный предок.

Вот почему и сейчас еще можно слышать, как люди называют аиста Войтеком.

28. ЧЕРТ И СВЯТОЙ МАРТИН

Наделял бог Адама всякими злаками для посева: вот это — людям, это — скоту... А нечистый тут как тут. И видит, что для них, чертей, ничего у бога не приготовлено. Вот он и попросил для своей братии хоть что-нибудь. У бога же к тому времени оставались только репа

и овес. «Э, ладно, — думает бог. — Много ли проку в репе да овсе?»

— Тебе будет репа и овес.

Чтобы не забыть, черт стал повторять про себя:

— Репа и овес, репа и овес...

И пошел прочь. Но святой Мартин пожалел, что репа и овес достались нечистым. Пусть не много пользы от овса да репы, а все же и они могут пригодиться людям. Крикнул святой Мартин в сердцах на черта, тот и позабыл с перепугу, что ему бог дал. Спрашивает у святого Мартина, а тот отвечает:

— Репей и осот.

Обрадовался чертяка:

— Ага, верно, верно! Репей и осот!

И всегда с той поры среди хлебов сеет черт осот, а у домов, где люди сажают картошку да капусту, черт сажает репей.

29. МАТЬ

СВЯТОГО ПЕТРА

Порой слышишь, как люди говорят, качая головой:

— Завистливому и жадному не бывать на небе!

Есть еще и такое присловье:

— Скуп, как Петрова мать.

В пословицах всегда скрыта какая-нибудь мудрость, однако со временем эта мудрость забывается. Не каждый, например, слышал о матери святого Петра. Библия о ней не упоминает, между тем существует легенда, некогда всем известная, которую стоит припомнить.

Святой Петр, как самый старший из апостолов, находился в большой чести у пана Исуса и за праведную жизнь был взят на небо. Зато мать его ничем не походила на сына. За всю свою жизнь она никому не сказала доброго слова, и ни один бедняк не дождался от нее помощи. По всякому поводу Петрова мать клялась и божилась. Вот почему после смерти черти потащили ее душу прямо в ад.

Святой Петр, занимавший должность небесного ключаря, был примерным сыном и очень убивался, что его

родная мать, хоть и была она большой грешницей, очутилась в одной компании с душами, осужденными на вечные муки. Он стал горячо просить папа Иисуса вызволить мать из чертовых лап.

— Как же я ее вызволю, — отвечал пан Иисус, — если злости в ней больше, чем костей? Нашелся бы в ее жизни хоть один добрый поступок, за него можно бы, пожалуй, извлечь душу твоей матери из адской бездны.

Святой Петр тотчас отправился в ад, чтобы узнать у матери, не совершила ли она хоть когда-нибудь доброе дело, не случилось ли ей при жизни подать бедняку хоть какую-нибудь малость.

Долго думала мать святого Петра, и уже казалось, что нет ей спасения, как вдруг вспомнила: как-то раз одному бродяге, просившему милостыню, она бросила луковое перышко.

Когда пан Иисус узнал об этом, он велел святому Петру:

— Ступай же, подай матери это луковое перышко, пусть она за него ухватится, и ты вытянешь ее на небо.

Святой Петр лег на краю глубокого колодца, ведущего в ад, и спустил матери на длинной узловатой веревке луковое перышко, за которое она тотчас ухватилась.

Но увидели это другие души и тоже захотели, пользуясь случаем, выбраться из вечной неволи. Несчастные сбегались в великом множестве и, уцепившись друг за друга, повисли на веревке, как плоды на ветке. Еще немного, и святой Петр вытащил бы наверх почти весь ад.

Но Петрова мать и после смерти оставалась такой же завистливой и жадной, какой была при жизни. Она не могла без злости смотреть на то, что замыслили души, и принялась кричать:

— Не вы, не вы дали луковое перышко, это я дала! Не для вас мой сын выпросил у папа Иисуса прощение. Отцепитесь от меня по-хорошему!

Тем временем испуганные души молили ее жалобными голосами:

— Возьми нас с собой! И нас, и нас тоже!

Тогда мать святого Петра начала вырываться, лягать грешников ногами и при этом орала изо всех сил:

— Не возьму я вас, не возьму! Не для вас небо! Ах вы проклятые, а ну, марш обратно в ад!

И в исступлении начала сбрасывать одну душу за другой. Но что же получается? Чем больше душ падает вниз, тем тяжелей и тяжелей становится груз: вот уже святой Петр едва тащит! А когда мать спихнула последнюю душу, тяжесть сделалась невыносимой, веревка не выдержала, и мать святого Петра полетела в самую адскую бездну — туда, откуда ни один голос не долетает до неба.

И сидит с тех пор она в той бездне, проклятая уже навечно, а святой Петр хоть и просит все еще пана Исуса, больше ничего не может добиться.

Вот отчего о злой женщине, которая скорее сама готова все потерять, лишь бы другому ничего не дать, говорят:

— Вот Петрова мать.

30. ПЕТУХ И ВЕТЕР

Рассказывают, что давным-давно, когда у ветра умер сын, старик целых семь лет не мог опомниться от горя. Затосковал, затих, словно совсем и нет его.

Затянулся тогда весь белый свет паутиной, вода протухла, а людям и зверям стало нечем дышать.

И никто не мог старика образумить, пока не явился к нему однажды петух.

— Что ты, браток, так убиваешься? — сказал он ветру. — У меня что ни день не меньше сотни сыночков погибает, а я весел и даже пою.

Тут петух вскочил на плетень да как зальется во все горло:

— Ку-ка-ре-ку-у!!!

Даже ветер не выдержал, засмеялся.

Затрепетали листочки на кустах и деревьях, цветы стали сильнее пахнуть, почуяв его свежее дыхание.

Задул ветер по-старому. Так и дует до сих пор.

31. КНЯЗЬ ГОРДЕЦ И ПРИРОДА

В одной стране, среди дремучих лесов, под высокими тучами правил князь Гордец. Был он так спесив, что даже в будние дни выряжался в горностаевый плащ и золотую корону. И в саду и в спальне так ходил.

А ведь известно: княжеское одеяние — это не то что обычная одежда. Везде складки, а плащ волочится по земле. В этом одеянии и сесть-то неудобно, — а что уж говорить о прогулке.

Вышел князь Гордец пройтись в дворцовый сад. Шествует по аллее, обсаженной розами, сияет роскошью царственного одеяния, как вдруг — стоп: кто-то ухватил его за полу плаща.

Он подумал, что это кто-нибудь из его подданных прокрался с прошением, и уже готов был назначить смельчаку суровую кару. Но, обернувшись, увидел, что это вовсе не проситель, а куст роз. Один шип вцепился в черный хвостик горностаея на плаще, ему помогли другие. Каждый знает, что на розовом кусте терниев достаточно. Ну и поневоле властитель остановился.

Князь Гордец — и принуждение! Можете ли вы понять, как разгневало его это происшествие? Руки у него затряслись, лицо побелело, как горностаевый плащ, который он все время носил на себе.

И вот князь закричал так громко, что спугнул воробьев на вишне:

— Что за дерзость! Выкорчевать сию же минуту!

Министр государственного хозяйства, который нес также надзор над дворцовыми садами, подскочил с мотыгой и на глазах князя собственноручно выкорчевал несчастный куст. Садовники бросили его на помойку, пригрело солнце, цветы и листочки великолепной розы увяли. Ее умертвил каприз князя.

И так повторялось много раз.

— Это уже двадцать второе растение, милостивый владыка! — осмелился однажды заметить министр. — Дворцовый сад редеет.

— Эти розы оскорбляют мое княжеское величие! За одежды меня хватают...

— Практичнее было бы носить в этих случаях не горностаевый плащ, а одежду для прогулок, — решил посоветовать министр. — Вы, ваше высочество, любуетесь розами, склоняетесь над ними. А ведь они имеют, кроме цветов, и тернии...

— Дерзкий! И ты учишь меня, как мне одеваться? — разгневался князь Гордец. — Отставка! Немедленно!

И бедный министр государственного хозяйства был удален от двора только за то, что осмелился сказать слово правды. Да и не он один.

Главным из недостатков князя Гордеца было то, что он верил в непогрешимость своего разума, да и вообще считал себя самым мудрым во всем государстве. Он ни на минуту не предполагал, что могло быть иначе. Пустое сердце заставляло его думать, что каждый властитель наделен какими-то врожденными качествами.

Его вера в собственную мудрость заходила так далеко, что он никогда не заглядывал в дворцовую библиотеку. Пренебрегал книгами и пергаментными свитками, предоставляя подданным заниматься ими. На ученых также смотрел свысока.

Властителю не нравилось многое из того, что создала природа. Одно ему мешало, другое он хотел бы переделать на свой лад.

О розе вы уже знаете. Несмотря на цветы, которые чаруют взгляд, она досаждала ему своими шипами. Поэтому он уничтожал розы.

Так же недоволен был князь и другими растениями. Он восхищался могучим ветвистым дубом с толстым стволом и шероховатой корой. Но его очень сердило, что у дуба такие мелкие листья и плоды. Желуди! Этот плод пристал орешнику или шиповнику, а не такому великапу. Дуб, по мнению властителя, должен производить плоды величиной с дыню и листья иметь такие же широкие, как у дыни. Сил у него на это хватит. И тогда листья будут закрывать небо, как зеленое облако, а плоды будут висеть, как золотые солнца.

А с дыней дело обстоит как раз наоборот! Природа так неразумно распределила ее недостатки и достоинства. Побег растения стелется по грядам и бороздам, потому что плоды его слишком велики — у дыни нет сил держать их в воздухе. Где же тут мудрость?

Свои вопросы князь обратил к ученым, которых иногда призывал ко двору. Всю жизнь они начинали чем-то свои лысые черепа, ходят о них слухи, что они съели все умы. Пусть же советуют, пусть поправляют то, что, по мнению князя, плохо устроила природа.

Ученые, как могли, старались утихомирить властителя. Доказывали, что родословная дуба не вызывает упреков, что могучий дуб не мог бы вырастить плодов величиной с дыню — ветер сорвал бы их, не дав созреть. Да и созревшие плоды постигла бы та же участь. Они упали бы на землю, разбились и не принесли бы пользы ни людям, ни животным. Само дерево не имело бы от них пользы, потому что не вырастило бы собственных семян, и рано или поздно его постигло бы вымирание. А желудю, хоть он и упадет с высоты, ничего не делается, он только воткнется в дерн, перезимует и пустит побеги... И с листьями дело обстоит так же.

Легче уж дыне дать громадный плод, потому что она прижимается к матери земле и та охраняет ее от ветров и бурь, более щедро одаряет влагой.

Тут ученые (на то они и ученые) пустились в пространные рассуждения о придаточных корнях этого растения, и властитель, который никогда в жизни о таких корнях не слыхал, испугался, что его убедят. Поэтому он пре-

рвал говоривших гневным жестом руки, поправил корону и гневно воскликнул:

— Нет! Все это неверно! Дуб должен давать дыни, а дыни — желуди. Изменить!

Ученые не были такими чудотворцами, чтобы обратить вспять законы природы. Они могли только упорядочивать, улучшать их. Властителю этого было мало. Поэтому он изгнал их из дворца:

— Ступайте прочь! Даром едите княжеский хлеб.

Князь Гордец гневался на мух — что они жужжат, на пауков — что они по всему свету раскидывают свои сети... На карпов — что они не хотят, как кролики, пасть в лушине на лугу, а играют себе под водой, и туда нужно им бросать семя лупина... На коней — что нет у них крыльев, а то бы они носились еще быстрее, чем теперь. Гневался на... Короче говоря, ломал голову князь Гордец над тем, что природа решила давно и более мудро, чем он.

Не беспокоили его дела, о которых больше подобаает заботиться правителю: благо подданных, богатство страны, армия. И вот пришел день, когда свалилось на него несчастье. Сосед, властитель мудрый и отважный, с алчностью смотревший на земли князя Гордеца, использовал подовольство в его стране и перешел границу во главе неисчислимого войска.

Он завоевывал города и села на своем пути, в пух и прах разбил не слишком воинственную армию Гордеца и ударил на столицу. Изнеженный, капризный князь Гордец не мог дать отпора врагу. Вместо шлема и панциря на нем были плащ и корона, в руках вместо меча и щита — скипетр. Одевание, великолепное в дни мира, в дни войны оказалось бесполезным. А когда пришлось бежать (да, дело дошло и до этого), пышное одеяние стало помехой.

И надменный властитель, который даже в августовскую жару не снимал с плеч тяжелого горностаевого плаща, а с головы — короны, сменил их на простую крестьянскую сермягу и шапку, чтобы только спасти свою жизнь. Враги гнались за ним, а он, одинокий, уходил от этой погони.

Мчался властитель по дорогам и напрямик, без дорог, пока не свалился под ним буланный конь. Уже пешком добрался князь до лесной тропинки, немного пробежал по ней, а потом бросился в чащу. Другого выхода не было. Враги на быстрых конях вот-вот готовы были его настичь.

Потеряв следы князя на широкой поляне, они оставили стражу при конях и рассыпались по лесу. Упорно обыскивали заросли и глухие тропы.

Князь Гордец, как заяц, петлял среди деревьев, от оврага к оврагу, но сам уже едва держался на ногах. Это бегство исчерпало все его силы. В конце концов он понял, что бежать дальше не может, и упал на мох. Прислонился спиной к шершавому стволу дуба, накрылся папоротниками, как одеялом. И заснул.

Спал долго, спал каменным сном и ведать не ведал о том, что вражеские солдаты шаг за шагом приближаются к нему. Еще час, еще полчаса, — и он окажется в их руках. Его схватят, закуют в кандалы, а потом... потом поведут в неволю, выставят на посмешище в столице, а напоследок отрубят топором голову.

И вдруг, когда казалось, что уже не спастись спящему князю от рук палачей, ветер тронул, заколыхал деревья в лесу. Раскачались зеленые верхушки дуба, дрогнули ветви, и посыпались с них желуди. Они падали сверху на ноги беглеца, на его живот, на открытое лицо. Один из желудей больно ударил его в нос, князь Гордец чихнул, открыл глаза, в страхе приподнялся на своем ложе. Он был уверен, что враги колют его внушительный нос остриями копий.

Велика была его радость, когда он понял, что это не копыя, а желуди.

— А я еще был недоволен дубом, — улыбнулся он грустно, — что у него маленькие плоды. Хорошо бы меня разукрасило, если бы это не желудь, а дыня свалилась во сне на мой нос. Он потерял бы навсегда свою форму.

Ветер шумел, не слышно было вражеских криков. Снова сон смежил веки князя. Утомление смягчило страх, усынило мысли о преследователях.

Но заснуть он не успел. Прилетела откуда-то муха, уселась на княжеский мясистый нос — он, видно, ей понравился, — и она куснула его разок и другой. Вскочил князь Гордец — и вовремя, потому что голоса врагов были слышны уже где-то поблизости.

Забыв про свою тучность, нырнул он в самую гущу кустов и снова ускользнул от преследователей. Снова петлял от куста к кусту, от оврага к оврагу. Лишь бы уйти подальше, уйти от опасности. Из последних сил старался наверстать время, которое украла у него усталость.

Князь бежал, а муха назойливо жужжала у него над ухом. Но он не сердился на ее. Он теперь не отдал бы ее жужжания за прекраснейшую музыку своего придворного оркестра. Ведь эта муха предостерегла его от врагов.

— Вот я не раз злился, зачем эти мухи на свете живут, — бурчал он себе под нос. — Теперь уж я не буду поднимать такой вопрос.

Бежал он, бежал и снова запыхался, снова старые ноги отказались ему служить. Гнулись как тростинки, писали бублики.

Наконец он споткнулся, упал и еле поднялся.

— Конец! — простонал он, чуть не плача.

Дошло до него, что если сейчас же он не спрячется надежно, то вражеские солдаты схватят его голыми руками. Спрятаться, спрятаться, — только это может его спасти.

Тут же рядом увидел он пышный колючий куст дикой розы. А под кустом — заслоненная ветками, глубокая темная нора. Достаточно большая, чтобы человек мог в нее втиснуться.

— А что, если спрятаться под кустом? — сказал он себе. — Может быть, не найдут. Ветки с шипами склоняются над входом, заслоняют его. Нужно выкорчевать куст, чтобы добраться до ямы. А то колючки исцарапают лицо и руки.

Он произнес слово «выкорчевать», и будто что-то укололо его. Сколько роз в дворцовом парке приказал он, по своему легкомыслию, вырвать из земли! А теперь один из этих обиженных кустов дает ему убежище.

Он раздвинул тернистые заросли, не обращая внимания, что они его ранят. Ползком пробрался в яму, спрятавшись в глубине, как лис или барсук.

А вечер уже пробирался среди папоротников. Темнота сгущалась, окутывала лужайки. Неприятельские солдаты прервали поиски, разожгли костер на скале, поужинали и расположились на ночлег. Завтра, едва забрезжит рассвет, они снова возьмутся за поиски.

Заснул и князь Гордец. Ему-то сон был еще нужнее, ведь он был чуть жив. Старость, истомленная несчастьем, брала свое.

Ночью, пока он спал, паук-крестовик выполз из-под листка розы и заткал отверстие пещеры нитью паутины. Работал он усердно, как ткач, что ткет льняное полотно, и паутина получилась на славу — густая, узорчатая.

На рассвете князь открыл глаза — и диву дался. Смотрит — и глаз оторвать не может. Сквозь паутину, как серебряный узор, просвечивают листочки и тернии розы. Паутина закрыла перед ним лес и весь свет. Он подвинулся к выходу — и сразу замер от ужаса. Гневные чужие голоса потревожили утреннюю тишину. Это вражеские солдаты остановились у пещеры. Дрожка как осиновый лист, прислушивался беглец к их разговору.

— Не под землю же провалился этот князь Величайший, — буркнул первый бас.

— Провалиться-то он не провалился, а вот вползти мог свободно. Нагнись-ка да посмотри, что там чернеет под кустом розы.

— Яма! — услышал властитель над собой.

— Да, волчья или барсучья нора!

— То-то и оно! Яма, да к тому же достаточно широкая, чтобы в нее залезть и скрыться от глаз преследователей. Руби-ка куст, он мешает, а я копьём пощупаю зверя в логове.

— Ума у вас нет! — вдруг раздался голос сбоку, когда князь уже похолодел от страха. — Филипы слепые! Пуговицы у вас вместо глаз, что ли? Не видите: паук заткал вход паутиной?

— А ведь и правда! — отозвались другие. — Что верно, то верно. Беглец не мог бы залезть в яму, не порвав научьей сети. Ничего не поделаешь, придется идти дальше.

— Ну, так в путь.

Пошли. Стали искать в других местах. Стихал шум, который они подняли, и наконец растаял в бору. Князь Гордец был спасен.

Он лежал в яме и удивлялся, как все меняется на этом свете. Еще недавно все живое склонялось до земли перед его величием, дрожало при одном его виде. А теперь он один, без оружия — нечем ему встретить врага, без войска — некому его защищать. Все его оставили, дажо добрая слава.

С благодарностью думал он о природе.

Она одна защитила его. Невольно предостерегла, за-слонила в опасности. Спасла жизнь.

Сказки
о
животных

12. ЛИСА И ВОЛК

Е хал однажды мужик на ярмарку и вез целую телегу булок. Видит — лежит на дороге дохлая лиса. «Мех-то уж, верно, негодный, но из кожи неплохой мешок под табак выйдет», — подумал мужик. Подобрал он лису, положил на телегу и прикрыл рогожей.

А лиса была живехонька, только от голода обессилела.

Отогрелась она, ожила и стала подкрепляться булками.

Мужик едет себе и знать не знает, что позади него делается. А лиса высмотрела на дне телеги дыру и давай выбрасывать на дорогу булки одну за другой. Потом и сама выскочила.

Собрала она все булки, перетаскала к себе в нору, ест да похваливает.

Прослышал об этом молодой волк. Решил он пойти к лисе в гости: авось и ему перепадет что-нибудь.

Приходит волк к лисе и разговор издалека заводит.

— Смотри, — говорит, — как светит месяц!

— Светит, — отвечает лиса, а сама думает, как бы от незваного гостя избавиться, подальше от норы отвести.

Повела лиса волка гулять по лесу. Волк и говорит:

— Угостила бы ты меня, лисонька, хоть рогаликом!

— Что ж, вот тебе рогалик, — отвечает лиса и показывает на большую лужу, где месяц отражается. — Ты, —

говорит, — лакай воду, так до рогалика и доберешься. И вот так же пила, пила и добралась до своих булок.

Стал волк лакать из лужи воду, пил, пил — большо некуда. Уж вода обратно выливается, так и хлещет из пасти, ушей и носа.

Увидела это лиса, схватила соломенный жгут и заткнула волку пасть, уши и нос.

Пошли они дальше. Видят — стоит у дороги изба. Вошли они в избу, а там квашня с тестом, и в сепях кучей льняная костра насыпана.

Увидели люди волка, закричали, похватили что под руку попало и ну его бить, колотить. Еле волк ноги унес.

А лиса от страха совсем забыла, что хотела насчет курочек разведать, и шмыг прямо в квашню. Вымазалась в тесте, вывалялась в кострике, выскочила из избы и пустилась догонять волка.

Догнала и просит:

— Понеси меня, куманек! Совсем я больная, не могу бежать. Смотри — даже косточки наружу вылезают.

Пожалел ее волк, взвалил на спину, хоть и без того нелегко ему было: после людских побоев живого места не осталось.

А лиса довольнешенька, да еще над волком подсмеивается: «Битый небитого несет».

Пришли они к корчме, а там музыка играет, парни с девками пляшут. Лиса и говорит волку:

— Пойдем в круг, позабавимся. У тебя много воды в запасе, вот ты и облей всех, только меня не трогай. Потом прыгай в окно и беги, а я через трубу вылезу.

Сказано — сделано. Вытащила лиса у волка из пасти, ушей и носа солому, — волк и давай всех обливать. Залил всю корчму. Люди кругом кричат:

— Волк, волк! Лови его! Держи!

А волк и лиса выбрались из корчмы да бегом в разные стороны.

Прибежала лиса в пору и давай скорей доедать свои булки. Наелась досыта, сидит и сама с собой разговаривает:

— Вас, мои красивые зоркие глазоньки, я оставлю себе; вас, мои красивые острые ушки, тоже оставлю себе; и тебя, мой красивый чуткий носик, я тоже оставлю. А тебя, красивый хвостик, я, пожалуй, отдам волку — нечего пыль поднимать!

Разговаривает лиса и не видит, что волк стоит у нее за спиной, стоит и слушает.

Ухватил волк лису за хвост, что она ему подарила, вытащил из норы, да и съел всю без остатка.

III. ЗАЯЦ И ВОЛК

Пришел волк к зайцу и говорит:

— Я тебя съем.

Заяц испугался и стал уговаривать волка:

— Волчок, дорогой, разве ты мною насытишься? Иди лучше на луг, там лежит убитая кобыла. Сожри ее — вот уж набьешь брюхо!

— Ладно, только сам проводи меня да перевяжи мне брюхо веревкой, чтоб не лопнуло.

Повел заяц волка на луг, где кобыла дремала. Поставил его позади кобылы, а сам зашел спереди. Ударил кобылу в нос лапкой раз, другой, третий — отскочил. Оглянулась кобыла, смотрит — волк рядом стоит.

Как вскинется она, как двинет волка изо всех сил копытом! Умчался волк несолоно хлебавши. А заяц ему вслед кричит и смеется:

— Держи, лови серого разбойника!

Услышал волк заячьи пасмешки, вернулся обратно злой-презлой и говорит:

— Уж теперь-то я тебя съем.

— Не бывать этому, пан серый, — отвечает заяц. — Нет такого закона! Идем-ка лучше в лес!

Пошли они в лес, а там была яма на волков и на лисиц. Сверху яма чуть прикрыта соломой, а на дне сидит живая утка для приманки.

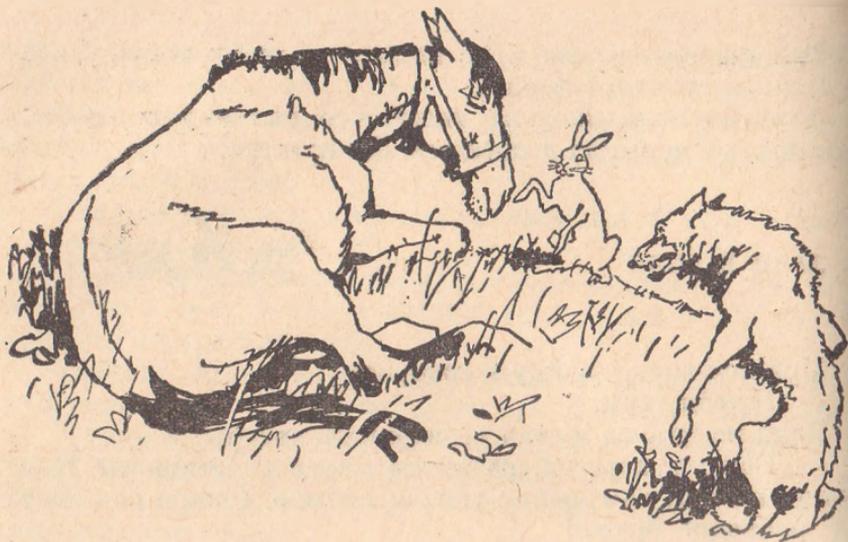
Подвел заяц волка к западне и говорит:

— Если ты, пан серый, перепрыгнешь эту яму трижды — так и быть, ешь меня. Я-то ее перескочу. Вот гляди!

Махнул заяц через яму три раза подряд, а волк только сунулся, да прямо в яму и свалился.

Сидит он там и просит зайца:

— Вытащи меня, браток! Я тогда тебе жизнь подарю.

— Чем же я тебе помогу? — говорит заяц. — Если я тебе дам лапку — нет в ней силы; если протяну хвостик — он короткий. Лучше подожди, я сбегаю к лисе. У нее хвост длинный, она тебя и вытащит.

Привел заяц лису. Волк схватил кумушку за хвост и держится, а та его тащит.

Вдруг заяц как подскочит к лисе, да как стукнет ее лапкой по носу, а тут еще волк снизу дернул, — лиса не удержалась да кубарем в яму!

Сидят оба в яме и просят зайца, чтобы освободил их. Заяц говорит:

— Погоди, пан серый, и ты, лиса, тоже. Вот придет сюда утром мужик и скажет: «Нагулялись и попались, голубчики!» Потом он тебя, пан серый, пнет ногой и вымолвит: «Хороша шкура на кожух!» И тебя, лиса, тоже пнет сапогом. А вы терпите, молчите, лежите как дохлые, не то он убьет вас. Потом он возьмет лису, вынесет из ямы и положит на землю. Ты, лиса, лежи и жди. Вот когда он вынесет и серого, — тогда срывайтесь и бегите.

На другой день все было так, как заяц предсказывал.

Мужик, который поставил западню, пришел посмотреть, не попалось ли чего. Смотрит — в яме волк и лиса, и оба дохлые. Вытащил их мужик, а волк и лиса оба разом сорвались и давай бог ноги.

Отбежали, остановились и говорят друг другу:

— Уж мы это все зайцу припомним. Не сносить ему головы!

С того времени волки и лисы охотятся за зайцами. Да не так-то просто всех зайцев выловить.

84. ВОЛК И БАРАН

Поймал однажды волк барана и говорит ему:

— Я тебя съем.

— Ой, если ты меня грызть станешь, мне будет очень больно. Съешь меня по-другому.

— А как?

— Ты сядь под горой, открой пасть, а я в нее прыгну. Так мне не будет больно и тебе глотать удобнее.

— Ну что ж, давай попробуем.

Сел волк под горой, а баран пятился, пятился, потом рзбежался да как прыгнет на волка. Разбил волку лоб и убежал прочь.

Волк, ничего от боли не видя, свалился на шмелиное гнездо. Потревоженные шмели загудели, а волк решил, что это у него в брюхе баран гудит.

— Гуди, гуди, — бормочет волк, — все равно я тебя уже съел!

85. О ЧЕМ СОБАКА ДУМАЕТ ЗИМОЙ И О ЧЕМ — ЛЕТОМ

Зимой, в трескучие морозы, собака съежится, свернется в клубок, укроется хвостом, дрожит и думает:

«Только бы дождаться лета! Уж какую-никакую конурку, хоть крошечную, я себе выстрою!»

А придет жаркое лето, — собака разомлеет на солнышке, ноги вытянет, хвост распустит, потянется, оглядит себя и скажет:

— Вон какую большую конуру пришлось бы мне строить. Тут хлопот не обернуться! Нет уж, проживу и так!

Жила у одного мужика собака, старая-престарая. Вот однажды хозяин и говорит ей:

— Придется, видно, тебя выгнать. Никакого пет от тебя проку, даром только хлеб ешь.

Отправился хозяин жито убирать и взял с собою в поле меньшого сына. Хозяин жнет, малыш играет, а собака лежит на меже и думу думает о своей горькой собачьей доле.

Вдруг, откуда ни возьмись, подходит к ней волк и говорит:

— Я тебя съем.

Собака ему отвечает:

— Много ли от меня тебе поживы? Не видишь разве, какая я тощая?

Волк говорит:

— А шкура?

— Шкура-то шкура, да под ней-то ничего нет!

А волк знай свое:

— Мне все равно, погрызу хоть косточки.

— Ах, мой старшой брат! — говорит собака. — Достань-ка ты лучше мне хлеба: хозяин совсем не кормит меня. Я нагуляю тело, тогда ты и съешь меня.

— Где же я достану тебе хлеба? — спрашивает волк.

— А ты сделай так: видишь, вон там сидит сынок хозяина? Ты его схвати и неси в лес, а я его у тебя отниму.

Сказано — сделано. Волк схватил младенца и потащил в темный лес. Тут собака набросилась на волка и отняла у него добычу.

Обрадовался хозяин, что сынок остался цел и невредим, приласкал своего старого пса, забрал его домой, стал угощать:

— Ешь, песик дорогой, ешь, чего только пожелаешь.

Через несколько недель в доме у хозяина праздновали свадьбу. Собака пригласила к себе в гости волка. Волк пришел, а собака и говорит ему:

— Вот что, мой старшой брат. Давай проберемся в хозяйский чулан. Ты пророешь ход для меня, я — для тебя. В чулане попируем, а как придет время удирать, ты беги через мой ход, а я — через твой.

— Ладно, — согласился волк.

Залезли они в чулан, наелись, напились водки. Волчище совсем охмелел, и захотелось ему что-нибудь спеть. Открыл он пасть да так громко завыл, что хозяин с гостями услышали и сбежались. Волк хотел скрыться, но не тут-то было: собака вырыла ему такой узкий ход, что сколько волк ни старался пролезть через него, так и не смог.

Люди убили волка, а собака припеваючи жила в ховийском доме до самой своей смерти.

37. О ТОМ, КАК СОБАКА ВОЛКА И САПОГИ ОБУЛА

Жили-были на свете волк и собака. Приходит однажды волк к собаке и говорит:

— Собака, собака, я тебя съем.

Взмолилась собака:

— Не ешь меня, дорогой. Хочешь, я тебе сапоги сошью?

— Ну, так и быть, сшей.

Пришел волк за сапогами, а собака и говорит:

— Я сейчас тебя обую, и будешь ты щеголять, как пан. Смотри только не ходи по росе да по воде, а то потеряешь сапоги, а я других тебе делать не стану.

Повела собака волка в хлев и велела ему месить навоз. Волк месит, а собака приговаривает:

— Вот теперь у тебя есть сапоги. Не веришь — посмотри на мужика: у него такие же. Помни только, что и тебе говорила: не ходи по росе, не лезь в воду.

Послушался волк, решил никуда не ходить. Пролежал донь, пролежал второй, а на третий захотелось ему есть. Порыскал волк по лесу, попил из ручья, перешел его вброд, смотрит — а сапог-то как не бывало! Смыла их вода.

Понял волк, что обманула его собака.

Разозлился, разъярился волк, вернулся к собаке и спрашивает:

— Что за сапоги ты мне сделала? Посмотри — где они?! Уж теперь-то я тебя съем!

А собака в ответ:

— Говорила я тебе: не ходи по росе да по воде. Ты ведь слышал. А теперь, что ни делай, а других сапог не получишь.

— Идем в суд. Пусть нас суд рассудит, — говорит волк.

На том и порешили. Волк взял в свидетели медведя и кабана, а собака — кота и петуха.

Отправились все в суд. Впереди — волк, за ним — медведь, потом — кабан. Волк говорит медведю:

— Ты полезай на дерево. А ты, кабан, заройся в листья и сиди тихо, пока я тебя не позову. Я сам рассчитаюсь с этим наглым псом. Если же увидите, что мне одному не справиться, — идите на помощь. Мы растерзаем собаку в клочья.

А собака идет себе и знать не знает, что ей волк готовит. За собакой важио выступает петух, за ним — кот. Петух идет и сам себе поддакивает:

— Так, так, так, так, так...

Услыхал это медведь, сидя на суку, и подумал!

«Не иначе как они между собою сговариваются. Мол, так, так, так — мы волка съедим».

А за петухом кот выступает — хвост трубой. Посмотрел медведь и говорит волку:

— Плохи наши дела. Видишь, у него пика торчит, всех нас переколет.

А волк отвечает медведю:

— Да нет, пустяки. Мы легко с ними управимся. Сил у нас хватит. Сильнее-то нас троих в лесу никого нет. Я и один могу их всех проглотить.

Вздыхнул медведь, отвечает:

— Ты прав. Я тоже могу всех одной лапой раздавить. Они и пикнуть не успеют, как я разорву их в клочья.

Кабан под листьями слушает, а молчит, сказать ничего не может. Только вильнул хвостом — листья и зашуршали. Кот услышал, думал — мышь, да как прыгнет и — хват кабана за хвост. Кабан, не разобрав в чем дело, выскочил из засады. Кот со страху взлетел на сук, на котором медведь сидел. А медведь тоже струсил — решил, что кот, расправившись с кабаном, добирается теперь до него, медведя. Стал медведь карабкаться выше, залез на самую макушку, дальше некуда, а кот все лезет

и довет за ним. Совсем медведь перепугался, свалился на землю, да и разбился насмерть.

Кот сидит на дереве, кабан убежал, а волк с собакой остались один на один.

Бросился волк на собаку, а сам думает: «Один не справлюсь — друзья помогут». А помогать-то некому! Медведь сдох, а кабана и след давно простыл.

Собака была большая и сильная, а волк три дня не ел, совсем отоцал. Схватились они и давай друг друга грызть. Грызли, грызли, и заела собака волка.

Собрался звериный суд, обсудил дело, объявил собаке:

— Твоя правда. — И грамоту собаке такую выдали.

Спрятала собака грамоту, а мыши взяли ее да и съели.

Вот с того времени и возненавидела собака кота: зачем допустил, чтобы мыши собачью правду съели? И теперь ни одна собака котом спокойно видеть не может, гоняется, чтобы наказать.

А кот сердит на мышей: где ни увидит мышь — цап! — и нет ее.

Вот так и повелось: собака не любит кота, кот — мышью, а волк — собаку.

88. КОТ И ЛИСА

Повстречались на дороге кот и лиса, и решили они идти вместе.

Стала лиса хвастаться:

— Я самая умная, самая разумная: у меня семь умов и восьмая — хитрость. А у тебя сколько?

— У меня всего-навсего один умишко, да и тот не акти какой, — скромно ответил кот.

Вдруг видят: навстречу им идут охотники с собачьей сворой. Лиса как закричит:

— Охотники, охотники! Бежим скорей!

А кот спокойно отвечает:

— Ты такая умная, а ничего не поняла. Ведь это мясники гонят телят на бойню.

Стоят лиса с котом под деревом и ждут. А охотники, как увидели лису, тотчас же спустили собак.

Котишка — плохонький умишко мигом взлетел на дерево, а лису схватили собаки.

Вот тебе и семь умов, а восьмая — хитрость!

39. ПОЧЕМУ ЗАЯЦ МЯСА НЕ ЕСТ?

Были времена, когда не только заяц, но и лисица не ела мяса, одними почками да листочками пробавлялась.

Однажды пришел к ней волк и говорит:

— Плохое у тебя житье, кумушка. Как ни посмотрю — все почки грызешь да ветки обгладываешь. Поступай ко мне на службу. Я тебя обучу, мясником станешь — каждый день мясо да печенку есть будешь.

— А что я должна делать? — спрашивает лиса.

— Да сперва ничего, будешь только мои приказания исполнять, а потом уж сама увидишь.

Лиса охотно согласилась и пошла вместе с волком. Шли они, шли и пришли на лужайку, а на лужайке пасся конь.

Забрались они в кусты, а волк и говорит:

— Зайди-ка спереди и посмотри, горят ли у меня глаза.

Лиса посмотрела и отвечает:

— Горят, как угли!

А волк снова спрашивает:

— Посмотри-ка, встала ли моя шерсть дыбом.

— Встала, да так, что страх берет, — ответила лиса.

Волк спрашивает в третий раз:

— Быстро ли крутится мой хвост?

Лиса посмотрела и говорит:

— Крутится так, что ветер свистит.

— Ну, тогда я готов! — крикнул волк, одним прыжком бросился на коня и распорол ему брюхо. Тут и лиса подоспела, разодрали они вдвоем коня и съели.

Когда волк с лисой снова проголодались, они расправились так же и с бараном, а потом и с коровой.

Тут лиса решила, что уже достаточно знает мясницкое ремесло, может справиться одна, без волка, взяла да и ушла от него.

Идет она, идет, смотрит — зайчишка обгрызает с кустов почки и листики.

— Ну и глуп же ты, что ешь одну зелень! — говорит ему лиса. — Мясо куда вкуснее, да и сил от него больше. Если бы ты ел мясо, ты стал бы сильнее самой большой собаки. Иди ко мне на службу — мясником станешь.

— А что мне придется делать? — спрашивает заяц.

— Для начала будешь только мои приказания исполнять.

Понравилось это зайчишке, и пошел он с лисой. Вскоре вышли они на лужайку, где пасся конь. Лиса спряталась в кусты и говорит зайцу:

— Посмотри-ка, горят ли у меня глаза?

— Как огонь, пылают, — отвечает заяц.

— А встала ли моя шерсть дыбом?

— Ой, встала, да так страшно!

— Теперь скажи, крутится ли мой хвост?

— Ой, крутится, крутится, как кусты, когда их трещет ветер, — пропичал заяц.

— Ну, тогда пришло мое время! — крикнула лиса и бросилась на коня. Но конь заметил лису раньше, чем она подбежала к нему. Как хватит он лису копытом в лоб, так и убил ее с одного маха.

Увидел это заяц, задрожал от страха и подумал про себя: «Уж лучше есть почки, траву и листья, чем получить копытом в лоб!»

С тех пор заяц ни за какие сокровища не хочет даже прикоснуться к мясу.

40. КАК ГУСЬ ОБМАНУЛ ЛИСУ

Жили-были на свете лиса да гусь.

Захотелось как-то лисе полакомиться гусятинкой. Поймала она гуся, а тот стал просить:

— Позволь мне, лисонька, немного потанцевать перед смертью.

Лиса подумала: «Отчего бы не позволить?» — и согласилась.

Тогда гусь попросил, чтоб лиса разрешила ему отойти немножко в сторону.

Лиса и на это согласилась.

Вот начал гусь переступать с лапы на лапу, размахивать крыльями. Махал, махал, а потом вдруг поднялся в воздух и полетел прочь.

Увидела лиса, что гусь далеко и что вкусный обед не удался, и, глотая слюнки, решила:

— Теперь-то я уж никому не позволю танцевать до обеда, а только после!

41. КОНЬ, ВОЛ, ПЕТУХ, КОТ И РАК

Один хозяин запрягал в плуг разом и коня и вола. Вол шел в плуге лениво, конь — резво, и обоим тяжело и неловко было. Вот они друг другу и говорят:

— Мучает нас хозяин, кричит на одного: «Но!», на другого: «Цоб!» — и все без толку. Пойдем-ка мы по белу свету искать хлеба, хуже не будет!

Ушли они со двора так, что и хозяин не заметил.

Идут по дороге, а соседский хохлатый петух увязался за ними и спрашивает:

— Вы куда идете?

— Идем куда глаза глядят, не можем дольше оставаться у нашего хозяина. Плохо он нас кормит, да еще и мучает, — отвечают путешественники.

— Эх, пойду и я с вами! — говорит петух.

— А тебе-то что за неволя? — спрашивают конь и вол. — Хозяйка дает тебе зерно, живешь ты в тепле... Да и по силам ли тебе будет идти с нами?

— Что мне за неволя? — отвечает петух. — Сами посудите: я обязан всех утром будить. Если вовремя запою, батрак злится на меня, что рано разбудил, а ему целый день батрачить. Другой раз камнем запустит. Если поздно пропою, то хозяин ругает хозяйку, почему еду не приготовила, а хозяйка на меня с помелом. Как тут угодишь? Лучше уж уйти совсем. Не бойтесь, я от вас не отстану, где надо, крыльями себе помогу.

— Ну, идем! — сказали конь и вол. Пошли они дальше вместе. Петух по дороге пел, летал понемножку, и всем было весело.

Идут они, идут, а тут, откуда ни возьмись, выскакивает на дорогу кот и кричит:

— Мяу!.. Мяу!.. Кто вы такие? Куда идете?

Рассказали путники коту все, как есть, а он им говорит:

— Эй, друзья, пойду и я с вами!

— А тебе что так приспичило? Чем тебе плохо? У ховийки в шкафу поймаешь мышку, напьешься молока, ложись да мурлычешь свои молитвы — вот и вся твоя работа.

— Как бы не так, — сказал кот. — Это вам только кажется. У кота служба не легче вашей. В овине, в избе полно мышей, а когда есть еще и крысы, то делай что хочешь, а никак не справишься. В животе пусто, а ховийка молока не дает, злится, что кот ленивый; мыши приедятся, а с крысами война не на жизнь, а на смерть — на голодный желудок тут немного навоюешь. Нет, пусть ищут дураков! Лучше вскочу я тебе, конь, на хребет и — по-о! — по всему белу свету. Да здравствует свобода! Даже бедному коту без нее невмоготу!

Все засмеялись, а кот вскочил коню на спину, и тронулись они дальше в путь.

Идут они, идут, вдруг видят: что-то маленькое ползет на ними.

— Стойте, друзья свободы, я тоже иду с вами!

Пригляделись путешественники и увидели, что это рак. Начали они смеяться над ним:

— Куда это ты собрался? Тебе-то уж что за неволя? Сиди себе в реке, грейся на солнышке, а когда жарко — отсиживайся в холодке на глубине.

— Ничего-то вы не понимаете, друзья, — сказал рак. — Пока я был молод, сидел в своей поре. А теперь молодью все поры позанимали, старикам приходится копошиться в иле. Того и гляди — тебя кто-нибудь схватит как милованного. Уж поверьте мне, что и у бедняги рака есть свои заботы. Потому — была не была! — пойду-ка я с вами.

Ухватился рак клешнями за воловий хвост, и все пятеро в дружбе и согласии отправились дальше. Конь и вол напались на лугах, рак искал воды для себя и для остальных,

кот охотился на птиц и забавлял друзей своими штуками, петух по жнивью зерна собирал и был за сторожа. Так и жили они привольно и без забот.

Но однажды попали они под сильный дождь, везде стояла непролазная грязь. Рак хорошо переносил непогоду, а вот другим было не по себе. Стали они искать, где бы от дождя спрятаться и переночевать под крышей.

Попалась им за лесом пустая халупа. Хозяевами той халупы были двое чертей — старый и молодой. Путешественникам повезло: черти как раз вылетели погулять с ведьмами, и двери были распахнуты настежь.

Когда путники вошли в халупу, конь и говорит:

— Я останусь в сених, здесь прохладнее.

Вол откликнулся:

— Я люблю где потеплее, пойду в избу.

Петух добавил:

— Мне не пристало сидеть нигде, кроме как на жердочке под потолком.

Кот прыгнул на печь, а рак влез в чайник с водой. Каждый устроился по-своему.

Когда миновала полночь, черти возвратились с гулянки. Старший ввалился в сени, увидел впотьмах коня и закричал:

— Кто здесь?

— Я — пап с табакеркой! — ответил конь и так угостил черта табачком, что у того от удара копытом кровь из носу потекла.

Черт скорей в избу; увидел вола и крикнул снова:

— Кто здесь?

— Я — мужик с вилами, — сказал вол и поднял черта на рога.

Свалился черт на землю, спяну ничего разглядеть не может, кинулся к печке, чтобы вздуть огня.

Тут кот как прыгнет на него! Черт отскочил и заорал:

— Кто здесь?

— Я — кузнец с мехами! — ответил кот и начал шипеть.

Отскочил черт в сторону и палетел на чайник. Вылез рак из чайника и схватил черта за ногу. Черт захохотал:

— А это еще что?

— А это портной с ножницами, — говорит рак.

Только хотел черт вскочить на подволоку, тут петух как завопит:

— Бей его!.. Бей!..

Показалось черту, что и наверху врагов видимо-невидимо. Выскочил он из халупы и пустился что есть духу в лес. И другой, молодой черт — за ним.

А пятеро путешественников заняли халупу, навели там свои порядки и стали жить припеваючи.

42. ЛЕВ И СКРИПАЧ

Жила-была бедная вдова, и рос у нее один-единственный сын. Пришлось ему пойти в свинопасы, хотя он очень хорошо играл на скрипке.

А их пан имел единственную дочку, и еще был у него лев, которого он в подвале держал. Никому не хотел пан отдавать свою дочь в жены и придумал испытание: тот будет мужем его дочери, кто пересидит ночь со львом. Этот лев съел уже много мужиков и панов, но тут решил попытать счастья свинопас, сын бедной женщины.

Пан согласился допустить свинопаса к испытанию.

Стал тот готовиться: насыпал в один карман лесных орехов, а в другой — камней, взял дубовый клин, топор, горшочек с белым мылом и бритву. А когда свечерело, пошел ко льву почевать.

У льва в подвале стоял столик, горела свеча, была постлана постель.

Впустили свинопаса ко льву и закрыли дверь на замок. Взял свинопас свою скрипку и заиграл. Лев слушает и к парню приглядывается, а тот играет и орехи грызет: сам ест и льва потчует. Лев и говорит:

— Ох, как вкусно! Дай мне, я тоже буду грызть.

Свинопас и вытащил ему камешков из другого кармана. Лев грызет изо всех сил, старается, а разгрызть не может. Отдал тогда лев свой камешек свинопасу и говорит:

— А ну-ка, ты разгрызи!

Спрятал парень камешек в руке, а в рот взял орех. Щелкнул — и снова отдал льву ядрышко.

— Ну, — говорит лев, — ты, видно, сильнее меня! А не паучишь ли ты меня играть на скрипке?

— Отчего бы и не научить! — отвечает парень. — Только у тебя очень уж грубые и толстые пальцы. Надо их сначала выпрямить, а потом уж играть учиться.

Стены в подвале были из толстого-претолстого листового железа. Взял парень клин и приподнял им один лист.

— Просунь сюда свои пальцы, — говорит он льву. — Вот они у тебя и выпрямятся.

Засунул лев обе передние лапы под листы, а парень вытащил клин, опустил листы на львиные когти, а сверху еще и клином прижал, — льву и не пошевелиться.

Тогда свинопас развел в горшочке мыло и намылил льва, потом достал бритву и начал его брить. Обрил наполовину, только косматую гриву оставил да кисточку на хвосте.

А потом вытащил кнут и давай стегать льва по голому заду! Лев взвыл от боли и поклялся парню, что никогда и ни за что его не тронет, станет ему во всем послушен, и если будет на то его воля, то даже уйдет от старого пана. Парень сжалился наконец и освободил льва.

Между тем рассвело. Парень улегся на кровати и притворился, что спит, а лев свернулся кольцом, как собака, и примостился у его ног.

Приходит в подвал слуга и зовет льва. А лев отвечает:

— Тише ты, не то он и тебе зад обреет и кнутом огреет.

Слуга остолбенел, а потом бросился в панские покои и рассказал все пану.

— Дурак ты! — говорит ему пан. — Мой лев уже многих храбрых мужей погубил. Неужто ему с этим глухим свинопасом не справиться?

Пришел пан в подвал и крикнул:

— Лев, как дела, братец?

А лев ему тихо отвечает:

— Уходи, не то он и тебе зад обреет и кнутом огреет.

Тут парень сделал вид, что проснулся, и спрашивает:

— Кто там?

— Мой старый пан, — говорит лев.

Свинопас говорит:

— Открой ему, пожалуйста.

Открыл лев двери, пан вошел и направился к кровати, а лев на него ворчит и не дает подойти к свинопасу.

Взял пан свинопаса в покои и сказал, что женит его на своей дочери, раз он целую ночь со львом высидел.

Сыграли немедля свадьбу, а пану-то стыдно, что зять у него свинопас.

Что делать? Приказал пан запрячь карету и насыпать в нее столько денег, сколько могут увезти лошади.

— Садись, зять, в карету, — говорит пан свинопасу, — и поезжай на все четыре стороны, только чтобы я тебя больше не видел.

А льва пан оставил у себя.

Когда карета, по расчетам пана, была уже почти у границы, отправил пан льва в погоню и приказал зятя и дочь спасти, а деньги привезти назад.

Увидел свинопас в окошечко погоню и говорит жене:

— Жена моя, делай все так, как я тебе велю, иначе не сносить нам головы. Разденься донага, выйди из кареты, стань на четвереньки и скачи сзади.

Сделала жена все так, как он приказал, а лев как увидел ее, так задрожал от страха и помчался обратно. Прибегает он к пану и рассказывает:

— Пан мой, там страху не оберешься. Меня он хоть до половины обрил, а другого целиком. Как испугался я, как кинулся домой, аж песок заклебился. Пусть он себе одет, куда хочет, а я его догнать не буду.

Я тоже там был и все видел, а если не верите, посмотрите на мои сапоги: еще и песок не осыпался.

43. МУЖИК, МЕДВЕДЬ, КОНЬ, ЗАЯЦ И ЛИСА, ИЛИ ЕСТЬ ЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ НА СВЕТЕ

Как-то собрался мужик в лес за дровами. А на дворе дождь хлещет, ветер сосны выворачивает с корнем.

Пришел мужик в лес и только начал рубить сучья, слышит — кто-то стонет, да так жалобно. У мужика от страха душа ушла в пятки. Однако подошел он к тому месту, откуда слышался стон; смотрит — под поваленной сосной лежит медведь и еле дышит.

Мужику стало жаль зверя. Взял он две жерди и две чурки, приподнял жердью один конец бревна и подложил чурку, потом с другой стороны приподнял и подложил вторую.

Освободил мужик медведя, а тот очухался немного и говорит вместо благодарности:

— Я тебя съем.

— Побойся бога! — отвечает мужик. — Где ж это видано? Ведь я спас тебя от верной смерти.

А медведь знай свое: съем да съем. Хотел мужик божать, да не вышло — медведь крепко его держит.

Видит мужик — дело плохо. Вот и говорит он медведю:

— Без суда никого есть не полагается. Пусть нас кто-нибудь рассудит.

Медведь согласился. Пошли они искать судью, а непогода совсем разгулялась — дождь сечет и ветер воет. Вдруг видят они — пасется на лугу конь.

— Рассуди нас, дружище, — говорит мужик коню.

Поведал мужик все, как было, а конь и отвечает:

— Ну что ж, прав медведь. За добро, видно, всегда платят злом. Пока я был молод — работал на хозяина, но жалей сил, а теперь ослабел, и жаль ему стало для меня клочка соломы, выгнал он меня на дождь и ветер. Вот и грызу я теперь здесь дубовые ветки.

Не понравились мужику слова коня.

— Пойдем дальше, — говорит он медведю, — поищем другого судью.

Пошли они дальше. Вдруг навстречу им заяц.

— Эй, косой, ты должен нас рассудить! — говорит медведь.

Заяц испугался:

— Как же я вас судить буду?!

Мужик рассказал зайцу все, как было, а заяц и говорит:

— За добро всегда платят злом. Я никому ничего худого не сделал, а на меня нападают все, кому не лень: и собака, и волк, и даже ворона. Не могу я так больше жить. Возьму и утоплюсь.

Кинулся заяц к реке топиться, а там на берегу сидела жаба. Увидела жаба зайца и ускакала.

«Эге! — подумал заяц. — Пожужу-ка я топиться: есть еще и такие, что меня боятся».

А мужик и медведь тем временем идут себе дальше. Видят — бежит навстречу лиса.

Рассказали они лисе все, как было.

— Рассуди нас, кумушка!

— Хорошо, — согласилась лиса.

А мужик отвел лису в сторону и прошептал ей на ушко:

— Если рассудишь как следует — получишь в награду шесть курочек.

Тогда лиса и говорит:

— Как же я буду судить вас, если я даже не видела места, где медведя придавило?

Пошли они все трое в лес, к поваленной сосне.

— Ты, мужик, говоришь, что поднял дерево, под которым лежал медведь? — спрашивает лиса. — А сможешь ли ты снова это сделать?

Мужик взял жердь, поддел сосну и приподнял ее.

— А теперь, — говорит лиса, — ты, мишка, лезь под сосну, покажи, как ты лежал.

Медведь улегся под деревом, а мужик убрал жердь, сосна и привалила медведя снова.

Поблагодарил мужик лису и дал ей для начала одну курицу.

На другой день лиса пришла за второй, на третий — за третьей курицей. Отдал мужик и третью, а на четвертый день одолжил у соседа двустовку, подкараулил лису у овина да как грохнет в кумушку!

Промахнулся мужик, а лиса — давай бог ноги. Только на бегу и крикнула:

— Так вот какова твоя благодарность!

Тут и сказке конец.

44. ОРЕЛ И КРАПИВНИК, «КОРОЛЬ ПЛЕТНЕЙ»

Давным-давно, в незапамятные времена, слетелись птицы, большие и маленькие, чтобы избрать себе короля.

— Кто выше всех взлетит, тот и будет королем, — предложила сорока. Очень уж не терпелось ей высказаться.

Птицы согласились. Решили попытать счастья трижды. В первый раз выше всех взлетел орел.

Полетели во второй раз. А маленький хитрый крапивник тихонько спрятался у орла под крылом.

Когда орел обессилел и не мог уже подниматься выше, крапивник выпорхнул на волю и — фр!.. фр!.. — взмыл высоко над всеми. Птицы подивились: вот тебе и итичка-невеличка!

А крапивник готов лететь и в третий раз. Не мудрено: ведь он ни капельки не устал.

Снова поднялись птицы в небо. Но теперь уже все следили за крапивником, раз ему быть королем.

И вдруг все увидели обман: крапивник сидел под крылом у орла!

Птицы набросились на него с криком:

— Ах ты обманщик!

С той поры злополучная пичуга всегда прячется в крапиве под плетнем.

За это ее и прозвали «Королем шетней».

45. КОРОСТЕЛЬ И ПЕРЕПЕЛКА

Влюбился коростель в перепелку. Захотелось ему поцеловать перепелку, он и отправился к ней.

— А что ты мне дашь за это? — спрашивает перепелка.

— Хочешь, дам тебе теленка?

— Правда, дашь?

— Дам.

Перепелка согласилась. Поцеловались они, и коростель отправился за теленком.

Пошел коростель домой, а сам все думает!

«Как тут быть? Что же делать? Теленка-то нет!»

Ждала, ждала его перепелка и стала звать:

— Вабжик, вабжик, гони теленка...

Откликнулся коростель, как будто скотину погоняет!

— Хэй, тпру, тпру, хэй!

С тех пор они так и кричат.

46. АИСТ И УТКА

Шел аист по деревне и встретил утку. Говорит он утке:

— Пойдем бродить по свету!

— Как же я могу бродить с тобой? Скоро праздники, я должна для своей хозяйки нанести побольше яиц. Тогда и меня сытно накормят.

— Подумаешь! Невелика награда за такие хлопоты. Лучше пойдем со мной.

Пошла утка с аистом. Пришли они на постоянный двор, приказали подать себе пива, хлеба и сыра.

Съели они весь ужин, трактирщик потребовал платы, а ни аисту, ни утке платить нечем.

Посадил трактирщик обоих в кухню. На другой день приходит и спрашивает:

— Платить будете?

Говорит аист трактирщику:

— Отпусти ты нас. Зачем в кухне держишь?

— Когда заплатите, тогда и отпущу, — отвечает хозяин.

Вдруг видит трактирщик: утка-то на яйцах сидит! Он взял эти яйца, а утку отпустил.

— Почему ты утку отпустил, а меня нет? — спрашивает аист.

— Утка снесла яйца, я эти яйца подложу под другую утку, из них вырастут новые утки. Они мне возместят то, чего не заплатила твоя попутчица, — ответил трактирщик.

Остался аист один в кухне.

Немного погодя трактирщик приходит снова. Видит — аист стену носом долбит.

Удивился трактирщик.

— Зачем, — говорит, — тебе дыра понадобилась?

— А там кошелек, — отвечает аист. — Вот и я расплачусь с тобой.

Наклонился трактирщик, чтобы получше разглядеть кошелек с деньгами, тут аист его — цап! — клювом за нос и держит.

Лучше не спрашивай, что было дальше. Спросишь — рассказчик непременно тебя за нос схватит. Такая уж это история.

И с моим носом так случилось.

47. СОВА И ЯСТРЕБ

Когда-то бог велел ястребу питаться мелкими птичками. Сова услышала об этом и испугалась: вдруг ястреб съест ее деток!

Решила сова пригласить ястреба в корчму. Угостила его горилкой, а потом и попросила: не трогай, мол, моих крошек.

— А которые твои? — спросил ястреб.

— Мои самые красивые, — ответила сова.

— Ну, ладно.

Пошел ястреб охотиться. Смотрит на тех, на этих птенцов — все красивые.

Наткнулся он на совят:

— Ну, уж хуже уродов не найдешь! — И съел их.

Узнали птицы о том, что говорила сова, и подняли ее на смех.

С тех пор сова днем прячется, не летает. Стыдно ей, да и зло берет, что над нею все потешаются.

48. ЖАВОРОНОК И ВОЛК

Жил на свете жаворонок, и было у него гнездо под кустом. Задумал однажды крот подрывать это гнездо и принялся за дело.

Бедный жаворонок из сил выбивается, кричит, крыльями машет, чтобы крота отогнать и птенцов спасти.

Услыхал волк этот шум, подошел поближе и спрашивает:

— Ты чего так раскричался? Не с голоду ли? У меня брюхо совсем свело. День уже на исходе, а сколько ни высматриваю, даже паршивенького зайчишки, и то не попадается.

— Я кричу оттого, что крот хочет мое гнездо разрушить, — ответил ему жаворонок.

Волк и говорит:

— Если ты меня накормишь, я спасу твое гнездо.

— Хорошо, я накормлю тебя, — пообещал жаворонок.

— Ну, показывай свой дом! С кротом я живо управлюсь.

Обрадовался жаворонок, подвел волка к гнезду. Засунул волк лапу в нору, вытащил крота и убил.

— Больше крот тебе досаждать не будет. А теперь выполняй обещанное: корми меня, — говорит волк.

— Хорошо, иди за мной.

Жаворонок полетел, а волк побежал за ним следом. Добрались они до какой-то деревни, а там как раз играли свадьбу. Заглянули жаворонок и волк через окно в одну

избу и увидели, что столы так и ломаются от яств. Чего там только нет: и жареного, и пареного, и вареного, и печеного.

— Я залечу в избу, а ты сторожи у окна, — говорит жаворонок.

А волк и глаз от стола оторвать не может, слюнки так и текут.

Залетел жаворонок в горницу и давай летать под потолком. Суматоха поднялась, люди бегают за ним, поймать стараются. Полетел жаворонок на кухню и увел за собой и гостей и хозяев.

А волк тем временем влез в окно, набил полное брюхо и был таков.

Вылетел жаворонок через трубу на свободу, а волк и говорит:

— Спасибо тебе, наелся я отменно, теперь не мешало бы и попить.

— Идем со мной, — сказал жаворонок и полетел, а волк опять припустился за ним.

Вдруг видят: едет по дороге шинкарь и везет на свадьбу пиво. Жаворонок опустил на бочку. Только шинкарь протянет руку, чтобы схватить его, а жаворонок уже на другом месте сидит и словно поддразнивает. Ловил, ловил его шинкарь, разозлился да как запустит топором в пташку! Жаворонок снова увернулся, а топор попал в бочку и расколол ее.

Тут уж волк попил пива вволю. А потом и говорит:

— Теперь я хочу повеселиться.

— Идем со мной, будет тебе веселье, — пообещал жаворонок.

Опять жаворонок полетел, а волк побежал за ним.

Видят они — отец с сыном молотят на гумне хлеб. Жаворонок полетел на гумно, а волку сказал, чтобы смотрел издали.

Сын увидел птичку и бросился за ней. А жаворонок вспорхнул и сел отцу на шапку.

— Стой, отец! Не шевелись! Жаворонок у тебя на шапке сидит! — кричит сын.

Тут он как хватит отца кулаком по темени, тот еле на ногах устоял.

А волк от хохоту совсем с ног свалился, даже лапы вывихнул и долго потом ходил прихрамывая.

— Ну, — говорит волк, — всем я доволен: наелся, напился, натешился. Пойду-ка домой, в лес.

Увидели люди волка, кинулись за ним, да где там! Его и след простыл.

40. СЕЛЬДЬ И КАМБАЛА

Великое множество рыб живет в Балтийском море. Есть там сельдь, камбала, треска, лосось, угорь, салака — всех не перечесть. Живут они сообща, плавают большими косяками, по тысяче голов, а водят те косяки самые сильные, самые ловкие.

Есть у рыб и свой язык, только он не похож на людской, потому что разговаривают рыбы с помощью хвоста. Такой разговор понятен лишь рыбьему племени.

Есть у рыб и свои сторожа. Чуть только такой сторож почувствует неладное, он тут же подает знак и плывет прочь от опасного места. Следом за ним и другие рыбы. Заслышит ли сторож плеск весел или рокот мотора — сразу же бьет тревогу, и все бросаются враспынную. Только бесшумная сеть не вызывает у рыб опасений, вот тут-то и попадают они в ловушку.

Однажды среди балтийских рыб разнеслась весть: звери выбрали себе короля.

Любопытные расспрашивали тех, кто принес эту новость:

— А кого же они выбрали? Кого?

— Медведя.

— И зачем это зверям понадобилось такое лохматое страшилище?

— Да ведь он силы непомерной и рычит так, что всякий услышит его приказания.

А вскоре и другие новости дошли до рыб:

— У птиц тоже есть правитель!

— Кто же это?

— Орел.

Рыбы посмотрели друг на друга и призадумались.

И вот одна промолвила:

— У зверей есть король, у птиц тоже. Чем же мы, рыбы, хуже? И нам нужен король.

Тут вперед протолкался важный лосось. Втайне он надеялся, что его-то и изберут королем.

— Да, — говорит, — это верно, давайте выберем.

Все рыбы, как одна, забили хвостами в знак согласия.

— Давайте выберем, выберем!

— Но кого же? Кого?

И вот тут оказалось, что все думают по-разному.

— Лосося! Он самый сильный и ловкий! — крикнул кто-то из лососей породы.

— Нет, — возражали другие. — Лосось — изменник: весной он уходит из Балтийского моря и бродит неизвестно где, по каким-то рекам. Весной мы останемся без короля.

— Ну тогда выберем треску, — предложили другие. — Треска — сильная рыба, все будут ее слушаться.

— Не хотим треску! — закричали со всех сторон. — Это разбойница! Она нападает на наших деток и пожирает их без всякой жалости.

— Так кого же нам выбрать? — задумались рыбы. — Кто будет нашим королем?

Долго они еще махали хвостами и до устали спорили, хотя человек бы тут ничего не услышал. А рыбы наперебой предлагали то одного, то другого в короли, но к согласию прийти не могли. И тут возникло у них такое решение:

— Пусть королем нашего водного царства будет тот, кто быстрее всех плавает. Хорошо плавать — это самое главное для рыб.

Сказано — сделано. Назначили состязание. Каждая рыба семья выделила от себя самого сильного, самого ловкого. И вот все посланцы выстроились в длинный ряд. Были тут и высокомерный лосось, и могучий осетр, и прожорливая треска, и невзрачная селедка, и угорь, и много других рыб. По знаку главного судьи взмахнули они хвостами, распустили плавники и ринулись вперед, даже морская гладь вспенилась.

Сначала все плыли рядом. Потом некоторые стали отставать, и шеренга рыб превратилась в цепочку. Наконец впереди остались лосось, треска и, что уж совсем неожиданно, тощая и невзрачная селедка. В конце концов даже лосось и треска начали отставать, а селедка, привыкшая к скитаниям по Северному и Балтийскому морям, плыла и плыла как ни в чем не бывало.

Рыбы собрались у огромного камня и с волнением издали, кто же у них будет королем. А когда увидели, что перх взяла селедка, поначалу удивились. Каждый подумал: какой из селедки толк? Но тут же с этим смирились. Что ни говори, а селедка первая подплыла к камню. Судьи решили единогласно:

— Победила селедка, она и будет королевой.

Косяки рыб так сильно затрепыхали хвостами, что по морю пошли волны. Это они радовались, что и у них теперь есть королева. Долго в тот день бурлило море. И люди удивлялись, почему оно волнуется без ветра.

Недовольна осталась одна только камбала. Она хотела для состязания получше принарядиться и поплыла домой за своим сине-серым фартуком, которым очень гордилась. В нем она выделялась среди всех рыб. Но когда вернулась к большому камню, состязание уже закончилось. Запыхавшись, камбала прокричала:

— Кто победил? Кто будет нами править?

А узнала, что королевой селедка, — от злости скривила рот и процедила сквозь зубы:

— Что? Селедка? Эта тощая голодранка? Вот уж, нечего сказать, королева! Посмотрите лучше на меня! Как широка я в бедрах, как наряден мой фартук! Не признаю этих выборов! Как могли не подождать меня? Протестую! Все начнем снова.

Сначала рыбы не обращали внимания на ворчание надутой камбалы. Потом ей сказали:

— Селедка приплыла первой, она и останется королевой балтийских рыб.

Но камбала твердила свое. И тут рыбы подняли ее на смех.

— Ишь, захотелось нашей сударыне поцарствовать. Нашла чем гордиться — фартуком! Нечего сказать, хороша королева в фартуке!

Тогда камбала в гневе взмахнула коротким хвостом и уплыла под общий смех.

С той поры сельдь правит в Балтийском море, а камбала навсегда осталась в своем фартуке с перекошенным от зависти ртом.

Волшеб-
ные
сказки

50. О РЫБАКЕ
И ТРЕХ
ЕГО СЫНОВЬЯХ

ил-был один рыбак. Пошел он как-то раз на ловлю, забросил сеть и поймал рыбу с серебряным хвостом и серебряными плавниками. Рыба ему и говорит:

— Пусти меня, поймаешь еще лучше.

Закинул он сеть еще раз и поймал рыбу с золотым хвостом и золотыми плавниками. И эта рыба его просит:

— Пусти меня, поймаешь еще лучше.

Закинул он сеть в третий раз и долго ничего не мог дожидаться, стал уже горевать, что отпустил золотую рыбу. Но потом потянул сеть и вытащил рыбу с алмазным хвостом и алмазными плавниками.

Эта рыба спрашивает его:

— Есть у тебя жена?

— Да, — отвечает рыбак.

— А кобыла?

— Тоже.

— А сука?

— Есть.

— Тогда разрежь меня на три куска, один дай съесть жене, другой — кобыле, третий — суке, а сам ничего не ешь. Потом вынь из каждого куска по кости, зарой их в саду, и вырастет на том месте по дубу. И предсказываю: жена твоя будет иметь троих сыновей, кобыла — трех жеребят, сука — трех щенят. А если кто из сыновей погибнет, то его дуб засохнет.

Пришло время, и жена родила троих сыновей, кобыла — трех жеребят, а сука — трех щенят. Все сыновья были друг на друга так похожи, что невозможно отличить. И жеребята и щенята были тоже как один. А матери надо было знать, кто же из сыновей старший, а кто — младший. Поэтому она повязала им на руки те-семки.

Сыновья подросли, и вскоре им надоело сидеть дома. Тогда старший сын взял старшего из трех коней, старшую из трех собак и старую саблю со стены. Простился с отцом и матерью и пошел искать счастья по белу свету. Родители не хотели поначалу его отпускать — жаль было, — но он настоял на своем и все же покинул отчий дом.

Ехал старший сын, ехал и приехал в один город. Смотрит, а он весь в трауре. Задумался юноша: почему же весь город одет в черное сукно? Идет в корчму и спрашивает об этом шинкаря.

— Да вот, дорогой мой, — отвечает ему шинкарь, — есть у нас в городе дракон, и каждый день мы обязаны давать ему на съедение человека. Завтра — очередь королевской дочери, повезут ее на съедение ненасытному чудищу: потому-то город и оделся в траур.

— В котором часу ее повезут?

— В семь утра.

— Как повезут — разбуди меня.

А сам уж и глаз сомкнуть не может, все смотрит, не везут ли королевну.

К семи часам старший сын уже оседлал коня, накормил его и собаку. Стоит у окна и ждет. Как увидел, что везут королевну, быстро сел на коня и поехал за нею. Все сопровождающие уже повернули обратно, даже король и королева отступились, а он едет и едет.

Приехали они с королевной на место, встали на колени у часовни, под которой лежал дракон, и молятся в ожидании чудовища.

Вот слышат они — земля трястись стала, королевна и говорит ему:

— Иди-ка отсюда, а то оба погибнем.

— Как богу будет угодно, — отвечает он ей.

Снова затряслась земля, и королевна опять советует:

— Уходи отсюда, а то оба погибнем.

— Как богу будет угодно, — отвечает он и обращается к коню и собаке: — Как дракон выйдет из норы,

ты, конь, прыгай скорей на него, ты, пес, хватай за хвост, и я буду рубить головы.

А королевне он велел отойти подальше, в сторону.

Тут выходит дракон, поднимает свои головы, а их у него оказалось двенадцать. Конь быстро вскочил на него, пес схватил за хвост, а старший сын начал рубить головы, да так, что все они поотлетали, кроме одной, средней, самой большой, которая еще держалась. Подняту-жился он, отрубил и эту, однако сам обессилел и упал в лужу ядовитой драконовой крови.

Как увидела это королевна, схватила его, оттащила и давай отмывать. Как отмыла да привела в чувство, так сказала, что выйдет за него замуж. Дали они под голубым небом клятву, что будут верны друг другу год и шесть недель, а пройдет этот срок и один из них не явится, то ему можно будет жениться, ей же — выходить замуж.

Старший сын повырывал из драконовых голов все жала, сложил их в мешок, закопал его под часовней, а сам пошел дальше странствовать по белу свету. Королевна собралась и отправилась домой. Идет одна по лесу, встречает пожилого мужчину — лесника. Тот пошел за ней вслед и спрашивает:

— Куда торопишься?

— Домой.

— Зачем?

— Был тут один человек, убил дракона и спас нас всех. Вот с этой новостью я и спешу во дворец.

Лесник не поверил. Тогда королевна говорит ему:

— Коль не веришь, пойдем со мной, убедишься сам.

Вернулись они к той часовне, смотрит лесник и видит, что правда. И начал он грозить ей:

— Если не поклянешься под этим небом, что это я убил дракона и спас всех, сразу же лишу тебя жизни. Должна ты поклясться, что до конца дней своих мы будем вместе и ты станешь моей женой. А теперь пошли к отцу.

— Не пойду я, — говорит королевна. — Не могу при- сягать второй раз и нарушать первую клятву.

Про себя же думает: «Вынужденный обет господь бог все равно не примет».

Посмотрела потом на небо и сказала:

— Все будет, как ты велишь.

Поклялась, а про себя подумала: «Не выйду замуж год и шесть недель, проведу это время в печали и горестях, уповая на господа бога».

Собрались они, идут оба к королевскому дворцу, к матери и отцу.

— Это я убил дракона, — говорит им лесник.

— Раз ты его убил, то бери ее в жены, — отвечает король.

Лесник хотел, чтобы сейчас же объявили о свадьбе, но королева ответила матери и отцу:

— Выйду замуж только через год и шесть недель.

— Почему? — начали допытываться они.

— Так я решила и такой обет дала господу богу, — отвечает королева.

Минуло год и шесть недель, а ее первого нареченного все нет и нет. Прошло еще семь дней. На восьмой неделе сделали первое оглашение брака, на девятой — второе, а на десятой неделе — третье и должны были уже сыграть свадьбу.

В это время первый ее нареченный приехал в ту же корчму, где был раньше, и спрашивает того же шинкаря:

— Что слышно нового?

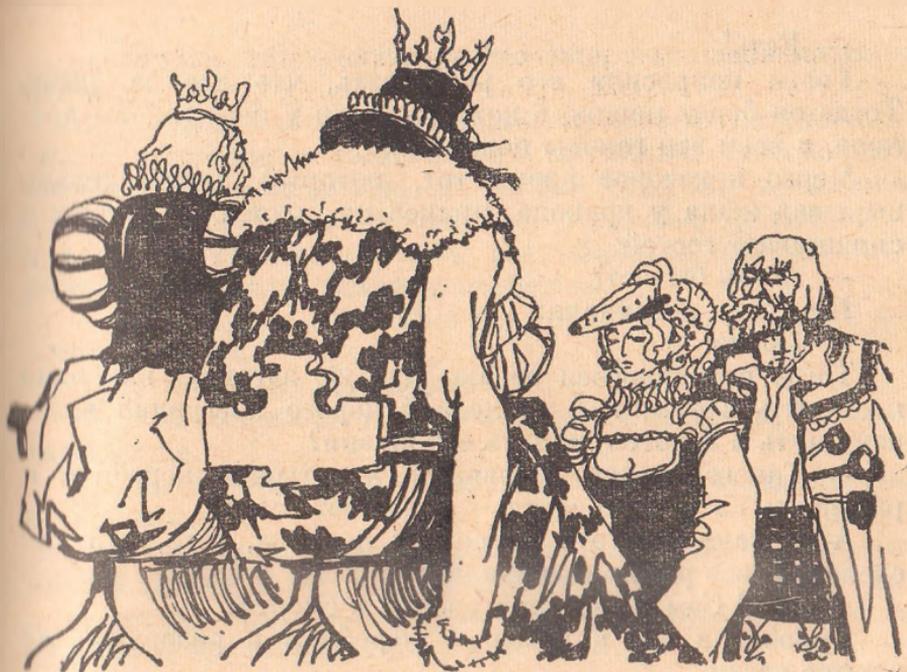
— Теперь жизнь пошла на лад. Раньше нужно было каждый день давать дракону на съедение человека, но нашелся божий избранник, убил этого дракона, не будет он теперь есть людей, смельчак же берет в жены королевскую дочь, сегодня свадьба, — отвечает ему шинкарь.

— Я хочу быть на этой свадьбе, — говорит странник. А сам тем временем берет перо, лист бумаги и пишет своей нареченной письмо и напоминает о клятве перед господом богом. Затем обвязывает той же собаке, что помогала убивать дракона, шею подаренными королевой платком и фартуком и велит бежать во дворец. А дворец так обложило королевское войско, что проскочить было невозможно. Но верный пес нашел все-таки лазейку среди сотен ног, добрался до дворца и прибежал в комнату, где сидела плачущая королева. Как увидела она собаку, закричала и упала в обморок. Услышали это король и королева, бросились в ее комнату и спрашивают:

— Что случилось, доченька?

А она лежит на полу и ничего не отвечает.

Начали они ее трясти. Как пришла в себя, то снова спросили:

— Доченька, что случилось?

— Дорогие мои родители! Это же мой первый муж, которого я полюбила и поклялась господу богу, что ни за кого другого не выйду.

Стал ее отец расспрашивать, как и что. Она ему все подробно рассказала, как было, и как лесник хотел ее убить, и как велел он ей присягнуть, что она станет его женой, и заставил говорить перед всеми, что это он убил дракона.

Тут мать и отец посоветовались, что делать: предавать все огласке или нет? Более мудрый отец так сказал королеве:

— Пока ничего объявлять не будем, устроим сначала пир, пригласим побольше гостей, а со свадьбой подождем, пока гости не отгадают наших загадок.

Так и сделали. Пригласили много народу, в том числе и того лесника. Сначала все беседовали между собой, а один из гостей по поручению короля принялся спрашивать собравшихся:

— Есть ли на свете такой зверь, который бы не имел ни языка, ни жала?

Тут лесник выходит на середину и говорит:

— Есть!

Гости попросили его рассказать, что это за зверь. Тогда он берет мешок, в котором были у него головы дракона, и всем эти головы показывает.

Через некоторое время тот, который действительно вырывал жала у дракона, принес их, вложил в головы и спрашивает гостей:

— А так бывает?

Все гости закричали:

— Bravo!

Тогда собравшимся задают другую загадку: как надо поступить с тем, кто на лесной дороге преградил человеку путь и захотел лишить его жизни?

— Такого следует привязать к четырем жеребцам и разорвать на четыре части, — отвечают гости.

А сказали они это по совету лесника, того, кто так сделал. И все разом закричали:

— Ура! Сам себя и приговорил к смерти!

Привязали его к четырем жеребцам и разорвали на четыре части.

Тому же охотнику выправили церковное разрешение, обвенчали и сыграли свадьбу.

Как пошли молодые в первую ночь на брачное ложе, положил старший сын между собой и молодой женой саблю и сказал ей:

— Целую ночь нельзя ничего говорить, а заговоришь, то сабля сразу нас порубит.

Так прошла одна ночь, другая, целая неделя, а уже потом стали разговаривать и днем и ночью.

Миновало несколько недель, начал он скучать и просить короля, чтобы тот разрешил ему поохотиться в окрестном лесу. Но король знал: кто туда пойдет, обычно не возвращается. Поэтому он и не хотел отпускать зятя. Но тот продолжал настаивать на своем и все же поехал. Король приставил к нему охрану из трех стражников, чтобы те были все время около него и домой проводили.

Попал охотник в дремучий лес. И тут увидел оленя с золотыми рогами и золотой шерстью. Собака помчалась за оленем, конь — за собакой, а стражникам было не угнаться — отстали. Вернулись они назад и обо всем рассказали королю. Тот посадил стражников в тюрьму и повелел:

— Будете под арестом до тех пор, пока зять не вернется.

А старший сын как погнался за оленем, вокруг сделалась крошечная тьма, ничего не видно. Он наломал хворосту, сложил костер и греется. Спустя некоторое время подходит к нему старуха, сопливая, губошлепая, к тому же еще и горбатая, вся обмерзла, трясется от холода и просит разрешения погреться.

— Пожалуйста, грейся, я ведь тоже сижу у костра, — отвечает он ей.

— Паночек, я собаки боюсь.

— Мой пес никому ничего худого не сделал, не сделает и тебе.

— Ой, паночек мой, прогони же собаку, чтобы не кусала меня.

Охотник взял прут, замахнулся на верного друга, и все окаменели: и пес, и конь, и он сам.

В тот же миг в доме у его отца засох самый большой дуб. Тогда брат говорит отцу и матери:

— Дорогие родители, плохие вести: зачах дуб — значит, брат мой умер.

Собрался он в дорогу и говорит отцу и матери, что отправится на поиски брата. Оседлал он второго из трех коней, взял с собой вторую собаку, снял со стены одну из сабель, простился с родителями и отправился в путь-дорогу.

Пришел в ту же корчму, где был брат, и спрашивает:

— Что слышно нового?

Шинкарь поздоровался с ним и отвечает:

— Вы столько недель были на охоте и сами должны принести мне новости.

Юноша на это ничего не ответил, а про себя подумал: «В чем дело? Первый раз меня видит, а такое говорит. Не иначе, когда-то здесь был мой брат».

Тем временем шинкарь сообщил во дворец, что королевский зять у него. Король приехал за ним на четверке лошадей, просит его в карету и спрашивает:

— Где же ты, зятек, так долго пропадал?

— Погоди, будет время, поговорим, теперь же некогда, устал я.

Приезжает он домой, жена подбегает к нему и говорит:

— Любимый муженек, где же ты так долго пропадал?

— Скажу я тебе, но чуть позже. — Ему хотелось узнать, за кого же его все-таки принимают.

В первую ночь он положил саблю посреди постели и велит жене:

— Не спрашивай и не разговаривай, иначе сабля надорубит.

— Так первая же ночь давно прошла.

— Верно. Но меня так долго не было, что можно считать: теперь опять первая ночь.

Прошло несколько дней. Так он ничего и не узнал о старшем брате. Наконец начал просить короля, чтобы тот разрешил ему поохотиться.

— Я только что выпустил из тюрьмы стражников, которые не могли тебя доставить до дому, — отвечает ему король.

— Дорогой отец, теперь я и один вернусь благополучно.

— Нет уж, так не отпущу, дам тебе на этот раз шестерых стражников, чтобы ты не удрал от них, как в тот раз.

Выехал он на охоту, а за ним шесть стражников: трое — с одной стороны, трое — с другой. И подъехали они к тому лесу, и тотчас же вышел из него олень с золотыми рогами и золотой шерстью. Увидел пес оленя, погнался за ним, а конь — за собакой, стражники — за конем, но не смогли догнать. Вернулись они домой и сообщили королю, что такая погоня им не под силу.

А охотник заехал подальше своего брата в лес, такой темный и дремучий, что ни зги не видно. Тут еще стало так холодно, что он не выдержал и разложил костер. Греется и видит старуху, сопливую, губошлепую, горбатую, вся обледенела, продрогла и спрашивает его:

— Паночек, разреши погреться у огня, уж больно я замерзла.

— Не видишь разве, я греюсь? Подходи и ты.

— Я бы подошла, да собаки боюсь, возьми прутик, прогони ее или хоть пригрози, чтобы меня не укусила.

— Мой пес никого не тропет, подходи, не бойся. А из-за такой старой колдуньи, как ты, собаку обижать не стану.

Она же продолжает настаивать: хоть пригрози, мол. Тот взял прут и замахнулся на собаку, и все опять окаменели.

Тем временем дома засох еще один дуб. Младший брат, которого все считали самым глупым, говорит своим родителям:

— Батюшка, матушка! Опять плохие вести, погиб и второй брат — дуб-то засох.

И стал он просить родителей, чтобы разрешили ему поискать братьев. Но они испугались, что и этот сын погибнет.

— Не разрешите, так руки на себя наложу. Все равно погибну здесь, а там, даст бог, может, и отыщу братьев и со мною ничего не случится, — отвечает им сын.

Накормил он своего козя, собаку, попрощался с родителями и отправился искать братьев по белу свету. Ехал молодой охотник, ехал и добрался до корчмы, где были двое братьев. Спрашивает у шинкаря:

— Что нового?

— Ничего. То же, что и всегда.

И тут же дает знать королю, что его зять объявился. Приехал король на шестерке коней и спрашивает:

— Дорогой мой зять, где же ты пропадал? Жена-то все глаза проплакала ожидаючи, думала, что погиб ты совсем.

— Так, развлекся немного, — ответил младший сын.

Приезжают они домой, а жена его и спрашивает:

— И что-то ты делал столько времени?

— Женушка, милая, скажу, когда будет время, — отвечает он.

Пришла ночь, и младший брат положил саблю посреди постели и просит жену:

— Не говори мне всю ночь ни слова, а то сабля нас зарубит.

— Ты же клал ее две ночи, теперь-то ни к чему.

— Но меня столько дней не было. Потерпи, придет время, тогда и поговорим.

Но вот и ему невмоготу стало сидеть на месте. Хотелось узнать — где братья. Он думает про себя:

«Надо мне отправляться в путь-дорогу, здесь ничего не узнаешь».

Идет он к королю-отцу и просит отпустить его на охоту. Тот ему отвечает:

— Дорогой мой зять, только что выпустил я шестерых стражников, что за тебя в тюрьме сидели, пойдешь снова, и снова придется их сажать.

— Я не буду таким глупым, чтобы кто-то из-за меня страдал. Пойду на охоту самое большее на сутки.

Король нехотя согласился, но дал в охрану девять стражников.

Добрался он до того леса, где погибли его братья. И появился перед его глазами олень с золотыми рогами и золотой шерстью. И спустилась тут страшная мгла — ничего не видно. Начал он дрожать от холода и подумал: «Что же делать? Придется развести огонь».

Наломал хворосту, сложил костер и греется. И снова появилась старуха, сопливая, губошлепая, горбатая, трясется вся и говорит ему:

— До чего же мне холодно!

И так повторила три раза.

— Ты что, костра не видишь? Подходи и грейся.

— Ой, паночек мой, собаки боюсь. Взял бы ты прутик да прогнал ее.

— Глупая ты старуха! Из-за тебя я побью собаку? Мне пес куда дороже.

— Ох, родной мой паночек! Хоть пригрози ему.

— Я тебе так пригрожу, что мигом ноги протянешь.

Она же стоит на своем: пригрози, и все тут.

Охотник обозлился, вскочил и давай старуху бить, да спрашивать:

— Где мои братья?

— Ничего-то я не знаю, пришла, как и ты, в лес и хочу только обогреться.

— Ах ты старая колдунья, почему велела бить мою собаку? Я уж догадываюсь: наверное, ты знаешь и о моих пропавших братьях! Если бы я побил собаку или пригрозил ей, и со мной бы то же самое случилось? Отвечай!

— Дорогой мой паночек! Если бы ты пригрозил собаке, то в лесу сразу бы посветлело.

— погоди же, старая колдунья! Что-то ты крутишь, рассказывай-ка лучше о моих братьях, а не скажешь — убью.

И так молодец стал ее лупить, что она все же наполовину призналась.

— Тут подальше, — говорит, — твой брат, а о втором-то я ничего не знаю.

— Ну, пойдн покажи, посмотрю-ка я на него.

Привела она его и показывает одного брата, вернее не его, а камень.

— Сделай так, чтобы он ожил, иначе — убую.

Взяла старуха какую-то травку, сунула ее под нос собаке. Пес встал, конь встал, встал и самый старший брат. Тогда воскрес и самый большой дуб. Родители обрадовались, что младший нашел брата и тот ожил.

А старший как встал, так и говорит:

— До чего же мне хорошо спалось!

— Ох, спалось, братец, спалось, ты же был камнем, — отвечает ему младший.

— Не болтай; почему это я был камнем?

— Не веришь, так пойдем к другому брату, убедись.

Тут они оба спрашивают колдунью:

— Где второй наш брат?

— Ничего о нем не знаю.

— Не скажешь, так уьем тебя и разорвем на куски.

И начали они ее бить до тех пор, пока не оторвали руку, а старуха все не признается. Рука же быстро снова приросла.

— Видишь, какая ты колдунья, оторвали тебе руку, а она опять пристала. И все же коль не скажешь о третьем брате, то уж мы как-нибудь постараемся, чтобы руки у тебя не прирастали.

— Хоть убейте, ничего не скажу, потому что ничего не знаю.

Тут принялись они рубить ее саблями, начала она кричать благим матом:

— Люди, побойтесь бога, хоть живой-то меня оставьте!

— Оставим, только расскажи о третьем брате.

— Ну, ладно, пойдете уж, покажу.

Повела она их еще дальше того места, где окаменел старший брат, подвела к камню, показывая и говорит:

— Вот второй.

— Сделай так, чтобы и этот встал, — пригрозили ей братья, — иначе уьем.

Взяла она травку с земли, сунула ее собаке под нос. Пес встал, конь встал, встал брат и говорит:

— До чего же мне хорошо спалось!

— Да, спалось! Был ты камнем. И конь твой и собака — тоже, — отвечают братья.

Тем временем дома распустился другой дуб. Родители очень обрадовались, что и второй сын ожил.

А лесную колдунью братья связали и давай рубить саблями. Но только отлетит от нее кусок мяса — и тут же сразу пристанет. Тогда они сказали собакам:

— Как что отскочит, хватайте и закапывайте в землю.

Собаки так и делали: отлетит кусок, его сразу же зарывают.

Увидели братья каменный стол, каменные сиденья, а на них сидящие изваяния — тоже каменные. Положили они колдунью на этот стол, принялись рубить саблями и порубили на части, мелкие же куски закапывали собаки, да так, что и следа не оставалось.

И вдруг услышали братья звуки барабанов и труб, а вместо леса увидели вокруг целый город. Войско так маршировало в нем, что они рты разинули.

Тут старший брат садится на коня и начинает командовать войском, ведет его в столицу. Видит король перед окном такую массу солдат и сообразить не может, откуда

войско взялось. И тут замечает впереди своего зятя, что сидит на коне и командовал войском.

Вышел король на улицу, позвал к себе зятя и спрашивает:

— Откуда ты, что это за войско?

— Любимейший отец и король! Лес, где я был, превратился в город, в нем же были околдованные солдаты.

Тут он ему рассказал о всех своих приключениях: как превратился в камень, как второй брат пошел его искать и с ним то же самое случилось, как на поиски вышел третий, самый младший и самый глупый, как нашел он их и избавил от каменного плена.

Король тогда спрашивает его:

— Где же твои братья?

— Я велел им ехать сзади войска, чтобы ни один солдат не отстал, все были доставлены в целости и сохранности.

Король приказал собрать всех братьев. Подъехали они, тогда король спрашивает младшего:

— Как же ты сумел оживить войско?

Тот рассказал ему все по порядку.

Король устроил бал, пригласил на него гостей, те ели и пили. Тем временем король посылает за своей дочерью. Пришла она, а братья сидят за столом. Король спрашивает ее:

— Ну, который твой муж?

Она подходит и никак не может их распознать, уж больно они похожи друг на друга. Тогда настоящий ее муж стал показывать королевне подаренные ею перстни и пальцем ее манить. Она заметила это, подбежала к нему и говорит:

— Этот мой, он спас меня от смерти.

Гости принялись кричать «виват», загремели пушечные салюты.

Гулял и я на этом балу. Был там и один подслеповатый канонир, я оказался рядом с ним под лавкой. Так этот собачий сын засунул меня в пушку и выстрелил. Летел я, летел, пока не оказался на мельнице, в том месте, куда зерно засыпают. До сих пор не знаю, как оно называется.

Вот и делу венец — значит, сказке конец!

Один король никак не мог дожидаться потомства! видно, был он обделен и божьей и людской милостью. Подданные его начали роптать, недовольные тем, что после смерти короля некому будет править государством. Даже подозревали королеву в супружеской неверности: как говорится, только на вытоптанной стежке трава не растет.

Наконец, много лет спустя, королева затяжелела. Но она так долго не могла родить ребенка, что отчаявшийся король воскликнул (что никак нельзя было делать):

— Пусть родится что угодно, лишь бы родилось!

И вот появилась на свет королевская дочь. Но она была проклята уже в утробе матери и родилась черной как уголь. Король был очень этим опечален и, глядя на необычного ребенка, сказал жене:

— Что ж поделаешь! Дар божий, надо растить...

Он приказал запереть дочь в башню, чтобы никто не мог увидеть лицо королевны. Созвал только отовсюду докторов, мудрецов и философов. Но они лишь без конца рассуждали, будто мать загляделась на звезды или какую-нибудь нечисть, но ничего путного посоветовать не могли. Только одна старая простая женщина предсказала королю, что дочь умрет восемнадцати лет, но, возможно, судьба над ней смиростивится, королевна восстанет из гроба и будет самой красивой девушкой в мире.

Как бабка предсказала, так оно и случилось.

Восемнадцать лет королевская дочь умерла, а перед смертью попросила отца, чтобы тот похоронил ее в костельной усыпальнице и каждую ночь ставил у гроба на часах солдата.

Король устроил дочери пышные похороны. В роскошном гробу, под звон колоколов, шелест траурных хоругвей и молебны многочисленного духовенства, ее похоронили в королевской часовне при костеле.

В первую же ночь к гробу поставили не солдатскую, а офицерскую стражу: король сделал даже больше, чем просила перед смертью дочь. А когда пробило двенадцать часов, гроб открылся и из него выскочила чернолицая королевна. Она сразу же задушила молодого офицера, жадно выпила его кровь и начала бесчинствовать в ко-

столе. Ломала свечи в алтаре, перевертывала кресты и скамейки, вдребезги разбивала статуи святых, в ключья рвала хоругви. Она прыгала и танцевала в костеле, словно страшный упырь, и только когда пропел петух, улеглась обратно в гроб.

Когда на другой день ранним утром король и его придворные узнали, что произошло в костеле, они сильно перепугались. Все же еще раз поставили офицерскую стражу, и еще один юноша погиб ужасной смертью.

Тут уж перетрусил все. Никто из офицеров и солдат не соглашался идти на верную гибель. Некоторые говорили, что королевская дочь — упырь или ночной дух и лучше всего отсечь у нее голову, положить ей за пазуху, тело перевернуть и похоронить на кладбище. Тогда уж она наверняка перестанет всех пугать. Но король хотел сдержать клятву, данную дочери перед смертью. Он велел собрать все свое войско и торжественно объявил: кто спасет черную королеву, тому он ни в чем не откажет, какая бы просьба ни была.

Но смельчака, который бы захотел распротиться с жизнью и пойти на пост в костел, не находилось.

Наконец все же объявился один старый солдат. Он прослужил королю семь лет, и все его ни в грош не ставили. Солдат никогда не был на исповеди, не верил ни в бога, ни в черта, больше всего на свете любил водку, а все, что имел, пропивал. Он знал, что по окончании службы ждать ему хорошего нечего. Дадут несколько грошей, латаный мундир да костыль на дорогу. Придется мотаться по белу свету да медленно подыхать с голоду. Солдату терять было нечего, он вышел из строя и заявил, что пойдет на богом проклятый пост при условии, если ему дадут на эту страшную ночь побольше водки и доброй закуски. Солдату поставили целую квартиру, но он сказал, что для его луженой глотки и три квартиры не будут лишними.

Получив все сполна, солдат смело отправился на пост. Начальство проводило его с почестями — все считали служивого обреченным. Как только он открыл дверь притвора и вошел в часовню, то первым делом приложился к фляжке. Потянул раз, другой, но храбрости не прибавилось. В часовне было темно и страшно. Только в одно окно пробивался лунный свет, и на стенах дрожали беспокойные блики. Было тихо до звона в ушах, но казалось,

что вот-вот начнется дьявольское наваждение и упырь шумом откинет крышку гроба.

Старый солдат присел на лавку и задумался над своей несчастной долей. Убеги он из костела — не миновать пули. Останься — загубит не только тело, но и, самое главное, душу. Он рад был бы исповедаться, но не было ксендза, а если бы стал его искать, — назвали бы трусом. Но знал он, что и делать! То вспоминал свои самые лихие приключения военных лет, и тогда в нем просыпался драчун и рубака, то снова страшно ему становилось за свою грешную душу.

Вдруг часы медленно и торжественно пробили десять. Бой их в тишине прозвучал так жутко, что служивый не выдержал и убежал из часовни.

Теперь ему было всё равно. Он мчался напрямик, лишь бы подалеже от того проклятого места, где упырь две ночи подряд уживался человеческой кровью.

Он бежал сломя голову, бежал, пока наконец не очутился на кладбище среди могил, и тут совершенно неожиданно услышал чей-то голос:

— Куда бежишь, чего так испугался?

Присмотревшись, служивый увидел перед собой седенького старичка с длинной бородой. Лицо у него было приветливое, доброе. Старый солдат сразу успокоился и рассказал ему все, как на исповеди.

— Не беги, служивый, — повелел старичок, — вернись в часовню, ничего плохого там с тобой не случится. Только разденься, насади на винтовку штык и воткни ее в скамью. Набрось на нее кивер и плащ, а сам спрячься за большим алтарем и сиди там спокойно, что бы ни случилось.

Солдат осмелел, вернулся в часовню и сделал все, как советовал старичок.

Когда наступила полночь, гроб со страшным грохотом раскрылся. Черная королева выскочила на середину часовни и, увидев укутанную плащом винтовку, закрычала:

— А-а-а-а! На сегодня опять молоденький солдатик!

Она схватила винтовку, впилась в нее зубами и сразу перекусила сталь. А когда поняла, что это не человек, завопила страшным голосом:

— Отец похоронил меня живьем и не дал с собой ничего съестного. А этот солдат спрятался где-то здесь!

Она начала метаться по костелу, но никого не нашла.

— А, знаю, где ты! — кричала королева.

Но солдат, как и велел старичок, не отзывался и не показывался. А она столько времени потратила на поиски, что уже некогда было носиться по костелу, свечи в алтаре ломать, фигуры разбивать да хоругви рвать.

Солдат паблюдал за ней со смертельным ужасом и видел горящие, похожие на блуждающие огоньки, глаза королевы.

Наконец пришло ее время, пробило два часа, и заколдованная дочь короля должна была лечь обратно в гроб. И снова со страшным грохотом захлопнулась за ней смертная крышка.

Тут только солдат вышел из-за большого алтаря, оделся и страшно измученный присел на лавку.

Утром явились его товарищи с покойницкими носилками, они были уверены: такой забулдыга не справится с тем, что оказалось не по силам бравым офицерам.

Но войдя в часовню, они крайне удивились, что старый солдат жив. Немедленно обо всем доложили королю, который все допытывался, как это служивый избежал смерти. Но солдат ничего не рассказывал: ему запретил старичок.

Тогда король приказал, чтобы и на вторую ночь снарядили того же солдата. Служивый загрустил: за одну ночь набрался такого страха, а тут еще раз заставляют счастье пытаться.

Снова поздним вечером свели его в часовню, снова испугался он, что загубит свою грешную душу, и снова убежал на кладбище, надеясь опять на добрый совет старичка.

— Возвращайся и на эту ночь в часовню! — сказал старичок. — Останешься цел. Спрячься на этот раз на хоры, а на каждую ступеньку лестницы положи ладанку, или четки, или молитвенник. Если же королева попытается проникнуть к тебе другим путем, то запой: «Кто под защиту бога своего отдаст себя...»

И снова старый солдат послушался совета старичка. Когда в двенадцать часов королева выскочила на середину костела, сразу было видно, что она страшно голодна. Королева носилась всюду так быстро, что у служивого от страха потемнело в глазах. Потом побежала за главный алтарь, забралась на амвон и только тогда увидела его на хорах.

— Ах, ты здесь! — закричала она страшным голосом и бросилась к лестнице.

Но только ступит на ступеньку, сразу же падает: ее не пускали ладанки, четки и молитвенники.

Тогда, чтобы все же попасть на хоры, она побежала к могилам, принялась их раскапывать, таскать оттуда гробы в костел и ставить друг на друга. Образовалась огромная страшная поленница, высотой чуть ли не до самых хоров. Тут-то солдат и запел дрожащим голосом: «Кто под защиту...»

От страха у него волосы стали дыбом, но бедняга продолжал тянуть еле слышным голосом: ведь королева уже карабкалась по гробам к нему.

И только, когда он запел: «На драконах будешь летать...», гробы опрокинулись, и на душе у него стало легче.

Так солдат пел, а она трижды строила поленницу из гробов, откуда выглядывали черепа и кости покойников. Наконец начало светать. Королева, будто заботясь о порядке в костеле, перетаскала все гробы обратно, а сама улеглась на свое смертное ложе.

Утром солдата выпустили и опять известили короля, что служивый цел. Солдат не рассказал о том, что творилось в костеле, и согласился простоять на часах еще одну, третью ночь.

— Не бойся ничего, — опять советовал старичок. — Это уже последнее испытание. На этот раз ты должен будешь раздеться догола и спрятаться за дверью склепа так, чтобы дверь тебя прикрыла, когда королева вылетит в костел. Потом заберешься в ее гроб и, как бы королева тебя ни пугала, ни кричала, ни тормошила, лежи тихо. Не бойся, ничего плохого с тобою не случится.

Солдат опять послушался доброго совета и выполнил все, что велел старичок.

Когда королева влетела в костел, она искала его всюду — и за алтарем, и на амвоне, и на хорах. Искала долго и наконец нашла на собственном ложе.

— А-а-а-а! Ты здесь, соколик! — закричала она диким голосом. — Вылезай из моей постели сейчас же!

Но он даже не дрогнул, только мельком взглянул исподлобья на нее и, к своему удовлетворению, заметил, что лицо королевы стало уже белым. Солдат продолжал лежать, а она над ним все бесновалась и кричала:

— Выходи, а то сейчас разорву!

Солдат только слегка повернулся на бок и взглянул одним глазком, — королева была уже белой по пояс. Он устроился поудобнее и лежал терпеливо, а она не переставала его теребить, дергать, чтобы он скорее убирался с ее места. Но солдат не собирался никуда уходить, лишь поднял голову и вперил глаза в королеву, которая еще больше побелела. Она как-то начала слабеть, голос утратил былую резкость, в нем появились нежные нотки. Солдат совсем повернулся к ней, широко открыл глаза и увидел: королева стала совершенно белой.

Она обняла его своими нежными ручками и вместе с гробом подняла вверх. Она уже не кричала, а лишь ласково просила:

— Мой сладенький солдатик, теперь встань. Знай, ты избавил меня от моих мук.

Потом сама помогла ему выйти из гроба и отвела в костел. Солдат быстро оделся. На дворе уже светало.

Старый служака, ощутив холод в костях и сухость в горле, встряхнулся. Он взглянул на прекрасную панну и смело спросил:

— Выпьешь со мной водки?

— Дорогой мой,— ответила она покорно, — раз ты хочешь, то и я выпью с тобой...

Выпили один раз, другой, закусили, потом обнялись, да так и сидели. Когда пришли солдаты и увидели их, они решили, что королевна-упырь задушила служивого. Тут подоспели на выручку остальные, им тоже казалось, что вояка, выстояв благополучно в часовне две ночи, на третью бесславно погиб.

Но когда подошли поближе, старый солдат улыбался, весела была и спасенная королевна.

Тогда побежали к королю и доложили: дочь жива и солдат жив.

Король распорядился тут же впрячь в золотую карету из своей конюшни шесть самых красивых жеребцов. Затем велел захватить для дочери свадебный наряд, и все поехали к молодым. Король пригласил самых знатных гостей, а старого солдата и дочку посадил за стол, в самую середину.

— Что заслужил человек, — спросил он гостей, — который мою уже умершую дочь от смерти спас?

Одни считали, что он достоин взять ее в жены, другие, завистники, нашептывали, что негоже королевской дочери выходить замуж за пьяницу и забулдыгу.

Но лучше всех этот вопрос разрешила сама королевна. Она обняла вояку за шею и объявила:

— Буду женою того, кто меня спас!

И не мудрено: живой, хотя и простой солдат был ей куда милее холодной королевской усыпальницы.

52. ОБ ОДНОМ КОРОЛЕВИЧЕ, КОТОРЫЙ НА КРЫЛЬЯХ ЛЕТАЛ

Жил-был король. И был у него сын.

Повелел однажды король призвать к себе такого мастера, который сделал бы ему крылья. Мастера такого нашли, и скоро крылья были готовы. Спрятали их в такую комнату, куда никто не мог войти.

Но случилось так, что королевский сын проник туда и увидел крылья. Взял он их да и прикрепил к плечам. Попробовал взмахнуть крыльями и вдруг почувствовал, что летит. Долго летел королевич и наконец опустился в другом королевстве.

Здесь он нанялся к королю в лакеи. Но был он такой красивый и статный, что понравился королю, и повелел тот, чтобы юноша всегда сопровождал его на охоте.

А у короля этого была дочка. Прятал он ее на одном острове.

И вот однажды оделся королевич в прекрасные одежды, всего себя позолотил, прицепил крылья и полетел на тот остров.

Прилетел и стучит. А королева спрашивает:

— Кто там?

— Открой, это я, ангел с неба.

Ну как же тут не впустить ангела! Усадила она его за стол, накормила, напоила и спать повела в свои покои.

Прилетал он к ней еще несколько раз. Но тут узнал король, что кто-то бывает у его дочери. И спрашивает ее:

— Кто приходит к тебе?

— Ангел, — отвечает она.

— Опомнись, дочь моя, что ты говоришь? Разве может ангел к тебе приходиться!

И решил король все проверить. Приказал он около ее дверей полить пол смолой и песком посыпать.

Смотрят утром — а на песке-то следы.

Тогда повелел король собрать всех своих придворных, а комнаты их тщательно проверить.

Приходят к королевичу, глядь — а сапоги-то его все в смоле.

Тут все и вышло наружу.

— Так вот кто этот ангел! — воскликнул король.

Приказал он схватить их обоих и сжечь.

Просит его дочь позволить в последний раз перед смертью погулять с королевичем.

Смиловивился король. Пошли они в сад. А как только пришли, вынул королевич свои крылья, прикрепил к плочам, обняла его королева за шею, и поднялись они в небо.

Смотрит король, что за чудо — дочь его летит по воздуху!

— Вернитесь, я все вам прощу!

Но теперь они уж не хотели возвращаться и полетели к отцу королевича.

Сразу они к нему не пошли, а письмо послали. Получил король письмо, сильно обрадовался и со всей своей свитой вышел встречать их.

Был он очень рад, что у него такой сын, который сам за себя постоять умеет.

53. О ДУРНЕ, КОТОРЫЙ СТРАХУ НЕ ЗНАЛ

В прежние времена шляхтичи имели большую власть, и не раз случалось, что они безнаказанно обижали бедных людей. За это после смерти многие из них попали в ад, а другие, во искупление своих грехов, должны были долгие годы скитаться по земле в образе страхов.

В ту пору у одного старика было два сына, один был умный, а другой считался дурнем. Жили они совсем бедно, и как дойдет их, бывало, нужда, брат с отцом с горя и побьют своего дурня. А тот, хоть и доставалось ему, был парень с головой и ничего не боялся. Захотелось как-то старшему брату напугать дурня, хоть раз нагнать на него страху. Подкараулил он, когда тот вечером шел с поля, засунул себе в рот горящий уголь и, прикинувшись злым духом, заступил ему дорогу. Но дурень не испугался: как треснет умного палкой по лбу — у того искры из глаз посыпались. Напустился он на брата, зачем дерется, а дурень говорит:

— Да ты бы мне сразу сказал, что это, мол, ты. Я тебя и не тронул бы. Я ведь думал, что злой дух встал мне поперек дороги. А уж теперь, брат, что ты получил — все твое.

Побежал умный домой вперед дурня и пожаловался отцу, что тот-де его избил. Рассердился отец и прогнал дурня из дому:

— Этак по своей дури ты нас обоих убьешь. Вот тебе мешок, ступай куда глаза глядят.

Взял дурень пустой мешок под мышку и пошел прочь. Приходит в одну деревню, там его спрашивают, что он за человек, а он отвечает:

— Я иду страхов искать.

Посмеялись над ним люди, тоже дурнем назвали.

Пошел он в корчму подкрепиться. И корчмарь спрашивает, что он за человек, а дурень отвечает:

— Я иду страхов искать.

— Тут, в деревне, страхов нет, — сказал корчмарь, — но недалеко отсюда стоит пустой фольварк. В нем никто не живет; там такие страхи творятся, что можно умереть с перепугу.

— Вот я туда и пойду, — говорит дурень.

Жалко стало корчмарю молодого парня, попробовал он его отговорить, да куда там. Уперся дурень на своем. Взял только у корчмаря немного крупы да несколько картофелин, сунул в мешок и попросил показать дорогу на фольварк.

Корчмарь привел его на фольварк, прямо на кухню, а сам оттуда бегом: на дворе-то уже смеркалось. Остался парень один в пустом фольварке. Кругом ни души, а нашему дурню все нипочем. Нашел котелок, налил в него воды, развел огонь в печи, высыпал из мешка картошку и принялся ее чистить. Только вода в котелке закипела, а тут вдруг сверху, в трубе, кто-то как заорет:

— Лечу-у!

— погоди, не лети! — закричал дурень. — Ты мне огонь загасишь, а у меня похлебка еще не сварилась.

Всыпал он крупу в котелок, а в трубе опять завопило:

— Лечу-у!

— Да погоди ты минуту, — сердится дурень, — говорю ведь: не готово еще!

Но тут из трубы вывалилось полмужика, ногами прямо в огонь. А дурню хоть бы что. Вытащил он эту половину из печки, кинул в кухню и смотрит дальше за варевом.

Через минуту опять в трубе что-то завывло:

— Лечу-у!

— Погоди малость! — кричит дурень. — Сейчас смирится.

Тут другая половина мужика — с головой — вывалилась из трубы в печку.

— Мог бы и подождать, — сказал дурень и эту половину швырнул в кухню.

Как сварилось у него, вылил все в миску и сел ужинать. Глянул, а в кухне стоит огромный мужик с бородой до пояса. Дурень и тут не испугался.

— Садись, — говорит, — со мной ужинать.

А страх отвечает:

— Не хочу.

— Не хочешь — не надо, — проговорил дурень. — Мне больше останется.

И ест как ни в чем не бывало. Спустя некоторое время страх просит:

— Дай мне остатки дохлебать.

А дурень отвечает:

— Не хотел садиться, когда тебя звали, — теперь ничего не получишь.

Съел все и миску до блеска вылизал. Стал тут к нему страх подступать.

— Давай силой меряться.

— Где это видано, чтобы сразу после ужина силой меряться? Сначала надо немножко отдохнуть.

Отдохнул дурень, страх снова к нему подступает:

— Давай силой меряться.

— Ну, ладно, давай.

Сценились они кренко. Дурень как хватит страха об землю, по кухне только топ пошел.

— Ну как, сполна получил? — спрашивает дурень.

А страх поднялся и говорит:

— Дал бы ты мне свой ужин доест, я бы с тобой справился. А так осилил ты меня, и тебя ждет за это большое счастье. Ведь ты меня спас — колдовство с меня снял. Знай, брат, был я раньше знатным паном, владел целой округой и этим фольварком, который даже после моей смерти мне принадлежал, — ведь никому еще не удалось пробыть здесь ночь и целым остаться. Но при жизни я был слишком крут со своими людьми. Как сильно разгневаюсь, сейчас велю мужика на печь положить и по полам раскидать. После моей смерти черти меня шилили точно так же, и должно было это продолжаться до тех

пер, пока какой-нибудь смельчак, вроде тебя, не сумел бы пробыть в фольварке ночь и меня избавить от этой муки. Ты меня освободил, и фольварк теперь твой, я же больше никого здесь пугать не буду. А сейчас возьми огни и пойдем вниз, в подземелье. Там у меня спрятано много денег, надо их поделить.

Дурень взял из печи головню, и они сошли в подземелье, где стояло больше десятка бочек, и все доверху насыпаны деньгами.

Мертвец тут и говорит:

— Раздели эти деньги на три доли: одну долю отдай моим родным, другую долю — в костел на помин моей души, а третью — бери себе. Фольварк с землей — тоже тебе.

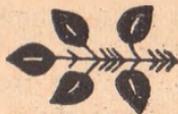
Сказал и исчез и никогда больше не появлялся. А дурень пристроился в кухне и проспал до самого утра. Теперь у него были и фольварк и деньги. А как выспался, спустился в подземелье, насыпал в свой мешок денег и пошел в корчму. Корчмарь, увидав его живым, сильно удивился, а дурень потребовал себе пить-есть — все самое шилучшее. Корчмарь поднял его на смех:

— Ишь чего захотел. Видали вы такого пана! А чем платить будешь?

Дурень поднял мешок да как швырнет его на стол, мешок лопнул, деньги так и покатались. Дурень крикнул:

— Гляди, сколько денег! А теперь давай мне есть-пить по-пански!

Тут корчмарь живо все принес. Дурень наелся, напился и рассказал ему обо всем. Собрали они людей и отправились делить пановы деньги. С той поры дурень поселился на фольварке, позвал к себе отца, и там они хозяйничали до самой смерти.

54. КАК КУЗНЕЦ В РАЙ ПОПАЛ

Жил на свете один кузнец. Жил весело и не думал ни о боге, ни о черте. Но вот почувал он, что приближается смерть.

— Настал, видно, и мой час, — говорит кузнец своему ученику. — Когда будете хоронить, положи мне в гроб

молоток и парочку гвоздей, да смотри только поострее и подлиннее.

Ученик так и сделал и похоронил кузнеца.

Взял кузнец молоток, гвозди и пустился в дорогу. Подходит он к райским воротам. Увидел его святой Петр и говорит:

— Я тебя не могу впустить — ты большой грешник. Нет тебе места в раю!

Делать нечего, отправился кузнец дальше. Шел, шел и очутился у ворот ада. Решил зайти туда, но ворота оказались закрыты. Тогда достал кузнец молоток да так начал стучать, что чертям тошно стало. Послали они одного узнать, кто это поднял такой шум.

Потихоньку подкрался черт к воротам, чуть-чуть при-

открыл их и только было выглянул, как кузнец хватъ его за ухо и прибил по правую сторону от входа.

От страшной боли черт завопил во все горло. Услышав этот вой остальные, переполошились. Решили послать второго. Тот приблизился к воротам и только стал потихоньку выглядывать, кузнец хватъ его, и уже второй извивается по другую сторону от входа.

Теперь диким голосом выли оба черта.

Но вот встал самый главный дьявол:

— Пойду сам узнаю: что же там такое происходит?

И только изловчился кузнец и хотел схватить его, чтобы тоже приколотить к стене, как тот отскочил, захлопнул ворота и через заднюю дверь пустился что было духу к богу. Прибежал и говорит:

— Стоит у меня перед воротами ада один кузнец. Пригвоздил он у входа двух моих чертей, и сам я едва ноги унес. Хочешь не хочешь, забирай его в рай. А если он попадет в ад, то мне уже там не царствовать.

Не хотелось богу брать кузнеца на небо, но черт твердит свое:

— Тогда я не уйду отсюда до тех пор, пока ты его не забереешь к себе.

Пришлось богу пустить кузнеца на небо: уж больно он не любил чертей.

55. ГУСИ

Так уж бывало в давние времена, что если родители проклинали своих детей или родственников, то это проклятие сейчас же сбывалось.

Одна девушка знатного рода полюбила юношу. Но мать ее всячески препятствовала тому, чтобы он стал ее мужем. Дочери же нравился юноша все больше и больше, не хотела отступать от данного ему слова. И тогда мать сказала во гневе:

— Пусть лучше вся наша семья превратится в диких гусей, прежде чем ты станешь женой своего возлюбленного!

Едва вымолвила, так оно и случилось. Отец, мать, сестры, братья улетели со стай диких гусей. Влюблен-

ные тоже превратились в гусей, сели на одном озере и миловались там все лето.

Неподалеку жил один охотник. Он часто видел эту пару гусей, и как-то раз ему пришлось в голову застрелить одну из птиц на жаркое. Он выстрелил и попал в гусыню, которая перевернулась в воздухе и повисла на кусте. Подплыл к ней охотник на челне и увидел, что только оглушил птицу, а не убил. Он взял ее с собой, посадил под печь и решил хорошо откормить.

Охотник был холост, жил в бедности и сам вел домашнее хозяйство. Вернувшись на следующий день рано утром домой, он немало удивился: кто-то во время его отсутствия все прибрал, хотя дверь была заперта. Кровать застлана, комната подметена, пыль и паутина из углов сняты, посуда перемыта, на столе даже приготовлена еда.

На следующий день он влез на чердак и сделал в потолке дыру, чтобы понаблюдать, что же произойдет в комнате. Смотрит, гусыня вышла из-под печи, отряхнула перья, превратилась в панну необыкновенной красоты и принялась варить, хлопотать по хозяйству, подметать. Другой раз он сделал вид, что идет в лес, а сам встал за дверьми и, едва гусыня отряхнула перья, вбежал в комнату, обнял девушку и, хотя она вырывалась изо всех сил, держал ее и не отпускал, а потом собрал перья и спрятал их в чулане, в шкафу.

Спустя некоторое время панна стала его женой. Однажды, когда гуси потянулись в теплые края, она сидела на пороге дома, а охотник, склонив голову на ее плечо, заснул. Мимо летело двое гусей — это были ее сестры — и гоготали:

— Наша сестричка сидит с охотничком, лети с нами!

Она им ответила:

— Летите с богом! Не полечу я с вами!

За ними летела другая пара — два ее брата — и гоготали:

— Наша сестричка обнимается с охотничком, лети с нами!

Она им опять ответила:

— Летите с богом! Не полечу я с вами!

За ними еще двое гусей — отец и мать — и снова прогготали ей:

— Наша доченька льнет к охотничку, лети с нами!

Она им в ответ:

— Летите с богом! Не полечу я с вами!

Наконец пролетел один гусь (это был ее возлюбленный) и так ей жалостно прогоготал:

— Дорогая моя голубит охотничка, лети со мной!

Тогда она осторожно сняла голову спящего с плеча, побежала за перьями, снова превратилась в гусыню и улетела со своим любимым. Этого бы не случилось, если бы охотник в свое время сжег перья.

56. О ТОМ, КАК ПАННА ПОЛЮБИЛА ЧУДИЦЕ

Жил когда-то богатый купец, торговал он материей для дамских нарядов. И было у него три дочери: две — не родные, потому что он женился на вдове, и третья, самая младшая, — родная. Собрался как-то купец за море купить модного товару для своего магазина и спрашивает сначала старшую дочь, чего ей купить за морем. А та отвечает: «Купи мне платье, шитое золотом». Купец обещал привезти ей платье, какое она пожелала. Потом спрашивает среднюю дочь, чего ей купить за морем. А та отвечает: «Мне купи материи на платья, да смотри — самой модной и красивой». Купец и ей обещал. Наконец спрашивает свою самую любимую, младшую дочку, чего ей привезти из-за моря. А она отвечает: «Привези мне, батюшка, такую розу, которая никогда не вянет и аромата своего не теряет». Купец обещал ей привезти такую чудесную розу.

Простился он со своей женой и со своими милыми дочерьми и отправился в путь. Благополучно переплыл море, набрал всякого товару и двум старшим дочерям кушил, что обещал. Только вот для младшей дочери не мог найти то, чего она пожелала. Тогда пошел купец к золотых дел мастеру и велел ему сделать прекрасную розу из одних алмазов. Надушил он эту розу нежными розовыми духами и очень довольный пустился в обратную дорогу.

Сел купец на корабль, но не успел еще корабль достичь середины моря, как вдруг покатались огромные валы, разыгралась буря и корабль потонул. Купец все потерял, едва самому удалось спастись. Добрался он до

какого-то острова, осмотрелся вокруг — нет, не знает, куда попал и где теперь все его покупки. Сильней всего горевал он о прекрасной розе, которую вез для любимой дочери. И вдруг словно что-то подтолкнуло его: пошел дальше. Пошел купец, а сам думает: «Что же делать? С чем мне домой возвращаться? Неужели с пустыми руками?» Наконец видит: на пригорке раскинулся сад за бронзовой оградой и калитка настержь распахнута. Вошел он, огляделся, и все ему очень понравилось. Думает купец: «Боже мой, боже! Какая красота кругом, а я такой мокрый и голодный».

Взглянул он тут налево и увидел чудесный замок, и двери замка тоже были распахнуты настержь. Вошел купец в замок, поднялся наверх и очутился в одном из помещений. Здесь, как и во всем замке, никого не было. Сел купец отдохнуть, а про себя думает: «Хм! В таком замке — и пусто! Совсем как у меня в желудке... Пожалуй, я здесь и умру с голоду».

Тут приходит к нему какой-то человек (самого-то его не видно, а слышно только голос). И человек тот говорит купцу:

— Нечего тебе сидеть и голову ломать впустую. Ступай лучше в соседнюю комнату да поешь. Я принес туда завтрак, сухую одежду, воду для умывания и все твои пожитки, что ты потерял в море.

Купец на это отзывается:

— А моя чудная роза тоже там?

Голос отвечает:

— Роза? Нет, розы нету.

— Почему же ее нету?

— А такие розы ты в нашем саду найдешь живые!

Купец не стал возражать и пошел в соседнюю комнату. Там было все, что ему обещали. Он умылся, переоделся, позавтракал и думает: «Ох, и наелся же я. Видно, бог ко мне милостив! И люди тут добрые какие! А ведь я так и не видел никого... Кто бы это мог быть?»

Вышел он в сад пройтись после хорошего завтрака. Идет себе по дорожке, цветами любуется и вдруг видит — на клумбе розы растут, как раз такие, как дочка просила. Приблизился он к клумбе и протянул руку, чтобы сорвать одну розу для дочери. Но в тот же миг что-то схватило его за руку страшными когтями и сказало хриплым голосом:

— Не ты посадил, не тебе и рвать.

Купец взмолился:

— Смилуйся надо мной, такую розу моя дочь просила.

Едва вымолвил он эти слова, когти разжались, обернулся купец и оказался лицом к лицу с таким чудищем, какого еще свет не видывал да никогда, пожалуй, и не увидит. И чудище это говорит купцу:

— Я отдам тебе все розы, какие у меня есть, но за это обещай мне через год привезти сюда свою прекрасную дочь, ту самую, которую ты любишь больше жизни.

Испугался купец.

— Боже мой! Чего захотел! — воскликнул он. — Чтобы я привез ему на съедение свое любимое дитя!

А чудище говорит:

— Если бы я людей поедал, так и ты бы не уцелел!

Тогда купец спрашивает:

— Зачем же тебе мое дитя понадобилось?

— Раз нужно, значит, нужно, и нечего об этом спрашивать. Но знай, ее тут никто не обидит! Привези мне

ее через год, год она побудет у меня, а потом я на целый год отпущу ее опять домой.

Купец дал свое согласие и получил взамен прекрасный букет роз, тех самых, что просила его дочь; розы эти никогда не вянут и не теряют своего аромата. Обрадованный таким подарком купец стал прощаться с чудищем. А чудище было с ним так ласково, называло его батюшкой и говорило, что через два года станет его зятем: пусть только купец им не побрезгует и обещает ему руку дочери. Купец все обещал, лишь бы умилостивить страшилище.

Чудище, очень довольное, что купец им не погнушался, посадило его себе на спину и перенесло со всеми пожитками через море. И при этом так стучало когтищами, словно это была мощеная дорога; там, где для людей была морская пучина, оно шло как посуху, где людям — вода, ему — гладкий камень. Купца даже смех разобрал. Он спрашивает:

— По какой же дороге мы едем?

— А по царской! ¹

Перевезло чудище купца на другую сторону, ссадило на землю и говорит:

— А теперь поцелуй на прощанье своего будущего зятя.

Противно было купцу целовать такую образину, но поцеловал все-таки, будто и впрямь от всей души, и, прощившись с чудищем, приехал домой. Всем дочерям роздал подарки, только вот жене забыл привезти нитку крупного жемчуга. Хотел сделать сюрприз, да и забыл!

Прошел месяц, другой... Стал купец печалиться, ничто его уже не радует; тут и год кончается, купец совсем затужил. Раз подходит к нему младшая дочь и спрашивает:

— Папенька, все-то у тебя есть, почему же ты так печален? Слезы глаза тебе застилают, ничего тебя не веселит, словно и меня уж нет на свете.

Отвечает купец:

— С чего же мне веселиться? Уедешь ты, и кто знает — что с тобой станет? Может, ты пропадешь... Может, не вернешься больше ко мне. А без тебя и мне не жить на свете.

---

¹ Царская дорога — так в Галиции называли гравийные тракты высшего класса.

Она говорит отцу:

— Не горюй, папенька, мне и там будет хорошо, ведь я, — говорит, — не на погибель еду.

Но не верит отец:

— Откуда ты знаешь, что едешь не на погибель?

— Папенька, родимый мой, для кого человек предназначен, для того он и умрет.

Тут уж отец рассердился:

— И ты согласна умереть ради этого мерзкого чуднца?

Но дочка отвечает ему:

— А хоть бы и так, отец! Что же гневаться, сам ведь обещал чудницу, что примешь его в зятя.

Отец вспомнил свое обещание и крепко обнял дочь. Велел ей собираться и проводил к ужасному чудницу. Всю дорогу панна была печальна, приехала в замок, а там никого не видно, не слышно, даже птицы, и те не поют (в том замке на всем лежало заклятие, даже на птицах). Вошла она во дворец, смотрит: покои кругом открыты, и устроено все так, как ей нравится. И все там есть, чего бы она ни пожелала.

«Ах боже мой, как тут славно! — подумала она. — У отца я такого не видывала. Сестры завистливые, мачеха злая. Они, бывало, у меня все отберут, да еще побьют вдобавок».

Недолго думая, уселась она в самом красивом зале, оставленном по ее вкусу. Там же лежали для нее всякие игрушки: куклы, цветы... И чего бы она ни пожелала, все тут же появлялось. Наигралась она и думает: «Игрушек-то мне дали, а есть не дают!»

В ту же минуту невидимые слуги принесли обед, да такой, какого она дома и не едала. Вот наелась она, прилегла на диван отдохнуть и притворилась, будто спит. Приоткрыла тихонько глаза — опять никого не видно. Тогда панна говорит нарочно:

— А, это ты пришел! Хорошо, что ты на глаза мне не показываешься, я бы тебя испугалась!

Так и начала с чудником разговаривать. Видеть она его не видела, а только слышала голос и чувствовала, как он своей лапой ее руки касается. Разговаривали оба несмело: панна сильно боялась, а чуднику хотелось ее приучить к себе. Оно говорило:

— Ты меня не бойся! Послушай лучше, что я скажу: пусть я страшный, но речи-то мои нежные, ласковые, и худого я тебе не сделаю.

А панне уж наскучило разговор вести с невидимым чудищем. Она и говорит:

— Ну хорошо, а теперь ступай прочь, наскучило мне с тобой разговаривать, я хочу в куклы поиграть, не привыкла я к таким долгим речам.

Чудище в ответ поцеловало ей руку и ушло. А она занялась немного с куклами, поиграла на фортепьянах и вышла в сад погулять. Ходит по саду, цветами любитесь, рвет их, букет собирает, а сама думает: «Всеякие розы здесь есть, а таких, что мне отец привез, нету!»

Ходила она по саду, ходила и нашла те розы. Только стала их рвать, как вдруг увидела в двух шагах от клумбы что-то черное и страшное. Присмотрелась панна поближе и со страху упала в обморок. А было это то самое чудище. Панна лишилась чувств, но чудище и само лежало без памяти от тоски с тех пор, как она его прогнала. Не знало оно, что та, по которой оно так тосковало, тоже лежит без памяти от страха.

Через некоторое время пришла она в чувство, открыла глаза, приблизилась осторожно к чудищу и потрогала его рукой. Присмотрелась к нему получше и видит, что глаза у него закрыты и не чувствует он, как панна к нему прикасается. Присела она рядом, погладила чудище, а потом из озорства, распалившись как маленькая, дунула ему в ухо. Чудище чуть шевельнулось, панна тотчас отскочила, испугавшись, по после вернулась к своим проказам и дунула в ухо другой раз. На этот раз чудище лениво приоткрыло глаза. Она перепугалась и крикнула:

— Ой-ой! Какие гадкие глаза!

Чудище засмеялось в ответ, и она увидела его страшные клыки.

— Ах, какие гадкие зубы!

Но все же не убежала, а взглянула на него повнимательней и видит, что не такой уж он гадкий, каким сначала показался.

Говорит ему панна:

— Что же ты, бедняга, тут лежишь весь мокрый, и муравьи по тебе бегают, лежишь — не шевелишься, разве тебя кто обидел?

— Будешь со мной поласковой, тогда недолго мне придется так лежать. Коли не будешь гнать, и муравьи кусать меня не будут.

Вот и начали они разговаривать каждый день, панна привыкла к чудищу и перестала его бояться. Так и год прошел, а панна ни о родителях, ни о доме даже и не вспомнила, так хорошо ей было в замке с этим безобразным чудищем.

Прошел год и еще шесть недель. Чудище спрашивает ее, не хочет ли она поехать к отцу, на что дочь купца отвечает:

— Можно и съездить, но, правду сказать, не очень мне хочется.

А чудище говорит:

— Нет, поезжай! Отец по тебе скучает, а как захочешь, обратно вернуться недолго.

— Ну ладно, поеду.

Чудище дало ей колокольчик и красное яблочко и сказало:

— Если яблочко наполовину побелеет — значит, и больной лежу, а если целиком побелеет, то уж меня и живых нет. Тогда позвони в колокольчик — и в ту же минуту около меня окажешься.

Распрощалась панна со своим чудищем, оно позвало невидимых слуг и велело доставить ее к отцу. Перенесли ее невидимые слуги домой, отец очень обрадовался и говорит дочке:

— Видно, плохо тебе было, раз ко мне пришла.

— Нет, — говорит дочь, — просто знала, что тебе скучно без меня, вот и пришла. Но если хочешь, я могу тотчас вернуться.

Отцу обидно было это слушать, и он вгорячах поклялся, что обратно ее не пустит:

— Как ты ни просись, не пущу, да и только!

Дочь лишь усмехнулась в ответ, подумав, что отцовское слово теперь ничего не значит:

«Ведь у меня есть колокольчик, стоит мне позвонить — и я там!»

Спрятала она яблоко вместе с колокольчиком в комод, да и позабыла, хотя бы изредка, туда заглядывать. А яблоко тем временем побелело слегка, потом еще немного, потом еще — и совсем белым стало!

Вот как-то мачеха, обозлившись, прикрикнула на падчерицу:

— Убиралась бы ты восвояси!

Обидно стало панне, и вспомнила она про яблоко. Заглянула в комод, а яблоко все белехонько! Зазвонила она в колокольчик и в тот же миг очутилась в своем любимом дворце, по которому так соскучилась.

Побежала панна искать чудище. Ищет по всему дворцу, по всему саду и нашла его лежащим под кустом малины, прикрытое соломой. Разрыла панна солому, а он лежит, вытянувшись, зубы оскалил и уже немного смердит. Кинулась она к нему, стала плакать, слезами его омыв, целовать и воскресила мертвого зверя. Протянуло чудище к ней лапу и начало ее корить:

— Хорошо же ты обо мне помнишь! Только тогда вернулась, когда тебя мачеха совсем заела.

А панна его целует и все умоляет простить за то, что забыла о нем. Тогда чудище говорит ей:

— Ступай теперь в замок, а сюда возвращайся через полчаса.

Поцеловала его панна и ушла. Приходит в замок, а там слуги в ливреях, и все горячо благодарят ее за избавление от чар. Повели ее слуги по замку, показали все, что в нем было, а там и прекрасно обставленные залы и все, чего только человек пожелать может. Ну, прямо всего полнехонько!

Через полчаса она вернулась к своему чудищу и видит: вместо него стоит прекрасный королевич в окружении воинов. Едва она подошла к ним, как заиграла веселая музыка, и все стали ее благодарить за избавление. Мужики тоже приходили ее благодарить, она и их спасла: ведь вместе с замком была заколдована целая деревня (когда-то королевич вместе со всей деревней попал под чары злого князя). Королевич тоже благодарил свою панну. Тотчас велел он снарядить корабль, сели они вместе с ватагой музыкантов и поплыли к ее родителям. Всю дорогу музыка играла, а они плыли и радовались близкой свадьбе. Королевич был так красив, что панна не могла на него насмотреться. Говорит ему:

— Какой ты сначала был гадкий да вонючий!

А он в ответ смеется:

— Зато теперь я душистый!

Приплыли они к родителям, отец ее не нарадуется, что дочь будет королевой. Зато сестры от зависти готовы были утопить ее в ложке воды. Она все это видела, но не обращала внимания, знала, что, как только отец свадьбу справит, они вернутся обратно.

Сыграли свадьбу, все славно гуляли, веселились и ее поздравляли, а после свадьбы отправились они в свой королевский замок и жили там долго и счастливо; жили-жили, жили-жили, потом умерли да сгнили.

57. СТЕКЛЯННАЯ ГОРА

Шел домой со службы солдат, а зима в тот год лютая была.

И вот на дороге встретил он пана.

На солдате одежда была вся рваная, дыра на дыре.

Пан же был в шубе на волчьем меху, и много еще всяких одежек было на нем. Но все равно было ему холодно.

Увидел он солдата, приказал кучеру остановиться и спрашивает:

— Эй, солдат, скажи: как ты можешь выдержать такой крепкий мороз, ведь на тебе одежда вся в дырках?

— А ничего, я новельможный пан, холод-то у меня в одну дырку влетает, а в другую вылетает. Это у пана, как заберется мороз под шубу, так там и разгуливает, ищет хоть какую-нибудь дырочку, чтобы выскочить.

Пан тогда и говорит:

— Послушай, солдат, давай меняться!

— Шутит пан: как же нам меняться, на мне одни лохмотья, а панская одежда стоит больших денег?

А пан свое:

— Мое слово крепкое. Раз говорю — бери, а мне отдай свою одежду.

Скинул солдат свои лохмотья, оделся в шубу на волчьем меху, да и отправился своей дорогой.

Не успел пан проехать и нескольких шагов, как замерз до костей. Велел он кучеру догнать солдата и отобрать свою одежду.

Догнал его кучер и кричит:

— Эй, ты, отдавай панскую одежду!

А солдат отвечает:

— Мне и в своих лохмотьях неплохо было, а пан сам предложил меняться и слово крепкое дал. Ну, я и поменялся.

Тогда сам пан стал просить солдата:

— Верни мне, солдат, мою одежду, не то я умру от холода. А тебе я дам письмо в мое имение. Иди туда, живи там, сколько тебе захочется, и всем пользуйся.

Возвратил солдат ему шубу, взял письмо и направился в имение. Там отдал он письмо жене пана.

А было в нем написано: «Когда придет с письмом этот проходимец, возьмите палку да гоните его прочь».

Прочитала жена письмо и сразу же приказала выгнать солдата на улицу. Если же не захочет уходить — высечь его.

Солдат просил не выгонять его до приезда пана. А когда пан приехал, сказали ему, что ждет его какой-то человек с письмом.

Велел пан позвать его к себе.

— Ты тогда моим добром будешь пользоваться, когда привезешь два золотых пера со стеклянной горы.

Делать нечего, отправился солдат в дорогу.

Приходит он в город, а там его спрашивают:

— Куда, солдат, путь держишь?

— Иду я на стеклянную гору за двумя золотыми перьями.

Просит его король узнать, куда пропала его дочь. Четыре года, как он ее не видел.

Пообещал ему солдат и пошел дальше.

Во втором городе наказывали спросить на стеклянной горе, где в их городе можно воду найти.

Идет солдат дальше, и вот приходит в третий город.

— Узнай там, добрый человек, почему яблоня, которая все время приносила золотые плоды, вот уже два года не дает яблок.

Обещал им солдат спросить и пошел дальше.

Подходит он к морю и видит: стоят в воде два человека, все водорослями покрылись. Спрашивают они его:

— Куда ты идешь, мил-человек?

— Иду я на стеклянную гору за двумя золотыми перьями.

— Разузнай ты там, долго ли нам еще стоять в этой воде.

Перешел солдат море и направился к стеклянной горе. А гора-то крутая да скользкая. Стал он забираться на эту гору, вскарабкался на самую вершину и увидел там открытые двери. Вошел в них, двери закрылись. Он двинулся дальше. Много дверей он прошел, и все они закрывались за ним. Наконец солдат увидел девушку.

— Зачем ты пришел сюда? Прилетит сейчас дракон и сразу же убьет тебя.

— Послал меня один пап за двумя золотыми перьями. В первом городе король просил узнать о своей дочери, которую он не видел вот уже четыре года; во втором городе наказывали спросить о яблоне, которая приносила золотые плоды, а теперь перестала; в третьем городе велели узнать, откуда им взять воду. А у моря я видел двух человек, которые уже водорослями покрылись и не знают, долго ли им еще стоять в воде.

А она ему и говорит:

— Золотые перья торчат на голове у этого дракона. Я достану тебе их и обо всех узнаю.

Тут стала она угощать его:

— Пей, и будешь тогда сильный. Вон тем мечом, что висит на стене, станешь размахивать, как перышком.

А потом говорит ему:

— Полезай под кровать и сиди там тихо. Дракон прилетит сейчас и будет просить пить. Я дам ему пить, а ты сиди смирихонько и слушай. Как только позову тебя, ты выходи и руби его мечом, а я буду водкой его поливать, чтоб он больше слабел.

И вот дракон прилетел и кричит:

— Пить, пить мне давай!

Дала она ему пить, а он снова:

— Слабой водки давай!

Дала она ему слабой водки, напился он и говорит:

— А теперь пойдём спать.

Легли они, и дракон быстро заснул. Она же потихоньку вырвала у него перо и бросила под кровать.

Проснулся дракон и спрашивает:

— Зачем ты будила меня?

— Ой, снилось мне сейчас, что у одного короля дочь пропала и вот уже четыре года он ищет ее.

— Что ж ты об этом спрашиваешь, ведь это ты и есть — разве плохо тебе со мной? Спи тихо.

И как только дракон опять уснул, она вырвала второе перо и бросила под кровать.

— Ты что меня опять будишь?

— Ой, спилось мне сейчас, что в одном городе нет воды.

— Потому нет воды, что они не знают, где искать ее. Есть там огромный камень. В камне этом нужно выдолбить большую дыру, и будет тогда столько воды, сколько захочешь.

Пробормотал это дракон и снова заснул.

Она же опять разбудила его и говорит:

— Спилось мне еще, что в одном городе есть яблоня, которая приносила всегда золотые плоды, а вот сейчас перестала.

— Потому перестала, что зарыта под нею дохлая собака. Спи, не буди меня больше!

И опять она разбудила его:

— Видела я во сне, что в море стоят два человека, все в водорослях. А почему они стоят там?

— Могли они не красть, а крали. Теперь за это они наказаны. Стояли они уже тысячу лет, и еще тысячу им стоять.

Уснул дракон, а она потихоньку встала. Солдат вылез из-под кровати, схватил со стены меч и начал рубить чудо-юдо. Рубит он, а тело снова срастается. Она же подливает водкой, чтоб не срасталось. Рубил солдат, рубил и наконец зарубил его.

Быстро собрались они, взяли с собой деньги и пустились в дорогу.

Подошли они к морю.

— Спрашивал ли ты о нас, мил-человек?

— Спрашивать-то спрашивал, да сказано, что стоите вы здесь уже тысячу лет и еще столько стоять будете.

И начали эти люди горько плакать, а солдат с девушкой пошли дальше своей дорогой.

Пришли они в тот город, где яблоня не приносила плодов. Обращаются к солдату люди:

— Не забыл ли, добрый человек, спросить о нашей яблоне?

— Потому она не приносит плодов, что под ней собака дохлая зарыта.

Бросились люди к этой яблоне, начали копать и выкопали дохлую собаку.

Давали солдату с девушкой за это много денег, да не хотели они брать. Тогда отвезли их в другой город.

— Спрашивал ты про воду в нашем городе?

— Спрашивал, спрашивал. Есть здесь огромный камень, и в камне этом нужно выдолбить большую дыру. Тогда будет столько воды, сколько вам нужно.

Давали им за это три воза денег, но не хотели они брать.

Отвезли их в третий город. И сразу же попали они к королю. Увидел его король и спрашивает:

— Разузнал ли ты, солдат, о моей дочери?

— Не только разузнал, но и привез ее. Посмотри, король: разве ты не узнаешь свою дочь?

Обрадовался король возвращению дочери и в благодарность отдал ее замуж за солдата.

Задали пир на весь мир. И я там был. Из пупка то палили, а тут дождь пошел, я возьми да и спрячусь

в пушку, а она-то заряженная. Подбежал к ней пушкарь да зажег фитиль. Как бабахнет тут — я и вылетел из пушки, да в сук носом и врезался. Теперь картошкой да на пустой лечусь, да ничего не помогает. Как были дыры дырки в носу, так и остались.

58. О ТОМ, КАК БАТРАК СТАЛ ПАНОМ

Жил на свете один батрак, звали его Мацеєм. Работал он с утра до вечера как вол. Но едва сводил концы с концами.

Колет однажды Мацей дрова и вдруг видит: идет по дороге девушка, собой красавица. Подошла она к нему и говорит:

— Бог в помощь, Мацей!

— Спасибо, добрая девушка.

Остановилась она, долго смотрела на батрака, а потом и говорит:

— Не хочешь ли ты, Мацей, стать моим мужем?

Батрак диву дивится и думает про себя: «И что это такая красивая панна хочет вдруг замуж за меня выйти, за такого оборванца и бедняка?»

— Ну, Мацей, подумай хорошенько и скажи, хочешь ли ты взять меня в жены!

Почесал Мацей в голове, посмотрел исподлобья на девушку, да и говорит:

— Ну что ж, если паиенка не шутит над бедняком, то я согласен.

— Тогда, Мацей, с сегодняшнего дня мы с тобой жених и невеста.

Пошла девушка в деревню, нашла себе жилье, накупила разной утвари, посуды — словом, завела целое хозяйство. А через несколько дней пришел ее навестить Мацей. Смотрит он на нее и глаз отвести не может: до того она красивая, как на картинке. Рад был он хоть сейчас жениться на ней, да вот беда — денег нет у него даже на венчание.

Сказал Мацей о своем горе девушке. И дала она ему денег, чтоб помолвку огласить, и даже еще добавила, чтоб

он оденду себе справил. Велела также на свадьбу всю деревню пригласить.

— Но упаси тебя бог, Мацей, не приглашай пана на свадьбу. А если не послушаешь моего совета, попомни — будет несчастье.

Накупили они всякой всячины, наготовили, нажарили, расставили на столах и поехали в церковь. Обвенчались они и пошли по избам на свадьбу приглашать. Всех пригласили, только пана не позвали.

Почеловал Мацей руку у жены, да и говорит:

— Всего у нас много, что же мешает нам позвать и пана?

— Раз тебе так сильно хочется, зови и его, но только помни, что это принесет тебе несчастье.

Пригласили и пана. Усадили его в отдельной комнате, угощают всем самым лучшим, что у них есть.

Но пан, как только увидел жену Мацея, ничего и в рот не берет. Смотрит он на нее, глаз не сводит, как будто съест ее взглядом хочет.

Заметил это Мацей и говорит жене:

— И что это пан на тебя так смотрит?

— Я же говорила тебе, Мацек, не приглашай пана, принесет он тебе несчастье.

После свадьбы позвал пан своего управителя и спрашивает совета, как лучше избавиться от Мацея и забрать его жену.

А тот и говорит пану:

— Прикажи ему вспахать за один день вон то большое поле.

Велел пан позвать Мацека к себе.

— Слушай, Мацей, если ты за один день не вспашешь вон то большое поле, прощайся тогда с жизнью.

Сильно опечалился Мацей, залился горячими слезами и пошел домой.

Увидела его жена и спрашивает:

— Чего ты плачешь, Мацек?

— Как же мне не плакать? Приказал мне пан за один день вспахать вон то большое поле, а не то он велит убить меня.

— Вот видишь, Мацек, говорила я тебе, не приглашай пана, будет тебе несчастье. Не послушался ты меня. Но не тужи, все будет хорошо. Возьми плуг и иди на поле. Пропаши только одну борозду вокруг поля.

Как сказала ему жена, так Мацей и сделал. Проша-
хал он одну борозду вокруг поля. Вдруг видит, все
поле, лужайки, ямы, бугры — все сравнялось, любо по-
смотреть.

Еще задолго до темноты, насвистывая и напевая, вер-
нулся Мацей домой. Панский управитель диву дается.

— Черт побери, видно, Мацей совсем не выходил в
поле.

Взглянул он на поле, а оно ровнехонькое, как стол, до
того хорошо вспахано.

Сказал он об этом пану.

Осерчал пан, волосы рвет на голове.

— Нечего сказать, послушался умного совета, теперь
и овец негде будет пасти.

— Не гневайся, пан. Прикажи ему вырубить за один
день весь бор.

— Позвать ко мне Мацея!

Приходит Мацей, а пан ему и говорит:

— Слушай ты, дурень, чтобы за один день весь бор
был вырублен, не то прикажу казнить тебя!

Сильно загрустил Мацей. Приходит он домой, а жена
и спрашивает:

— Снова ты плачешь, Мацек?

— Да как же мне не плакать: пан приказал мне вы-
рубить за один день весь бор, не то он казнит меня.

— Теперь ты видишь, Мацек, что надо было слушать
меня и не приглашать пана на свадьбу; ведь говорила я,
что беду этим накликаешь. Но не печалься, я помогу
твоему горю и в этот раз. Возьми топор и ступай в лес.
Только смотри не заходи вглубь далеко, а бей обухом по
деревьям с краю.

Пошел Мацей и сделал так, как жена ему велела.
Только стукнет он обухом по дереву, а дерево уже на
земле лежит.

Солнце еще высоко на небе светило, а весь бор уже
был вырублен.

Пришел Мацей домой, ходит по двору, насвистывает.

Увидел его управитель и ничего понять не может: как
же так — солнце еще высоко, а Мацей уже дома?

Посмотрел он на бор и глазам своим не верит: бора-то
уже нет, все деревья на земле лежат.

Пошел он к пану и говорит ему, что вырубил Ма-
цей бор.

Схватился пан за голову и ну ругать управителя за его глупые советы.

— Не сердись, пан, будь терпелив, мы все-таки избавимся от него. Видишь тот пруд, что перед двором? Так вот, пусть Мацей его осушит.

— Зови сейчас же Мацея!

Приходит Мацей, а пан ему и говорит:

— Ты должен осушить пруд. Воду देвай куда хочешь. Не сделаешь этого, пеняй на себя и с головой прощайся.

Опустил Мацей голову и идет домой.

Увидела его жена и спрашивает:

— Опять ты плачешь, Мацек?

— Как же мне не плакать, пан приказал мне еще сегодня пруд осушить; если же я не сделаю, он прикажет казнить меня.

— Говорила я тебе, Мацек, не приглашай пана на свадьбу; не было бы такого горя. Но не грусти, что-нибудь придумаем. Вот что: иди к пруду, ложись около воды и слушай. Но только смотри не вставай, пусть тебя звать, тянуть и даже бить будут.

Пошел Мацей к пруду и сделал так, как велела ему жена. Лежит он и слышит, что вода бурлит и куда-то пропадает. Увидел это управитель, подходит к нему, зовет его, бьет погами, а он ни с места.

Подошел сам пан. Видит, вода из пруда уходит и вот-вот совсем пропадет. Что же делать? Просит он Мацея, уговаривает, сулит ему золотые горы, чтоб только он с земли поднялся.

А Мацей лежит, не шелохнется, будто ничего и не слышит. Вода тем временем исчезла, и дно стало совсем сухое.

Сильно разгневался пан на своего управителя: сколько он убытку понес из-за его глупых советов, а все равно от Мацея не избавился, чтоб жену его забрать.

А управитель советует пану:

— Пусть пан устроит большой бал, пригласит побольше гостей, а Мацею прикажет играть на скрипке. Мацей — батрак и никогда не бывал на больших балах. Играть он совсем не умеет. И скрипку-то в руках, поди, не держал.

— Позвать мне Мацея.

Пришел Мацей, а пан ему и говорит:

— У меня будет большой бал, и на этом балу ты будешь играть на скрипке. Если не сумеешь, я велю убить тебя.

Сильно опечалился Мацей, ведь ни разу в жизни не держал он скрипки в руках.

Идет он домой, а сам горько плачет.

Жена видит его печаль и спрашивает:

— Что ты плачешь, Мацек?

— Да как же мне не плакать: приказал мне пан играть на балу, а я ведь совсем не умею. Пригрозил он, что убьет меня, если я не буду играть.

— Остерегала я тебя, Мацек, не приглашай пана на свадьбу, будет тебе несчастье. Так оно и случилось. Но я постараюсь и на этот раз тебе помочь. Ступай в бор и встань на елку, только, смотри, на ту, что ты срубил первой, и прыгай на ней до тех пор, пока не упадет скрипка. Тогда ты хватай ее поскорей, да и играй, пока не устанешь.

Отправился Мацей в лес и сделал все так, как жена сказала. Начал он прыгать на елке, и вот упала на землю скрипка. Мацей быстро подхватил ее и начал играть. А играл он так, что в деревне люди работу побросали, заслушались его игры, а некоторые даже на крышу залезли. Незадолго до вечера вернулся Мацей домой.

На другой день вызвали Мацея в имение играть на балу. Ударил Мацей смычком по струнам — и полилась чудесная музыка. Играл он, как настоящий музыкант.

Играет Мацей, а господа танцуют. Но вот устали они и просят, чтобы он перестал.

А Мацей все играет и говорит:

— Нужно мне честно пану долг отработать.

С гостей уже пот градом льет, просят они, умоляют Мацея, чтобы он перестал играть. Но Мацей и слушать не хочет. Господа и рады бы не танцевать, да не могут остановиться, пока он играет. А устали они так, что и слова не могут вымолвить, и только головой Мацею кивают — мол, сжался, перестань.

Мацей же не слушает их, знай смычком водит.

Посулил пан дать ему дом, а он не хочет. Обещает пан дать ему влuku¹ земли, а Мацей опять не хочет. Отдает

---

¹ В л у к а — польская мера земельной площади (около 16,8 гектара).

пан ему, наконец, половину своего состояния, а он не хочет.

— Отдам я тебе все свое состояние, только ради бога перестань играть.

— Пусть пан сделает запись на меня, я сразу же и перестану. — И подает ему бумагу.

Пан танцует, а сам пишет, танцует и пишет. Написал он, а свидетели тут же и подписали.

И только тогда Мацей перестал играть.

После бала батрак Мацей стал паном, а пан пошел с шилкой по миру.

III. ДО ЧЕГО ЖАДНОСТЬ ДОВОДИТ

У одного мужика-вдовца от покойной жены осталась дочь. И женился он в другой раз на вдове, у которой тоже была дочь. Мачеха сильно обижала свою падчерицу и хотела совсем сжить со свету, чтобы все добро досталось ее доченьке. Только о том и думала, как бы погубить падчерицу.

А была в той деревне мельница, на которой по ночам черти муку мололи, тут было их пристанище. После определенного часа никто туда не решался пойти: черти оторвали бы смельчаку голову.

Вот и прогнала однажды ночью та мачеха свою падчерицу на мельницу и велела ей смолоть корец пшеницы. Девушка не прекословила, собралась и пошла. Приняла она на ту заклятую мельницу, поставила мешок и сама на него села. Страшно девушке, прижалась она к другим мешкам, не знает, что делать: то ли убежать, то ли остаться? Да и бежать боязно — того и гляди черти голову оторвут. Сидит она и видит: идет к ней пан в цилиндре, во фраке, в белых перчатках, вот только из-под фрака хвост у него виднеется. Подошел к ней и говорит:

— Марыся! Идем танцевать!

А Марыся ему отвечает:

— Э, нет, не пойду, у меня нет юбки!

Требуется, чтобы он принес белую юбку. Пан отправился за юбкой, принес и говорит:

— Марыся! Идем танцевать!

— Э, нет, не пойду, у меня нет кофты!

Отправился он снова, принес кофту, всю расшитую красивыми узорами, и опять зовет ее танцевать, а она не хочет:

— Э, нет, не пойду, у меня нет корсажа!

Принес пан корсаж, красивый и с вышивкой.

— Марыся! Идем танцевать!

— Э, нет, не пойду, у меня нет фартука!

Принес ей фартук.

— Марыся! Идем танцевать!

— Э, нет, не пойду, у меня нет башмаков!

Он принес башмаки, справные, до колен шнурованные, и просит, чтобы шла она танцевать.

— Э, нет, не пойду... Как же я пойду танцевать? Принес ты мне башмаки, а чулки-то не принес. Как же башмаки обую?

Принес ей пан чулки и хочет с ней танцевать, а уж она требует теперь коралловые бусы, потом сережки, потом еще перстенок...

Он все принес и зовет танцевать.

— Э, нет, не пойду... У меня нет гребешка, нечем волосы расчесать.

Принес гребень, а ей теперь понадобилась лента и косу. Принес черт ленту и думает: «Ну, конец! Теперь то уж пойдет танцевать!»

И зовет ее, а она в ответ:

— Э, нет, не пойду. Как же я пойду неумытая?

— Да в чем же тебе воды принести? Нет у меня кувшина!

— Да хоть в этом. — И протянула ему решето.

Черт и давай воду носить. Носит, носит — что наберет, то и выльет, никак не может донести. Обозлился черт, швырнул решето ей под ноги да как закричит:

— Подожди же ты, каналья! Только приди в другой раз на мельницу...

Время-то у черта вышло. Пробил его час, и он должен был исчезнуть. Девушка огляделась вокруг: смотрит, а мешок уже полон муки. Вскинула его на спину и отнесла домой. В доме все спали и дверь была заперта, никто не думал, что она живая вернется с мельницы. Она же пришла живехонька, потому что была умна и догадлива и велела тому черту по одной вещи носить, чтобы время

провести и не пойти с ним танцевать, а то бы он ей голову оторвал.

Пришла домой, стучится.

— Кто там? — спрашивает мачеха.

— Отоприте, матушка! Это Марыся с мельницы пришла домой и принесла мешок с мукой.

Мачеха, понятно, не обрадовалась, что падчерица вернулась живая и невредимая. Отперла она дверь, зажгла свечу, глядит: Марыся это или не Марыся? Присмотрелась ближе, — а на Марысе корсаж новый, юбка шелковая, фартук с вышивкой, бусы, как орехи, башмаки до самых колен зашнурованы, сережки, перстенок... Схватила тут мачеха за голову:

— Марыся, да кто же тебе все это дал? Ну говори же! Неужто на мельнице дали?

— Ой, матушка, какие там есть красивые наряды в шкафах! Человек там может нарядиться во что только

вздумает. А уж какой красивый пан приходил со мной танцевать! Только я не захотела, так и не пошла.

Стало мачехе завидно, вот она и думает: «Нужно мою Ядвисю послать на мельницу, пусть и она принарядится».

На другую ночь посылает мать Ядю с корцом пше- ницы на мельницу. Не очень-то хотелось Яде идти ночью, но она подумала: «Ведь и я могу нарядиться не хуже Марыси».

Пришла на мельницу, села потихоньку, сидит, дрожит от страха. Наконец приходит к ней тот самый пан в цилиндре, во фраке, в белых перчатках. Черт думал, что это Марыся, и пришел расквитаться.

— Ага, Марыся! Пойдешь со мной танцевать?

А девушка ему говорит:

— У меня нет юбки, кофты, фартука, башмаков, чу- лок, корсажа, коралловых бус, сережек и перстенька, нет ленты в косу и умыться не в чем!

Отправился черт за всем этим добром и с одного разу принес ей все, что она велела, принес воды в ушате и говорит:

— побыстрее мойся и одевайся, нет у меня времени тебя дожидаться.

Она быстренько оделась, умылась, волосы расчесала и пошла с ним танцевать. Как закружился с нею черт, так она уж и не помнила: не то он три раза ее крутанул, не то один раз. А на четвертый раз черт ей голову оторвал и выбросил прочь с мельницы. Тело же просунул сквозь решетку в окне — половина снаружи видна, половина внутри осталась.

Мать ждет-пождет — нет дочки. Ничего мать не гово- рила, только вздыхала до самого утра! А жаловаться стыдно было, как бы Марыся не стала над ней смеяться. А Марыся-то знала, о чем мачеха вздыхает и почему Яди не идет: должно быть, черти ей голову оторвали. Мачеха не утерпела, и только рассвело, она встала, быстро оде- лась и побежала к мельнице; там она нашла голову своей Яди и запричитала:

— Боже ты мой милосердный! Родное мое дитяtko, что же это с тобой сделали!

Взглянула вверх, а в окне тело Ядино виднеется. Не посмела тут мачеха ничего сказать, ни поплакать, ни по- жаловаться кому-нибудь: боялась, что станут смеяться

под ее глупостью. Знала ведь о той мельнице и сама дочку на гибель послала.

Возвратилась она в свою халупу и показывает Марысе Ядину голову:

— Видишь, Марыся, видишь, что с моей Ядей стряслось?

— Ах, матушка, зачем вы ее посылали; ведь оттуда невредимым может выйти только умный человек.

С тех пор мачеха полюбила Марысю больше, чем свою Ядю-покойницу. Теперь ведь она одна у нее осталась.

Вот до чего жадность доводит! Уж как жалела потом мачеха, что польстилась на эти глупые безделушки и лишилась из-за них любимой дочки.

60. КАК МЕСЯЦЫ ПОССОРИЛИСЬ

На земле с самого начала не было согласия. Воевали друг с другом не только люди, даже месяцы не могли поладить между собой: почему, мол, у одного больше дней, а у другого меньше? Потом они снова мирились и приглашали один другого к себе в гости повеселиться. Вот как-то Март, который был страшно жаден и которому Февраль (гуляка, какого в целом свете не сыщешь) уже успел пропить два своих дня, захотел его пощипать еще малость. Пригласил его в масленицу к себе на большой бал и тут же побился с ним об заклад, что Февраль не сумеет до него добраться. А Февраль — тоже не в темя битый — обратился за помощью к Май-Маевичу, который славится среди месяцев своей мудростью. И Май-Маевич дал Февралю такой совет:

— Как будешь собираться в гости к Марту, возьми с собою сани, лодку и телегу. Станет Март снегом сыпать — поедешь на саних, станет дождем лить — пересядешь в лодку, а как сделаются на дороге мерзлая грязь да комья — положишь сани и лодку на телегу, вот и доберешься!

Февраль послушался умного совета и не дался Марту в руки. Проиграл тот заклад, и пришлось ему заплатить немалые деньги Февралю.

Однако Март догадался, чья это была работа, и стал Май-Маевичу грозить:

— Эй, Май-Маевич, слишком много взял себе ты воли, заморожу я тебе картошку в поле! погоди же, Май, опалю тебе я листья в гае, так и знай!

А Май отвечает:

— Глупый ты, Март, глупый; что ты мне можешь сделать? Как нашла я теплые ночи, так и станет жизнь твоя короче...

Еще и поныне не кончилась эта распря, и случается, в майские дни дохнёт Март издали морозным ветром и опалит всю зелень.

А некоторые люди говорят, что это один мудрый старик дал Февралю добрый совет. Вот почему злопамятный Март, когда приходит его пора, старается по всему белу свету погубить побольше стариков.

61. О ТОМ, КАК МУЖИК СТАЛ КОРОЛЕМ И ПРИВЕЗ СЕБЕ ЖЕНУ СО ДНА МОРСКОГО

В некотором царстве, в некотором государстве жил король. Не было у этого короля детей. Пришла к нему старость, задумался он, кого же своим преемником сделать. Из панов высокого рода взять — не будет он простой люд любить. Паны лживы, лицемерны, трусливы. Лучше выбрать преемника из крестьян.

И вот разослали по деревням королевский указ: тот из мужиков, у кого есть сын умный, ловкий, красивый, должен прислать его к королю.

Жил в одной деревне мужик. Было у него двенадцать сыновей, и все, как один, стройные, красивые, ловкие. Послал их отец к королю.

Повелел король вырыть огромную яму, широкую да глубокую, и наполнить ее водой. И сказал:

— Тот, кто перепрыгнет через эту яму туда и обратно три раза, станет преемником короля.

Подошел старший брат и прыгнул, но не перескочил через страшную яму, а упал на дно ее. Попробовал второй брат и тоже упал в яму. За ним — третий, четвертый. Дошла очередь до младшего.

Выбрал он себе коня самого высокого да самого красивого, с черными ногами. Сел на него, отъехал подальше, разогнался, да и перескочил через яму. Второй раз отъехал от ямы и снова перескочил. И в третий раз так же.

Король диву дается: самый младший, а такой ловкий и находчивый. И лет-то ему не больше четырнадцати.

Оставил его король у себя и говорит:

— Сделаю я тебя преемником, если исполнишь ты все мои задачи. Но вот беда, лицо у тебя грубое, мужичье.

А тот ему отвечает:

— Что подделаешь, какое дал мне пан бог, с таким, видно, и помирать придется.

Сказал он это, сел на своего сивку и поехал на луг позабавиться.

Едет он и вдруг видит — летит прямо па него перо необыкновенной красоты.

«Вот бы мне поймать его», — подумал молодец. Пришнорил он тут коня, привстал в седле — и вот перо уже в руках.

Довольный удачей, поехал он к королю. Показывает ему перо. А король посмотрел, да и говорит:

— Дорогой мой, за одни забавы преемником короля не станешь. Сумел схватить перо, так сумей поймать и птицу, которая его потеряла.

— Ну что ж, сделаю и это.

Сам же призадумался. А что, если не поймает птицу? Пошел молодец к своему сивке:

— Приключилась со мною беда. Велел мне король пайти птицу, которая это перо потеряла.

Конь и говорит ему:

— Не печалься, а сделай так, как я скажу тебе. Распори мне брюхо, вынь все кишки, положи их в мешок, сам садись на меня и поезжай на луг.

Когда приехали они на луг, конь сказал:

— Продерни в этот мешок бечевку, да смотри подлинней. Возьми четыре колышка, вбей их в землю и надень па них мешок, да так, чтобы кишки из мешка были видны. А сам влезай в меня, бечевку от мешка в руке держи. Я же притворюсь, что сдох. А потом смотри в оба. Как только прилетит эта птица, начнет клевать кишки и влезет в мешок, дерни быстро бечевку — и птица в твоих

руках. Бери тогда мешок, садись на меня и поезжай домой. Увидит король, что ты сдержал свое слово.

Как посоветовал ему конь, так он и сделал. И так поймал эту птицу. А уж до чего была она красива! Перья разными красками переливались. А до чего хищная! Голыми руками ни за что бы не поймать ее.

Привез он эту птицу королю. Очень обрадовался тот, что умный и ловкий у него преемник.

Всюду разослал приглашения, звал посмотреть удивительную птицу.

А молодцу сказал:

— Перескочил ты через страшную яму, поймал чудесную птицу, а теперь сделай как-нибудь, чтоб не было у тебя такого мужичьего лица.

— Ну что ж, сделаю и это.

Пошел он на конюшню к сивке за советом.

А конь ему и говорит:

— Вот возьми ключик! Загляни в мое ухо, есть там золотая шкатулка, а в шкатулке этой бутылочка с белой жидкостью. Вели накупить молока целую ванну, наканай туда этой жидкости, а потом искупайся. И станешь ты таким красивым, что люди будут приезжать на тебя посмотреть, как вот сейчас на эту птицу.

Так он и сделал. Чтоб никто не знал об этом, сам приготовил себе молоко, впустил несколько капелек этой жидкости, окунулся и стал таким красивым, что сам на себя не мог надивиться.

Пришел к королю и говорит:

— А теперь мое лицо нравится тебе?

— Теперь ты чересчур красив! Хотел я отдать тебя в школу, да ведь нельзя. Все равно ты не будешь учиться: женщины тебе мешать будут.

Приставил к нему король гувернеров, а когда выучили его, сказал:

— А теперь пора бы тебе подыскать жену под стать себе.

— Хорошо, сделаю и это.

Пошел он на конюшню к своему сивке:

— Посоветуй, что мне делать. Король велит найти жену, да такую, чтоб она под стать мне была.

А конь ему отвечает:

— Есть у меня очень красивые дочери. Но живут они в море. Вот тебе мой совет. Вели попышнее украсить ко-

рабль, выстлать прекрасными коврами, приготовить самые красивые платья, зеркала, духи, цветы, чтоб глаза у них разбежались при виде этого богатства. А себе наладь быстроходную лодку. Как только схватишь одну из них, мигом беги с корабля: он сразу же затонет. Только смотри не оглядывайся!

Так он и сделал. А конь-то был не конь, а волшебница; выбрала она молодца, чтобы он избавил от колдовства ее дочь, которую она любила больше жизни.

Привез молодец на корабль самые красивые вещи, а сам за одним из шкафов спрятался и стал ждать.

И вот видит: выходят из воды девушки и поднимаются на корабль. Вошли в одну большую каюту и радостно воскликнули:

— Смотрите, смотрите! Что за прелесть! Давайте наденем эти платья и убежим. Вот потеха будет! Придут девушки на бал, а платьев-то нет! Вот посмеемся мы над ними!

Стали они быстро одеваться. Но одна никак не могла надеть туфельку. Не хочет она влезать на ее ножку, а другие ей не правятся!

Вот тут-то и выскочил юноша из-за шкафа, схватил ее па руки и быстро сбежал в лодку, привязал девушку за ногу, чтоб не прыгнула в воду, и привез домой.

Не мог король надивиться ловкости и уму молодца. Как это сумел он из пучины моря девушку привезти!

Женился молодец на ней и сразу стал преемником короля.

И жили они со своей женой долго и счастливо. Была она благодарна ему за то, что вызволил ее из страшной пучины моря, где она сидела заколдованная.

62. ЗЛОЙ БРАТ

Жили на свете два брата — один богатый, а второй, младший, — очень бедный. Часто приходил бедняк к богатому брату, просил у него то того, то другого.

И вот однажды, когда он явился за чем-то к брату, богач сказал жене:

— Хватит, надоело мне это. Он все равно богатым по-станет, а вот мы так и обеднеть можем. Но я знаю, как от него избавиться. Выколю ему глаза, и пусть тогда идет просить милостыню.

Ничего ему на это не сказала жена. Позвал он брата в чулан, велел ему сесть и объявил свою волю.

Бедный брат просил пощадить его, но богач и слушать не хотел. Он взял шило и выколол ему оба глаза.

Так ослепил он бедняка.

Стал несчастный просить своего мучителя, чтобы тот хоть отвел его к кресту на развилке дорог, там он будет просить милостыню у прохожих. Но злой брат свел его под виселицу, посадил и ушел. Долго слепой взывал о помощи, но никто его не слышал. Наступла ночь, а несчастный и не знал, где он сидит. Пробыло одиннадцать, и тут прилетели три черта, обернулись бородами, уселись на виселицу и начали беседу. Один говорит:

— Занемогла в деревне жена одного крестьянина. Вот бы где мы могли поживиться. У девки ее такая привычка: бросит на стол ложки, поставит ужин и уходит из дому. И если в это время роженица чихнет, ее никто не услышит и не скажет: «Дай бог тебе здоровья!» Вот тут-то мы поднимем нижнее бревно в стене, и тогда прощайся хозяин с женой.

Второй говорит:

— За три мили отсюда, в городе, где нет близко воды, выкопали люди глубокий колодец, а вот до воды-то так и не добрались. Бросили они эту работу. Но стоило им еще на четверть локтя пробить камень, вода бы оттуда фонтаном хлынула. Весь город могла бы она затопить. Вот тогда-то и нужно бежать в первый попавшийся дом, схватить перину и накрыть колодец. Вода сразу спадет. И будет ее столько, сколько городу нужно.

А третий продолжает:

— В Папроцинах жена папа семь лет как болеет. Скоро она наша будет. Муж ее почти все состояние потратил на врачей. Только все это зря. Ей уж ничто не поможет: никто ведь не знает, что она выплюнула просвиру, а жаба, которая ее проглотила, сидит в ее комнате под большим шкафом. Жабу эту нужно разрезать, выпутать просвиру, обмыть и дать больной съесть. Тогда она поправится. Но вот об этом-то никто и не знает.

— А я знаю куда больше тебя, — говорит первый ворон. — Совсем недавно я заметил, что здесь, под виселицей, растет трава. Но трава эта не простая. Стоит только слепому сорвать травинку, потерять глаза, и тут же он прозреет.

Часы пробили двенадцать, и три ворона улетели.

Слепой начал ощупывать столбы и тут только понял, что не к кресту, а под виселицу привел его мучитель. Стал он опять шарить в траве, сорвал одну травинку, вторую, третью и наконец нашел ту, которая возвращает зрение. Осторожно взял он ее, потер глаза. Как будто в них что-то заблестело, стало светлее вокруг, и вдруг слепой снова увидел свет. Он быстро встал, вышел на дорогу и отправился искать деревню, где лежала роженица. Ведь слепой слышал все, о чем говорили вороны.

Уже смеркалось, когда бедняк пришел в эту деревню и попросился на ночлег.

— Тебе здесь плохо будет, — сказал хозяин. — Жена после родов, ребенок кричит всю ночь. Не лучше ли тебе пойти к соседу? У него спокойно, детей маленьких нет.

— Мне и у вас хорошо, я хоть и под лавкой переночую, — сказал бедняк, сел поближе к кровати и стал терпеливо ждать.

Вот вошла девка, бросила на стол ложки и скрылась за дверью.

Тут и впрямь роженица чихнула.

— Дай бог тебе здоровья! — поспешил он ей сказать.

И вдруг зашумело так, будто вихрь сильный поднялся. Стены ходуном заходили, посыпались с них образа: это черти бревно уже приподняли.

Сильно переполошились хозяин и все его домочадцы. Вот тут-то бедняк им все и рассказал.

Одарил его хозяин чем только мог и еще отвез в город, где делали колодец. Там бедняк взялся воду добыть.

— Не тебе чета мастера здесь работали, да и те отказались.

Но бедняк не отступал, а просил дать ему необходимый инструмент.

И еще сказал, что как только он подаст знак или крикнет, пусть сразу же тащат его наверх.

И часу не прошло, а ключ уже забил. Вода быстро начала прибывать. И когда вытащили его наверх, он

бросился в первый же дом, схватил перину и накрыл колодец. Вода спала.

Старейшины города хорошо заплатили ему за эту услугу. Купил он себе на эти деньги бричку, пару лошадей да поскорее поехал в Папроцины. Приехал и говорит пану, что хочет вылечить его жену.

— Отдам тебе все, что ты захочешь, только вылечи ее! — сказал пап.

Велел бедняк отодвинуть огромный шкаф, мечом разрубил мерзкую жабу, достал из нее просвиру, обмыл и дал больной, которая совсем иссохла и едва уже дышала.

Прошло несколько часов. И вот больная поела немножко, села. А на другой день походила по комнате. На третий же день она выпла на улицу.

Муж щедро расплатился с исцелителем. А тот прямо из Папроцин поехал домой.

Как увидели его брат с женой, глазам своим поверить не могут.

— Хотел ты, брат, зло мне причинить, да видишь теперь, все вышло наоборот. Полюбуйся, как мне повезло.

Сильно завидовал богач такому счастью. Не мог найти он себе места и наконец сказал младшему брату:

— Знаешь что, братец? Выколи мне тоже глаза и отведи под виселицу.

Ни за что не соглашался младший брат, но богач не давал ему покоя и так просил, что выполнил он эту его просьбу. Отвел завистливого брата под виселицу и ушел.

Вот пробило одиннадцать часов. Снова прилетели три воропа. И опять началась беседа.

Первый говорит:

— Плохо дело: роженицу у нас из-под носа вырвали, воду в городе достали, и пани в Папроцинах выздоровела. Уж не подслушивает ли нас тут кто-нибудь?

Слетел он вниз и кричит оттуда:

— Сюда, скорее сюда, вот он, этот проныра!

Вороны быстро слетели вниз и растерзали богача.

Вот какую плату за свою жестокость и жадность получил злой брат.

63. О ПАСТУХЕ, КОТОРЫЙ УЗНАЛ, КАК ЗВЕРИ ГОВОРЯТ

Один старый пастух долго служил у помещика и пас господских овец. А на вынате стоял дуб, и пастух все под ним сидел. Однажды вылезла из-под дуба змея, обвилась вокруг шеи пастуха и велит ее нести.

— Куда же я тебя понесу? — спрашивает пастух.

— А я тебе скажу, — отвечает змея.

Отправился пастух в путь-дорогу, а змея и говорит:

— Понесешь меня через лес, там будут пугать тебя разные звери, но ты не оглядывайся, иначе съедят.

Идут они по лесу, звери скачут вокруг них, но пастух даже головы не повернет. Миновали лес, пришли к избушке, где жил волшебник. Он и говорит пастуху:

— Что тебе дать за то, что ты мне дочь принес?

— Ничего не нужно, научи только понимать зверей.

— Хорошо. Дыхну тебе три раза в рот, и будешь знать, что говорят звери.

Дал пастух дыхнуть и научился понимать зверей.

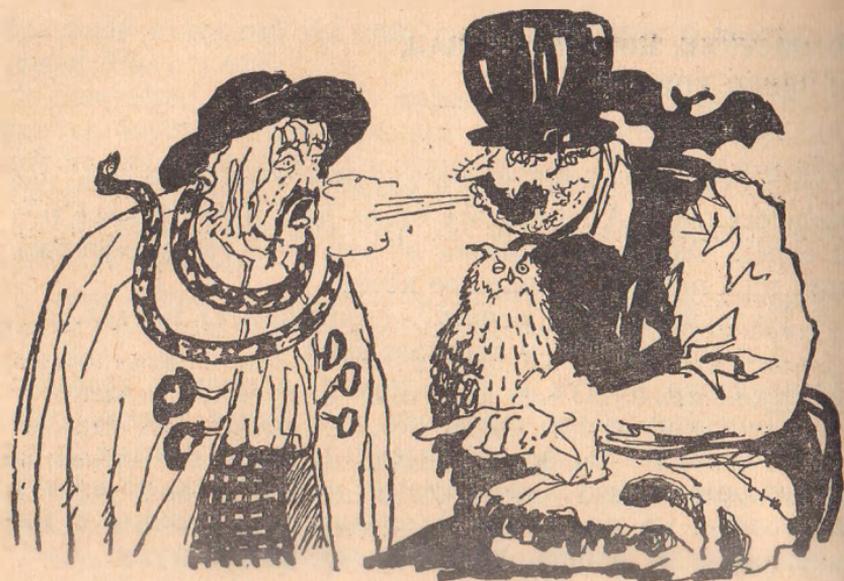
Волшебник опять не велел ему оглядываться, как пойдет через лес, иначе, говорит, звери съедят. Так пастух прошел лес и вернулся на свое старое место. Овцы паслись в куче, а он устроился под своим дубом. Прилетели два ворона, уселись на суку и закаркали:

— Если бы этот мужик знал, что под дубом лежат деньги в бочке, то не сидел бы сиднем.

Как услышал это пастух, загнал овец и рассказал обо всем пану. Поехали они к тому дубу и начали копать. Сначала принялся сам пастух, потом стали копать другие батраки, а под конец опять пастух, и тут лопата на что-то наткнулась. Подняли они на жердях бочку с деньгами, привезли ее в имение, а пан и говорит:

— Половину возьму я, остальное — тебе.

Но пастух не согласился с этим. Немного дал пану, а остальное — себе. Купил земли, хату и стал богачом. Завел двух лошадей, женился и ездил с женой на ночь в поле стеречь урожай. Как-то раз в дороге заржал жеребец, на котором ехал пастух, а потом кобыла, на которой сидела его жена. Жеребец смеется, а кобыла и говорит:

— Да, что тебе не смеяться: несешь одного, а я — троих.

Кобыла-то была жеребая, а жена — на сносях.

Мужик понял, что говорила кобыла, и рассмеялся.

Жена его спрашивает:

— Чего ты там заливаешься, расскажи.

— Да просто так, — отвечает мужик.

Приехали домой, жена опять своего добивается. А мужик отвечает, что скорее умрет, чем скажет. Она же все линнет, как смола. Тогда мужик велел сделать гроб, принес его во двор, собаки увидели и принялись выть. Пришел мужик, собирается рассказать жене, чему он в дороге смеялся, да тут слышит — петух подсмеивается, вокруг кур похаживает, а пес на него тьякнул:

— Не видишь, что наш хозяин помирать собрался, а ты веселишься.

Петух на это в ответ:

— У меня двенадцать кур, я и то справляюсь, а ему с одной бабой не справиться.

Как услышал это мужик, встал с постели и давай жену бить...

Гроб сжег и после этого жил еще долго.

64. СПРАВЕДЛИВЫЙ КАРЛИК И ВОЛК-ОТЩЕЛЬНИК

Жил когда-то в одной деревне бондарь, человек работающий, но отчаянный скряга — у такого, хоть плачь кровавыми слезами, ничего не выпросишь. Денег он накопил полный сундук, а все еще с утра до вечера строгал доски и сбивал из них бадьи, кадки, ушаты.

Неказист был этот бондарь с виду. Оттого, что он постоянно гнулся над работой, вырос у него на спине горб. Глаза косили в разные стороны, под носом всегда блестяла капля. Одежда висела на нем, как тряпье на оголенном пугале, — между тем он мог бы купить себе не один, а дюжины две кафтанов. Да что поделаешь, коли он не стыдился оборванцем ходить, лишь бы не тратить ни гроша из тех денег, что лежали у него в кованом сундуке! И часто по ночам, когда добрые люди после дневных трудов спали как убитые, скупой бондарь завешивал свое окно одеялом и, сидя на краю заветного сундука, считал, считал, пересчитывал...

Однажды чуть свет отправился он в лес за ивовыми прутьями, из которых делал ободья на бочки. Забрался в самую гущу ивняка, что рос над ручьем, и стал резать гибкие прутья. Сил не жалея, нарезал изрядную охапку и собрался было идти домой, как вдруг слышит: неподалеку трубят кто-то в рог, словно сигнал подают или играет зорю. Эхо разносилось по лесу, ударялось о стволы деревьев, рассыпалось на тысячи отголосков, будто взывая ко всему миру, и замирало где-то далеко в дебрях лесных.

Наконец наступила тишина.

Но через минуту лес загудел от топота — казалось, по усыпанным хвойными иглами тропам несется во всю прыть какое-то огромное стадо. И видит бондарь, что прямо на него валом валит большущая волчья стая. Куда ни глянь — отовсюду мчатся, запыхавшись и толкаясь, крупные волки. Их высунутые языки болтаются, как тряпки, оскаленные сверкающие клыки длиннее, пожалуй, чем зубья бороны. Перепугался тут бондарь насмерть. А бежать некуда. Не долго думая, полез он на ближайший дуб. Укрылся в ветвах, судорожно уцепился за сук потолще и ждет, что будет.

Набежали со всех сторон волки, уселись на широкой солнечной поляне. Дышат тяжело — бока у них так и ходят, а глаза светятся, как полный месяц. Последним, хромая на заднюю лапу, приплелся седой волк-одиночка. Тогда из чащи вышел бородатый карлик: в одной руке — посох, в другой — рог охотничий. Подошел к волчьей стае, как пастух к своим овцам, пересчитал, все ли здесь, и говорит:

— Созвал я вас, как созываю каждый день, чтобы отдать приказ, кому из вас что сегодня делать. Ты, Лохматый, побежишь в ту сторону, где заходит солнце, и растерзаешь кабана, который со вчерашнего вечера разоряет крестьянское картофельное поле. Ты, Косой, придуши бедняжку косулю, которая лежит под папоротниками в буковом лесу: когда она ела клевер, ее ужалила змея. Я не жалостлив, но зачем же косуле напрасно мучиться?.. Тебе, Юнец, надо бежать в Лаврентьеву рощу, там среди ежевики лежит подстреленный заяц. Жирный он, отъелся на молодом овсе, так что будет у тебя вкусный обед. Тебе, Хитрец, я дам задачу потруднее. Подкрадись-ка ты к колючине лесника и загрызи его собаку, он натравил ее на меня, когда я бродил по лесу.

Так карлик всем по очереди отдавал распоряжения. А каждый волк, выслушав его, вскакивал и, высунув язык, бежал в поле или исчезал в лесной чаще.

Напоследок карлик сказал Хромому:

— А ты, старик, сегодня никуда не пойдешь. Остаешься тут на поляне и съешь скрягу бондаря, — вон он сидит между ветвей на том дубе. Людям от него пользы мало, так незачем ему болтаться на свете.

Сказал так карлик, надвинул на глаза красный колпачок, похожий на шляпку гриба мухомора, и скрылся бесследно, словно растаял, где-то в расселине горы.

Бондарь услышал приказ карлика волку и затрясся весь как осиновый лист. Он лязгал зубами от страха, ноги и руки у него так ослабели, что он не мог больше цепляться за сук, и полетел вниз, как воронье гнездо. Летит прямехонько в разинутую пасть волка. И угодил бы в нее, как кур во щи, если бы, по счастливой случайности, не запутался в нижних ветвях дерева. Это его спасло.

Однако он не очень-то радовался своему спасению.

«Если я и просижу на дереве час или два, что толку? — думал он. — Рано или поздно у меня неостанет

сил держаться, свалюсь вниз, и волк разнесет мои косточки по лесу».

Он вшивался пальцами в сучья, зубы у него стучали от страха, как колотушки.

Время шло, давно миновал полдень, близились сумерки. Бондарь сверху следил за волком, волк снизу поглядывал на бондаря. И у обоих одна и та же мысль вертелась в голове: кто же кого измором возьмет, кто кого пересядит?

Наконец волку надоело ждать. Он встал с травы.

— Что, неохота тебе помирать, старый скупердяй? — проворчал он. — Ну, да ничего, подожду. Все равно ты от меня не уйдешь.

Повертел облысевшим задом, завыл, чтобы пугнуть бондаря, и убежал вслед за своими собратьями.

Бондарь просидел на дубе еще добрый час, а то и дольше: все боялся, как бы серый не вернулся. Но того и след простыл. Наконец бондарь соскользнул по стволу вниз, на вереск, и побежал что есть духу по полю напрямик к своей ветхой лачужке. Он опасался, что волк подстерегает его где-нибудь на пути, но все обошлось благополучно. Несмотря на приказ карлика, волк отложил расправу с бондарем. Он знал, что рано или поздно нужда погонит мужика в лес за прутьями.

Прошла одна неделя, прошла другая. Бондарь надедал бочек, погрузил их на телегу и повез продавать в город, на ярмарку. Дорога шла через лес. Бондарь наш вспомнил о волке, и у него мороз побежал по коже.

Вот он и говорит своему подручному:

— Что-то меня ко сну клонит. Залезу в бочку да вздремну маленько. До города далеко, этак я и время скоротаю.

Как сказал, так и сделал. Спрятался в самую большую бочку.

А возчик (подросток, который у него работал за ложку похлебки) закрыл бочку крышкой, хлестнул лошадь, и они медленно тронулись в путь.

Только что въехали в буковый лес, как из-за кустов вышла седая как лунь старушонка и стала упрашивать паренька:

— Подвези меня, пусти на телегу, сынок! Стара я, да и хромаю, а до города путь не близкий, пешком и к полуночи туда не добреду.

Хлопец отговаривался тем, что места нет в телеге, что лошаденке и так тяжело. Но старуха все приставала, и в конце концов он сжалился над ней.

— На бочках сидеть не годится, слететь можно, — сказал он. — Но есть у нас тут одна большая винная бочка, глубокая как колодец. В ней уже улегся мой хозяин, полезайте и вы туда. Места хватит, и вдвоем вам будет веселее.

— Вот и хорошо! — обрадовалась старая.

И вскочила на телегу, а оттуда — в бочку так проворно, словно лет тридцать сбросила с плеч.

Хлопец опять закрыл бочку, взмахнул кнутом, и они поехали дальше. Добрались наконец до города.

У заставы хлопец остановил лошадь, чтобы вынудить седоков из их тесноватого убежища. Неприлично же было ввозить их в город в бочке, как, с позволения сказать, огурцы или сельди!

Только он снял крышку, как из бочки прямо на дорогу выскочил хромой волк. Перепрыгнул через канаву, мелькнул, как тень, в поле и пропал в лесной чаще.

Заглянул хлопец в бочку и видит — от бондаря и следа не осталось. Ну как будто он пробил дно и сквозь землю провалился! Тут только хлопец смекнул, кого он навязал своему хозяину в попутчики.

Но недолго он горевал — известное дело, молодость!

Стегнул лошаденку, поехал на ярмарку, продал бочки, кому надо, и вернулся домой с туго набитой мошной.

А так как у бондаря наследников не было, то его работнику досталось все, что он нашел в доме. Человек он был хороший, отзывчивый и добрый, — людям не пришлось жалеть о том, что старсго бондаря сменил новый.

65. О ЖАДНОЙ БАБЕ

Жила-была одна баба, очень жадная, никому она ничего не давала. Пришла как-то к ней бедная крестьянка, попросила молока, так баба ей в ответ:

— Я лучше велю свиньям вылить, будут хоть свиньи у меня выкормленные.

Был у нее и сын, но не такой, как мать, а добрый. Потом сын женился, и невестка тоже попалась не жадная. Придет, бывало, нищий, так она сколько может, столько и даст ему хлеба. Увидела это хозяйка и говорит:

— Возьму-ка я сейчас кочергу да обломаю ее об тебя — будешь знать, как хлеб всяким нищим раздавать. Вскоре эта баба умерла.

А молодым не везло. Как даст жена свиньям есть, свиньи визжат, ходят вокруг корыта и не едят; хозяйка посмотрит — а корыто уже пустое. И так каждый раз. Свиньи высохли и стали как щенки. Видит хозяйка, что нет ей в свиньях удачи, — взяла да и продала их.

Потом кто-то стал поедать кочны в поле. Удивлялись все: что это за разбойники? А жена отравила своего мужика, чтобы тот словил вора. Пошел он, сел в гряды и слышит — хрустит кто-то капустой. Он встал, смотрит и вдруг слышит голос:

— Это я, сынок, твоя мать. Делаю так тебе во зло, за свою обиду. Жила я на этом свете, никому и крошки не давала: бывало, лучше свиньям скормлю. Кто просил у меня капусты — тому говорила: пусть лучше гниет в поле, хоть земля жирнее будет. Теперь вот такое мне наказание. Ничего я никому не давала на этом свете, так и на том никто мне ничего не дает. А у твоей жены четыре стола едой заставлены, уступила бы мне один, я бы никогда больше не вредила.

Пошел сын просить жену, чтобы отдала матери один стол, а жена и говорит:

— Я ей все столы отдам, пусть только уходит и больше не обирает нас.

Он пошел и рассказал обо всем матери, а она ему ответила три раза:

— Будет ей заплачено во сто крат.

И больше уже никогда не приходила.

Как только поредел мрак и над темным бором раскинулась утренняя заря, на узкой тропинке, бегущей по краю леса, появился всадник. Если бы не торчавшая из-под черного плаща рукоять меча, его можно было бы принять скорее за жреца, чем за рыцаря. Он ехал медленно, опустив поводья, и часто задевал головой низко нависшие ветви сосен, холодные от ночной росы. Холодный, раскормленный конь тяжело топтал траву и словно разгонял на ходу туман, стлавшийся серым руном над самой землей.

— Настоящая пустыня! Край драчливых и злых чернорогих оленей. Здесь на каждом шагу человека подстерегает опасность!

Когда копыто коня ударилось о камень, с густых замшелых ветвей взлетали испуганные птицы и скрывались в глубине лесной чащи.

— Кажется, тропинка дальше расширяется. Наверное, недалеко какое-нибудь селение. Ну, пошел! — Он дернул поводья. — Вот и солнце уже всходит.

Не проехав дальше и ста шагов, всадник остановился в удивлении.

— Кузница здесь, в непроходимой глуши!

Он сошел с коня и громко постучал в закопченную, пахнущую смолой дверь.

— Эй, там! Открывайте! Живо!

— Открыто, входите! — В дверях появился седой старец с молотом в руке.

— Меч мне отковать надо. Я ударил им по голове раненого оленя, когда он напал на меня. В жизни еще не случалось со мной ничего подобного! Видите, как зазубрился клинок?

— Вижу, глаза мне еще хорошо служат, — отозвался старик спокойно. — И что же, так и ушел от вас олень? Должно быть, рука у вас нетвердая или рукояти не может охватить как следует.

Высокомерным гневом засверкали глаза рыцаря.

— Да ты знаешь ли, с кем говоришь?

— Знаю, вельможный пан. Ты — Князь Без Сердца. И страна твоя — там, за Одером. — Старик указал рукой на запад.

— Ага, далеко же проникла слава обо мне! — Рыцарь гордо выпятил грудь.

— Да, вельможный пан, далеко и глубоко. — Старик подбросил щепку в горн. — А еще глубже проникла в души людей обида на тебя.

Рыцарь насмешливо расхохотался.

— Значит, вы меня ненавидите? А на нашем языке ненависть — та же любовь.

— Нет, ненавидеть мы не умеем. И в доказательство и откую тебе меч.

— Еще бы ты посмел отказаться!

— Почему же нет? Мы — свободные люди...

Рыцарь, достав откуда-то железный прут, согнул его в руках и шагнул было к старику. Но тотчас сдержался.

— Ладно. Куй!

Через минуту на раскаленную докрасна сталь опустился холодный тяжелый молот. Князь смотрел на мускулистые руки старого кузнеца. Они поднимались, как мощные ветви дуба, когда налетит ветер. Из-под молота брызгали искры.

— Какие же широкие плечи, какую силу надо иметь, чтобы управлять таким строптивым народом! — подивился вслух князь, качая головой.

Кузнец слушал, улыбаясь, и при каждом ударе молота жмурил глаза.

— А у нашего владыки плечи узкие, слабые. Зато дух силен...

— Вот как! Кто же это вами правит?

— Княжна Кора, вельможный пан.

— А хороша она собой?

— Не знаю, может ли цветок лилии сравниться с нею красотой... Ну, вот и готов ваш меч, возьмите!

— По законам моей страны — страны людей без сердца, мне следовало бы сейчас срубить тебе голову, чтобы ты не мог ковать оружие нашим врагам. Но я этого не сделаю. Укажи мне только дорогу к вашей княжне.

— Поезжай, не выбирая пути, положишься на судьбу — и попадешь прямо к нашей княжне.

Когда князь покинул кузницу, солнце стояло уже высоко. Жаркие и светлые лучи его, пробиваясь сквозь густые кроны деревьев, освещали сумрачную глубину дремучего леса. От разогретой ими сырой поросли поднимались испарения, пахло гнилью. Князь ехал медленно — дорога

шла в гору, и к тому же приходилось объезжать лежащие на земле обомшелые стволы старых деревьев. Над головой всадника хрипло и жалобно кричала какая-то птица, бесшумно мелькали в ветвях испугнутые белки, пыльными хвостами словно сметая с листьев солнечные пятна.

Рыцарь вдруг остановился.

— Я слышу ясно женские голоса! Откуда взялось бы царство здесь, среди дремучего бора?

Охваченный любопытством, он двинулся в ту сторону.

На залитом солнцем взгорье раскинулся сад, полный цветов. В глубине его стоял деревянный дворец. А вокруг широких цветников сидели с веретенами женщины в светлых платьях, вытягивая тонкими пальцами нити чистого золота. Самая красивая из них в эту минуту связывали порвавшуюся нить. Князь подъехал к ней.

— Я заблудился среди здешнего бездорожья, — сказал он, решив солгать. — И копь мой выбился из сил..

— Легко сбиться с дороги и загнать лошадь, если ищешь ветра в поле или гонишься за быстрокрылой ласточкой. Чего или кого вы здесь ищете, достойный чужестранец?

— Ищу княжну Кору, милая пряха.

Она наклонила голову в короне светлых волос. И все веретена замерли в руках молодых прях.

— Я — княжна Кора.

— Как?! Ты — властительница страны, и тебя не охраняют копьеносцы и лучники, не отнимая рук от колчанов? И ты не окружена никакой пышностью? Работаеть, как другие?

Кора гордо подняла голову.

— Ага, узнаю тебя! В твоей стране чтут только кованые щиты, копь да острые стрелы, отравленные чемерицей. А в моей — веретено и соху. Пойдем, я покажу тебе кое-что.

Они медленно поднялись на башню замка. Дойдя до светлицы наверху, Кора указала гостю на хрустальный шар, стоявший в нише окна.

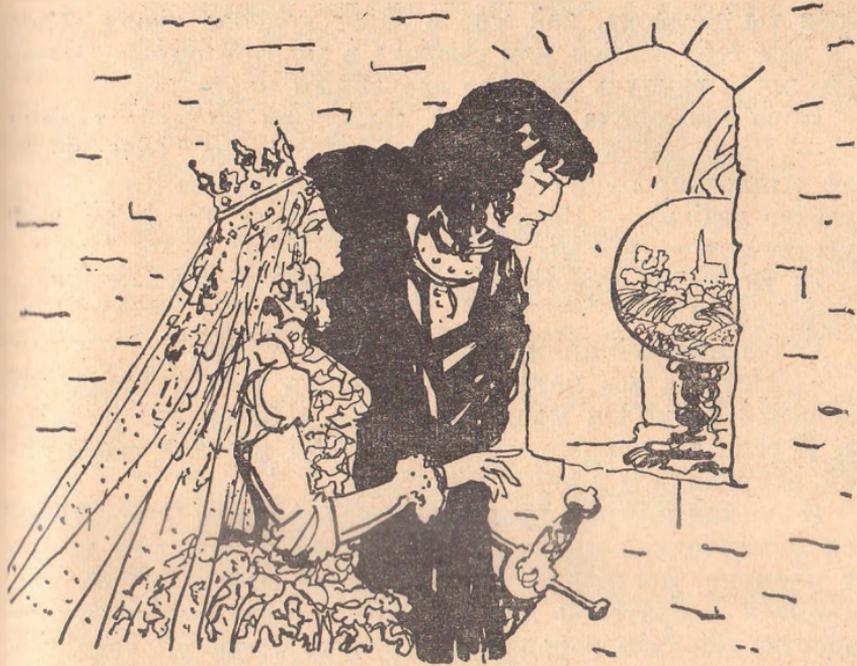
— На нем, — промолвила она тихо, — ты увидишь все уголки мира. Вот здесь моя страна! Что ты видишь?

— Пашут, — отвечал князь.

— Теперь глянь в другую сторону.

— Здесь корчуют леса.

— Дальше смотри.

— Там ловят рыбу. На золотом берегу вижу старца и девушку. Они плетут сети.

— А еще что видишь?

— Вижу, как летят искры из-под кузнечного молота. Ах! — Князь широко раскрыл глаза. — Да ведь я знаю этого кузнеца!

— Что он делает?

— Соху чинит. Рядом лежат серпы и косы. А за кузницей уже рожь дозревает.

Княжна повернула хрустальный шар.

— А здесь?..

— Здесь вижу горящую деревню. Согнанную вместе толпу невольников... Вокруг — вооруженные люди..

— Не узнаешь их?

Князь в гневе отшатнулся.

— Довольно! Сойдем вниз!

Внизу он остановился.

— Княжна! Я глубоко чту тебя и твой народ. Будь моей женой, — сказал он с холодным блеском в глазах. — Ради тебя я покину свою страну или постараюсь соединить наши княжества. Я молод и, пожалуй, даже красив.

Если ты согласна, дай мне в залог колечко твоих волос, а я дам тебе взамен мой смарагд в золотой оправе. Через три дня я вернусь сюда со свадебным кортежем.

Кора проводила взглядом плывущие по небу облака.

— Увы, князь, — ответила она грустно (ибо молодой рыцарь пробудил в ее душе неизведанное до тех пор чувство любви). — Ведь у тебя нет сердца. Ты не можешь чувствовать то, что мы.

— Но разве ничего нельзя сделать? И это — твое последнее слово?

Глаза молодой княжны вдруг просветлели.

— Нет, не все потеряно. Помнишь того кузнеца, что оковывал соху? Он может выковать тебе сердце из золота. И если ты искренне хочешь, чтобы я стала твоей женой, отправляйся к нему поскорее.

И поехал князь к кузнице в лесной чаще. Старый кузнец внимательно выслушал его слова о том, что теперь их племена, постоянно враждовавшие между собой, объединятся в братской любви. Лицо старика просияло от радости. Сколько городов и деревень тогда уцелеет, как много сохранится хат, от которых после набегов остался бы только горький пепел! Сколько людей сможет мирно пахать землю в долинах Одера!

Он с живостью взял князя за руку и сказал:

— Ложись и доверься мне. Выкую тебе сердце из золота, полное любви, такое же нежное, как у нас.

Князь лег на лавку, а старик дотронулся пальцами до его лба и прошептал:

— Усни, княже, усни...

Беспокойный и гнетущий сон овладел рыцарем. Снилось ему, что он блуждает среди темных лесов и в грудь его вбит олений рог. Рог этот все разрастался и наконец стал таким огромным, что князь уже висел на нем, как лист на высоченном дубе.

Он рванулся — свет солнца и чье-то прикосновение разбудили его, избавив от кошмара.

— Ну вот, ты уже больше не Князь Без Сердца, — спокойно сказал ему старец. — Но твое новое сердце начнет биться не раньше, чем через три дня. Это будет в ночь новолуния. И тогда ты станешь другим человеком.

— Вот тебе плата! — С этими словами князь бросил кузнецу слиток золота и мысленно добавил: «Скоро я наступлю ногой на твой труп».

Три дня прошли быстро. И молодой месяц уже мерцал над лесами, когда отряд князя, немного притомившийся в дороге, торжественно подъехал к замку невесты. Сто воинов соскочили с коней, и Кора в наряде, украшенном цветами, протянула руки навстречу князю.

— Я тебя ждала. И очень тревожилась. Теперь я счастлива...

— Взять ее и удавить! — гаркнул князь.

Предоставив своим воинам расправляться как угодно с беззащитными женщинами, князь вдвоем со своим наперсником Герардом поднялся на башню, где находился волшебный шар.

— Вот этот хрустальный шар отдаст в наши руки и врагов и друзей. Гляди!

— Я вижу только задушенную Кору. Она лежит среди азалий, — сказал Герард, пожимая плечами.

— Ах! — простонал князь.

— Что случилось? Ты так побледнел!

— Какой ужас, Герард! Мы — убийцы... А, теперь понимаю: это — сердце...

— Какое сердце? Что с тобой, князь?

— Ничего, ничего. Сойдем вниз... Значит, правду говорил этот кузнец! Ведь сегодня новолуние... И мое золотое сердце ожило.

Согнувшись, весь бледный, вышел он во двор перед замком, опираясь на Герарда. Воины были ошеломлены.

— Да разве мы впервые воюем так? Помнишь Славу... Дервану?

— Помню... Тем хуже! Тем хуже! И на этот раз я буду трижды проклят! Ведь Кора меня любила...

Он опустился на колени у кустов азалии, укрывших тело княжны, и долго стоял так, словно окаменев.

— Как она могла всю жизнь прожить с сердцем в груди? — шептал он побелевшими губами. — Уйдите! Оставьте меня одного.

Его наперсник, наказав воинам присматривать за князем, уснул где-то крепким сном, упоенный победой. Быстро проходила сырая ночь, полная рос и лесного шума. Скоро на востоке забрезжила заря.

— Где князь? Эй, где же князь? — раздались поутру тревожные крики рыцарей. — Он пропал куда-то, нигде его нет.

— Ведь я приказал вам его охранять! — закричал, бледнея, Герард. — Пусть несколько человек останутся здесь сторожить пленниц и замок, остальные — за мной!

Оставшиеся на дворе замка рыцари, утомленные бессонной ночью, лениво бродили среди деревьев и цветов и только изредка поглядывали в сторону ворот, за которыми плакали несчастные пленницы. Один из воинов, проходя мимо азалий, вдруг остановился в удивлении:

— Что-то не видал я здесь раньше этого дерева! Ну, да всего не заметишь. Полежу под ним... Надо дать ногам отдых. Вот так!.. Ой, что это? Ветра нет, а с дерева словно кто-то стряхивает росу...

— Смотри! — воскликнул и второй воин. — Видишь, что на стволе, вон в том месте?

— В самом деле, в ствол глубоко всажено золотое сердце. Зови скорее Кудке!

— Кудке! Кудке! Давай нож, живо! Сейчас добудем изрядный кусок золота. Ну-ка, налегай!

Рыжебородый и красноглазый Кудке подsunул лезвие ножа под кору дерева и сильно пажал. В ту же минуту крик ужаса вырвался из трех глоток:

— Кровь! Кровь! Да это место проклято! Бежим!

А в глубине леса человек сто кричали во весь голос:

— Ау! Князь! Князь, отзовись!

67. ШАБАШ НЕЧИСТЫХ

На одном фольварке, что принадлежал пани помещице, была хозяйка-экономка, которая смотрела за скотом и за всеми работниками. Хозяйка эта, о чем никто не догадывался, была ведьма. Каждый четверг в полночь она натирала можжевеловой мазью руки и плечи, садилась на кочергу и, словно на коне, отправлялась на Лысую гору веселиться с чертями. А под утро возвращалась как ни в чем не бывало, делала свою работу, ходила за скотиной. Пани оставалась довольна своей работницей — коровы доили помногу, и телята были хорошие. Среди дворовой челяди, за которой присматривала ведьма, был один батрак; он вел себя с нею посмелее других, и вскоре они

спознались. Любопытно стало ему, куда это она пропадет по ночам и откуда потом возвращается. Вот пришел он к ней однажды и притворился, что заснул, а был как раз четверг. Она тем временем, думая, что дружок спит, постучала три раза об печь и пробормотала какие-то заклинания. Выдвинулся из печи горшок с мазью, потеряла ведьма себе руки и плечи и, схватив кочергу, вылетела в окно. В то время пробило полночь. Батрак смекнул, что произошло, три раза постучал об печь и сказал те же слова, что она говорила. Выдвинулся из печи горшок, помазал батрак себе руки зельем, схватил пест от ступы и — фр-р-р — за нею в окно.

Приехал на Лысую гору, а там веселье идет вовсю, ведьмы танцуют с чертями, и все разодеты, словно прекрасные пани да паны. Столы заставлены серебром и золотом, и полно на них всякой еды и питья. Черти гостя потчуют, ведьмы с ним любезничают, а он ест, что только может. И вот подошел шабаш к концу, и им с хозяйкой нужно домой ехать; кони их стоят в стойлах сытые. Вышел самый старший черт, каждому из гостей подал красную шапку и велел не снимать ее с головы. Только надели гости те красные колпаки, как в мгновение ока, невидимые свету, оказались на своем месте, а кони опять превратились в кочерги, песты и помела. Батрак с хозяйкой тоже благополучно добрались до дому и на другой день опять делали свою работу. Батрак, однако, не удержался и давай похваляться перед другими, где был, что видел и слышал; особенно старался расписывать угощение — выпивку и закуски. Вся челядь над ним смеялась, не верила его басням.

В следующий четверг опять батрак с хозяйкой отправились на дьявольское веселье и опять гуляли. Батрак и думает: «Теперь-то уж я не оплошаю. Мало поесть да попить, надо что-нибудь и с собой прихватить».

Вот набил он карманы золотыми стаканами, серебряными ложками — тащил не то, что под руку попало, а выбирал с толком. Наутро батрак еще больше, чем в первый раз, стал нахваливать еду и питье, а в доказательство хотел показать уворованные вещи. Вывертывает карманы, а там вместо серебра и золота — рога, копыта да когти. Выбросил он все это в сердцах, товарищи надрываются от смеха, а у него в это время началась страшная рвота, так что все внутренности выворачивало, съеденное

вылетало из горла мочой и калом, даже было смотреть противно. Побежал батрак к ведьме и давай проклинять ее, а она его хлесть по морде и говорит:

— Чего ты нашлеп, осел! Мы не другое едим и пьем, а то же самое, что и все.

Он — на бабу, баба — на него, и так меж собой повздорили, что батрак пошел к ксензду и рассказал ему, что баба эта — ведьма.

Баба сообразила, чем дело пахнет, сама прибежала к ксензду и, как будто желая оправдаться, попросила исповеди. Ксендз выслушал ее и узнал обо всем.

Ксендз в приходе был молодой, любопытный до всех мирских дел, вот он и говорит бабе:

— Дай и мне той мази, я тоже с тобой поеду.

— Хорошо, — ответила баба, — раз так, пусть пав ксендз приготовится, заедут за ним кони с повозкой, и пусть святой отец сядет в нее.

Баба дала ксензду мази, и в новый четверг о полночи завернули за ним кони с повозкой. Ксендз поехал, и баба за ним — на кочерге. Она очень просила ксендза, чтобы он никак не снимал с головы красной шапки, которую получит. Ксензду пришлось по душе гулянки на Лысой горе. Много раз путешествовал он тем же способом на шабаш и всегда возвращался благополучно, не снимая по дороге шапки. Но однажды по пути с дьявольской пирушки захотел он получше рассмотреть красный колпак. Снял его с головы и только стал разглядывать, как тут же вдруг вылетел из повозки и в чем бог сотворил оказался во Франции, где перец и виноград растут, — лежит у одного купца в подвале между бочками. Стыдно ему было ужасно, так как в погребе кругом люди ходили. Сидел он тихо за бочкой, а ночью, когда никого не было, выходил и ел, что под руку попадало — миндаль, изюм, фиги, — и все это запивал вином, которого тут было вдоволь. На его счастье, зашли однажды в тот погреб несколько ксендзов покупать вино. Бедняга как увидел их — обрадовался (ясное дело — это свой брат), вылез из-за бочки и просит их:

— Frater,¹ спаси! — И слова: — Frater, спаси! Спасите меня! — Так они и договорились промеж собой.

---

¹ Брат (лат.).

Узнал от них ксендз, что находится он больше чем за триста миль от своего прихода, начал причитать, жаловаться да горевать над своим несчастьем. А те ксендзы дали ему одежду, взяли с собой в монастырь, а там еще доньгами на дорогу ссудили и попрощались с ним. Успокоился ксендз, отправился в путь, а через три месяца был дома. И как только оказался в своем приходе, первым делом спросил про ту ведьму. Велел ее доставить к себе, развести большой костер и спалить ее на огне.

Как положили бабу на костер, она и завопила:

— Рокита, спасай! — И дьявол ее с костра сбросил.

Так было три раза, пока ксендз не догадался окропить костер святой водой и осенить его крестным знамением. И тогда дьявол ничего уж не мог сделать.

И ведьма, как полагается, вся дотла сгорела на костре.

68. НЕСПРАВЕДЛИВЫЕ СУДЬИ

Во времена, когда в Поморье еще не было князей, вся власть принадлежала там собранию свободных людей, или вече. В назначенный день собирались со всей страны крестьяне, вершили дела своей земли, а также правили суд.

Как-то раз такое вече было созвано на большой поляне под Бытомом. Рослые, крепкие мужчины оживленно разговаривали: всех взволновала причина, по которой их собирали, — убийство крестьянина Гневомира.

Были выбраны председатель и пять судей. Собрание образовали круг. Старший объявил громким голосом:

— Пусть станет сюда Милобрат, которого обвиняют в убийстве Гневомира.

Вперед вышел уже довольно пожилой человек с длинными седеющими волосами, с виду спокойный, солидный. Крестьяне удивленно закачали головами. Те, кто знал Милобрата, сомневались, что он мог совершить злодеяние, другие же готовились к неожиданностям.

Обвиняемый, как того требовал обычай, снял шапку с головы, развязал платок на шее, все это положил сбоку, выпрямился и спокойно ждал, что будет дальше.

Председатель стал рассказывать о случившемся. Три дня тому назад нашли мертвого крестьянина Гневомира. Улики и показания брата убитого говорят, что убийца не кто иной, как стоящий перед вечем Милобрат. Затем председатель обратился к обвиняемому и спросил:

— Признаешь ли ты свою вину?

— Не признаю, — ответил тот. — Я не убивал Гневомира.

— Но это нужно доказать, — сказал судья.

По его знаку двое мужчин внесли на жердях тело убитого. Люди вытягивали шеи, чтобы получше видеть зрелище, которое бывает не каждый день.

Судья подошел к мертвецу и открыл полотняное покрывало. Перед глазами собравшихся предстало бледное лицо умершего. На фоне этой белизны зловеще черпела кровавая рана на лбу. Чьей рукой она нанесена?.. Судья спросил:

— Кто признает умершего?

Выступил брат покойника и подтвердил, что это труп Гневомира. Тут председатель обратился к Милобрату:

— Ты знал Гневомира?

— Знал. Это же был мой сосед.

— Правда, что вы не ладили?

— Иногда между нами происходили небольшие ссоры, но до драки никогда не доходило.

Судья потребовал, чтобы показания дал брат убитого. Он сказал, что между Гневомиром и Милобратом часто происходили столкновения, что Милобрат назвал Гневомира строптивцем и что в день убийства Милобрата видели во дворе Гневомира. Он закончил такими словами:

— Я не присутствовал при смерти брата, не видел, кто нанес ему смертельный удар, но, по-моему, убийца — стоящий тут Милобрат.

Председатель снова обратился к Милобрату:

— Отвечай!

Побледневший от всего услышанного обвиняемый, однако, спокойно сказал:

— Я не отрицаю, что назвал Гневомира строптивцем: он часто распалялся гневом, злился из-за пустяков. Но отрицаю также, что в день убийства был у Гневомира. Просил тогда одолжить коня, а Гневомир отказал. Но повторяю, не убивал я его. Это сделал кто-то другой, но кто — не знаю.

Председатель объявил, что следствие закончено. Судьи обратились на совещание. Некоторое время они разговаривали приглушенными голосами. По выражениям их лиц и движениям рук можно было сделать вывод, что судьи придерживались единого мнения. По окончании совещания председатель, чтобы утихомирить людей, поднял руку и сказал:

— Оглашаю приговор по делу убийства Гневомира... Суд признал, что обвиняемый Милобрат повинен в смерти Гневомира, и накладывает на него штраф в пятьдесят гривен. Если Милобрат не сможет заплатить этой суммы, то лишится двора и пашни.

Лицо Милобрата сделалось пепельным, губы задрожали. Он хотел что-то сказать, но потом передумал. Молча поднял шапку, платок, палку и, ссутулившийся, медленным шагом покинул вечевого круг.

И тут случилось чудо. Люди группами освобождали поляну, а судьи и свидетель все еще продолжали сидеть на своих местах, даже не шевельнулись. Некоторых это очень удивило, и стоявшие поближе стали подходить к ним, дабы узнать, почему они остаются неподвижными. И здесь подошедшие увидели что-то необыкновенное.

Председатель, пять судей и свидетель — окаменели!

Послышался шепот, переросший затем в громкие крики:

— Судьи вынесли несправедливый приговор... Милобрат невиновен!

Ничто уже не вернуло к жизни каменные изваяния. Семь скал стоят и по сей день на месте, где происходило вече, как будто за этот приговор невинному Милобрату вечно будут обсуждать они убийство Гневомира и решать вопрос — кто же совершил злодеяние.

69. ТВАРДОВСКИЙ

Твардовский был знатный шляхтич, и по отцу и по матери высокого рода. И хотел он стать умнее всех добрых людей, найти лекарство против смерти — потому что ему неохота было умирать.

Из одной древней книги он узнал, как вызывать дьявола; и вот раз в полночь вышел он тайком из Кракова,

где лечил всех, и, придя на Предгорье, начал громко звать черта. Тот не замедлил явиться. Они с Твардовским, как это бывало в те времена, заключили между собой договор. Черт тотчас записал на бычьей коже все условия договора, а Твардовский подписал его собственной кровью из безымянного пальца. Условий было много, и главное состояло в том, что черт имеет право завладеть телом и душой Твардовского только тогда, когда достигнет его в Риме.

Продав таким образом душу черту, Твардовский приказал ему, как своему слуге, первым делом снести в одно место серебро со всей Польши и хорошенько засыпать его песком. Для этого он выбрал Олькуш. Черт послушно выполнил приказ. Так в Олькуше появился знаменитый серебряный рудник.

Потом черту было велено принести к Песчаной горе высокую скалу и поставить ее там навеки верхушкой вниз. Черт покорно выполнил и это, — с тех пор стоит в том месте скала узким концом вниз, люди ее называют Соколиной.

Так Твардовский по первому требованию получал все, чего только пожелает. Он мог скакать на нарисованном коне, летать без крыльев; собравшись в дальний путь, садился на петуха и мчался быстрее, чем верхом. Со своей возлюбленной плавал по Висле против течения без весел и паруса. И стоило ему взять в руки стеклышко, как загорались деревни на сто миль вокруг.

Понравилась Твардовскому одна панна, и он захотел на ней жениться. Но панна эта спрятала в бутылке какую-то живую тварь и объявила, что отдаст руку и сердце только тому, кто угадает, что в бутылке. Твардовский был не дурак: переоделся нищим и пришел в лохмотьях к красавице. А она тут же спрашивает, показывая ему издали бутылку:

— Что же за зверь тут, — червяк или уж?
Кто отгадает, тот будет мой муж.

Твардовский отвечает:

— У тебя там пчелка, милостивая панна!

Он угадал, и они вскоре поженились.

Пани Твардовская на рыночной площади в Кракове слепила себе из глины домок и там торговала горшками и мисками. А Твардовский, в наряде богатого пана, про-

овжая мимо с многочисленной свитой, всякий раз приказывал своей челяди разбивать всю эту утварь, и когда его жена в гнев проклинала всех и все, он, сидя в красивой коляске, хохотал от души.

Золота у него всегда было что песку в море, потому что черт приносил ему столько, сколько он требовал.

Долго куролесил Твардовский. Однажды забрел он в дремучий лес без своих чародейских инструментов. Идет, крепко задумавшись, и вдруг напоролся на черта. Черт требует, чтобы он тотчас же отправлялся в Рим. Разгневанный Твардовский заклинаниями прогнал беса. Однако тот, скрежеща зубами от злости, раньше, чем уйти, вырвал с корнем сосну и с такой силой ударил ею Твардовского по ногам, что одну перебил. С того дня Твардовский хромял, его все так и называли «колченогим».

Черту наконец здорово надоело дожидаться своей добычи, души чародея, и вот он принял обличье придворного

и пришел просить Твардовского, чтобы тот, как искусный лекарь, посетил его заболевшего господина и оказал ему помощь. Твардовский спешит за мнимым посланцем в ближнюю деревню, не зная, что усадьба ее владельца называется «Рим». Как только он переступил порог этого дома, на крышу слетелось множество черных воронов, сов, филинов. Услышав их злоешие крики, Твардовский сразу понял, что его здесь ждет. Он вытащил из колыбели недавно окрещенного младенца и три-сущимися руками стал укачивать его. В этот миг в дом ввалился черт уже в своем собственном обличье. Правда, он оделся франтом — на нем была треуголка, немецкий фрак и длинный жилет, короткие панталоны, плотно облегающие ноги, и туфли с пряжками и бантами, — но его сразу можно было узнать: ведь из-под шляпы выглядывали рога, из башмаков — когти, а сзади болтался хвост.

Черт уже хотел схватить Твардовского, но вдруг увидел перед собой непреодолимую преграду — невинного младенца: его он не имел права трогать. Впрочем, он тут же сообразил, что делать, и, подступив к чародею, сказал ему:

— Ты — благородный шляхтич и сам знаешь — *verbum nobile debet esse stabile*.¹

Твардовский, как человек благородный, понимал, что не может нарушить данное слово. Он положил дитя в колыбель и вместе с чертом вылетел через трубу.

Торжествующе закаркали на крыше вороны, загукали совы и филины. Но Твардовский не пал духом. Внизу под ним виднелась земля, и он летел так высоко, что деревни казались отсюда крохотными, как комары, города — не больше мух, и сам Краков был размером с два паука. У Твардовского сердце защемило от боли. Там, внизу, осталось все, что он любил, что было ему дорого и мило. И вот, взлетев еще выше, туда, где ни стервятник, ни орел карпатский никогда еще не поднимали крылом ветра и куда они даже глазом досягнуть не могли, Твардовский, напрягая утомленную грудь, из последних сил запел молитву. Это был один из тех священных гимнов, которые он когда-то в молодости, когда еще был чист душой и ничего не знал о чародействе, сочинил в честь пресвятой девы Марии и пел каждый день. Голос его рас-

---

¹ Слово чести надо держать (лат.).

плывался в воздухе, хотя пел он с воодушевлением, от всего сердца. Но пастухи, что в горах под ним пасли овец, удивленно поднимали головы, чтобы увидеть, откуда же несется к ним песня-молитва. Потому что голос Твардовского летел не ввысь, а вниз, к родимой земле, чтобы будить в людях душу живую. Вот допел свою песню Твардовский — и с великим удивлением видит, что он больше не летит вверх, а парит неподвижно в воздухе. Озирается кругом — нет нигде его спутника, черта. И только голос черта, как гром, загремел над ним из синих туч:

— Будешь так висеть до Страшного суда!

И до сих пор висит там Твардовский. Хотя слова замерли у него на устах и никто его голоса не слышит, — старики, те, кто помнит былые времена, еще не так давно в ясные лунные ночи указывали людям черную точку в поднебесье, говоря, что это тело Твардовского, которому висеть там до дня Страшного суда.

70. О ДЬЯВОЛЕ И ГОСПОДЕ БОГЕ

стретились как-то раз господь бог с дьяволом, или, как в народе попросту говорится, с чертом.

Поклонился черт и говорит:

— Добрый день, господь бог.

— Здравствуй, черт.

— Скажи мне, господи, почему это я тебя господином величаю, а ты меня просто чертом называешь?

Отвечает ему бог:

— Видишь ли, я всем господин, потому что дал людям добро, ты же вечно козни строишь, глаза бы людей на тебя не смотрели.

Так шли они, шли, разговаривали, вдруг видят: пасется на лугу корова.

Обрадовался лукавый:

— А давай-ка посмотрим, как эта тварь нас встретит.

Согласился бог:

— Ладно, ступай ты к корове первый, увидим, что она с тобою сделает.

Подошел черт к буренушке поближе, наставила она рога, вот-вот бодаться начнет.

Просиял добрый бог:

— Ну, видишь, чертов сын, корова — и та тебя не любит.

Отвечает ему черт:

— Теперь, боже, твоя очередь, ты к корове подойди, интересно, как она тебя встретит.

Приблизился господь бог к животному, увидела его бедная корова, испугалась божьего сияния. Бросилась бежать со всех ног, со страха дороги не разбирая, и попала в овраг. А на дне оврага была топь, никак корове оттуда не выбраться.

Тут дьявол и говорит:

— Что же ты, господи, наделал, как теперь нам быть?

На счастье, увидел корову в овраге пастух, побежал он в деревню, позвал хозяина. Прибежал хозяин коровы, давай ругаться:

— И какой тебя черт туда занес?

Услышал нечистый, обиделся:

— Справедливо ли это, боже: ты скотину в овраг загнал, а ругают меня?

Пошел мужик за помощью, самому ему было не справиться. Сошлись соседи, кричат, галдят, руками машут, а в грязь никому лезть не хочется.

Надоело дьяволу без дела стоять.

— Не говорил ли я тебе, господи, что черт сильнее тебя? Теперь смотри.

Пошел нечистый и помог мужику корову из оврага вытащить.

Обрадовались тут люди, давай благодарить:

— Вот, слава богу, помог нам.

Улыбнулся тогда лукавый и сказал всевышнему:

— Ты уж прости людям, господи, не ведают часто они, что творят.

71. КАК ЧЕРТ ПОМОГ БЕДНОМУ МУЖИКУ

Жил один мужик очень бедно, а были у него жена и семеро детей. И вот однажды нечего было есть в его доме, пошел он в костел и стал просить бога послать ему что-нибудь, а сам подумал, что если уж бог не поможет, то придется пойти и украсть.

Молился крестьянин и вдруг слышит позади себя чьи-то шаги. Оглянулся он и видит: стоит у амвона человек, одетый во все черное. Наклонился черный, отодвинул каменную плиту, что-то из-под пола вытащил и воскликнул:

— Флорек, все твое, только дырявый мешок мой!

Потряс он мешок, посыпалось оттуда золото. Обрадовался мужик, собрал деньги и пошел домой. По дороге купил детям подарки, себе сермягу. Увидели злые люди, что вывелись у бедного крестьянина деньги, пошли к пану и наговорили ему, что украл Флорек у него золотые. Забрал богач у холопа все золото, а его, беднягу, приказал посадить в яму. Ночью пришел к пану черт, взял да и отнес его на высокую липу, а сам остался под деревом.

Проснулся богач, испугался, давай кричать:

— Господи, где я?

Отвечает ему нечистый:

— Ты сидишь так же высоко, как Флорек глубоко. Вспомни-ка, свои ли ты деньги у него взял, за что ты его в яму посадил?

Затрясся богач, пообещал все вернуть крестьянину, да еще и двадцать ренских прибавить, только бы снял его нечистый с липы.

Отнес черт пана домой, а наутро позвал богач Флорек к себе и отдал ему все деньги, да еще и двадцать ренских дал в придачу.

72. ЯРОШЕК

Приземистые сосны с чуть розоватыми стволами покачивались на пригорке. Сучья их сплелись, точно сосны обнялись в горе. Нижние ветки, сухие, совсем голые, торчали в разные стороны. Под одним таким большим корявым деревом стоял батрак Янюрек и распутывал веревку. Глаза его жалобно смотрели прямо перед собой, а руки дрожали и не могли завязать петлю.

— Не хочется, ох, как не хочется мне расставаться с жизнью, — бормотал он чуть слышно. — Жаль покидать белый свет, оставлять жену и детей... Да что поделаешь, камни есть не будешь, семью ими не прокормишь...

— Да ты никак вешаться хочешь? — закричал вдруг старый лесной чертушка Ярошек, просунув сквозь густой кустарник свой рогатый лоб.

— Эх, хотеть не хочу, а приходится, — вздохнул крестьянин. — Приготовился умирать.

— Знать, бедность тебя заела?

— Не так бедность, как «добрый» хозяин.

— Что, обидел?

— Скорее помог. С его-то благоденний все и началось.

— Ничего не пойму, несешь какой-то вздор.

— Понял бы, кабы попробовал его доброту на собственной шкуре.

— Нет уж, лучше, видно, не пробовать. Это не сладость, если потом от нее горько становится. Так что же все-таки тебя мучает?

— Расскажи я все, ты ведь только руками разведешь, а мне воспоминания пуце душу разбередят.

— Как знать? Может, смогу я твоему горю помочь.

— Нечистый и помощь... Совсем так, как если бы надумали поженить воду с огнем.

— Ну и маловер же ты, как я посмотрю.

— Как же я тебе могу верить? Ведь хозяин, который мне петлю на шею накинул, сделал это, наверно, но без бесовской помощи.

— Черт черту рознь.

— Э-э, да, пожалуй, тем только и отличаются они, что у одного рога подлиннее, а у другого покороче.

— Плетешь языком, скоро уж моего терпения не хватит. Что ни слово, то оскорбление. Скажи мне наконец толком, что там у тебя стряслось?

Уселись они под сосной, мужик — на одном пне, чертушка — на другом. Ветер шумел в верхушках деревьев, трещали кузнечики в траве, стрекотали синицы.

А Янюрек рассказывал:

— Взял я у хозяина деньги в долг, иначе было не прожить. Работы нет, земли нет, дома своего — и то нет. С утра до вечера гнул я спину на хозяйском поле. Солнце меня с косою на работе встречало, ночь провожала. Заработка никакого, зато детей как галчат. Что ни год, то рот. А тут, будто этого мне только и недоставало, одолели болезни. И в боку колет, и в спине колет, и черт знает где не болит. От слабости руки не поднимаются, а работы благодетель наваливает все больше и больше. Голод покоя не дает, обедками с барского стола сыт не будешь. На те деньги, что в долг брал, проценты выросли. Хозяин кривится, косо на меня смотрит. А сегодня взял да и вы-

ложил, что у него на душе. Сказал, что не даст больше муки и чтоб убирался я из его дома на все четыре стороны. Давай тут дети плакать, жена причитать. В отчаянии схватил я веревку и припшелся в лес. Не работник я, так и грешно мне у семьи кусок отнимать. Скорей люди их пожалеют, если меня не станет.

С этими словами он стал было опять трясущимися руками завязывать петлю. Сучок торчал невысоко над его головой, можно было расстаться с жизнью, не карабкаясь на дерево.

Да только, видно, не судьба. Положил Ярошек лапу с длинными когтями на веревку, посмотрел Янюрек на него: по щекам черта бежали слезы. Потягивал он носом, казалось, что вот-вот заблеет, как молодая коза.

— Иди-ка ты, куда шел, — вздохнул крестьянин, — мне и так тошно, а тут еще ты...

— Послушай, я без тебя отсюда не уйду.

— И куда же ты меня отведешь, благодетель? Ведь и так я рано или поздно, а все равно попаду к тебе в ад.

— А речь как раз идет о том, чтобы ты не очень снесил туда.

— Думаешь, что сможешь помочь?

— Пожалуй, да... Жаль мне твою детвору. Настряпал ты их здесь, на грешной земле, столько же, сколько и я там у себя в пекле.

— Знать, не обошла нас судьба, раз детьми наделила.

— Ну, идем, что ли.

Завел Ярошек мужика в глухую лесную чащу. В такие дебри, где птица не пролетит, мышь не пробежит. Янюрек, когда опомнился, понять не мог, как пробрались они сквозь заросли и кусты. Должно быть, без чертовых штучек тут не обошлось. Остановились они под дикою грушею, росла она посреди поляны, и груш на ней было больше, чем листьев. Застучал об землю чертушка копытом — тук-тук, закричал по-петушиному — ку-ка-ре-ку!

Задрожала в ответ земля, зашумело дерево. И посыпались с него не груши, а золотые талеры и дукаты. Стало от золота в чаще светлее, на душе у мужика веселее.

Позабыл он тут о веревке, позабыл о смерти. Вытаращил глаза — то на Ярошека, то на деньги смотрит. Батюшки, сколько золота! Не знает: спит ли он и во сне все видит или наяву.

— Не стой как пень, собирай! — привел его в себя чертушка. — Сколько унесешь, столько и твоего.

Не стал ждать Янюрек, чтобы его просили дважды. Понял он, что не сон ему снится. В одну минуту выздоровел от всех болезней. Упал на колени и стал загребать деньги двумя руками. Желтые, круглые, новые, будто только что с монетного двора. Набил он полные карманы, насыпал в голенища, стал набирать золото за пазуху и в рукава. А рукава дырявые, деньги обратно сыплются; да он не глуп, знай подбирает их снова. Собрал все золото, едва движется. И только теперь вспомнил о своем доброхоте Ярошке. Хотел было крестьянин его поблагодарить, но чертушки и след простыл. Растаял как облако. Только за горой кто-то тоскливо похныкивал:

— Эх, простота, простота! Как узнает Люцифер, что я наделал, прикажет, пожалуй, угостить березовой кашей.

Но не очень-то растрогали крестьянина жалобы Ярошка. Шел он себе под гору, согнувшись под тяжестью, выбирал такие межи да стежки, чтобы никто его не увидел, не догадался, какие сокровища он несет.

Уже смеркаться начинало, когда дотащился он до дома богача, что стоял на берегу реки.

Вошел он в избу и начал молча карманы да голенища опоражнять, вытряхивать. Жена и дети уж и не думали его живым увидеть, обрадовались, смотрят на золото, глазам собственным не верят. А Янюрек все достает и достает деньги из-под лохмотьев. Звенят золотые, на столе подпрыгивают, комнату чудным светом освещают. Ушла грусть-печаль с лиц, заулыбались жена и дети, наполнилась комната смехом вместо плача.

Рассказал муж жене, что и как, да и говорит:

— Хорошо бы теперь узнать, сколько я принес домой золота. Пойди к хозяину и попроси у него мерку. А заодно отнеси деньги, которые мы ему должны, пусть он свой нос не воротит.

Пошла жена, отдала долг, попросила мерку. Перемеряли они все золото при свете месяца — свечи у них в доме не было — и легли спать счастливые. А наутро отнесла жена Янюрёка богачу мерку. Поставила в сенях и не заметила, что на дне ее остался один золотой. Увидел этот талер хозяин.

— Ах, так вот на что была им нужна мерка — чтобы золото мерять! — закричал он.

— И откуда только оно у бедняка взялось? — ломала себе голову жена богача. — Может, клад в земле нашел, а может, украл?

— Откуда бы ни взялось, — злился муж. — Важно то, что у него, у бедняка, есть золото, а у меня, владельца каменного дома, нет столько золота, чтобы можно было мерять его меркою.

— Только кажется мне, что золото это не его, а наше, — подстрекала мужа жена. — Он ведь в нашем доме живет, мы его поим и кормим, нашею меркою золото мерял...

— Конечно же, наше, — вытаращил глазницы обрадованный богач. — Как перед богом, золото наше. — Да вдруг нахмурился. — Беда только в том, что лежит оно не в нашем сундуке, а у него в мешке.

— Надо бы этот мешок у него отобрать.

— А как?

— Да, как?

Думали они, думали и придумали. Сдох как раз у богача осел, вот и решил он, что наденет на себя ослиную шкуру и пойдет жильцов пугать, будто сама нечистая сила. У тех поджилки от страха задрожат, уберутся они из дому и про деньги позабудут.

Как решили, так и сделали. Едва вечер наступил, натянул богач на себя ослиную шкуру, вышел из дому и давай под окнами гонять, галдеть, ржать, рычать.

— Хи-хи-хи! Ху-ху-ху! — раздавалось по саду, разносилось по ночи.

Доносился этот галдеж и в комнату Янюрека. Дрожали воробы под крышею, тряслись с перепугу дети крестьянина. Крестилась и его жена. А он сидел себе у печки, плечами пожимал да трубку покуривал. С той поры как появилось у него золото, не печалился уж он и никого не боялся. Да и кого же было ему бояться? Черта? Так ведь он сам, по доброй воле, дал ему деньги в лесу. И не так страшен был черт, как пытался намалевать его богач, натянув на себя ослиную шкуру.

Но хозяин надежды не терял. Гарцевал под окнами, выл, скакал, бревно царапал, рычал. Уж семь потов сошло с него, а он все не унимался.

Поднял он такой шум, что даже Ярошек услышал в пекле. Выглянул чертушка на белый свет, прислушался, понял, с какой стороны вой, выскочил на землю. Подумал

было он, что это Янюрек так веселится, что бесовское золото лишило его ума-разума.

Примчался он к дому богача и только тут понял, в чем дело. Узнал чертушка под ослиной шкурой самого хозяина, смекнул, что к чему. Рассмеялся, да тут же и рассердился:

— Посмотрите, люди добрые, на этого жадюгу. Вначале довел Янюрека до того, что бедняга чуть не повесился, а теперь захотелось ему отобрать у крестьянина деньги. И какие деньги! Из самой сатанинской сокровищницы. Но и это еще не все. Выдает себя за черта, и во что вырядился? В ослиную шкуру! Насмехается над чертями, будто те и в самом деле не смогли бы принарядиться во что-нибудь более порядочное, чем в шкуру глупого осла. Будто не придумали бы они чего-нибудь пострашнее, чем гарцевать под окнами.

Рассердился Ярошек, никогда не сердился он так сильно. Блеснул он глазами, как угольями, копытами топнул, забормотал. Схватил богача за толстый загривок, забросил его себе на плечи, как мешок, и потрусил с ним в пекло. Пусть не портит, если берется за чертовскую работу, пусть сначала подучится у чертей в пекле. Ослиную же шкуру повесил на заборе, на память жене богача.

А Янюрек жил себе с тех пор и ни о чем не печалился.

73. О НИЦЕМ КОРОЛЕ

Жил на свете один человек. Был он совсем еще не старым, но носил длинную бороду, а потому и казался дедом. С малых лет собирал он милостыню. Особенно хорошо подавали ему люди во время праздника отпущения грехов.

И вот однажды идет он через лес — а день был жаркий, — захотелось ему передохнуть, себя в порядок привести, да где? Ни корчмы не видно, ни дома лесничего — кто же, кроме разбойников, станет жить в лесу? Так устал дед, что даже подумал: «Пошел бы я, кажется, к самому черту, лишь бы приют какой-нибудь найти».

Ночь настала. Идет нищий, идет, месяц из-за тучки выплыл, лес густой осветил, видит дед — что-то меж деревьев промелькнуло. Подошел поближе, смотрит: перед ним дом стоит. Вошел он в дом — темно, пусто. Как и у всякого нищего, были у него в котомке разные нужные вещи, а среди них и грошовая свечка. Вынул нищий спички, вытащил свечку, зажег ее, увидел, что стоит в большой избе, в углу ее образ висит, под образом — лавка. Образ большой, от самого потолка чуть ли не до самого пола, рама у него золоченая, а кто нарисован, не разобрать — темно. Сел дед на пол, свечку на лавку поставил, начал во всех швах, во всех уголках своей одежды искать нечистую тварь и смерти ее предавать. А свечка знай себе горит перед образом, горит да потрескивает, все ярче разгорается. Захотелось тут деду узнать, кто из святых на образе нарисован, взглянул он ненароком — что за диво! Совсем не святой на нем изображен, а сам дьявол, точь-в-точь такой, каким его дед себе представлял.

Был нищий не из робкого десятка, не очень-то он испугался и, закончив свое дело, начал в образ всматриваться, а свечка все так же на лавке стоит, стоит, горит да потрескивает.

Вдруг слышит дед — что-то позади него шелестит, будто двери открываются и кто-то в них заглядывает. Оглянулся он, присмотрелся, видит: стоит богато одетый господин.

Говорит незнакомец:

— Что ты здесь делаешь, человече?

— Хотел я тут переночевать, вы уж не гневайтесь, я по белу свету брожу и притомился очень.

— Хорошо, оставайся здесь, спи себе на здоровье, ты мне такую честь оказал, что я и не знаю, как тебя благодарить. Проси, чего хочешь.

Удивился нищий:

— Да что же я такого для вас сделал?

— Тем ты меня порадовал, что перед моим образом свечку поставил. Это мой дом, мой портрет. Это я и есть, но ты меня не бойся.

Забеспокоился тут нищий, на портрет взглянул: что правда, то правда, — похожи как две капли воды. И рожки на голове, и козьи копыта вместо ног, и хвост фраком прикрыт. Выступил холодный пот у деда на лбу, а дьявол продолжает:

— Обычно люди мною брезгают, святым поклоняются, а ты вот мне честь, как святому, оказал, этого я никогда не забуду. Проси, чего хочешь, все для тебя сделаю.

Попросил нищий поесть и попить, и тотчас же появилось все на столе.

Поел он, попил, и сатана ему говорит:

— Проси еще, чего тебе нужно.

Отвечает ему дед:

— Э-э, господин, человек я скромный, дай, если можешь, мне немного денег, и пойду я себе своей дорогой.

Дал ему дьявол денег, а сам говорит:

— Что деньги! Сегодня они есть, завтра их нет, а я вот сделаю тебя королем.

— Ну какой из меня король! Господин, наверное, шутит.

— Совсем нет. Неподалеку отсюда живет один король, есть у него дочка-красавица, вот я и женю тебя на ней.

Сказал сатана и стал от радости скакать по избе.

Рассмеялся дед:

— Да на такого бродягу, как я, королевна и смотреть не захочет.

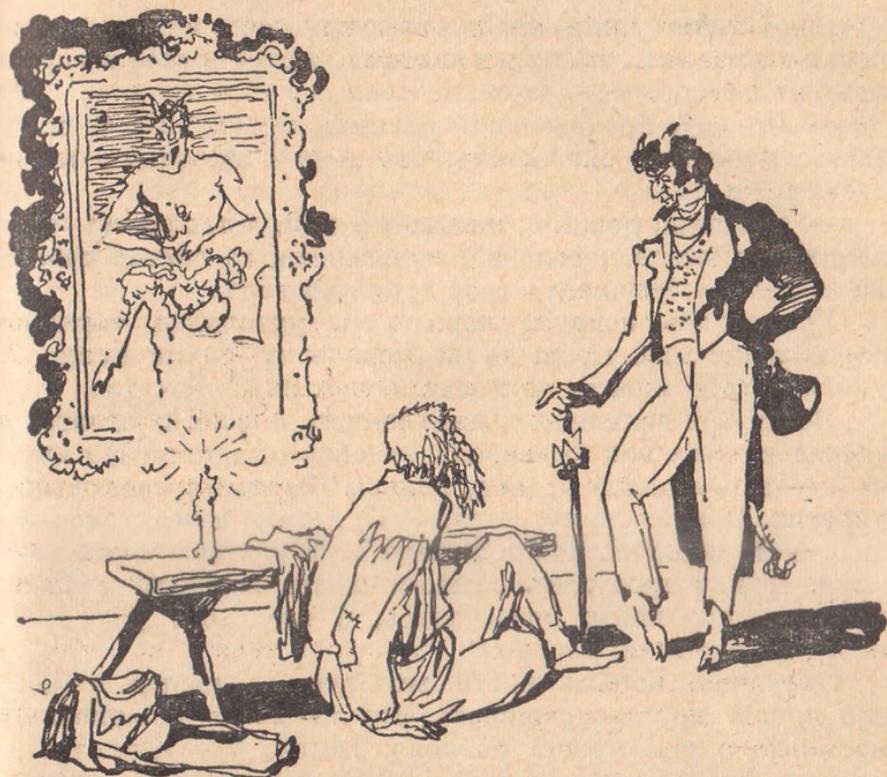
— Это уж моя забота, я так все улажу, что королевская дочка влюбится в тебя по уши. Ну как, согласен?

— Пусть будет по-вашему, — ответил нищий. Хоть и не верится ему, а все же заманчиво.

Принес нечистый воду, вымыл, побрил, причесал нищего — а тот ведь был, как мы уже говорили, не старый, — но оставил его в лохмотьях и дал ему в руки золотую табакерку. Сам оделся лакеем в богатой ливрее и говорит:

— Теперь в костел к молитве пойдем. А как придем, ты вот в этой же самой одежде в самый первый ряд иди, к большому алтарю, и рядом с королевной садись. Если будут на тебя косо смотреть, не обращай на это внимания, я же буду, будто слуга твой, стоять с молитвенником сзади. Как заметишь, что ты не по душе королевской дочке, достань табакерку и угости ее табаком, — увидишь, как она тотчас же подobreет.

Пошел нищий в костел, а сатана — следом за ним, точно слуга его. Королевна в первом ряду сидела, увидела она, что рядом с нею нищий садится, сморщилась,

скривилась. Но неудобно же прогнать его во время торжественной службы! Королева в сердцах только спрашивает:

— Как посмел ты, бедняк, выбрать место в костеле рядом со мной?

Отвечает ей смело нищий:

— Слуга, что позади меня стоит, говорит своим видом, что не из бедных я. А одежду нищего ношу просто для покаяния. Не отворачивайся, королева, — может, и доведется тебе увидеть меня иным, предстану я еще перед тобой и в ином виде.

Подал тут дьявол-слуга нищему в бархат с позолотой переплетенный молитвенник. Принялся бедняк молиться усердно.

Разобрало любопытство королеву, знай задает она нищему вопросы, а он отвечает ей на все молчанием да все подносит ей золотую табакерку и угощает ее пахучим табаком. Попробовала она разок-другой табачку из

чудесной табакерки и влюбилась в нищего, а как стали из костела выходить, пригласила его на завтра к себе в королевский замок.

— Приеду, прекрасная королева, приеду к тебе и к твоему батюшке; скажи ему, что хочу я просить у него твоей руки.

— Приходи, дорогой, желанный мой, а теперь до свидания, — сказала королева, покраснела, за свитой своей из костела выбежала и к себе домой поехала.

Удивлялись подружки королевы, удивлялся честной народ в костеле, глядя то на королеву, то на нищего, удивлялись и понять не могли, о чем они шепчутся.

На другой день одел дьявол нищего в дорогие одежды, сделал из него как бы короля немецкого, пристегнул ему на грудь новенькие ордена, пальцы богатыми перстнями украсил. Подъехала тут карета, сел нищий в нее, вскочил дьявол на запятки, места кучера и фореитора черти заняли. А как тронулись с места шесть вороных, только искры из-под копыт посыпались, и вот стоят уже они перед королевским дворцом.

Окружило короля много вельможных господ, стали они друг у друга спрашивать, что это за богач приехал, но никто о нем ничего не знал. Вышла тут королева, упала к ногам батюшки, стала его просить-молить выдать ее замуж за прибывшего. А нищий, разодетый на этот раз богато, просит у короля руки его дочери и заверяет всех, что он человек богатый и знатный, но живший до сей поры в бедности, чтобы познать мудрость жизни.

Видя, как убивается его дочь, согласился король на брак и тут же пригласил гостей и нареченного на пиршество. Затянулся пир далеко за полночь. Пошел жених отдыхать в особые покои. Вошел он в спальню, а дьявол за ним:

— Что, брат, доволен?

— Еще бы, королем ведь быть лучше, чем нищим, еды и питья вдоволь, да еще и кровать мягкая.

— Ну хорошо, быть, значит, тебе королем, но только с таким уговором: как один раз поставил ты мне свечку, так теперь будешь ставить ее всегда, да не нищенскую, сальную, а две восковые, королевские. А если перестанешь мне честь оказывать, расскажу я всем, что ты за персона, тогда прости-прощай твоя королевская корона.

Присягнул нищий дьяволу, пообещал ставить каждый вечер перед его образом две восковые свечи и — что правда, то правда, — женившись, никогда не забывал данного обещания. Жена же его, королевна, была очень набожная, ставила она свечи перед святыми образами, молилась им, поклонялась и совсем не знала, что муж ее потихоньку ставит каждый день свечи дьяволу. Так и служили они одновременно богу и черту, как, между прочим, и делает большинство людей.

74. НА СЛУЖБЕ У ДЬЯВОЛА

Не раз приходилось служить Совизджалу¹ у богатых хозяев. А они, известно, чаще били, чем жаловали. Такая уж у них натура. Правда, и Диль покорным не был, все старался панам-богачам чем-нибудь да насолить. Потому и не удивительно, что доставалось ему чаще других: и пороли его и кулаками тузили.

Но хуже всех был последний хозяин — граф, гордый юнкер с моноклем, в шляпе с пером из хвоста цапли, с хлыстом в правой руке. Этот уж так колотил Совизджала, колотил да выколачивал, как служанка ковер. Только пыль столбом вилась с его нищенской одежды.

Терпел Совизджал, терпел, наконец не вытерпел и удрал с графского двора. Плохо ли, хорошо ли, а только поступил он на службу в пекло к самому дьяволу. Ездил тогда сатана по белу свету, как ездят знатные господа. Вот и встретились они как-то на постоялом дворе, где остановился нечистый на ночлег.

Подумал Совизджал, подумал и реннил: «Раз люди так злы — может, дьявол будет лучше».

И был он, пожалуй, в этом прав.

Разговорились они за столом. Диль проворным был от рождения. Ловко поднес нечистому кружку пива и поставил перед ним блюдо. И тут же мимоходом проронил словечко, что сидит без работы.

---

¹ Диль Совизджал — польский вариант имени легендарного героя Тилиа Уленшигели.

Кивнул дьявол завитой головой.

— Хорошо, будешь служить у меня.

Работать Совизджал никогда особенно не любил, поэтому он спросил у лукавого, что ему надо будет делать и пекле.

Прицелкнул дьявол языком, подмигнул глазом:

— У меня не служба, а рай божий. Не мойся, не чопись, рубаху не латай, четками мне под ухом не бренчи. Одно только исполняй аккуратно: поддерживай вечный огонь под котлом.

— И все? — свистнул обрадованный Совизджал.

— И все, — поддакнул сатана.

— Кажется, это мне подойдет.

— Думаю, что не надорвешься.

Подписал работник с дьяволом контракт на три года. Оставил его печистый в пекле за хозяина, а сам отправился таскаться по вертепам. Только изредка заглядывал во дворец. Напрасно работника не ругал, а напротив, все хвалил да похваливал. Скоро вышел срок службе, нанялся Диль снова на четыре года.

— Долго я живу на белом свете, можно сказать, целую вечность, а не встречал еще такого верного слуги, — причмокнул довольно дьявол.

— А я — такого славного хозяина, — сказал Диль.

Так проходили дни за днями, месяцы за месяцами. Сатана дома не засиживался. Шатался по миру; где бывал, что делал — перед работником не отчитывался. Да и тот не спрашивал. У хозяев свои заботы, у слуг — свои.

Было у Совизджала еды вдоволь, постель мягкая, и денег в торбе все прибавлялось. Хорошая жизнь быстро сказалась. Лицо его стало круглым, как дыня, а живот величиной с ведро. И был бы Совизджал совсем счастлив, если бы не любопытство. Захотелось ему узнать, что в котле варится.

Огонь под котлом бушевал, не жалел Диль буковых бревен, камни — и те могли бы уже свариться, но то что какое-то там чертовское фрикасе.

Не ест работник, не пьет, днем и ночью об одном и том же думает, того и гляди с ума сойдет. Похудел, осунулся, сам с собою говорить начал.

В конце концов не выдержал, не послушался наказа хозяина-дьявола. Заглянул в котел — и отскочил назад от

удивления. Варились в котле все его бывшие хозяева-мучители. И тот, который дубил ему кожу раз в неделю, говоря, что кнут нужен слуге, как больному лекарство. И тот лысый, который впрягал крестьян в плуг, потому что жаль ему было лошадей. И третий, и четвертый, и пятый... В общем, собралось в котле одно вельможное панство.

Увидел Совизджал осужденных на вечные муки и захлопнул крышку. Насмотрелся он досыта на своих мучителей при их жизни, сейчас о них не скучал. Пусть себе пекутся, жарятся — заслужили, пичего не скажешь.

Боялся он только теперь, как бы дьявол не прогнал его со службы на все четыре стороны за то, что сунул он свой нос, куда его не просили, но все обошлось как нельзя лучше.

— Ну что, увидел? Успокоился? — спросил у Диля хозяин.

— Б-р-р-р! — содрогнулся работник от отвращения.

Отслужил Совизджал еще четыре года, говорит ему великодушный дьявол:

— Помнишь, в писании сказано: «Не добро человеку быть единому»? Глупости разные ему в голову лезут. Так вот тебе мой совет: поищи-ка ты себе жену. Да не ведьму, не пустомелю, как это было уже два раза — слава богу, на твоё счастье, переселились они в лучший мир, — а такую, как цветочек весенний, чтобы, как говорят, хоть к ране ее прикладывай. Я же тебя в день свадьбы подарком награжу.

Не очень-то хотелось Дилю жениться, но не посмел он ослушаться хозяина. А тут еще подарок...

Не откладывая в долгий ящик, начал он себе жену подыскивать. Стал ходить от деревни к деревне, от избы к избе. Глазами подмигивать, как петух, возле девушек похаживать. Но не спешили они на его зов, а напротив, разбегались, как от ястреба.

Кто знает Совизджала, тот не удивится. Ну, какая бы девушка позарилась на дубину без гроша в кармане? Красоты тоже никакой. Башка что ступка, губы толстые, красные, глаза в разные стороны смотрят, ноги колесом, да еще и колтун на голове. А язык длиннее, чем у любой бабы. Руки черные как земля, а весь наряд его под стать дырявым лаптям.

Ну, кто бы, скажите, полюбил бродягу и бездельника чумазого, похожего скорее на чучело, чем на человека? Красивые и некрасивые, едва только он приходил, прятались от него в каморках, запирали двери на четыре замка. Носа своего не показывали, пока не выносило его на избы.

Сватался он, сватался, наконец удалось ему одну девушку уговорить. Жила она возле леса, в старой хате. Лицо у нее было красное, рябое, и все потягивала она носом, а ноги были у нее кривые, как у Диля.

«А ведь похожа она на меня, — подумал как-то вечером на гулянье Совизджал. — Те же ноги, то же обличье. Красивая будет женушка у Диля».

Прошло времени немного, договорились они о свадьбе. А дьявол тем временем играл себе в одной компании в карты. Надо сказать, что картежником он был заядлым и этим не отличался от земных господ.

Играл днем, играл ночью, но не везло ему на этот раз, карта в руки не шла. Проиграл все, что у него было: дворец, землю, карету, возницу. Запутался бы он совсем в долгах, если бы не Диль Совизджал. Обеспокоился работник, как бы хозяин, позабыв обо всем на свете, не проиграл и его вместе с невестою. Вот и стал он позади дьявола, начал следить за игрой, дотронулся до ясновельможного плеча.

— Чего тебе? — зарычал на Диля дьявол.

Был он зол, прямо огонь изрыгал. Мало того, что запутался в карточных делах, так еще эта бестолочь вертится тут под ногами.

— Может, в долг дать? — сладко прошептал Совизджал.

— А у тебя есть деньги? — сразу сбавил тон сатана.

— Найду, если нужно.

— Давай!

Высыпал из мешочка деньги Диль, положил их на столе перед сатаной. Поставил нечистый их на карту. И вот, с легкой руки ли работника, а может, чертик в талерах сидел, — только пошла дьяволу хорошая карта. Отыграл оп дворец, землю, карету и возницу. Вошел в азарт; не успел Совизджал оглянуться, как удвоил, утроил нечистый свое состояние.

Мог теперь жениться себе Совизджал преспокойно. Не боялся он, что потеряет хлеб и работу.

Ну, и, конечно, отблагодарил его хозяин пекла по королевски. Дал не только три воза серебра в свадебный подарок, но и согласился быть посаженным отцом Со-визджала.

75. КАК КУБА С ЧЕРТОМ В КАРТЫ ИГРАЛ

Жил однажды на свете парень, который очень любил играть в карты, а звали его Кубой. И таким он был заядлым картежником, что даже когда на поле ехал, забрасывал вожжи себе на шею и сам с собою играл.

Вот как-то едет он да играет, а навстречу ему какой-то господин. Стал он посреди дороги и говорит Кубе:

— Вижу я, что ты очень любишь играть в карты. Как думаешь: не сыграть ли нам хоть одну партию?

Обрадовался парень:

— Вот так повезло мне! Иди скорее, только скажи вначале — что ты поставишь?

Отвечает ему незнакомец:

— Я могу поставить грешную душу, а ты ставь свою. Договорились они. А был это не простой смертный, а один из чертей, и звали его Рокитой.

Но Кубе было все равно, с кем иметь дело, лишь бы партнер был. Согласился он даже на такую высокую ставку.

Полетел черт Рокита в пекло за грешной душой, возвратился обратно, посадил душу на дерево, и началась игра.

Играли они, играли, наконец Куба выиграл. Ничего не поделаешь, пришлось Роките выпустить душу на волю.

Скривился нечистый, говорит Кубе:

— Давай-ка еще сыграем, должен же я выпущенную душу отыграть.

— Хорошо, — согласился парень. — Только я в долг не играю, как хочешь, ставь еще душу.

Полетел черт в пекло за грешной душой. Не успел, пожалуй, ксендз в костеле молитву прочитать, как возвратился он обратно. Началась игра.

Играли они, играли, вспотел Рокита как мышь, а все равно выиграл опять Куба у нечистого. Разгневался черт, пошел в азарт.

— Будешь еще играть, иначе не оставлю я тебя в какое ни днем, ни ночью.

А Куба ему отвечает:

— Пожалуйста, будем играть до тех пор, пока будет у тебя что ставить.

Задумался тут чертов сын.

— Так и быть, поставлю я еще одну грешную душу, но если уж и ее проиграю, то тут игре конец.

Полетел вновь нечистый дух в пекло, да так быстро, что только пыль столбом за ним взвилась.

Но на этот раз долго не возвращался: не хотели больше в пекле давать ему ни единой души, а самый старый черт даже накричал на него:

— Дурень ты, Рокита! Неужели не мог ты придумать ничего лучшего, как играть в карты с Кубой? Ведь это же такой игрок, каких на свете мало, он все пекло у тебя выиграть может.

Стал тут Рокита выкручиваться да оправдываться, наконец говорит:

— Ты, старик, раньше времени не кричи, уж если я и эту душу проиграю, то все равно раздобуду как-нибудь три других.

Возвратился черт на поле. Но и на этот раз пришлось ему выпустить душу на волю. Понял тут нечистый, что не обыграть ему Кубу, стал он думать-гадать, как дальше быть, что делать. Думал, думал и наконец говорит:

— Эх, парень, знал бы ты, каково мне сейчас! Да что поделаешь! А ты, и вправду, хват, черта — и того обыграл. Но не подумай, что черти совсем уж бессильные. Вот если хочешь, могу я женить тебя на самой красивой девушке.

Улыбнулся Куба:

— А почему бы и нет? Если есть у тебя на примете для меня невеста красивая да богатая, давай ее сюда, женюсь хоть сейчас.

— Ишь какой быстрый. Так, брат, ничего не делается. Женить я тебя женю, да только должен ты сперва семь месяцев не стричься, не бриться, не чесаться, не мыться и ногтей на руках и ногах не обрезать. А через

семь месяцев я за тобою приеду, и поедем мы тогда к невесте.

Согласился Куба, дал ему черт немного денег и наказал идти на постоялый двор, снять там каморку и жить отдельно от всех людей. Может он есть, пить, веселиться, но не должен ни стричься, ни бриться, ни мыться и ногтей не обрезать, а ждать черта.

Сделал парень все так, как Рокита ему сказал. Прошло времени ни много, ни мало, стал он похож на страшилище. Волосы у него торчали в разные стороны, как иголки у ежа, лицо — грязное, обросшее, а ногти на руках и ногах почти такой величины, как шпору у самого дьявола. Стоило Кубе где-нибудь появиться, как люди от него разбегались и громко кричали:

— Нечистый идет, нечистый!

Вот и вынужден был Куба сидеть у себя в каморке и дожидаться, когда за ним придет черт.

Прошло семь месяцев. Наконец появился лукавый в образе богатого господина. Подъехал он к постоялому двору в золоченой карете, запряженной четырьмя лошадьми, и говорит Кубе:

— Пришло время, настал час, собирайся, поедем к твоей невесте!

Сели они в карету и поехали далеко-далеко, в столицу одного королевства. Жил-был в той столице один король, который воевал с соседями, нужны были ему на войну деньги. Объявили королевские глашатаи, что тот, кто даст королю три меры золота — будь то бедняк, старик или чужестранец, — получит полкоролевства и одну из королевских дочерей себе в жены.

Поехали нечистый с Кубою прямо в королевский замок, попросил черт доложить, что они привезли с собой три меры золота. Обрадовался король, приказал стражникам гостей впустить и в большую залу их проводить. Договорился король обо всем с Рокитою, начали слуги носить золото из чертовой кареты. Перенесли, перемеряли, заперли в королевской сокровищнице.

Говорит тут черт:

— А теперь, король, должен ты отдать одну из своих дочерей вот этому человеку в жены.

Сказал черт и показал на Кубу, который до этого прятался за спиной нечистого, боясь на люди показаться.

Посмотрел король на парня, посмотрел и ахнул. Неужели должен будет он отдать свою дочь-красавицу грязному бродяге?

Однако говорит:

— Не хотелось бы мне расставаться с дочерью, да что поделаешь, слово не воробей...

Приказал он тотчас же позвать четырех своих дочерей. Пришли королевны-красавицы, показал им король на Кубу:

— Скажите-ка мне, дочери милые, которой из вас этот человек по душе, потому что должна одна из вас выйти за него замуж. Иначе придется мне обратно отдать три меры золота, и тогда не на что будет вести войну.

Первая дочь говорит:

— Я такого мужа не хочу. Чем его в мужья брать, лучше повеситься!

Взглянула на Кубу вторая:

— Чем за такого замуж идти, лучше утопиться!

Надула губы третья:

— Чем с таким венчаться, лучше уж отравиться!

Была у короля еще одна дочь, самая младшая, самая красивая. Жаль ей стало отца и сказала она:

— Я пойду за него замуж, батюшка. Лучше уж мне пропадать, чем всему войску погибнуть.

Поехал Куба к себе домой, дома побрился, помылся, причесался, ногти на руках и ногах обрезал, вновь стал красивым, статным парнем, каким был раньше. Приехал тут Рокита в золоченой карете, запряженной шестеркой лошадей, сел Куба в карету, и направились они к невесте.

Как увидели три старшие дочери, какой Куба славный парень, стало досадно им, что достался он самой младшей. От зависти одна из них повесилась, другая утопилась, а третья отравилась.

Достались Роките их души, стал он в пекло собираться, начал с Кубою прощаться, говорит ему на прощанье:

— Вот видишь: теперь никто из нас не в обиде. Ты получил одну красавицу, а я — сразу три души вместо тех трех, что тебе в карты проиграл. В расчете мы! Ну, прощай, Куба, — кто знает, придется ли еще встретиться!

76. ХРОМОЙ БЕС

Жал мужик в поле рожь. Принесла ему жена обед. Поел мужик, а как собралась баба домой идти, он и говорит ей:

— Будешь через поле идти, смотри в колодец не ввались, я его мешком прикрыл, чтобы вода холодной была.

Но баба мужа не послушала, на мешок наступила и в колодец провалилась.

Вечером пришел крестьянин домой, дети его обступили и спрашивают:

— А где наша матушка?

Пришлось крестьянину неправду сказать:

— Пошла за сеном для коров.

А сам передохнул немного, взял багор и побежал в поле. Прибежал к колодцу, опустил багор и шарит. Чувствует, будто подцепил что-то. Стал мужик тащить, смотрит — а на крючке висит хромой бес.

Говорит он мужику:

— Вот хорошо, что ты меня вытащил. Было нас в колодце семеро чертей, всех баба поколотила. Другие-то разбежались, а я хромой, мне не удрать. Только как же я теперь тебе отплачу? Денег у меня нет. — Задумался нечистый. — А знаешь что? Вселюсь-ка я в пана, а ты меня из него выгонишь, он тебе и заплатит. Но как вселюсь я во второго, ты меня гнать не берись, не то я тебе голову оторву.

Выгнал мужик беса из пана, получил за это деньги. Вселился бес во второго пана, снова позвали крестьянина. Стал он нечистого гнать, а тот и кричит ему:

— Я ведь тебе наказывал, чтобы не смел ты меня второй раз тревожить; быть тебе теперь без головы.

Схитрил мужик:

— Так ведь не я тебя гоню, а баба, что вас в колодце колотила.

Испугался бес, удрал со страху, до самой Америки добежал. А мужик получил деньги за работу, домой вернулся и долго еще жил и не тужил вместе со своими детьми.

77. О ЧЕРТЕ ВОДКОРОБЕ И БЕДНОМ ХЛОПЕ

Жил себе один крестьянин очень бедно, не только гроша у него в кармане не было, но частенько и куска хлеба в доме не оказывалось, а о масле уж и говорить не приходится. А тут еще то ли из милости, то ли в наказание дал ему господь бог двенадцать детей.

Так жил бедняк с женою и детьми, не жил, а бедствовал, и прозвали его за это Харлаком.¹

И вот как-то раз пошел крестьянин в поле пахать, взял с собою последнюю краюху хлеба,

---

¹ Харлак — хилый, болезненный.

Пашет, пашет, время уж за полдень, отпустил мужик уставших волов на траву пастись, а сам сел на меже, развязал узелок, посмотрел на краюшку, посмотрел и задумался.

Был он добрый, работающий, жену и детей всем сердцем любил, для них не покладая рук трудился, под бременем бед не падал. Посидел крестьянин, на хлеб посмотрел, вздохнул, завязал его опять в узелок и положил на место.

«Потерплю-ка я еще немного, поем перед тем, как домой идти, ужинать тогда дома не буду — все жене и детям больше достанется», — подумал он.

Поднялся он с земли и пошел пахать.

А пока он над краюхой хлеба раздумывал, тут же рядом с ним стоял невидимый черт и старался придумать, как бы над бедняком подшутить. Ушел крестьянин, взял черт да и украл хлеб из узелка, съел его, облизывается и ждет, что же крестьянин будет делать, когда горбушки на месте не найдет.

Долго боролся Харлак с надоедливым голодом, наконец не вытерпел.

«Живой же я человек», — подумал он и пошел к узелку.

Развязал его, смотрит, а от хлеба даже крошек не осталось.

— Вот тебе и раз, — сказал бедняк. — Вроде как здесь никого и не было, а хлеб пропал. Здорово же, видно, был он голоден, если умудрился краюху украсть. Ну, ничего, пусть будет ему на здоровье, а я как-нибудь с голоду не помру.

Перекрестился хлоп, помолился, до вечера поработал и за плугом домой пошел.

— Нехорошо получилось, — пробурчал нечистый себе под нос и заскрежетал зубами. — Я у него последний кусок хлеба забрал, а он, вместо того чтобы ругаться и проклятиями свою душу губить, здоровья мне пожелал.

Шмыгнул тут черт под землю в пекло, предстал перед Люцифером и рассказал ему всю правду.

— Плохо ты сделал. За бесчинства будем когда-нибудь и мы расплачиваться, придет час и на нас. Творить людям зло — наша обязанность, да только и у чертей совесть должна быть. Если сделаешь зло плохому человеку — так ему и надо, он заслужил. А у бедного

Харлака и без нас горя хватает; знать надо, кому чинить зло. А так чертей разжалобить недолго. И еще говоришь ты, что съел как лакомство кусок хлеба насущного. Ты что, забыл: ведь хлеб — дар божий, есть его слуге дьявола не пристало. А посему приговариваю тебя на семь лет к покаянию. Поспеши к бедному крестьянину и за зло, которое ему причинил, отслужи у него все семь лет в работниках.

Услышав такой приговор от самого хозяина пекла, скорчился черт, стал похож на мокрую курицу, да только ничего не поделаешь. Принял он человеческий образ и отправился к Харлаку.

Пришел к бедняку, просит взять его в работники.

Говорит ему крестьянин:

— Ох, мне ли работника держать, когда я сам чуть с голоду не умираю?

А черт опять за свое:

— Ты беден, да и я не богат, вот и будем вместе горемыкать; смотри, у двоих работа скорее пойдет. Жены у меня нет, детей нет, кожух и сермяга на мне еще почти новые, лапти сам себе из липового лыка силету, по ярмаркам шататься не буду. Платы мне от тебя никакой не надо, грош — круглый, карманы у меня дырявые, я его все равно потеряю, делился бы ты только со мною куском хлеба.

Так и остался черт жить у Харлака, по хозяйству помогает да так работает, что все только диву даются.

Стоит у крестьянина в хлеву одна-единственная коровенка, а работник все поле навозом удобрил; в один день поле вспахал и засеял. Лето настало — пшеница у Харлака как лес густой. Осень пришла — собрал крестьянин урожай неслыханный. Дивятся люди — бедняк, а хлеба полные закрома. Жена Харлака не ругает, дети не пищат. Озимыми поле засеяли, часть зерна продали, а больше продавать некому; сидят, горюют: что с оставшимся зерном делать?

Тут работник и говорит:

— А давай сделаем так: болото перепашем и засеем, лето, кажется, сухое будет, — вдруг да уродит?

Начал черт пахать, земля следом за плугом сохнет, как в печи, забороновал, засеял.

Увидели соседи, что он в грязь зерно бросает, начали смеяться. А как собрал Харлак осенью щедрый урожай,

присмирели соседи, решили сами его примеру последовать.

Разбогател крестьянин, работнику плату назначил, живет себе и в ус не дует.

На следующее лето бросились люди трясины пахать да засевать, а в хозяйстве у Харлака все наоборот.

Говорит работник хозяину:

— Знаешь что, хозяин: кажется, лето дождливое будет, засеем-ка мы пригорки песчаные, а соседи пускай себе в грязи копаются.

Пошел черт пригорки да пески пахать, на которых никогда и ничего не росло. Вспахал, засеял, а тут как раз так задождило, что в низинах весь хлеб вымок, на равнине — и то урожай неважный, а на пригорках поднимаются колосья чуть ли не до самого неба. Не знает опять бедняк, что ему с зерном делать.

Думает услужливый черт: «Кажется, за кусок хлеба, который я когда-то украл, я уже рассчитался, с лихвой Харлака награбил, пора бы его оставить, да не попробовать ли его искутить».

Говорит он хозяину:

— Ну как, хозяин, зерна у пас с избытком, что теперь с ним делать станем?

— А что делать? Будем есть на здоровье, нищим раздадим, на больницу пожертвуем, в долг, у кого не уродило, дадим, а остальное пусть себе лежит про черный день, придет еще и неурожайный год.

Не понравились черту такие слова, говорит лукавый:

— Зерно в закромах долго лежать не может, хлопот с ним не оберешься: то его суши, то следи, чтобы мыши не перепортили. Есть у меня одна думка, если удастся — принесет нам это дело немалую прибыль, а в придачу — честь и славу.

— Какое ж это дело?

— Все очень просто! Из ячменя люди варят пиво, а мы давай рожь варить да переваривать, авось что-нибудь хорошее да и получится.

Отвечает Харлак работнику:

— Делай сам, что хочешь, моего ума на такое дело не хватит.

Принялся черт за работу, сделал котлы и кадки, начал тереть, мешать, варить да переваривать, хмелю прибавить не позабыл, сварил напиток чистый да прозрач-

ный, горький да крепкий, во рту от него как огонь горит, — так жжет. Зарычал черт от радости и назвал напиток горилкой. Разлил ее по квартам, в рюмки налил, на столе поставил и хозяина пригласил.

Потянул Харлак из рюмки, скривился, поперхнулся, слова вымолвить не может.

— Ну и горько, а жжет, будто сам черт варил!..

Усмехнулся лукавый:

— Ничего, чем крепче будет, тем охотнее будут ео люди лакать. Попробуй-ка выпить еще рюмочку, не бойся — ведь это же хлеб, только сваренный.

Выпил Харлак, показалась ему вторая рюмка не такой уж горькой.

— Горькая-то она горькая, да только во всем теле от нее приятное тепло.

Налил черт третью рюмку:

— Тогда давай выпьем еще по одной.

Чокнулись хозяин с работником и одним духом напитков бесовский выпили.

— Ей же богу, не горькая, — закричал крестьянин, — совсем не горькая!

— Отлично, махнем-ка по четвертой, — проскрипел соблазнитель.

А Харлак уж сам рюмку подставил.

— Ваше здоровье! — заорал крестьянин, выпивая и эту рюмку до дна. — Кажется мне, будто помолодел я на десять лет, кровь, как у молодого, играет... Не узнает теперь меня моя баба, ой, не узнает! И ноги на месте стоять не хотят, танцевать рвутся.

— Ну, тогда давай нальем и по пятой, будет еще веселее, еще радостнее, — прибавил черт.

— Оно бы и по шестой не мешало.

— Виват, горилка! — заорал уже хорошо подвыпивший нечистый и пустился в пляс.

— Подожди меня, подожди! Я тоже танцевать хочу! Э-э, да только кажется мне, что хата на месте не стоит и потолок на голову валится.

Уронил крестьянин кварту на пол, стал с чертом обниматься да целоваться.

А черт целуется да приговаривает:

— Мне же чудится, что сижу я уже в родном пекле и душу твою в руках держу, а ясновельможный Люцифер, хозяин пекла, за миллионы людских душ, которые даст

ому придуманная мною горилка, награждает меня званием сановника подземного царства.

Услышала жена Харлака, как упала на пол кварта, прибежала она, а дети — за нею, увидели они, как пьяный отец танцует с работником, стали смеяться. Так впервые стал Харлак посмешищем для своих детей. А жена бедная смотрела на мужа и диву давалась. Упали беснующиеся пьянчуги на пол, потекла у черта изо рта черная смола. Побежала несчастная женщина за цирюльником.

А пьяницы тем временем перепачкались, руки, ноги, лицо в грязи вымазали и заснули: один под лавкою, а другой — в свином корыте.

Проспались они, встали, головы не поднять, точно каменная.

— Ничего, — говорит черт, — клин клином вышибают. Выьем-ка по рюмочке! — И налил водки из жбана.

— Ой, нет, я не буду, — простонал Харлак.

— А ты одним духом, и я с тобою за компанию.

Послушался нечистого крестьянин, выпил.

— Пожалуй, ты, брат, прав, стало мне лучше да и веселее, — не выпить ли нам еще по единой? Выьем, соседей позовем, пусть пьют-гуляют, меня Харлаком больше не называют.

Черт и сам уж над этим подумывал.

— Ладно, — говорит он. — А что дома не выьем, в корчме продадим.

Не прошло и года, как помер от пьянства Харлак, земля и дом за долги пошли, а жена и малые дети остались без хлеба, без крова, без теплой одежды. Пошли они по белу свету, по чужим людям, насмешки и издевки за своего отца-пьяницу выслушивая.

С той-то поры и распространилась среди людей водка, никто их не заставляет, никто не принуждает, сами по доброй воле пьют. А вместе с нею приходят в дома к людям голод и нищета, губит водка человеческое тело и душу, а тому, кто ее выдумал, черту Водкоробу, приносит в день по тысяче душ.

78. КАК ЧЕРТ МОНАХОМ БЫЛ

Пошел как-то раз крестьянин в лес, чтобы нарубить дров. Дала ему жена на обед испеченную в золе лепешку. Положил мужик узелок на нень, а черт взял да и украл его. Принес нечистый лепешку в пекло, показал ее антихристу и говорит, что поможет она ему добыть чью-нибудь душу — ведь хлопны из-за хлеба обязательно подерутся.

Отвечает ему сатана:

— Э-э, нет, красть у бедняка не годится.

Собрал Люцифер тотчас всех чертей, думали они, гадали, как собрата наказать, и решили, что должен он отнести и положить лепешку туда, откуда украл ее, и, кроме того: быть ему в одном из монастырей семь лет квестарем, собирать милостыню для монастыря.

Пришел черт на монастырский двор, стал в квестари проситься. А в монастыре не было как раз монаха, собирателя подаваний. Приняли его на полгода. Дали пару лошадей и телегу. Стал он ездить от дома к дому, от пана к пану, подают ему люди столько, что приходится просить у них еще телегу, чтобы довести пожертвования до монастыря. Привезет в монастырь, отдаст все настоятелю и опять едет.

И вот как-то раз подъехал он к одному богатому двору, а хозяина дома не было. Говорит ему хозяйка:

— Муж в город по делам уехал, я бы и рада вам что-нибудь дать, да нет у меня ничего, разве что несколько грошей.

А у этого хозяина был такой обычай: как кто из гостей — во двор, так он — в шкаф, чтобы гости его не объели.

Поехал себе монах дальше. Едет, едет, приехал в один дом и попал как раз па обед. А в это время закончил повар готовить огромного сома, и рыбу подали па стол. Гости уж и других кушаний понаелись, но при виде сома глаза у них разгорелись, каждый по кусочку берет и на тарелку к себе кладет. Видит монах, что про кучера его совсем забыли, а кучер с утра ничего не ел. Начал тут черт икать да кривиться, будто вот-вот его рвать начнет, гости и разбежались кто куда. Взял тогда монах сома, отнес его кучеру и говорит:

— Бери, ешь, раз тебе ничего другого не дали — значит, весь сом твой.

А гости тем временем опять к столу пришли, смотрят, где сом, а сома уж и след простыл. Подал хозяин монаху милостыню, и поехал он дальше.

Приехал он как-то опять к тому дому, где жадный богач жил. Попал к обеду, хозяина и на этот раз дома не оказалось. Увидел нечистый, что висит на стене заряженный пистолет, взял его в руки, а потом мелом нарисовал на дверце шкафа круг, как раз на уровне груди хозяина, отошел на несколько шагов, прицелился, а сам и спрашивает у хозяйки:

— Как вы думаете, хозяйюшка, попаду ли я в этот круг?

А хозяйка как закричит, стала она черта просить-молить, чтобы он не стрелял, а то мужа убить может.

— Ведь мужа-то вашего дома нет.

— Ой, дома он, дома, в шкафу сидит!

Вышел тогда из своего убежища хозяин. Попросил у него монах милостыню для монастыря. Был у пана в стаде бешеный бык, такой злой, что никто чужой подступиться к нему не смел. Сказал тут пан, что жертвует на монастырь быка, только пусть сам монах пойдет и возьмет его, а сам подумал, что монаху с быком не справиться. Пошел черт, поймал быка, привязал к возу, ползлелся тот покорно за телегою.

Удивился хозяин:

— И что за шельма этот монах?

Приказал он тогда собак спустить, на монаха их натравить. А сам подумал: «Испугается божий служитель, уберется восвояси и быка со страху отпустит».

Но черт еще и собак поймал, привязал к возу и в монастырь привел. Не стало теперь у пана ни быка, ни собак. Как он ни злился, как ни сердился, да поделаться ничего не мог, провел его проклятый монах.

А черт, кроме подаяния, привозил всегда с собою в монастырь по вязанке прутьев. Накопилась их во дворе большая куча. Удивляются старые монахи, зачем так много лозины, а нечистый и говорит им:

— Как развалится забор, можно будет из них сделать новый, вот и не придется тратить деньги на изгородь.

Так прошло шесть лет. На седьмой год повысили черта в должности. Сделали его экономом, а на его место приняли другого. Разбогател монастырь за те шесть лет, что ездил нечистый за подаяннем. Были теперь на монахах одежды богатые, в костеле утварь дорогая, для толстых монахов всегда еда вкусная.

И вот стал черт ключником, выдает он теперь продукты на кухню, раздаст, сколько может, нищим.

Как-то раз позвал он много гостей, пригласил короля и шляхту, хотелось ему со всеми распротиться да расплатиться. А перед этим взял да и роздал нищим все, что в монастырских кладовых было, повару же ничего не выдал. Ругается повар, черта поминает, уже двенадцать часов пробило, а на кухне — ни дров, ни еды, темень беспросветная.

В этот же самый день принимал гостей в соседнем государстве один король.

Отправился ключник-черт к тому королю на кухню, забрал все, что там только было, и перенес в монастырь для своих гостей.

Смотрит повар, а уж на кухне всего полным-полно, удивляется, руками разводит: выбирать ничего не выбирал, готовить ничего не готовил, а столы от еды и вина ломаются!

Говорит монах прислужнику:

— Пора бы на стол подавать, гостей дорогих угощать.

А прислужник ничего не знал, ведать ничего не ведал о том, как черт угощение достал.

— Что прикажете подавать, чем гостей угощать, если на кухне темным-темно и повару готовить нечего?

Улыбнулся лукавый:

— Ступай да посмотри хорошенько — может, что-нибудь и найдешь для нас.

Пошел прислужник, посмотрел и испугался.

Наелись гости, напились, благодарят хозяина. А он возьми да и подстрекни тех, кто побольше выпил. Завязалась тут драка, стали гости теми лозинами, что возил монах будто бы для изгороди, друг друга хлестать. Бились-дрались, а наутро пятидесяти в живых недосчитались. Досталось черту вместо одной души сразу полсотни. Забрал он их с собою в пекло. А монахи так и не заметили, когда он исчез.

Давным-давно, еще тогда, когда старый дуб, что растет у дороги на Устку, был чуть побольше ромашки, жил старый рыбак по прозвищу Промык.¹

Прозвали его так потому, что были у него волосы совсем седые, а глаза ясные-ясные. Славился старик своею мудростью и добротой. Никогда и никому не отказывал он в помощи. Почитали его все, любили и ставили в пример другим.

И хоть был уже стар Промык, не мог он расстаться со своими сетями. Руки у него были еще сильные, по-сильнее, чем кой у кого из молодых.

Уловом своим делился рыбак с убогой вдовой.

И был старик очень набожный. Всегда перед тем, как выйти в море, становился он на берегу на колени и молился долго и усердно, поверяя богу заботы, радости и печали. Слушал его молитвы ветер, слушало море.

— Нет у Промыка даже единого греха на совести. Святой старик, — говорили меж собою устковские рыбаки. — Никогда он не заругается, никогда не разозлится.

Потому-то и решил черт, прятаящийся в морских дюнах, любой ценой завладеть душой рыбака, чтобы не попрекал его сатана, не называл ленивым бездельником.

И вот как-то раз не везло Промыку во время лова. Попадались в сети только крабы, морские ракушки да мелкая рыбешка. Вдалеке виднелась золотая полоска берега, лениво плескались волны о борта лодки.

— Счастливого улова! — вдруг раздался позади чей-то голос. Обернулся старик. Тяжело налегая на весла, к нему подплывал незнакомый рыбак. — Ну как, хороши ли улов, Промык?

— Что-то в последние дни не очень, — ответил старик. — Одна мелочь попадает в сети. Бросаю ее обратно в море, пусть подрастет. Вот посмотри, — подтянул он сеть, — одна мелюзга.

Рассмеялся громко незнакомый рыбак:

— Эх, вижу я, хоть и стар ты, а в этом деле понимаешь не много. Посмотри, что за сети у тебя, Промык. Ведь ячеи в них совсем маленькие. Не удивительно, что

¹ Промык — луч, свет.

попадает в них одна мелкая рыба. Подумай — если двери в твоём доме будут всего с пол-локтя вышиной, сможет ли гость войти к тебе в дом? Нет! Кот ещё прошмыгнет, даже пес небольшой, а человеку не пройти. Посмотри, какие большие ячеи в моих сетях, и посмотри, какая рыба лежит на дне моей лодки.

— Правда! — удивился Промык. — Вот уж никогда не думал. У нас в деревне у всех такие сети, как у меня. А ты сам откуда будешь?

— Хо-хо! Издалека!

— Я старый рыбак, но разумный совет, хоть и от молодого, охотно выслушаю. Скажи: что же мне делать?

Помолчай немного незнакомец, а потом и говорит:

— Распусти свои сети, Промык, и сделай новые. Тогда увидишь, кто из нас прав. Только не говори об этом своим товарищам.

Поблагодарил Промык незнакомого рыбака и поплыл к берегу.

«Надо бы, конечно, рыбакам рассказать, — подумал он. — Да только не очень-то они верят новым выдумкам, нужно сперва самому сети испробовать. Если будет удачный лов, это убедит их скорее».

Засел старик в избе и стал вязать при жалком огне сети с большими ячеями. Медленно подвигалась работа, никогда подобных сетей не приходилось ему делать. Вязал день, вязал второй и третий, устали глаза. Наконец закончил старик работу и поплыл ловить рыбу.

Отгреб подальше от берега, перекрестился и закинул сеть.

— А ну-ка, посмотрим!

Но не помогла новая сеть Промыку, не поймал он ничего. Вздыхнул тогда старик потихоньку и уж хотел было поворачивать обратно, как вдруг услышал знакомый голос:

— Счастливого улова! Ну, как твои дела, Промык?

— Совсем плохо, сегодня даже камбала не попалась.

— А сеть у тебя какая?

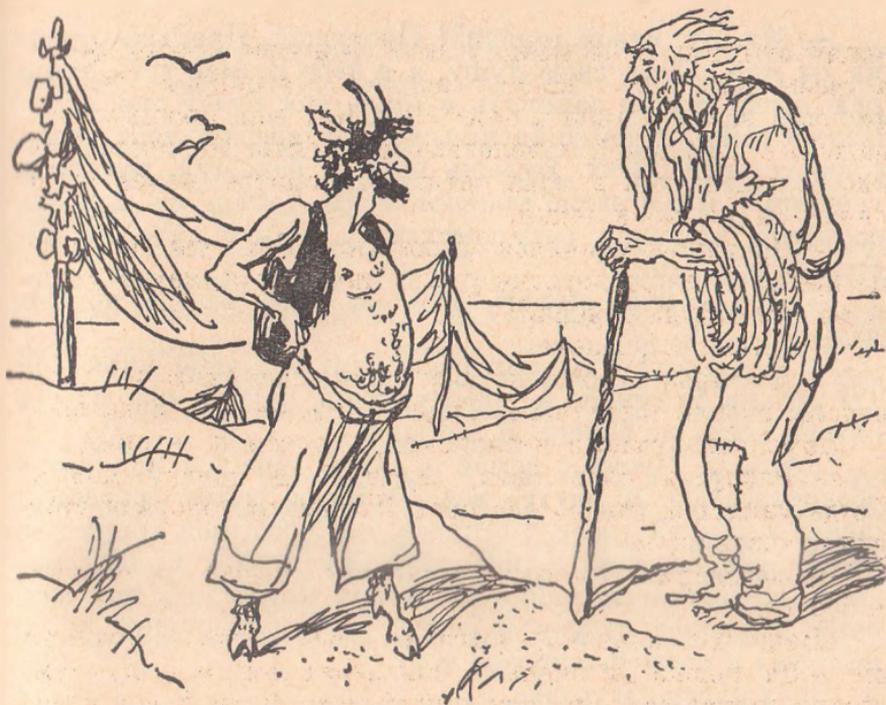
— Да новая.

— Покажи-ка мне ее.

Поднял Промык сеть со дна лодки трясущимися морщинистыми руками.

Рассмеялся громко странный рыбак:

— Так ведь опять она никуда не годится! Посмотри-

ка на мою сеть! У меня в лодке полно всякой рыбы, а ты снова возвращаешься с пустыми руками! Такой рыбы и в Балтике нет, как ячеи в твоих сетях. Плыви назад и сделай ячеи побольше! Ну, будь здоров!

Возвратился Промык домой и вновь засел за работу.

«Как бы хотелось мне помочь односельчанам, сделать для них сети, как у чужого рыбака, — думал старик. — Может, теперь сделаю ячеи такие, как надо».

Но не удался лов и на этот раз. Впервые в жизни разозлился Промык и бросил сети в волны.

— Черт бы побрал такую работу! — выругался он.

И тотчас же вновь подплыл незнакомый рыбак. Но теперь заметил Промык небольшие рожки, которые торчали у него из-под рыбацкого капюшона. Удивился старик, а черт рассмеялся весело:

— Мой верх, Промык! Разозлился ты, заругался — согрешил дважды. Лиха беда начало; клянусь самым сатаной, будет твоя душа мне принадлежать.

— Одурачил ты меня, лукавый! Сглушил я, поверил твоим речам поганым. Вперед тебе это не удастся. Поди прочь, негодный, не то я тебе покажу...

— Ну, ну, какой горячий! Послушай, Промык, отдай-ка ты мне сейчас свою душу, а я тебе взамен сеть, которую стоит только закинуть в море, как будет она полна всякой рыбы. А не согласишься, буду вредить тебе до последних дней твоих. Будешь жить в бедности, ругаться, грешить — и все равно станешь моим. Теперь же можешь выгадать, получить сеть-самохватку. Думаю, что ты выдержишь последнее.

— А я сейчас думаю, как бы тебе веслом по шею дать...

— П-р-р-р-х! — фыркнул зло черт. — Какой упрямый! Ты лучше подумай, а передумаешь, ударь три раза в старую сосну на берегу. Я и приду.

Добрался Промык домой и долго смеялся над своей доверчивостью. А наутро взял большой моток веревки и пошел к старой сосне. Согнулся он, будто под тяжестью, когда брел по берегу, по сыпучему песку. Солнце все выше поднималось, чайки со стоном кружились над волнами. Подошел старик к сосне, отер вспотевший лоб и постучал в потрескавшуюся кору.

Черт появился тотчас.

— Хе-хе, — засмеялся нечистый радостно, — я знал, что ты неглупый, согласишься отдать душу за сеть-самохватку.

— Ладно, быть по-твоему, но должен ты сперва исполнить три мои желания.

— Говори скорее, какие. Ничего нет, что бы я сделать не смог.

Развевая ветерок седые волосы Промыка, показал старик рукой на далекие дюны и сказал:

— Хочу, чтобы всегда было тихо в этом заливе, чтобы ветер не уносил лодки рыбаков в море. Подвинь-ка ты дюны поближе к берегу, пусть закроют они от ветра хоть малую часть моря.

Дунул черт, взвился вверх огромный столб пыли. Работал он три дня и три ночи, наконец передвинул дюны. Обливаясь потом, предстал черт перед Промыком.

— Что еще должен я сделать?

— Теперь посади на дюнах густой сосновый лес, чтобы ветер не переносил песок с места на место.

Три дня и три ночи носил нечистый дух деревья изпод Дунинова, Харброва и Рыгвян, пока не покрылись дюны соснами.

— Ну, а последнее твоё желание? — проворчал нетерпеливо черт. — Ещё немного — будет твоя душа моею!

— Я два раза хлопну, а ты за это время клубок размотай и обкрутись веревкою с головы до пят!

— Хи-хи-хи! — захихикал черт радостно. — Какой пустяк! А ну давай!

Хлопнул рыбак два раза — прошумело только, смотрит — нечистый сам себя опутал веревкою. Повалил его Промык па землю, связал концы веревки. Зарычал злобно обессиленный черт. Поднял его старик и бросил в море.

— Не будешь больше, нечистая сила, соблазнять бедных рыбаков сетями-самохватками! Сиди теперь на дне моря, пусть там тебя крабы едят!

Долго ещё жил старый Промык, а когда умер, все в деревне оплакивали его. Жизнь пошла своим чередом. Но до сих пор, как говорят устковские рыбаки, нужно плыть подальше от того места, где утопил Промык черта, потому что нечистый мутит воду над собой, водовороты крутит, когда бьется в бессильной злобе лбом о морское дно.

80. КАК МУЖИК У ЧЕРТА ДЕНЬГИ ЗАНИМАЛ

Жил один мужик очень бедно. Пошел он в лес, идет и думает, где бы денег раздобыть. Вдруг навстречу ему охотник, достает он из кармана кошелек, полный денег, показывает его и говорит мужику, что он может бедняка выручить, выдавать ему десять лет подряд по сто рублей каждый год. Был же это не охотник, а сам нечистый. Крестьянин подумал, подумал, да и согласился, хоть и нужно было ему по договору за эти деньги через десять лет отдать свою голову.

Прошло десять лет. Явился черт к мужику за головой. А тот вместо головы дает ему кочан капусты. Растерялся черт:

— Как же это? Ты свою голову давай.

А крестьянин ему и говорит:

— Пойди в корчму да сделай так, чтобы два приятеля поспорились, а сам слушай, что говорить будут. Как начнут они друг другу бока мять и скажет кто-нибудь

из них первым: «Смотри, чтоб я тебе твой кочан не оторвал», то ты проиграл, а если скажет что другое, то получишь мою голову.

Так оно все и случилось. Как поссорил черт собутыльников в корчме, начали они друг друга тузить, тут один из них и кричит другому: «Я тебе твой кочан откручу, будешь по белу свету без головы ходить».

Пришлось черту вместо головы мужика забрать кочан капусты. А ночью повыврывал он со злости на огороде у крестьянина всю капусту, сложил ее в кучу и никого к ней не подпускал, пока она не сгнила.

81. КАК МЕЛЬНИКИ ССОРИЛИСЬ

Прекрасными лесами Тухольскими от озера Вздызде до самого города Свеце течет река Вда. Зеленеют по ее берегам смолистые сосны, отражаются в воде, и от этого вода кажется темной, потому и называют часто ее Черной водой. Растут близ нее маленькие сосенки. Лес подходит к самой реке. Но временами вздыхает она свободно — когда выходит на зеленые луга, поросшие сочной травой.

Неподалеку от местечка Грудек река круто поворачивает. Давным-давно стояли здесь две мельницы: верхняя и нижняя.

Хозяин нижней мельницы, Доброгост, был человек тихий и справедливый. По старому обычаю, брал он за помол меру зерна и никогда никого не обманывал. Люди его уважали и охотно привозили к нему зерно.

Второй же мельник, хозяин верхней мельницы, Немир, был вздорный и жадный. Любой ценой хотелось ему поскорее разбогатеть, потому и старался он взять за труды больше, чем следовало.

Когда крестьяне это заметили, стали они объезжать верхнюю мельницу. Тянулись подводы их только к мельнице Доброгоста. Пробовал было Немир завернуть их к себе, становился у дороги, улыбался ласково и говорил:

— Прошу вас, люди добрые, заворачивайте ко мне, моя мельница хорошо мелет, а сейчас как раз без дела стоит, долго ждать не придется, сразу же получите муку — хоть белую, хоть темную, какую хотите.

Чесал тогда молча крестьянин за ухом, смотрел исподлобья и только подгонял лошадей, чтобы поскорее доехать до нижней мельницы.

Наконец дело дошло до того, что мельница Доброгоста работала днем и ночью, не останавливаясь ни на минутку, и часто, особенно в жатву, собиралась у мельницы очередь. На всю околицу было слышно, как равномерно и беспрестанно постукивали ее жернова. Вздрагивала мельница, грохотала, днем и ночью поскрипывала. И как будто говорила:

Течет вода,
А жернова
Все трут зерно,
Хоть ночь темна.

А жернова на верхней мельнице работали не больше часа или двух в день, а потом Немир останавливал их, потому что нечего было молоть. Бывали же и такие дни, когда и вовсе мельница простаивала без движения.

Стала зависть грызть-точить душу Немира. И вот однажды прибежал он к мельнице Доброгоста. Хотелось ему самому убедиться, насколько хороши дела у соседа. Увидел он, что мельница работает полным ходом, что с работников пот градом льет, а они на это не сетуют, — рассердился еще пуще. Не мог больше злой человек совладать с собой, начал он как-то ругать Доброгоста, кликать беду на его голову, кричать:

— Это ты виноват в том, что моя мельница не работает. Ты крестьян отговариваешь, которые хотели бы у меня зерно молоть, дать мне работу и деньги и заработок. Но тебе это даром не пройдет. Не будь я Немир — если моя мельница стоит, то и твоя долго работать не будет.

Но не обращал внимания Доброгост на его угрозы и злобу. Улыбался он, не принимая всерьез смешных угроз мельника.

Посчитал Немир добродушную улыбку Доброгоста за издевку, а тут еще показалось ему, будто жернова, поскрипывая, передразнивают завистника, и казалось, что они выговаривают:

Болтай, болтун,
А все равно
Уж этот спор
Решен давно!

Ударила кровь ему в голову, как опаренный выскочил он со двора и с пеною у рта закричал:

— Я вам покажу... Вы еще меня вспомните!

И с тех пор стал он думать-гадать, как бы подорвать благополучие соседа. Тайным, ему только известным способом договорился он с чертом. Согласился нечистый, пообещал помочь злому Немиру отомстить соседу, но при одном условии: должен был отписать мельник бесовским силам свою душу. Согласился одурманенный завистью мельник и скрепил договор, подписав его кровью из своего пальца.

Договорились они, что принесет черт огромный камень и бросит его в реку у нижней мельницы. Перекроет камень течение, остановится мельница, перестанут вертеться ее жернова-насмешники.

Обрадовался слуга дьявола, что удалось ему заполучить еще одну людскую душу, и с жаром принялся за работу. Первым делом начал он искать камень нужной величины. Искал здесь и там, искал долго, наконец нашел, хоть и очень далеко. И вот однажды ночью взял черт длинную-предлинную цепь и полетел за камнем. Обвязал его цепью и поднялся с камнем ввысь.

Черт был сильный, но трудов ему стоило немало, чтобы лететь по воздуху с таким тяжелым грузом. Сыпались огненные искры в разные стороны, а в небе гремело, как в самую сильную грозу. Тряслись и крестились на земле люди от страха.

А черт летит, летит, верста за верстой приближается к цели. Радуетя в душе нечистый — скоро работе конец. Совсем немного уже осталось до нижней мельницы, да вдруг запели петухи. Начинало светать, нужно было возвращаться бесу в пекло. Выпустил тут черт камень из когтей, полетел он вниз, зарылся глубоко в землю, никому не причинив вреда.

Лежит он там до сих пор, и, как говорят старые люди, по сей день еще видны на нем следы от цепи, которой обвязывал его нечистый дух.

А черт после своей неудачи никогда больше не показывался в этой околице, стыдился, должно быть, своей неловкости. Все так же молола зерно крестьян нижняя мельница Доброгоста, а Немир со зла на себя и на черта забросил свою мельницу и подался на чужую сторону.

82. МАЗУР САМОГО ЧЕРТА ХИТРЕЕ

Нужны были мазуру¹ деньги, взял он в долг у черта с уговором, что отдаст их вместе со своей душой, когда опадут все листья с деревьев.

Погулял мазур, почуяв в руках деньги, погулял, да и за дело взялся. Построил на те деньги дом, хлев, амбар, накупил коров, коней, овец, прикупил земли и леса соснового, который начинался тут же за его хатою. Все лето работал крестьянин в поле, осенью собрал урожай богатый, посеял озимые рожь и пшеницу. А черт тем временем от нечего делать шатался по полю, смотрел, как мужик сеет, и думал: «До чего же глупый мазур, и зачем он трудится — ведь все равно не успеет даже снег выпасть, как сцапаю я его душу».

Усмехался от радости нечистый и крутил хвостом.

Узнал крестьянин его издалека, шапку перед ним снял и поклонился, а сам знай себе посмеивается над неразумным чертом.

Осень пришла, ударили первые морозы, посыпались листья с деревьев, как летом град, один за другим. Пришел вечером черт под окна хаты мазура, видит: мазур спать собирается, весело под нос молитву бубнит. Постучал нечистый в окно.

Вышел крестьянин и говорит:

— Приходи утром, тогда и рассчитаемся.

До самого утра дрожал черт под окнами мужицкой хаты, хотелось ему поскорее получить желанную душу мазура.

А рано поутру перекрестился мужик, сотворил не торопясь утрепнюю молитву, положил в карман бутылку со святой водой и вышел на улицу.

Обрадовался черт, схватил мазура за шиворот, да только мужик так нечистого пихнул, что тот ногами накрылся.

— Подожди еще, чертов сын; позабыл ты, видно, наш уговор, давай я тебе его напомним, а пока не смей подходить ко мне, не то залью твои глаза святой водой.

Стоит черт, скорчившись, ушибленные места потирает, от холода и обиды дрожит, а сам тянет:

¹ М а з у р — житель Мазовья.

— Долг и душу отдай!

— Ишь чего захотел, проклятый! Договорились ведь мы, посмотри-ка на лес, нечестивец: что, разве он не зеленый, разве нет листьев на соснах? То-то! Ну, некогда мне тут с тобой разговаривать, бывай здоров, пожалуй, больше не увидимся.

И пошел себе мужик в хату. А черт чуть со стыда не сгорел, за рога схватился, а потом на первую попавшую сосну вскочил и давай ее зубами грызть, когтями зеленые листья-иголки сдирать.

Весь перекололся, да только как он ни бился, а иголки и не собирались осыпаться. Слез тогда нечистый с дерева и сказал смиренно:

— Э-э, да, видно, мазур самого черта хитрее.

А крестьянин на глупого черта из окошка поглядывает да посмеивается.

Бытoвые
сказки,
ажекдоты
и
шутки

83. ПУТЬ К БОГАТСТВУ

ил в одной деревне бедняк, ничего у него не было, и никак не удавалось ему разбогатеть. Работал он как вол и был бережлив, денег попусту не транжирил, а вот засела у него в доме нужда так прочно, что ее, как говорится, и палкой было не выгнать.

Однажды через эту деревню проезжал верхом святой Петр. Он спешил по разным делам обратно на небо и остановился у корчмы только затем, чтобы покормить коня. Узнав про это, сбегались к корчме люди, — у всех была какая-нибудь просьба к господу богу, и каждому хотелось передать ее через святого. Пришел и наш бедняк и попросил святого Петра узнать на небесах, отчего он так беден, несмотря на то, что усердно трудится и ведет примерную жизнь. Святой Петр сперва не хотел брать на себя это поручение, оправдывался тем, что у него очень много дела и он легко может запомнить просьбу мужика. Но бедняк так его умолял, так настаивал, что святой наконец сжалился и, сняв с лошади свое золотое седло с золотыми стремянами, отдал ему, говоря:

— Возьми это и сохрани до моего возвращения. Я на небе увижу, что у меня нет седла, и вспомню тебя и твою просьбу. А когда буду опять здесь проезжать, ты мне седло вернешь.

Сказав так, святой Петр уехал, а мужик спрятал у себя в чулане золотое седло с золотыми стремянами

и стал со дня на день с нетерпением ожидать приезда святого и вестей с неба.

Когда святой Петр покончил со всеми делами на небо и хотел сесть на своего коня, чтобы ехать обратно на землю, он увидел, что седла нет, и вспомнил бедняка и его просьбу. А вспомнив, вернулся к господу богу и спросил у него, отчего этот мужик гол как сокол, хотя человек он работающий и честный.

— Потому и беден, что не мошенник, — отвечал господь бог, — людей не обманывает, чужого не присваивает.

Не успел еще святой Петр и близко подъехать к деревне, как бедняк его заметил и выбежал навстречу, — ему не терпелось узнать, почему он никак не может разбогатеть. Святой Петр его сразу узнал и крикнул:

— Принеси-ка седло, мне надо ехать дальше.

— А сказал тебе господь бог, почему я не могу выкарабкаться из нужды? — спросил мужик раньше, чем бежать за седлом, уж очень его разбирало любопытство.

— Потому, что ты не мошенник, — ответил святой. — Ну, носи же скорее мое седло!

Мужик был неглуп, сразу все понял и захотел немедленно воспользоваться указанием Петра. Он решил не возвращать святому золотое седло и, притворяясь удивленным, спросил:

— Что за седло? У меня никакого седла нет.

— Как так? Забыл, что ли? Ведь в прошлый раз по дороге на небо я у тебя оставил седло. Ступай скорее за ним!

— Да вы, может, у кого другого его оставили? Я и знать ничего не знаю!

Святой очень торопился, ему некогда было разбираться в этом деле. И он поехал дальше. Таким-то легким путем досталось мужику золотое седло с золотыми стремями!

«Ну, а теперь надо снова попытать счастья!» — подумал он и пошел к еврею продавать свою добычу. Поторговались, как водится, и сошлись на том, что еврей даст за седло со стремями сто ренских и корову. Деньги он дал мужику тут же, а корову обещал привести, когда ее пригонят с поля, и тогда же должен был забрать седло.

Вечерком еврей привел корову и потребовал седло, но мужик объявил:

— За одну только корову я седла не отдам!

— Почему за одну корову? Ведь ты получил уже от меня сто ренских!

— Какие сто ренских? Когда? Кто это видел? Убирайся ты с твоей коровой и оставь меня в покое!

Так мужик присвоил деньги еврея.

Но этим не кончилось: еврей подал на него в суд, и судья назначил день для разбора жалобы. В этот день мужик пошел не в суд, а в корчму. Пришел и сидит. Люди спрашивают его, почему он не идет на суд.

— Как же я пойду на суд, коли у меня полушубка нет? — отвечал он.

— Так я вам одолжу свой, — говорит один, снимает с себя полушубок и отдает ему.

Мужик его надел, но все сидит, не уходит. У него снова спрашивают, почему он не идет на суд, ведь уже пора.

— А вы не видите разве, что у меня и сапогов нет? Как же я пойду?

— Ладно, берите мои и ступайте, — сказал другой мужик, снял с ног сапоги и отдал хитрецу.

Тот обул их, но все с места не двигается, сидит в корчме — шапки-де у него нет. Ссудили ему и шапку. Когда мужик наконец ушел, те трое, что его одели-обули, говорят:

— Пойдем-ка и мы, послушаем, как его судить будут! — И пошли.

На суде еврей рассказал все, как было, и потребовал, чтобы ему вернули сто ренских. Но мужик ни в чем не признавался.

— Понимаете, господин судья, — сказал он, — такой уж я незадачливый, что все меня обирают, каждый рад с меня живьем шкуру снять. На людей работаю, и ничего у меня нет. Да им только волю дай, они и одежонку последнюю с меня снимут. Вон этот, к примеру, готов сказать, что и полушубок на мне не мой, а его. — Он указал пальцем на того, что одолжил ему в корчме полушубок.

— Да он мой и есть! — закричал тот.

— Вот видите, господин судья! — продолжал хитрец. — А тот, с ним рядом, готов и сапоги у меня с ног стащить! — Он указал на владельца сапог.

— Да ведь это мои сапоги, господин судья! — воскликнул истинный владелец.

— Слышите? — подхватил обманщик. — А третий из их компании, наверно, и шапку рад содрать у меня с головы. — Он указал на того, кто одолжил ему свою шапку.

— Что ты там врешь? Ведь шапка-то моя!

Одураченный судья решил, что этого мужика все стоворились ограбить среди бела дня. Он прогнал еврея и всех остальных, а мужика оправдал. Так что у того осталось все: седло золотое с золотыми стремянами, сто ренских, шуба, сапоги и шапка. С тех пор он стал богатеть, потому что плутовал всюю.

84. О КСЕНДЗЕ И ЕГО ОРГАНИСТЕ

У одного ксендза было две свиньи. На них зарился органист, да не знал, как прибрать их к рукам. Долго он раздумывал над этим. И вот однажды ночью накалил докрасна железный прут, прокрался к свинарнику и через дыру сунул прут прямо в рыло одной из свиней. Потом как ни в чем не бывало отиравился спать.

Утром служанка ксендза понесла корм в свинарник, открыла дверь и остановилась как вкопанная: свинья мечется по хлеву, бросается прямо на стены. Испугалась служанка, побежала к ксендзу:

— Пан ксендз! У нас свинья взбесилась!

— Тут уж ничего не поделаешь, если взбесилась — на все воля божья. Только кто нам ее заколет? Может, органист? Надо позвать его.

Пришел органист.

— У меня взбесилась свинья, — говорит ему ксендз. — Не смог бы ты, пан органист, заколоть ее и зарыть у себя в огороде?

Органист заколол свинью и зарыл, а ночью откопал и освежевал ее.

Когда все мясо было съедено, органист решил добраться и до второй свиньи. Снова раскалил он железный прут и прижег им рыло оставшейся свиньи.

Утром служанка принесла корм, а свинья визжит в закуте и грызет все подряд и на служанку бросилась. Прибежала служанка к ксендзу и говорит:

— Пан ксендз, и вторая свинья взбесилась.

Огорчился ксендз, но сказал:

— Кто бы нам заколол ее? Разве что органиста опять попросить.

Пришел органист, ксендз ему все рассказал. Как и в первый раз, органист заколол свинью, зарыл ее у себя в огороде, а вечером откопал и освежевал; каждый день на обед была у него свинина.

Как-то служанка заметила у органиста куски свежей свинины, пришла к ксендзу и сказала:

— Сдается мне, пан ксендз, органист нашей свининкой лакомится. Похоже, его рук дело, что наши свиньи взбесились.

— Ах, милая, вот бы это проверить!..

— А чего ж! Вы собирайтесь в дорогу, а меня закройте в сундуке и прикажите отнести его к органисту. Если спросит, что в сундуке, скажите — одежда, чтоб воры не украли. А я услышу все, о чем будут говорить у органиста.

Ксендзу это понравилось. На другое утро он спрятал служанку в сундук, сам уехал, а сундук велел отнести к органисту.

На обед детям органиста подали целую миску супа с мясом и поставили на сундук. Как стали ребята препираться и драться из-за еды — опрокинули миску, и суп через щели протек прямо в сундук на голову служанке и ошпарил ее. Не стерпела она — завертелась и стала проситься, чтоб ее выпустили. Органист подобрал ключ, поднял крышку, а в сундуке — служанка ксендза. Он сразу понял, в чем дело, и задушил служанку, а в рот натолкал ей пряников и сыра, которые она прихватила с собой.

На следующий день ксендз вернулся домой, и органист сразу же принес ему сундук. Открыл его ксендз и схватился за голову: там мертвая служанка.

«Воздуха ей не хватило, — подумал он, — да к тому же объелась, потому и задохлась. Как же ее теперь похоронить? Придется просить органиста».

Пришел органист, ксендз ему и говорит:

— Подозревали мы, что ты ел мясо тех бешеных свиней. Служанка моя и решила подслушать, что у тебя говорят. Влезла в сундук, да, видно, объелась сыром и пряниками и задохлась. Схорони ты ее где-нибудь, чтоб люди не видели. Я тебе хорошо заплачу за это.

— Согласен, — говорит органист. — Только сперва деньги давайте.

Хочешь не хочешь, а деньги пришлось выложить. Спрятал органист деньги, сволок служанку за волосы в погреб, где была картошка, и бросил — пускай лежит. А ночью он вытащил ее из погреба, приволок к дому ксендза и поставил перед окном, а сзади палкой подпер. Сам же спрятался за ней и постучал в окно.

Проснулся ксендз, прислушался — кто его будит.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, служанкина душа, — отвечает органист.

— Чего ты хочешь?

— Отдайте органисту те деньги, что у вас под подушкой, пан ксендз, ведь я на него напраслину взвела.

Испугался ксендз.

— Иди, иди, душа, завтра же отдам, — ответил он.

Органист спрятал служанку. Ксендз лег спать. На другой день позвал он органиста и добавил ему еще немного денег за то, что тот похоронил его служанку.

На следующую ночь органист снова притащил труп служанки к дому ксендза и опять постучал в окно. У ксендза сна как не бывало.

— Чего ты еще хочешь, душа? — спросил он.

А органист говорит:

— Отдайте, пан ксендз, органисту мою одежду и денег еще прибавьте. Ведь я на него напраслину взвела.

— Иди, душа, иди. Завтра оп все получит.

Органист снова бросил бабу в погреб. Днем ксендз пригласил его к себе и отдал всю служанкину одежду, да еще и денег прибавил.

Вечером ксендз собрался куда-то в дорогу и велел запрягать кобылу. Об этом узнал органист. Выволок бабу из погреба, посадил на молодого жеребенка той кобылы и привязал, чтоб не свалилась, а в руку бабе сунул нож. Как только ксендз выехал за околицу, органист выпустил жеребенка, тот заржал и во весь дух помчался за матерью. Увидел ксендз, что кто-то за ним с ножом скачет, испугался, кричит кучеру:

— Поворачивай домой! Кто-то за нами с ножом едет.

Сам же со страху лег в телегу и с головой укрылся, а баба верхом на жеребенке посится вокруг телеги, ножом размахивает.

Подъехали ко двору ксендза. Органист поймал жеребенка, отвязал служанку и спустил ее снова в погреб.

А ксендз, как только прибежал домой, велел позвать органиста.

— Дорогой мой, ты, наверное, плохо закопал служанку, — говорил ксендз. — Ее душа все время меня преследует. Привали ее получше, я тебе заплачу.

— Ладно, — ответил органист. — Только сперва деньги подавайте.

Расплатился ксендз, и с тех пор его уже никто не пугал.

Только на другую ночь в огороде сапожника органист срезал несколько кочанов капусты и унес их домой. А днем тот обнаружил пропажу и заголосил. Тогда ночью органист снова вытащил бабу из погреба, приволок в огород к сапожнику и установил ее на подпорках. В одну руку он ей сунул тесак, а другой она уперлась в кочан капусты.

— Надо посмотреть, не ворует ли кто капусту, — решил сапожник и выглянул из окна. — Ух ты, какая-то баба в огороде капусту режет.

Схватил он палку, помчался к бабе и что было мочи ударил ее раз, а потом другой. Подпорки упали, и баба грохнулась на землю. Сапожник с перепугу решил, что это он убил ее. Со всех ног кинулся он к органисту и просит похоронить бабу.

Органист воскликнул:

— Вот хорошо, что ты рассказал мне об этом, теперь я тебе задам! Это ты, наверное, служанку ксендза убил. Она недавно к тебе пошла. Подожди, шельма, я расскажу ксендзу!

Сапожник еще больше затрясся, просит органиста никому не рассказывать, а за это обещает все, что тот захочет. Органист поломался, а потом сказал:

— Ладно, похороню и никому не скажу об этом, но ты за это должен всю жизнь бесплатно мне и моим детям шить сапоги.

Делать было нечего — сапожник согласился. Сразу же был написан договор. Органист схоронил бабу и с тех пор никого больше не пугал.

Так органист двух свиней съел, и до конца жизни были у него даровые сапоги.

85. О СМЕРТИ, ЧТО БЫЛА КУМОЙ

Жил тогда в наших местах разный народ — дурной и хороший. И объявили тут рекрутский набор. И богачи и бедняки бежали от него куда глаза глядят. Много людей ушло в глухой лес. Богатым-то хорошо жилось, а бедный стонал да жаловался. Оказались в тех дремучих лесах два брата, одного звали Войтек, а другого — Юзек. Войтек был богачом, а Юзек — бедняк бедняком, и к тому же народила ему баба кучу детей. Уж двенадцать было, а тут еще тринадцатый на свет появился. Хотелось бедняге денег заработать, бился он с утра до вечера как лошадь, но нужда его совсем одолела. Пошел он к Войтеку и говорит:

— Послушай, пан брат! Бог дал мне парня, будь ты ему крестным.

— Ба, — отвечает брат, — два раза уже кумовал у тебя, а теперь я не дурак идти третий раз крестным к нищему.

Опечалился Юзек и направился по соседям звать того да другого в кумовья; да кто захочет иметь дело с бедняком, у которого нет денег даже на угощение? И вот стоит мужик у леса, причитает и жалуется, а тут подходит красиво разодетая женщина и спрашивает, чего это он так горюет. Сначала Юзек не хотел рассказывать, потом все же поведал про свое горе. Слушала опа, слушала, ничего не отвечала, а потом и говорит:

— А знаешь ли ты, кто я такая? Я — смерть. Если не боишься, то пойду к тебе кумой.

Бедняк не раздумывал долго.

— Ха, — говорит, — ты ведь не разбираешь, кто нищий, кто богатый: видать, ты справедливая. Так будь же у меня кумой.

— Хорошо, — отвечает смерть. — Завтра приду к костелу, узнаешь меня по белой повязке на голове.

На другой день брели вместе по дороге смерть-кума и Юзек и долго рассуждали про всякое. Вот очутились они у глубокого оврага, смерть остановилась и говорит:

— Ты, кум, тут оставайся, а я дальше пойду — мне спешить надо. А для крестника моего — спустись-ка ты в этот овраг, там черный пес привязан, подземелье сторожит. Ты его не бойся, возьми себе один мешок с дукатами, только больше смотри не трогай.

Бедняк забрал огромный мешок, какой только мог дотащить до дому. У него аж сердце запрыгало от радости, как высыпал в избе золотые монеты. Мужик тут сразу накупил всякой еды: хлеба белого, сластей — и давай угощать соседей. Забежала к Юзеку жена богача, увидела все это да еще подсмотрела за печкой золотые дукаты. Откуда такое богатство у нищего? Вернулась быстрехонько в свою хату и ну расписывать мужу все, что видела. Войтек удивился и отправился к брату. Издалека еще ему кричит:

— Здравствуй, братенек мой!

Забрался к бедняку в халупу и наелся, напился сладко, а как соседи да кумовья повышли, Войтек и говорит:

— Не верил я своей бабе, когда она мне рассказала обо всем. А теперь вот сам вижу, что великое богатство у тебя, брат. Кто тебе дал, говори скорей!

Юзек не хотел выкладывать брату секрета и так плел ни то ни се. Но тот тоже был не дурак. Хотел знать все доподлинно и даже пригрозил Юзеку выдать его судье. Пришлось бедняку рассказать про смерть и про овраг, где спрятаны были мешки с дукатами. Подскочил от радости Войтек, что так ловко выведал все, и на рассвете поехал туда со своей бабой. А когда приехали, Войтек сам полез в овраг. Но только добрался до подземелья, черная собака бросилась на него и разорвала на куски. Жена побегала прочь и свалилась в пропасть.

Юзек стал богачом и жил долго, и уже пришло время отдавать сына смерти. Сидит он раз возле своей прекрасной халупы, а тут — на, идет кума-смерть:

— Как живешь, кум, что тут слышно у вас?

— Все ладно. А у вас чего хорошего?

— Да вот, срок кончился, пришла за крестником.

Приуныл Юзек, стал просить, чтобы кума-смерть подождала еще. А когда та не захотела, не пожалела своего крестника, Юзек сказал:

— Ну, тогда идите сюда, кума-голубушка.

И ведет ее, будто в халупу, а сам пихнул куму в бочку, захлопнул донцем, зашпунтовал топором — щели не оставил. Быстро — бочку на повозку, четырех коней запряг и через лес — к реке. Сбросил бочку в воду, а сам — домой, и долго жил припеваючи вместе с сыном.

86. КАК ДВА ХЛОПА ВМЕСТО КОБЫЛ ПОМЕНЯЛИСЬ ЖЕНАМИ

Старый Тестковян из села Быстрова не пошел в костел, потому что на той неделе был он в Истебном. Жена его крутилась по избе, а он сидел на лавке, думал о чем-то и помалкивал. А потом вдруг и говорит:

— Марина, свари чего-нибудь, нужно мне съездить по делам.

— По каким это делам понадобилось тебе ехать?

— По каким? Да в Цешин, на ярмарку, завтра первый понедельник, продам, пожалуй, нашу кобыленку, а куплю другую лошадь, получше.

— Ну, твое дело, как знаешь! — говорит баба. — Только смотри, не вышло бы так, что лешего продашь, а черта взамен получишь. Вот отварю тебе кусок свиной ноги, и поезжай.

Хлоп налаживает бричку, запрягает в нее лошадь, а баба сварила кусок свинины, подала ему выстиранную рубаху. Он положил в бричку охапку сена, всыпал в мешок сечки с охвостьем, вернулся в избу, набрал из чугуна воды в рот, полил на руки и умылся немного, вытерся рукавом и пригладил ладонью волосы. Потом стянул с себя грязную рубаху, надел чистую и сел за стол чего-нибудь поесть. Жена поставила на стол одну миску с похлебкой, другую — с картошкой, а третью — с капустой и говорит:

— Вот, ешь, а остаток заверну тебе в тряпицу, будет чем закусить в дороге.

Когда жена приготовила ему все, был уже полдень. Конь тоже съел свой корм. Тестковян и говорит:

— Только бы благополучно добраться до Кемпы, а там уж лошадь сама до Терновского дойдет, дорогой можно и поспать, а утречком, смотришь, и на базаре буду.

Сел в бричку, попрощался с женой, перекрестился и тронулся вниз, с горы.

Пусть пан бог всякого сохранит от такой дороги, какая была от Быстрова на Кемпу. Но Тестковян все-таки не вылезал из своей брички. Тормоза у него были хорошие, и кнутом пришлось поработать. Все бока отбило мужику на выбоинах, трясло его по пням да по кореньям, едва не перевернуло. Наконец выехал он на ровную дорогу и говорит:

— Теперь можно спать. Времени хватит — остановлюсь, пожалуй, в корчме, выпью четвертушку и поеду прямо в Терновский.

Приехал, коня привязал к столбу, зашел в корчму и говорит:

— А налейте-ка мне четвертушку.

Корчмарь налил, поставил перед ним, а Тестковян, счастливый, что уже выехал на ровную дорогу, сидит за своей четвертушкой, попивает и размышляет о чем-то. Тут подъезжает старый Корбас с Хыртявы и видит, что

стоит лошадь, мордой к Яблункову; Корбас сообразил, что кто-то едет на ярмарку; он и сам туда же ехал. Вваливается в корчму, здороваётся и видит там Тестковьяна. Вот Корбас его и спрашивает:

— Ха, куда это ты едешь?

— На ярмарку в Цешин, хочу свою кобылку продать, а какую-нибудь другую лошадь купить.

— А словно бы тебя пан бог мне послал — я ведь тоже за тем еду. У меня-то коняга хорошая, да ростом не вышла. Эй, хозяин, налейте-ка и мне чистой четвертуху.

И тут-то у приятелей языки развязались. Посудили, порядили про коней, про погоду, про баб, про хозяйство, а как выпили свои четвертушки, заказали еще по другой — время-то у них было. Потом один и говорит:

— Ну, скоро поедем, вот только еще выпьем четвертушку напополам. Эй, хозяин, налей-ка!

А корчмаря не надо два раза просить — тут же им четвертуху наполнил, мужики сидят и пьют, а как добрались до дна, Тестковьян и говорит:

— Раз ты заказал пополам, то теперь я тоже закажу. Налейте там еще одну!

И опять им четвертинку подали.

И вот сидят они, пьют, а Корбас и скажи:

— Ха, за каким дьяволом едем мы в город? Лошади у нас хорошие, а мы хотим от них избавиться. Посидим-ка мы еще тут час-другой, выпьем еще толику и поедем по домам.

А Тестковьян и отвечает:

— Да, пожалуй, и верно, приятель; только что вот нам бабы скажут?

— Бабы? — спрашивает Корбас. — У тебя добрая кобыла, и у меня добрая кобыла, ну вот мы и поменяемся, бабам нашим скажем, что нам по дороге попались хорошие лошади, вот мы и продали своих, а тех, хороших, купили.

— По рукам, — говорит другой. — Пошли перепряжем кобыл, а потом выпьем магарыч.

Пошли хлопы на двор, перепрягли кобыл и опять сели за стол, и пили до тех пор, пока стало темно и на дворе и в головах. Да и корчмарь уже видит, что хватит, и провозжает их домой.

Расплатились хлопы, он их вывел и помог каждому сесть в бричку. Четвертушек-то они насчитали немало.

Рассадил их по своим бричкам, дал в руки вожжи, они и поехали. Только долго они сидеть не могли, в головах-то шумело. Опустили мужики вожжи, да и заснули в бричках, а лошади пошли сами. Корбасова лошадь везла Тестковьяна в Хыртяву, а Тестковьянова — Корбаса к Быстрову. Хлопы спали, так уж, знаете, им хорошо спалось: на ухабах и выбоинах трясло и укачивало. А лошади сами и подъехали каждая к своему дому и против сеней встали. А надо вам знать — у нас тут халупы везде одинаковые и постели — напротив дверей. Как брички перестали прыгать на ухабах, хлопы и пробудились, а в головах у них еще шумело, они и не рассматривали, что да как. Каждый, как приехал, слез с брички и — прямо в дом. А бабы-то впотьмах и не распознали, что это не их мужики, только каждая подумала: «Сегодня-то я тебе ничего не скажу — и так в голове есть, — а уж утром, когда немного повыветрится, жди».

Еще сапоги им с ног стянули и легли. И они спали.

И вот утром, как начало светать, смотрит баба, не проснулся ли хлоп (а то у нее уж язык чешется), и дивится, что мужика своего признать не может. Взяла баба лучину, разожгла, посветила и видит, что мужик-то не ее.

— Это кого черти тут принесли?

Хлоп открывает глаза и тоже дивится, видя чужую бабу, и говорит:

— Что это за баба лезет тут к моей постели?

Оба смотрят друг на друга, глаза таращат. Встал тут хлоп, посмотрел в окно и теперь только пришел в себя, расспросил бабу обо всем и собрался уезжать. А баба нажарила солонины и накормила мужика. Он поел и поблагодарил ее, сел в бричку и поехал.

Так было и в Хыртяве и в Быстрове. Как спустился Тестковьян с Хыртявы к Быковцу и подъезжает к Кемпе, видит — едет от Быстрова Корбас на его кобыле. Поздоровались мужики сердечно, пошли опять в корчму, сели за стол, велели налить себе, и пошла беседа, как кто выспался, чем поснедал, а больше всего смеялись они, что хотели променять кобыл, а поменялись бабами.

Жил на свете один хлоп, и так одолела его бедность, что он не знал, как и быть дальше. Вот взял он раз топор, пошел в лес, залез на ель и давай топором стучать. А мимо едет на коне пан и спрашивает, что это он там такое делает, уж не срубить ли дерево задумал. А хлоп ему отвечает: он-де слушает, о чем святые на небе толкуют. Тогда пан ему говорит, что он бы тоже хотел послушать святых. А хлоп на это: послушать-то можно, да надо, мол, раздеться донага. А пан в ответ, что он, дескать, в рубашке на елку влезет. А хлоп на своем стоит: рубаха может зацепиться и пан-де свалится.

Наконец послушался пан хлопа, разделся, привязал коня к дереву, влез на елку и взял у хлопа топор. Начал он помаленьку рубить, а хлоп, не мешкая, слез на землю, подхватил панскую одежду, вскочил на лошадь и поехал, а голого пана оставил на елке. Пан завопил, а хлоп подстегнул коня и был таков. Так и просидел пан на дереве до вечера, а как стемнело, прибежал голый домой. Поднялся на крыльцо, постучал и говорит слуге, чтобы тот впустил его и подал бы что-нибудь из одежды. А слуга толкнул его с лестницы и говорит: мол, не шуми тут, не ври, что ты наш пан. Долго пан упрашивал его, рассказал, что с ним приключилось. И тогда слуга все же узнал своего господина и принес ему одежду.

Пан попросил слугу, чтобы тот ничего жене не рассказывал. А слуга только и держал язык за зубами, пока ее не встретил, а как увидел, сразу все и выложил.

Ну и смеялась же пани над своим незадачливым мужем! Уж он ее просил хоть ксендзу ничего не рассказывать, чтобы тот к нему почтения не потерял. Но жена тоже выдала мужа, и ксендз вволю посмеялся над паном, которого так одурачил хлоп.

Спустя некоторое время поехал пан на ярмарку, а сам все думает, как бы насолить ксендзу за его насмешки. Приехал в город — глядь, а тот самый хлоп продает сворованного у пана коня. Только увидел хлоп пана, бросил коня — и давай бог ноги! А пан кричит ему вслед, чтобы не боялся, продавал коня, что он ему еще денег даст, только пусть он как-нибудь напроказит ксендзу, а то уж больно ксендз над ним, над паном, потешается.

Хлоп пошел в лавку, купил белого полотна, сшил длинную, до пят, рубаху, опоясался веревкой, собрал у себя дома все ключи, какие мог найти, и привязал их к поясу. А потом еще сшил мешок. Отправился хлоп в тот самый костел, где ксендз служил, пал на колени у дверей в своей длинной рубахе и стал усердно молиться, заламывать руки и глаза закатывать кверху. А ксендз махал кадиллом и, как увидел богомольца, послал за ним сторожа, спрашивает, кто он такой. А хлоп ответил, что он, дескать, святой Петр и с ним ключи от небесного царства. Ксендз очень обрадовался, что увидел человека с неба, и повел его подкрепиться. И вот беседуют они за трапезой, ксендз и спрашивает, берет ли Петр живых на небо. А Петр ему отвечает, что за тем как раз и явился на землю и, кто заслужил, того возьмет с собой. Тут ксендзу захотелось, чтобы Петр взял его на небо. Петр сказал: пусть ксендз лезет в его мешок, но прежде надо взять на дорогу денег, а то до неба далеко. А жена ксендза сказала Петру, что и у нее есть полкварты дукатов и она отдаст их, если он поможет ей тоже попасть на небо. И вот ксендз влез в мешок, а хлоп его завязал, взвалил на плечи, отнес на кладбище и там подвесил на липу.

На другой день рано утром пришел могильщик копать яму и видит — кто-то болтается в мешке на дереве. Подошел, треснул по мешку лопатой и говорит:

— Ах ты пес негодный! Не нашел, где повиснуть, кроме как на святом месте!

Ксендз из мешка отзывается:

— Юзеф, Юзеф, ты тоже тут на небе?

А могильщик огрел его другой раз лопатой:

— Я тебе покажу, на каком ты небе! — Не узнал могильщик по голосу, кто в мешке.

Тут ксендз сообразил, в чем дело, и попросил выпустить его. Только могильщик развязал мешок, ксендз пустился домой, а его жена увидела в окно, как он бежит, и подумала, что это за нею спешит ксендз, на небо взять хочет, и вышла скорее на порог и спрашивает:

— Уже и меня туда требуют?

А ксендз так быстро бежал, что с ног ее сбил, и ничего не ответил. Она — вслед за ним в дом и спрашивает, что случилось. А он не хотел ей ничего говорить: думал — никто знать не будет.

А хлоп, как только удалась ему эта проделка над святым отцом, пошел и все рассказал пану. Вот пан идет на другой день к ксендзу и издалека уже смеется. Ксендз спрашивает, чего это ему так весело. А пан отвечает: егоде, пана, любопытство разобрало узнать только, о чем святые на небе разговаривают, а ксендзу захотелось самому на небо попасть. И потом всегда смеялся над ксендзом, что он хоть и учение его, пана, а дал хлопцу надуть себя еще почище.

88—93. СКАЗКИ О РАСТОРОПНОМ МУЖИЧКЕ ПРОСТАЧКЕ И ЕГО СМЕКАЛКЕ

Жил да был когда-то не бедный и не богатый, не шляхтич, не пан спесивый, а мужичок сметливый. Разум имел он не заморский, не шляхетский, не панский, а самый что ни на есть крестьянский. И по деду и по отцу тот мужичок прозвание носил Простачок.

На похвалу его сословью не одно ходит присловье. Вышел он из народа, что кормит панов всякого рода. Коли мужик не стал бы трудиться, не стал бы и хлеб родиться. И пришлось бы панам забыть о спеси своей да взяться пасти овец или гусей. А пахать они б захотели, так и вовсе бы не сумели — труд этот вроде и простой, да не всякий может пройти с сохой.

Вот кто такой Простачок. Он мужицким умом силен и прославился не словами пустыми, а делами своими.

О его сметке и хватке много добрые люди сложили прибауток да шуток, сказок ладных и побасенок складных.

Вот и читайте себе на здоровье сказки да присловья о веселом Простачке, расторопном мужичке.

Деревней, где жил Простачок, владел вельможный пан. Много почудил и подурил на свете этот пан, но пришло время, и послал он в школу своих сыновей, старшую дочь замуж выдал, младшая — девица уже на возрастe — жила с матерью в имении. А сам пан подолгу пропадал в ближнем городе.

И падо же такому случаю выйти, что несколько бед сразу обрушилось на пана в его отсутствие: неожиданно-негаданно умерла жена, почти целиком выгорело поместье, а дочка... Но о ней потом. Случилось все это в одну неделю.

Пан беспечно кутит в городе и ведать ни о чем не ведает, как вдруг входит слуга и докладывает, что пришел мужик из его деревни и хочет видеть пана. Тот распорядился впустить к нему мужика.

Вошел Простачок в покои, поклонился, поскреб в затылке... Видно сразу: хочет что-то сказать, да не решается. А Простачок, жалея своего господина, раздумывал, как ему доложить обо всех несчастьях, да так, чтобы не слишком пана огорчить. И решил начать с пустяковых бед и этим подготовить пана к известию о бедах непоправимых.

— Ну-с, как живешь, Простачок? — спрашивает пан.

— Спасибо, пане, пока жив-здоров, — отвечает мужик.

— Что нового у нас?

— Да как вам сказать, пане: недаром говорится, что от беды не уйдешь, не ускачешь. Пан знает, как наш пробоц¹ говорит: «Кого бог любит, того и наказует». Вот, видно, и вас господь бог жалует, да что поделаешь, на все его святая воля.

— Что ты болтаешь? Не случилась ли и вправду какая беда?

— Ясное дело, пане. Все мы под богом ходим, в одном он вас опечалил, так другим утешил.

— Чем же он меня опечалил?

---

¹ П р о б о ц — деревенский священник.

— Да ваш перочинный ножичек, подарок покойного вашего батюшки, сломался.

— Ах, чтоб тебя! Ха-ха-ха! Ведь придумает же, что меня такой пустяк огорчить может! Конечно, жаль ножа, все же намять, но разве есть что-нибудь вечное на свете? А как же его сломали?

— Да шкуру с борзой сдирали...

— Как? Борзая сдохла? Которая?

— Да все.

— Все? Как же это? Такие прекрасные борзые! Наверное, недоглядели?..

— Может, и так, пане, да как тут углядеть, когда они обожрались мясом вашего жеребца, а мясо-то было с отравой — на волков приготовлено.

— Так жеребец окошел? — завопил помещик, вскочив с кресла.

— Да, пане, окошел.

— Что же с ним случилось? Ведь он еще молодой, здоровый. Всего шесть лет ему. Верно, плохо ухаживали?

— Ой, пане, ухаживали хорошо, да что поделаешь, когда он надорвался.

— Надорвался!? А кто ж посмел его так загонять?

— А как же иначе, пане? Ведь нужно было пожар тушить.

— Пожар?! Какой? Где?

— Загорелся сарай, стали гасить. Воду бочками возили. Но что поделаешь? Не разорваться же всем: там гумно горит, здесь конюшня полыхает, потом коровник вспыхнул — словом, все сразу охватило огнем!

— А дом-то мой?

— Дом-то ваш догорал, а это от него уж и пошло все!

— О, я несчастный!!! — завыл нан, заламывая руки. — Только пепелище ото всего осталось?

— Так и есть, пане, пепелище.

— Отчего же пожар-то начался?

— Началось все оттого, пане, что в доме горело много свечей, а окна были завешаны траурной материей...

— Траурной? По ком же траур?

— По ясновельможной пани, по вашей супруге...

— Что ты говоришь? Боже, моя жена умерла?!

— Ох, пане, умерла, царство ей небесное!

Замолчал нан, поднял глаза к небу, слезы текут ручьями по щекам. После долгого молчания и говорит:

— Сколько несчастий сразу послал мне бог, а ты еще говоришь, что бог опечалит, бог и утешит. Чем меня можно утешить после таких утрат?

— А как же, пане? Господь и утешение послал: у паненки-то, вашей младшей дочери, панночка родилась...

ПРОСТАЧОК ИЗГОНЯЕТ ДОМОВОГО

Исполнив поручение, которое камнем лежало на сердце, Простачок купил на базаре по пути из города за бесценок ручную сову и зашагал домой.

Поздно вечером добрался он до какой-то деревни. Во всех окнах темно, а в одном окошке огонек светится. Заглянул Простачок из любопытства в окно и видит: на столе, покрытом белой скатертью, лежат пироги, жареный гусь да фляжка водки стоит. А за столом сидит молодой мужчина — видно, какой-то родственник или разлюбезный гость. Хозяюшка-то молодая, пригожая, гостя умильно потчует, да так и ластится к нему.

Простачок сову под мышкой держит, а в правой руке — посошок дорожный, да тем посошком и постучи в окно.

Хозяйка как ошпаренная вскочила с места и спрашивает в испуге:

— Кто там?

— Хозяин! — ответил Простачок.

Вмиг пирог полетел со стола в квашню, фляжка водки — в комод, жареный гусь — в печку, а хозяйюшкин гость, схватив шапку, шмыгнул под печку. Наскоро прибрав все, хозяйка опрометью кинулась открывать двери.

Едва Простачок отскочил от окна, как вдруг заскрипел снег под полозьями легких саней и перед воротами дома осадил лошадь здоровый, плечистый мужик.

— Отворяй! — закричал он, вылезая из саней и стуча кнутовищем в ворота. — Отворяй, жена, и ковя распряги: у меня руки закоченели.

Ворота распахнулись, и хозяйка повела копя во двор. Тут только хозяин заметил Простачка и спросил:

— А ты, братец, кто такой будешь?

— Путник я. Пусти обогреться в хату. Позднее время, а заночевать негде.

Гостеприимный хозяин повел Простачка за собой, и вскоре они сидели за столом. И рад бы хозяин хорошо угостить путника, но хозяйка насилу разыскала для них немножко соли и краюшку хлеба. Подает им скудный ужин и ворчит:

— Знала бы я, когда тебя ждать, сготовила бы чего-нибудь горячего и пирог бы испекла. А то вот как вышло: и сам приехал и гостя бог дал, а угощать нечем.

— Что это у тебя за птица? — спросил хозяин, с любопытством разглядывая важно сидящую рядом с Простачком сову.

— Сова — ученая голова, — погладил ее путник. — Очень смекалистая птица, все знает и насквозь видит, даже говорить умеет.

— Да что ты? И говорить может? — удивился хозяин, собирая хлебом соль, растолченную на столе.

Незаметно для хозяев Простачок ущипнул сову, она и прохрипела что-то по-своему.

— Что она говорит? — спросил хозяин.

— Говорит, что в квашне пирог лежит.

— Пирог в квашне? Слышишь, жена, давай-ка его сюда!

— Может, правда? — пробормотала перепуганная молодлица. — Вчера брат заезжал ко мне, так я для него наскоро испекла. Может, и остался кусочек. Сейчас погляжу...

И точно: вынула из квашни и подала на стол пирог, да не кусочек, а чуть початый.

Режут мужики пирог и уплетают за обе щеки. А Простачок снова потихоньку прижал сову. Она опять завертела головой и заухала.

— А теперь она о чем говорит? — полюбопытствовал хозяин.

— Да ну ее! Все свое плетет! Будто в комодке фляжка водки есть.

— Может, и верно, жена? Ну-ка, выдвинь ящик!

— Не знаю, — завертелась баба, еще больше смутившись. — Кажись, вчера капелька осталась — может, и есть...

Посмотрела — и водка есть, да не капелька, а больше половины фляжки. Делать нечего, поставила хозяйка вод-

ку на стол. Хозяин молча налил себе и гостю. Выпили по рюмке и снова — за пирог.

— Замолчи! — тихо прикрикнул Простачок на сову, которая под его незаметными толчками снова подала глос. — Замолчи! Не твое это дело...

— А что она говорит?

— Да болтает, что-де в печи жареный гусь, — будто нехотя проворчал путник.

— И гусь? Доставай, женка, а то сам пойду искать! Все подавай сразу, что есть еще!

Подбежала хозяйка к печи, заглянула за заслонку и запричитала, заламывая руки:

— Господи, и гусь есть! Боже мой, да что же это творится? Ведь только что ничегошеньки не было. И ума не приложу, откуда все взялось. Не иначе, чародейство или еще что!..

— Верить ли, добрый человек, — говорил хозяин, разрезая гуся, — у меня в доме дивные дела творятся. Нечистый дух по-другому бы озорничал, а то дело сделано, и концы в воду. Что есть в доме повкуснее, все из рук уплывает. На кого подумаешь? Живем вдвоем: я да женка. Чьи это дела, любезный гость, как по-твоему?

— А чему ж другому быть — не иначе домовой завелся. А где он поселится, там счастья не жди. Но если это только домовой, то с помощью совушки — мудрой головушки мы выгоним его сегодня же. Удерет злодей туда, куда еще Макар телят не гонял.

— Сделай такую милость, гостюшка! Выгони, уплачу тебе, сколько запросишь.

Простачок велел хозяину выйти в сени. Хозяйка, оставшись с гостем с глазу на глаз, упала перед ним на колени и начала умолять:

— Ой, не губи меня, добрый человек, не губи!

И гость хозяйкиной вылез из-под печи и тоже путнику в ноги, упрашивает:

— Возьми все, что у меня есть, только не губи. Не выдай хозяину, а то он меня живого не выпустит.

Простачок велел ему вымазать сажей лицо и руки, напаялить кожух шерстью наружу, рукавицы натянуть на ноги, а сапоги на руки надеть. Привязал ему на голову старый голик и велел обратно лезть под печку.

Позвал хозяина и объявил, что домовой прячется под печкой: так сова указала. Потребовал котелок ключевой

воды, две пригоршни круп ячменных, колбасы, солонины, масла и соли, а об остальном просил не беспокоиться.

Без слов хозяин дал все, что требовал путник. Тот на шестке разложил огонь, и скоро в котелке пыхла густая и жирная каша, а Простачок, засучив рукава, помешивал ее ложкой. Каша поспела. Перекрестил путник углы дома, настежь распахнул двери избы, хозяину дал в руки метлу, а хозяйке — лопату. Как брызнет кипящей кашей из поварежки под печку да как заорет что есть мочи:

— А ну, домовой, киш-киш отсюда!

И точно: вдруг из-под печки выскочило что-то черное и косматое, не человек и не козел, как есть — домовой, да как пустится наутек в двери. По пути сбил с ног хозяина, а хозяйка с перепугу завопила благим матом. Простачок вскочил на стол, а домовой метнулся к воротам да как сиганет на улицу, только его и видели.

Утром Простачок за труды получил от хозяина рубль, да хозяйка тайком сунула ему в руку еще рубль.

Так рассудил он дело своим мужицким умом, всем угодил и себя не забыл: обогрелся, попил, поел как следует, выспался, деньги в кошелек спрятал, да и котелок с кашей захватил с собой.

С хлебосольными хозяевами распрощался чин по чину и пошел своей дорогой.

ПРОСТАЧОК РАСПОЗНАЕТ, ГДЕ ЛОЖЬ, ГДЕ ПРАВДА

Около полудня пришел Простачок в незнакомое село. Видит, на улице собралась большая толпа: тут и мужики и бабы, стари и мал — все галдят, машут руками. Подошел Простачок к толпе и увидел двух тяжущихся: жалобщика и ответчика, обиженного и обидчика.

— Что тут у вас случилось? — спрашивает Простачок. — О чем спорите? Может, я вам и помогу.

— Дело такое, — объясняет ему один старик. — Вот эти два мужика, что держат за повод коня, обвиняют друг друга в воровстве. А дело было так: наш сосед вчера на ярмарке в городе купил коня, а сегодня поймал на нем в своем хлеву вот этого цыгана. Цыган божится.

что это-де его собственный конь, что он сам его выходил и ездил на нем шесть лет, а неделю назад у него, мол, украли этого коня. И вот сегодня он будто бы нашел своего коня у этого мужика в конюшне и взял как своего, да еще соседа моего обвиняет в конокрадстве. Как их рассудить?

— Шила в мешке не утаишь, сейчас дело выведем на чистую воду, — сказал Простачок и закрыл полой своей сермяги голову коня. — Ну, цыган! Вот ты узнал своего коня в чужом хлеву. Раз ты его сам выходил и шесть лет у себя держал, отвечай, только говори сразу, без запинки: на какой глаз он косит?

— На какой глаз, спрашиваешь?

— Да, да! Сразу отвечай, а если не сможешь — значит, конь не твой.

— Неужто я не скажу, пан хороший! Только мой конь чуть-чуть косит, а видит хорошо.

— Неважно, чуть-чуть или здорово, а ты говори, на какой глаз, и не крути, а то проиграешь.

— На правый, милостивый пан!

Простачок приоткрыл полу и показал всем правый глаз. Все увидели, что глаз вовсе не косит.

— Ох, пан хороший, ведь я ошибся, — застонал цыган, махнув рукой и ударяя шапкой о землю, — ох, как же это я ошибся?! Да ведь конь о четырех ногах, и то спотыкается. Чего же удивительного, если язык иногда не то ляпнет, что думает голова? Да он косит на левый глаз, конечно, пане, на левый!

Простачок совсем отдернул полу и объявил:

— Врешь, цыган! Бессовестно врешь! Это хозяйский конь, а ты конокрад. Смотрите, у лошади вовсе глаза не косят.

Цыган понял, что попался на удочку, и хотел задать стрекача, но его изловили и связали.

Все благодарили Простачка, угостили его, да еще на дорогу кое-чего дали.

КАК ПРОСТАЧОК ДВАЖДЫ
ОВВЕЛ ОХОТНИКА ВОКРУГ ПАЛЬЦА

Проголодался Простачок в пути и решил подкрепиться кашей. В это время он как раз подходил к лесу. Ну что ж, разложил Простачок костер, подвесил котелок с кашей над огнем, она живо и разогрелась.

Только хотел приняться за горячую кашу, видит — далеко в поле по свежему снежку скачет на коне охотник, за охотником — егерь с борзыми. Это был помещик из соседнего имения, известный скряга и притеснитель своих крестьян. Узнал его Простачок и решил сыграть с ним шутку.

Снял котелок с огня, поставил на пень, что из снега торчал. Костер затоптал, засыпал снегом. Встал лицом к полю, подбоченился и давай прыгать вокруг пня и напевать:

Я скачу, пою у пня,
Варю кашу без огня.
Эх, эх, смех — не грех:
Угощаю кашей всех!

— Что это там мужик выделывает? — обратился пан к егерю. — Ну-ка, узнай.

Поскакал егерь и, вскоре вернувшись, доложил, что какой-то шалопут на старом пне без огня кашу варит.

Не поверил пан егерю. Подъехал к кашевару и в самом деле видит: стоит на пне котелок с такой горячей кашей, что страшно и в рот взять.

— Слушай, мужичок, — обратился охотник к Простачку, который аппетитно уплетал дымящуюся кашу. — Для охотника такой котелок, что кашу сам без огня варит в чистом поле или в глухом лесу, — цены не имеет!.. Научи-ка меня этой премудрости, я тебя награжу щедро...

От слов — к делу, и пан за большие деньги купил чудесный котелок. Простачок научил пана, как надо прыгать и что напевать, деньги спрятал в кошелек, поклонился и без оглядки зашагал большаком.

Вернулся охотник домой, не терпится ему показать всем удивительную штуку. Собрал он своих гостей, жене велел захватить все, что нужно для каши, и отправился

в поле, и через полчаса компания стояла у того же самого пня. Пан спросил:

— Господа! Может быть, вам угодно отведать чего-нибудь горячего? Я нарочно пригласил вас сюда, чтобы сделать приятный сюрприз. На этом пне я сейчас сварю вам кашу.

Поставил он котелок с крупой на пень, заправил салом, посолил, насыпал снегу, повернулся к гостям, подбоченился и давай прыгать вокруг пня да выкрикивать:

Я скачу, пою у пня,
Варю кашу без огня,
Эх, эх, смех — не грех,
Угощаю кашей всех!

Гости с недоумением смотрели на пана и терялись в догадках, что это значит.

Танцор весь взмок и охрип от прыжков и пения на морозе, но когда он оглянулся и увидел, что котелок не кипит, то еще усерднее запрыгал и заорал припевку сильным голосом. Встревоженная жена подумала, что ее благоверный рехнулся. Подбежала к нему и схватила за руку, пытаясь удержать от чудачества, но он оттолкнул ее. Она кинулась к гостям, умоляя их остановить мужа,

чтоб не схватил он от пляски на морозе воспаления легких.

Вмешались гости, и обман выяснился. Одураченный пан опомнился. Вскочил на коня и понесся догонять Простачка.

Но тот уже смекнул, что может быть дальше: как услышал топот копыт, поднял с дороги палку и забросил на лицу. Вывернул наизнанку полушубок и шапку, скривил нос в одну сторону, а рот — в другую, сморщился, зажмурил один глаз, подогнул ногу, встал под липу и хнычет.

На взмыленном коне подскакал к нему охотник, посмотрел и, не узнав шутника, спрашивает:

— Ты не видел, проходил здесь мужик в новой шубе и бараньей шапке?

— Еще бы не видеть, папе! — плачущим голосом ответил Простачок. — Он, разбойник, попал на меня, несчастного калеку, вырвал костыль и вон куда закинул, а сам как угорелый побежал дальше. Пан его мигом догонит. Сделай милость, папе, пожалей старика, достань мой костыль с дерева. Без него мне смерть! А негодяй все равно никуда не уйдет.

Спрыгнул охотник с коня, бросил поводья мнимому калеке, а сам стал карабкаться на дерево.

Этого только и ждал Простачок. Увидел, что пан залез высоко, вскочил на коня, подобрал поводья и стрелой помчался по дороге. Скорехонько скрылся от обалдевшего охотника.

Дом папа стоял у дороги. Простачок осадил коня у ворот, пустил его на панский двор, а сам узкой тропинкой через лес пошел дальше.

Вот так два раза посмеялся мужик над паном. И от мести его ушел и показал, что он не вор.

«СВИНЬЯ НЕ КОЗА,
А ДУБ НЕ БЕРЕЗА»

Вернулся домой Простачок, отдохнул от долгого пути. А тут и праздник подошел. Запряг он свою лошаденку, взвалил на телегу откормленного борова и поехал в город на базар.

Стоит около своего воза и ждет покупателя.

Вдруг откуда ни возьмись — четверка лихих коней, запряженных в бричку, а в ней сидит, развалясь и подбоченясь, какой-то ясновельможный, а может, и просто вельможный пап; в зубах — сигара, бичом хлопает, как из пистолета стреляет, давит бедных мужичков, что с дороги не успели убраться. Остановился перед возом Простачка и кричит:

— Эй ты, хам! Не слышать ли тут пшеницы?

Обиделся Простачок на грубость пана и ответил:

— Пшеницу никогда никто не слышал и не услышит. Добрые люди ее видят в зерне, а едят в пирогах. А что я мужик, или хам, как ваша милость сказала, так я на то не в обиде. Вы — паны, баре, а мы — мужики, хамы, но что мужик на дорогу бросит, то барин в кармане носит. Так-то оно!

— Врешь! — заорал пан.

— Нисколько! Вынь, пане, носовой платок из кармана, разверни и скажешь, что правда.

Побагровел пан от гнева, решил проучить дерзкого мужика:

— Что продаешь?

— Свинью, пане.

— Лжешь, хам, это коза! — заорал пан, да как ударит Простачка по щеке — у того только искры из глаз посыпались. Но мужик виду не подал, поклонился пану с улыбкой и говорит:

— Теперь я твой должник, пане. Втройне тебе отплачу.

Продав Простачок свинью, вернулся домой, но обещания своего не забыл.

Через неделю нарядился мастеровым, взял аршин под мышку и отправился в путь.

Пришел в корчму, что была поблизости от имения того помещика, и говорит важно:

— Слушай, хозяин! Есть у тебя добрый мед, хоть по рублю за бутылку?.. Как выпьешь хорошего медку, так и работа спорится, а дело-то у меня не какое-нибудь — я мельницы строю.

— Что я слышу?! Вы мельничный мастер?

— Он самый! Прошлым летом две водяные и один ветряк поставил. Знаешь, сколько денег огреб! Вот и хочу доброго медку испить.

— Какая удача! Я вас порекомендую нашему пану Миките, он хочет строить мельницу, а мастера не найти. А уж вы меня за это отблагодарите! Сейчас побегу к нему...

— А как же, приятель, еще как отблагодарю! Поставлю мельницу — в твоей корчме половину заработка пропью.

Корчмарь со всех ног бросился к усадьбе и через несколько минут прибежал звать мнимого мастера к помещику.

Пан Микита Простачка не узнал, договорились на крыльце и сразу в тарантасе поехали в лес выбирать подходящие деревья для мельницы.

Проехали с версту. Пан указывает на дуб:

— Вот этот дуб, верно, годится на главный вал?

— Да разве это дуб? Это береза!

— Ты что плетешь?

— То же, что и пану случается!

Помещик подумал, что мастер пьян и потому песет ахинею. Поехали дальше.

Увидели другой дуб, еще больше первого.

— Если тот тебе не подошел, так этот, наверное, как раз будет?

— Смерю — узнаю, подойдет ли. Эх, беда, пане, ведь я аршин на крыльце забыл. Что же делать? Давай как-нибудь по-другому смерим. Становись к дубу и обхвати ствол, насколько сможешь, а я с другой стороны то же сделаю, и все будет в порядке.

Пан и рад стараться: обхватил дуб, сколько мог. Простачок зашел с другой стороны, надел ему веревочные петли на руки, затянул и быстро связал концы в узел. Подошел к пану, поглядел в лицо и закричал:

Свинья не коза,
А дуб не береза!

Оторопел пан, смотрит на мастера и вдруг узнал в нем того мужика, которому он дал оплеуху на ярмарке. А Простачок выломал наскоро дубинку, да и отвесил пану десяток горячих, хоть тот и грозился и прощения просил. Напоследок сказал Простачок пану:

— Ну что, теперь меня вспомнил? Это тебе за пощечину. Обещал тройне отдать — и отдам: сегодня разок побил, а два останутся за мной. Пока до свидания.

Повернулся и скрылся в лесной чаще. А пан, привязанный к дереву и избитый, до самой ночи простоял, пока проезжающие мимо мужики не освободили его.

Через несколько дней после этого случая взял Простачок у брата, что в усадьбе служил, черный фрак, жилет — словом, все то, в чем обычно ходит доктора. Переоделся, научил сына-подростка, что ему говорить, запряг лошадь в бричку и отправился в знакомую корчму. Подкатили к шинку с шумом и гиканьем.

— Эй, корчмарь! Живо шампанского! — прикрикнул мнимый доктор, входя в комнату.

Удивился хозяин: не слыхивал он таких приказов за все время, как корчму содержал, бросился во двор и спрашивает кучера-подростка:

— Что это за пан?

— Какой там пан, — грубо отвечает парень. — Это знаменитый лекарь. Я двадцать верст за ним гнал. Приехал он, поглядел, дал что-то понюхать моему пану, и болезнь как рукой сняло, а было уж все доктора от него отступились. Пока сюда ехали, всех больных по пути на ноги поставил. Прямо-таки чудеса! Ну, конечно, и денежки ему сыплют не жалея.

Корчмарь смекнул, что к чему, и сразу же к доктору:

— Не угодно ли, ваша милость, меня выслушать: сказали мне, что вы знаменитый доктор. Очень прошу вас обождать здесь, пока я изведу пана о вашем приезде. Он уже несколько дней хворает. Если вылечите его, он за деньгами не постоит, а вы и меня, бедного, не забудьте наградить!

— А чем твой пан хворает?

— Боюсь и говорить! Уж вам по секрету скажу: на днях нашли его в лесу привязанным к дереву. Я посоветовал ему мастера по мельницам, поехали они лес смотреть, а черт схватил мастера и уволок. А пана нашего к дубу привязал: вот он с перепугу и заболел.

Помчался корчмарь в именье, а вскоре явился управляющий просить доктора к пану Миките.

Вошел доктор в комнату больного, окошки велел занавесить, чтобы свет не беспокоил папа. Остановился у постели, пощупал пульс больного и измененным голосом просит рассказать причину болезни.

Пан Микита сказал, что подымался он по лестнице на верхний накат амбара, да поскользнулся и упал, а спиной угодил прямо на кучу кирпичей и крепко покалечился, да еще с испуга и простуды горячка приключилась.

— Я вас, пане, — сказал мнимый доктор, — живо могу вылечить. Есть у меня мазь на такую болезнь. Только надо бы баню сперва истопить. Можно и ванну, только побыстрее.

— Ванну можно устроить в сушильне, — обрадовался больной. — Это недалеко от дома. Там сейчас как раз топят — лен будут сушить — и ванну мигом приготовят.

Сели пан с доктором в тарантас и поехали в сушильню. Слуга раздел пана, посадил в ванну. Надо бы уже и натирать больного чудодейственной мазью, а мазь дома забыли на столе или на комодке. Послали слугу за мазью и отрубями для припарок. Остался доктор наедине с па-

ном, подошел к ванне, поглядел ему в глаза да как заорет, уже не меняя голоса:

Свинья не коза,
А дуб не береза!

Рванулся пан как ошпаренный, стал кричать и на помощь звать, но Простачок прижал его одной рукой, вынул из-за пазухи плеть и отсчитал пану двадцать плетюганов, хоть тот и деньги ему предлагал. Потом собрался Простачок уходить и говорит пану:

— Ну вот, видишь, как хам свое слово держит. Два раза тебя побил, будь спокоен, и о третьем не забуду. До свидания!

Свернул скорее в лес и в назначенном месте нашел сына, который ждал его. Уселись они в бричку, выехали на дорогу и без приключений добрались домой.

Месяц спустя в соседнем местечке подошел ярмарочный день. Потянулись на ярмарку местные жители, одни купить или продать что-нибудь, другие — в костел.

Пан Микита поправился, но полученный дважды урок не забыл: спеси да горячности в нем поубавилось.

Простачок своим мужицким разумом смекнул, что пан поедет на ярмарку, и сам тоже стал собираться.

Выехал Простачок вместе с братом, который на него очень похож был.

Подъехали к мосту, где должен был проезжать пан Микита на ярмарку. Брату велел Простачок верхом на коне ждать пана, научил, что говорить и делать, а сам нарезал крепкой лозы и спрятался под мостом.

Через четверть часа послышался конский топот и показалась бричка. Брат Простачка узнал пана Микиту, поставил коня поперек дороги, глянул в лицо пану, прыснул от смеха и заорал:

Свинья не коза,
А дуб не береза!

И сам — наутек от дороги.

— Гей, Андрюха, Филька! — взревел пан на лакея и кучера, горя жаждой мести. — Руби постромки, скачите за хамом. Поймать во что бы то ни стало и сюда привести, а не то заporю!

Кинулись лакей с кучером в погоню, а мужик, как заяц, по тряскому лугу на коне несется.

Вот один удирает, двое за ним гонятся, а пан сидит в бричке на мосту. Тут из-под моста вылез Простачок с пучком прутьев, посмотрел пану в глаза да как крикнет:

Свинья не коза,
Дуб не береза!

И начал обхаживать пана по бокам, да так, что на том модный фрак затрещал по всем швам. Волком воет пан, кличет слуг. Потом понял, что никто не выручит, и дал клятву никогда и никого не обижать, в каждом крестьянине видеть ближнего брата, а за три преподанных урока не только не мстить, но и щедро уплатить. И в подтверждение своих слов высыпал мужику горсть золота в подставленную шапку. Простачок раскланялся с ним и говорит:

— Вот мы и квиты, пан Микита!

Пересыпал деньги из шапки в кошелек, повернулся и сразу скрылся в зарослях.

Вернулись слуги с пустыми руками, а пан велел ехать уже не в город, а домой. С этих пор и пошла по свету поговорка: «Вот мы и квиты, пан Микита».

СЛОВО — СЕРЕБРО,
МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО

Всегда выручала Простачка его мужицкая смекалка, из любой беды он выкручивался, не одного шалопая и пустозвона научил уму-разуму, а вот свою жену, которая не умела язык за зубами держать, долго не мог образумить.

Как хорошего хозяина и мудрого советчика, Простачка все уважали и любили, поэтому и молодая жена его была у людей в почете. А она-то и вообрази, что это ей обязан муж почетом. Мало того, что была она большой охотницей лясы точить, любой секрет, бывало, выболтает соседкам, а тут еще стала зазнаваться. А ведь известно, что от зазнайства до глупой спеси, а затем до ссор и раздоров совсем рукой подать.

Печалился Простачок, думая об этих пороках своей как-никак дорогой ему супруги. Давно собирался он вы-

лечить ее от глупостей, и план был обдуман давно, но лекарство было уж очень горькое, а жену свою Простачок любил всей душой. Все не мог он приступить к делу и, может быть, еще откладывал бы «лечение» со дня на день, если бы не случай...

Пахал он однажды пар и лемехом зацепил за что-то твердое. Разгреб землю и увидел железное кольцо. Глубже разрыл яму — видит: железная шкатулка. Приподнял крышку, а там полно золотых монет.

Сначала он обрадовался, а как подумал, что одному клад домой не снести и придется жене рассказать, запечалился. Знал, какой язык у нее: все готова разболтать кумушкам и соседкам.

Долго стоял он в раздумье. Потом снова засыпал землей клад, камнем отметил место, ближнюю борозду поглубже пропахал и после обеда приехал домой на волах.

Долго с братом обсуждал он задуманный план, а потом пришел домой. Сел рядом с женой, повесил голову, будто размышляет о чем.

— О чем задумался? — спросила жена.

— Как же не задуматься, когда господь бог нам послал счастье, да боюсь, что не сладим мы с ним.

— Какое ж такое счастье бог дал, что нам с ним не сладить?

— Счастье это — клад, что я сегодня на пашне нашел. Да попробуй возьми его — ведь ты все разболтаешь. Люди узнают, барину донесут, ну и придется распрощаться с кладом. Не слушаешь моих советов, никак не вбить тебе в голову, что слово — серебро, а молчание — золото.

— Ах, муженек! Неужто я себе враг? Да пока жива буду, никому ни полсловечка не скажу, хоть ты меня режь на куски! А большой клад? Где ты его нашел?

— Если никому не проболтаешься, то сегодня ночью вместе пойдем через рощу и луга на наше поле и принесем клад домой. Одному мне его и с места не сдвинуть. Но только помни: чтоб никому ни гугу. Узнают, клад отнимут, да и наше отберут — почему, мол, о находке не сообщили куда нужно?

Жена еще раз побожилась, что будет молчать как рыба, и муж ей вроде поверил.

Как только засветил месяц, взял Простачок лопату, и пошли они с женой узкой тропинкой на свое поле, до которого было версты полторы-две.

Вот идут они молча, жена впереди поспешает — уж очень ей не терпится клад увидеть. Вдруг увидела она вдали огонек и дым костра, остановилась и спрашивает мужа:

— Что это за костер?

— Это наш эконо́м с женой тайком пекут панского поросенка и гусей, — ответил Простачок.

— Что же, не могли они это дома сделать?

— Конечно, не могли: запах горелого пера и щетины выдал бы их злое дело. Ты иди, не верти головой, не то споткнешься да упадешь.

— С чего бы это я упала? На дороге коряг нету.

— Ты не знаешь, что у вересковых кустов около тропы капканы на зайцев пан ставит. Настунишь, вот будет дело.

— Может, уже попался какой, а? Наутро было бы жаркое.

— Вон в том кустике налево всегда стоит петля. Хочешь — загляни. Только не бери: чужое.

Побежала жена к кусту, посмотрела и кричит:

— Муженек! Беги сюда.

— Тише... Ну что там такое?

— В капкане щука, смотри, еще живая! Как она сюда пришла? Ведь до речки шагов пятьсот будет.

— Как пришла? Чего тут хитрого! Те паны, которые с нечистой силой якшаются, имеют такие снасти и знают такие волшебные слова, что не только рыба в капканы на суше попадает, а даже звери в вентерю лезут и в сети сигают...

— Неужели правда? Первый раз слышу.

— И не диво: много ли ты жила на свете? Не веришь, осмотри вентерь. Его пан у берега около камня ставит.

Жена — туда вприпрыжку. Заглянула в вентерь и закричала:

— Ах, и правда! Смотри, в вентере заяц сидит, да так и бьется, бедняжка.

Простачок подошел, высвободил зайца, а тот как даст стрекача, только брызги по сторонам.

— Ах, какой ты! Зачем отпустил зайца? Держал бы крепче! — укорила его жена, глядя, как удирает заяц.

— Пусть себе бежит. За панского зайца волком не считаешься. Пойдем быстрее, а то уж скоро полночь наступит.

Идут дальше. Вдруг жена наступила ногой на что-то мягкое. Нагнулась и видит на земле оладьи. Подобрала их. Только шагнула — лежит пирог, за пирогом — опять оладьи, за оладьями — опять пирог.

— Что же это такое, муженек? Откуда здесь пироги и оладьи?

— И этого не знаешь? Сегодня вечером проходила здесь туча с оладьями и столкнулась с пироговой тучей. И просыпались на землю пироги да оладьи.

— Ах, муженек! — завопила вскоре жена, войдя в лес. — Иди сюда скорее! Смотри, плетень из колбасы!

Подошел Простачок и видит: поперек дороги стоят кольца, к ним жерди прибиты, а на жердях висят колбасы.

— А чему ты удивляешься? — говорит он жене.

— Как чему? Да где это слыхано, чтобы в лесу делали плетни из колбасы?

— Наш пан и не такое может придумать. А колбасный плетень он поставил для того, чтобы по ночам никто в лес не ездил и дрова не воровал. Перелезай осторожней! Не трогай колбасу и ступай быстрее.

Опять пошли они, а как стали из лесу выходить, вдруг послышался какой-то крик, вроде баран блеет.

— Ты слышишь? Что это такое?

— Тихо! Не говори громко. Это нашего пана черти на трясуцей осине бреют. Кто с чертями знается, других брадобреев не признает.

Пришли на вспаханное поле. Откопали шкатулку с золотом. С замиранием сердца взяли ее за ручки, подняли и понесли домой. Ушла жена в хату, а Простачок забрал шкатулку и спрятал ее в укромном месте, а жене сказал, будто на гумне зарыл.

Целый день ходила баба сама не своя, так ее и подмывало с кем-нибудь поделиться секретом. Наконец не выдержала, тайком побежала в село и самой задушевной куме под строжайшим секретом все выложила.

Не прошло и часу, как тайна о найденном кладе стала известна всей деревне. Каждый прибавлял от себя к услышанному, и вечером дошло до пана, что Простачок

нашел десять шкатулок с золотом, а пока таскал их домой, надорвался и захворал.

На другой день позвал барин Простачка с женой и, сидя на крыльце, спрашивает:

— Это правда, Простачок, что ты позавчера клад откопал?

— Откуда ж это такой слух? — притворно удивился Простачок.

— Не отпирайся, твоя жена сама всем рассказала.

— Я и не удивляюсь! У нее в башке блажь какая-то сидит, иной раз ляпнет что-нибудь и такую кашу заварит — мне и вовек не расхлебать. Просил я ее по-хорошему не болтать глупостей — ничего не помогает. Будьте добры, пане, прикажите эконому дать ей десяток плетей — может, очухается, а я спасибо скажу.

— Что? Это мне-то плетей?! — заорала в гнев жена Простачка. — Коли так, то я всю правду расскажу! Верно говорю, что муж позавчера нашел шкатулку, я сама тащила с ним ее до гумна. Он там ее и закопал!

— Пошлите, пане, на наше гумно людей. Пусть пощут, за полчаса все и дознаешься.

Посланный эконом с людьми вскоре вернулся и объявил, что перекопали все гумно и ничего не нашли.

— Так ты надо мной шутить вздумала? — закричал пан на бабу.

— Да что вы, пане? Он где-то ее спрятал, шкатулку-то. Возьмите его в оборот, так небось признается!

— Ну вот, посмотрите, пане, сколько зла и лжи в этой бабе! Стоило бы ее проучить за это.

— Не верь ему, пане, — заверещала разъяренная жена. — Как меня видите живой, так и шкатулку с деньгами мы нашли. Да этой ночью, когда, помните...

— Какой ночью? — спросил помещик.

— Той самой, когда над лугами проходили тучи с пирогами и оладьями. Я целый подол набрала их с земли!

— Что она городит, Простачок?

— Видите сами: чушь порет, и все!

— Сам ты чушь несешь! Забыл, что ли? Да той ночью, когда щука попала в капкан в вересковом кусту!

— Когда, когда? Да опомнись ты! — сказал Простачок.

— Ага! Вот тебе и когда! Подожди, еще не то запоешь! Разве не ты зайца из панского вентеря в омуте выпустил? Ага, забыл?

— Может, еще что сгородишь?

— Сам ты сгородишь! Разве не перелезали мы через колбасный плетень, который пан помещик поставил в лесу, чтобы у него дрова не крали?

— Баба от злости хочет мужа оболгать, не иначе, — шепнул эконому на ухо пану. — Прикажете, пан помещик, взгреть ее хорошенько плетями — может, и одумается.

— Не слушай, пане, своего эконома! И он хорош: я в ту ночь своими глазами видела, как они с женой господских гусей и поросят жарили на костре.

— Ну, теперь и я вижу, что баба рехнулась, — захотал помещик. — Или уж столько злости в тебе, что кто тебе поперек слово скажет, так ты того готова в ложке воды утопить. Да знаешь, мой эконому всю неделю в городе пропадал по делам и только сегодня утром приехал домой?

— Может, и не он, а кто другой, да сам пан, наверное, помнит эту ночь.

— Я? С какой бы это стати?

— Да с той стати, что в ту ночь пана... Боюсь говорить, а то пан рассердится...

— Не рассержусь, говори смело, только правду.

— Пана помещика тогда ночью черти брили на трясучей осине.

— Ну и баба, ну и баба! Даже меня приплела! Иди, Простачок, домой, а тебя, эконому, прошу всыпать ей двадцать плетей и домой отправить.

Через полчаса явилась жена Простачка домой с плачем. Несколько дней она на мужа и глядеть не хотела, но потом все-таки рассудила здраво, что сама была виновата, а муж сохранил деньги, которые им самим и детям их пригодятся. Сменила она гнев на милость да такой хорошей стала — прямо не узнать. С кумушками, как прежде, не болтала, мужнин наказ сама усвоила и детям стала повторять: «Слово — серебро, а молчание — золото».

Один мужик по имени Мацек приторговал на ярмарке коня. Очень хотелось ему кушать этого коня, да не хватало одного гроша, а цыган, что продавал коня, никак не уступал. Вот и пришлось Мацеку просить в долг этот грош у своего знакомого, кума Яцека из соседней деревни.

— А когда вы мне этот грош отдадите, Мацек? — спрашивает Яцек.

— А на рождество отдам, — отвечает Мацек.

Кум одолжил ему грош. Мацек коня купил, и оба вернулись, каждый к себе домой.

Настало рождество, Яцек не забыл про долг и отправился за своим грошом. Мацек видит уже издали, что кум спускается к деревне с ближнего пригорка, бежит во весь дух к жене и, запыхавшись, ложится скорей босой на лавку в чулане и просит жену сказать Яцеку, что он помер. Вот пришел Яцек, а кума рассказывает ему про смерть мужа.

— Где же тело? — спрашивает Яцек. — Хотел бы я еще раз взглянуть на покойного, пока не похоронили.

Мацекова жена ведет кума в чулан и показывает ему на покойника, который лежит на лавке.

— А ведь вы же, кума, — говорит Яцек, — забыли ему помыть руки и ноги, вои какие грязные!

И, не долго думая, схватил бадью с холодной водой и выплеснул ее Мацеку на ноги. Тот ахнул и весь скорчился.

— Ага! — говорит Яцек. — Это вы так-то померли? Теперь отдавайте долг, я пришел за своим грошом.

— Простите, кум, — отвечает Мацек, — нужда заставила так поступить, не было гроша, чтобы вернуть долг.

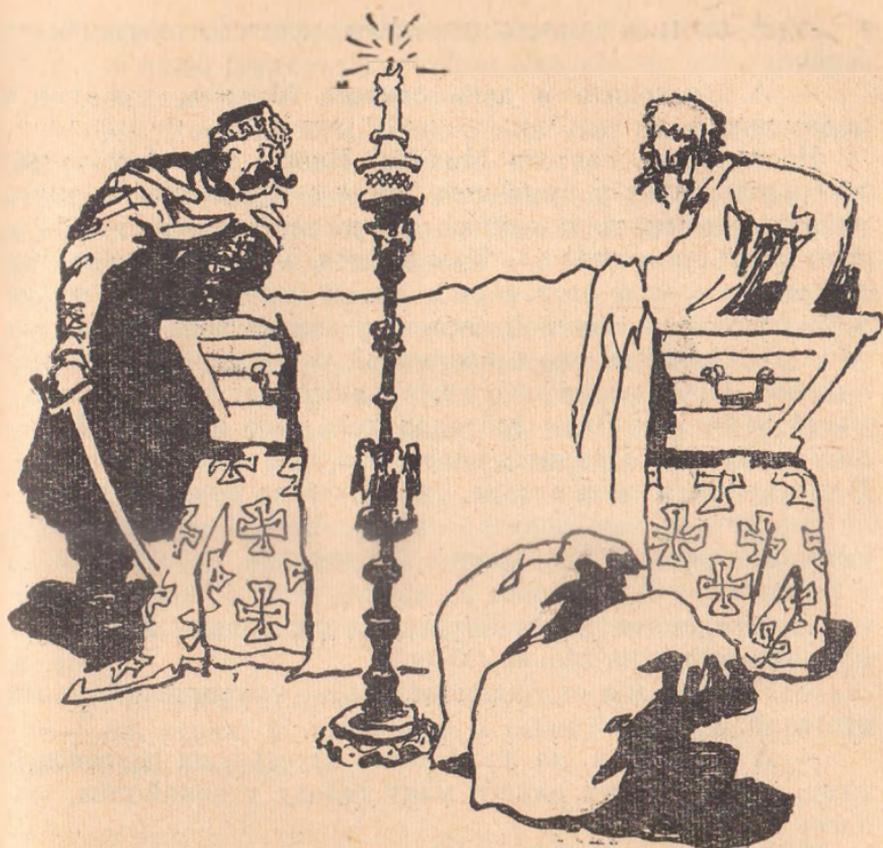
— Когда же отдадите? — опять спрашивает Яцек.

— А придите, кум, на святого Яна, — отвечает Мацек.

Вот наступил святой Ян. Снова отправился Яцек к Мацеку за своим грошом. А тот ждал уже, что придет кум за долгом, и говорит жене:

— Теперь нужно получше притвориться.

И велел отнести себя в гробу на кладбище и опустить в могилу, а сверху яму прикрыть досками, чтобы потом

можно было выбраться. Когда Ядек пришел, кума и говорит, что мужика-то ее уже и на кладбище отнесли.

— А покажите мне, дорогая кумушка, то место, хоть молитву прочту над покойником — (а сам уж он обо всем догадался).

И отправился на кладбище, а когда подошел к могиле, давай топать ногами, скакать вокруг, ветки ломать и кричать: «гу-гу, бу-бу», как будто бык бегаёт и мычит. А тут из могилы голос:

— Держи его, Каська, а то еще этот бык доски провалит!

— Ага, это вы так померли, кум? — говорит Ядек, подходит к могиле и заглядывает в яму.

— Эй, вы меня опять перехитрили, кум, — говорит Мадек. — Но что же поделать? Надо было снова хитрить — не нашлось гроша.

— А когда ж таки вы мне его отдадите? — спрашивает Яцек.

— А приходите в день святого Михала, тут уж я верну долг.

Настал день святого Михала. Вновь подошло время требовать Яцеку у кума долг. Знал о том Мацек и опять решил прибегнуть к той же хитрости, так как гроша у него снова не оказалось. Кум явился, а жена Мацека ему говорит, что муж ее теперь в самом деле помер и лежит в брошенной деревянной часовне у самого леса. Яцек сказал, что хотел бы еще в последний раз посмотреть на покойного. Кума показала ему, куда надо идти. А было то место далеко, и Яцек добрался туда уже затемно. Подошел к часовне и видит в щель, что там лежит покойник. Вот прокрался он в алтарь, спрятался за ризницу и оттуда смотрит, не зашевелится ли покойник. Вдруг из ближнего леса выходят разбойники — один, два, десять, зажгли в часовне свечи и начали на лавках делить деньги и разное наворованное добро. Когда уже все поделили, видят — осталось еще одна только сабля.

— Как же мы ее будем делить? — спрашивает самый старший.

— А ее никак не разделишь. Пусть она достанется тому, кто отрубит с одного маху голову у покойника, что здесь лежит.

Только дело это было нелегкое: один боялся покойников, другой суеверный оказался, а третьему не по душе была такая резня. Словом, никто не хотел, и только один, последний, решился на это. Вот берет он саблю, идет к гробу Мацека и уже примеряется, чтоб отрубить голову. Тут вдруг покойник срывается, садится в гробу и кричит во все горло:

— Эй, проклятые грешники, все сюда, на помощь!

А Яцек, который хоронился в алтаре, как начнет тут греметь и стучать, как начнет бить кулаками в гнилые доски! Разбойники услышали все это, перепугались до смерти, побросали всю добычу — деньги, серебро и ворованные вещи — и что было духу пустились наутек.

Только разбойники убежали, вышел Яцек из укрытия и здоровается с Мацеком, а Мацек ему и говорит:

— Вот видишь, кум, хватит тут нам с тобой обоим, если поделиться всем этим добром, что здесь лежит,

И поделились как могли поровну драгоценностями, а Яцеку в долю досталась и сабля. Под конец Яцек говорит (он про тот грош не забыл):

— Ну, хорошо, кум, однако мне еще грош с вас причитается.

А в это время один из разбойников, который был немного похрабрее других и любопытнее, воротился потихоньку, подобрался к часовенке и решил посмотреть, что там в ней делается. Просунул голову в шапке между досок и глядит, как те двое делятся уже остатками сокровищ; решил он, что это последние два грешника, а остальные духи уже убралась. Мацек посмотрел в сторону и увидел разбойника в шапке. И как Яцек потребовал, чтобы он тотчас грош ему возвратил, Мацек прыг в сторону, хватъ шапку с головы разбойника и бросил ее в Яцека:

— На! Вот тебе шапка, что я еще добыл, возьми ее за тот грош.

А разбойник перепугался, убежал снова в лес к своим и говорит:

— Эй, знаете, сколько там этих грешников-покойников — аж страх! У меня еще и шапку сорвали, а я сам едва унес голову.

95. СОВИЗДЖАЛ-ОРГАНИСТ

Как-то во время охоты споткнулся конь под паном помещиком. Вельможный пан вывалился из седла; и хоть честь его пострадала, сам он остался цел и невредим. По этому случаю соорудил он на месте происшествия церковку, посадил в ней плебана. Прирезал ему пару загонов плохонькой земли: кое-как принимались на ней лишь картошка да жито. Вот и жил святой отец только что на людские подаяния. А подносили прихожане своему пастырю немного — помещик сам все вытягивал из них. Нужда часто заглядывала к пастырю. Не диво, что плебан сам звонил в колокола, а управлять с органом уговорил Совизджала. Ни один настоящий органист не позарился бы на его хлеба.

Близился праздник отпущения грехов. Все окрестные ксендзы должны были приехать к плебану. По обычаю, надо было принять гостей как полагается. И сам плебан не прочь был съесть кусок мяса. Но вот беда — откуда его взять? На лесных прогалинах паслась у него одна корова-кормилица, да три курицы бродили по двору.

Закручинился приходский пастырь, ничего не мог придумать. Каждому, кто ни заглянет к нему, жаловался на свою бедность и уж напоследок излил свою печаль органисту:

— Отпущение, годовой праздник. Принять по-убогому — посмешище, совсем не принять — срамota. И бог косо смотреть будет, и люди будут кости перемывать.

Совизджал выслушал, нюхнул табаку и говорит:

— Хм, от заботы не разбогатеешь. У коня голова большая — пусть он и печалится. Мой совет такой: в имении хватает скотины. Пойду ночью, выведу из хлева нетель. Будет отпущение как полагается.

— А если поймут? — заколебался плебан.

— Хо-хо! — ответил Совизджал.

И столько было в том «хо-хо» веры в себя и убежденности в успехе предприятия, что святой пастырь лишь рукой махнул.

— Иди, — сказал он. — Как бог даст! А я буду молиться...

Ночь была темная, хоть глаз выколи. Подкрался Совизджал к помещичьим дворам, отвел в лес нетель, зарезал и быстро освежевал, а требуху оставил лисам. Перетачил мясо в приходский дом, не забыв при этом и себя грешного. Легли спать органист и плебан в превеликой радости, что затея удалась.

Утром грохнула по деревне весть о краже нетели с господского двора. Долетела она и до приходского дома. А было как раз воскресенье, и помещик велел плебану огласить с амвона о мерзком преступлении. И тут же пообещал награду тому, кто откроет наглого вора.

Ксендз кончил проповедь, прочитал по бумажке, кто женится, а кто помер. Под конец упомянул о краже:

— Если кто-нибудь из вас знает вора, пусть скажет! — И посмотрел сурово в лица верующих, возносивших к нему преданные взоры.

И только он сказал это, Совизджал в ту же минуту с хоров:

— Я, святой отец, знаю!

Весь честной люд повернул головы к хорам, удивляясь, откуда это органист знает о краже. Плебан перетрусил на амвоне. «Так мне и следует! — подумал он. — Еще куска мяса не проглотил, а оно уже встало мне поперек горла. Не иначе, как этот проныра позарился на господскую награду».

Помещик, сидевший на почетном месте за оградой, не очень верил, что вор найдется. Теперь ему полегчало, как услышал слова органиста. Сразу после службы вызвал пан Совизджала в ризницу.

— Так ты, говоришь, знаешь, кто украл петель? — спросил он милостиво.

— Знаю! — Совизджал стрельнул шельмовским глазом на плебана.

— Кто же это?

Органист крикнул и выпрямился.

— Это было, ясновельможный пан мой, так. Подходит отпущение. Вот-вот съедутся на деревню гости в сутанах. Святой отец наш и жалуется мне: «Совизджал, братец, кусочка мяса на обед нету». Тогда я говорю: «Пойду на усадьбу, святой отец, украду телочку. Пану помещику это ничего — он богатый, а ты, благодетель наш, с честью справишь обязанности хозяина». «Иди! — сказал на это святой отец. — Скуп помещик, пусть хоть таким способом участвует в устройстве праздника».

«Проклятый изменник! — задрожал в душе священник, слушая признания органиста. — Miserere mei, Domine!»¹

А Совизджал как ни в чем не бывало продолжал:

— И вот пошел я ночью за телянком. Повезло — никто не видел... Разделили мы мясо со святым отцом ксендзом по справедливости. Вот только как дошло дело делить требуху, никак не могли прийти к согласию. Я и говорю пану плебану: «Давай ухватимся за кишку зубами каждый со своего конца и потянем! Сколько кому оторвется — то его». Схватили мы зубами кишку и тянем каждый в свою сторону. У ксендза зубы крепче: как потянул — кишка оборвалась и так хлестнула мне по роже, что я проснулея.

---

¹ Пощади меня, господи! (Лат.)

— Так тебе все только приснилось про кражу? — вскричал помещик.

— Приснилось. А как же иначе? — отвечает Совизджал.

— Дурень! Ты что, потешаться надо мной вздумал? — завопил помещик, поднял кулак и, если бы не святое место, ударил бы зубоскала.

Как ошпаренный вылетел вельможный пан из ризницы. Не показался он и на праздничной трапезе. А плебан с гостями откушали спокойно. И Совизджал им помогал, как мог.

96. КАК МУЖИК НАУЧИЛСЯ ВОРОВАТЬ

Работал один мужик на пана и обнищал так, что уже и есть было нечего. Вот пошел он из деревни в лес, снял свой полушубок, повесил его на сосну и стал подбираться к нему так осторожно, как вор, который хочет что-то украсть. В это время пан ехал мимо. Увидел его и спрашивает:

— Мацей, ты что там делаешь?

Мацей отвечает:

— Да обедрял я совсем, есть нечего. Вот и приходится на старости лет учиться воровать.

— Знаешь что, — говорит пан. — Попробуй украсть нынешней ночью моего жеребца из конюшни. Если сумеешь, получишь сто рублей. Но украсть его надо сегодня же.

— Ладно, пане, украду.

Пошел Мацей к еврею, заложил топор и купил три бутылки водки. Днем отнес их в панскую конюшню. Одну спрятал в сене, что приготовлено было для жеребца на ночь, вторую сунул в овес, а третью под кормушку, в солому, припасенную здесь, чтобы подстлать ее жеребцу под ноги.

А пан поставил троих сторожей стеречь коня: одному велел сесть на него верхом, а двоим — стоять у двери и зорко следить, чтобы Мацей никак не смог его вывести.

Сторожа эти, когда задавали жеребцу сено, нашли бутылку водки и распили ее. Потом давали коню овес — нашли вторую бутылку. Выпили и эту. Стали на ночь подстилать солому коню под ноги, увидели третью бутылку — и эту осушили. Так нализались, что заснули как убитые и не знали, что это все Мацей подстроил.

А Мацей пришел ночью, поднял того сторожа, что сидел на жеребце верхом, пересадил его на забор и вместо поводыев дал ему в руки перевязло. Потом набрал колесной мази, склеил волосами тех двоих, что должны были стеречь вход в конюшню, и увел коня в лес.

Пан как только встал утром — прибежал на конюшню. Не терпелось ему увидеть, там ли его копь. Смотрит — коня и след простыл. Один сторож спит, сидя на заборе, двое лежат у дверей и тоже спят. Он их стал будить, а они со сна кричат:

— Чего ты меня за волосы дерешь? Чего ты меня за волосы дерешь?

Пан давай их кнутом хлестать за то, что не устерегли коня. Потом приказал позвать Мацея и спрашивает у него:

— Это ты, Мацей, жеребца моего увел?

Мацей говорит:

— Вы приказали украсть, я и украл.

— Приведи его обратно, — говорит пан. — И за мной будет сто рублей. — Он вроде как шутил с Мацеем. — А коли хочешь заработать еще сто, укради у меня нынче ночью из комнаты шкатулку с деньгами.

— Что ж, и украду, — отвечает Мацей. — Отчего не украсть?

Пошел он на кладбище, вырыл из могилы труп, принес его под окно панской спальни. Потом подтащил к стене лестницу, выбил стекло кулаком и поставил труп в окне. Пан увидел, подумал, что это вор лезет в дом, и выстрелил в него из ружья. Тут Мацей втокнул труп в комнату, а сам спрятался снаружи под стеной и ждет. Пан позвал слугу, и они вдвоем, крадучись, понесли мертвеца в погреб, чтобы зарыть там. Пока они ходили, Мацей забрался в комнату, схватил шкатулку с деньгами и был таков. Пан вернулся и говорит жене:

— Ну, я его убил, закопал, теперь не придется мне платить ему сто рублей.

Наутро пан встал, смотрит — нет шкатулки! Думает-гадает: что же это значит? Неужели Мацей после смерти шкатулку украл? Плохое дело!

Но скоро пришел живой Мацей и принес шкатулку. Видит пан, что опять проиграл ему сто рублей, и говорит:

— Ладно, раз ты такой ловкач — за мной, значит, будет двести. А теперь, Мацей, укради этой ночью у моей жены перстень с пальца. Тогда выиграешь еще сто рублей, и я отдам тебе сразу все триста.

— Ну что ж, и украду! Почему не украсть? — говорит Мацей.

Пан и пани все окна позапирали и легли спать. Что же сделал Мацей? Пошел, насбирал сухого дерьма, размочил его в воде, потом влез на чердак над панской спальней, провертел сверлом дыру в потолке над кроватью и через нее набросал в постель этого дерьма. Пан и пани ночью проснулись от страшной вони. Не поймут, что случилось, — и вдруг видят дерьмо в постели. Пан винит жену, она — его. Но как быть? Слуг будить неудобно, надо как-то самим с этим управиться. Дело было летом, ночь стояла теплая, а в саду, неподалеку, пруд был. Пан и говорит жене:

— Оставайся тут, а я пойду искупаюсь в пруду. Когда вернусь, пойдешь мыться ты, а я тем временем буду твой перстень держать, чтобы его Мацей не украл.

Пошел он к пруду, снял с себя все, положил на траву и полез в воду. А Мацей тут как тут: подкрался тишком в темноте, надел панский халат и — в дом. Входит в спальню, а пани спрашивает:

— Искупался уже?

Он разговаривать с ней побоялся, только одно слово и сказал:

— Уже.

Пани сняла с пальца перстень, отдала ему и побежала купаться. Она — к пруду, а Мацей с ее перстнем — поскорее к себе в хату.

Подходит пани к пруду и смотрит, а там кто-то купается.

— Кто тут? — спрашивает пани.

— Это я, — отвечает пан. — Ты зачем пришла, не дождавшись меня? Ох, наверно, Мацей уже твой перстень украл!

- Да вон липа у костела.
 — Кому тут ниже всех кланяются, я тебя спрашиваю?
 — Да земле, как хлеб убирают.
 Пан ему говорит:
 — Эй, хлопец, в морду получишь.
 А он отвечает:
 — Получу, так не в морду, а в руки, я ведь не пес.
 — Последнее я тебя спрошу: а часы тут бьют?
 — Нет, — отвечает хлопец. — Только пан здесь бьет, вчера он моему папане крепко всыпал.

98. КАК БРАТЬЯ СЛУЖИЛИ У КСЕНДЗА

Жили три брата: двое умных, третий — дурак. Вот пошел старший к ксендзу батраком. А у того ксендза никто долго не уживался. Парень все-таки нанялся и говорит:

— Ничего, я выдержу.

Ксендз же предупредил его:

— Работай, только смотри, если ты на меня озлобишься, я тебе отрежу нос, а если я — на тебя, то ты мне нос отрежешь.

Дал ему ксендз двух волов, сам же спать пошел. Орал землю работник весь день, а есть ему так и не принесли. Под вечер оставил он волов на поле и приходит в избу. Ксендз его спрашивает:

— Может, ты на меня серчаешь, что не ел весь день?

— Да, уж конечно, сыт по горло такой работой, святой отец.

Ксендз взял и отрезал ему нос, и выгнал его, и денег ему не заплатил. Пришел парень домой, средний брат корит его:

— Ну вот — только день поработал и без носа воротился. — И давай насмехаться над неудачником. А тот в ответ:

— Поди-ка сам поработай, тоже небось без носа останешься.

— Нет, брат, — говорит средний, — я умнее тебя.

Взял и нанялся к тому ксендзу. А ксендз ему, как и старшему, говорит:

— Если я на тебя озлюсь, то ты мне отрежь нос, а если ты на меня озлишься, я тебе отрежу.

— Ну, ладно.

На другой день пошел работник орать. Целый день ничего не ел, вернулся вечером, а ксендз его спрашивает:

— Может, ты на меня зол, что тебе есть не дали?

— Как тут зол не будешь — сыт по горло твоей работой, святой отец!

Тут ксендз ему нос отрезал, заработка не отдал и самого выгнал.

Пришел парень в родительский дом, а старший брат ему:

— Ага, и ты без носа явился, а надо мной смеялся.

А тут младший говорит:

— Ну, вы оба умные, а меня за дурака считаете! Вот теперь я пойду наймусь, попытаю счастья.

— Ах ты пустомеля! Мы, умные, опростоволосились, а ты бы, дурак, обошел ксендза? Иди попробуй, завтра без носа вернешься!

Пошел дурак и нанялся служить ксендзу. Ксендз говорит:

— Если ты на меня зло иметь будешь, я тебе нос отрежу, а если я осерчаю, то ты мне.

— Идет.

Выехал дурак орать. Орет, орет, поглядывает — никто обеда не несет. Взял волов, продал, наелся, напился, а хвосты отрезал и закопал на поле в землю — только кисточки торчат. Ксендз высматривает в окно — вроде не видать батрака, не пашет. Пришел к нему в поле и спрашивает:

— Может быть, ты зло на меня имеешь, что тебя целый день не кормят?

— Нет, — отвечает батрак, — совсем зла не имею. А может, ты, святой отец, осерчаешь? Видишь, волам еще хуже пришлось, чем мне: оголодали так, что в землю погрызались — одни кисточки торчат.

Ксендз ухватился за кисточку, а батрак кричит:

— Что ты, святой отец, делаешь? Оторвешь хвост!

— Вот еще, дурак! — Да как уперся, вырвал из земли хвост, а сам на земле растянулся.

— Вон что натворил, святой отец! Оторвал хвост — как теперь доставать вола из земли? А может, святой отец, ты серчаешь на меня, что так стукнулся затылком о камень?

— Э, нет, нисколько не серчаю.

Схватился ксендз за другой хвост и потянул, вырвал его и снова грохнулся оземь.

— Может, святой отец злится на меня, что такая беда стряслась?

— Нет, нет, не злюсь, — отвечает ксендз. — Теперь уж ничего не поделаешь. Идем, накормлю.

Батрак пошел, наелся и лег спать.

Была у ксендза сука Петруха. На другой день ксендз велит батраку:

— Запряги пару лошадей и отправляйся в бор. Возьми с собой Петруху. Где она побежит — езжай следом, под которым деревом встанет — то срубишь и привезешь.

Поехал батрак в бор. Сука бегает, носится, хвостом крутит и вот встала под огромной соснищей. Батрак и думает: «Где же мне срубить такую дуру!» Отхватил топором прут да как начал лупить суку, а та — удирать от него через бор, по болоту, по полям, через изгороди, а

он — за ней. Побил лошадей и пришел сам домой, а сука еще раньше прибежала.

Ксендз спрашивает батрака:

— А лошадей куда подевал?

— Так ведь ты, святой отец, велел ехать, где сука побежит. Вот я и посылся за ней вслед, да всех коней и побил. А может, ты, святой отец, серчаешь на меня, что такая беда приключилась?

— Нет, нет. Что серчать! Я не серчаю.

На третий день ксендз ему говорит:

— Вишь, я еду на бал, а ты останешься дома. Пойди в овчарню; которая овца тебе приглянется, ту зарежь и свари ее с кореньями да с петрушкой. А потом еще выкупай мою больную мать.

Ксендз уехал, а работник пошел в овчарню. Все овцы на него уставились. Он всех зарезал, сложил в кучу, а одну взял и положил с шерстью в котел и варит; нарубил у дома корней сосновых и тоже — в котел, раз ксендз велел ему варить с кореньями. Наказал еще ксендз положить в щи петрушки: поймал батрак суку Петруху и тоже бросил в котел и варит все вместе. А потом принялся мыть ксендзову мать. Вскипятил воды, посадил старуху в колоду и полил сверху крутым кипятком, аж та ощерилась, так ошпарил ее. Вынул бабу из колоды, положил под перину, только зубы оскаленные блестят.

Приезжает ксендз с бала, спрашивает:

— Мать выкупал?

— Выкупал, святой отец, вот положил под перину, а она смеется. Посмотри сам, святой отец; наверно, теперь еще здоровей стала.

Ксендз глянул под перину, а старуха неживая лежит.

— Что же ты мне тут наделал? Мать мою обварил!

— А может, ты, святой отец, озлился на меня за это?

— Нет, не озлился. А щи сготовил?

— Сготовил. И Петруху туда бросил.

Ксендз взял помешал варево, а там, в котле — барап и сука.

— А что, может, ты, святой отец, озлился на меня, что я так сделал?

— Не озлился, не озлился. Только лучше все-таки я тебя отпущу.

Сел ксендз к столу и отсчитывает батраку монеты, а сам думает, как бы надуть его. А дурак тоже гадает, как

бы все деньги забрать. А тут на припечке горели лучины и сидел кот. Батрак-то шасть к печке да хватить лучину и — коту под хвост. Кота припалило, он и кинулся с лучиной на чердак, а батрак кричит:

— Смотри, святой отец, шерсть с огнем под крышу полетели!

Ксендз бросил мешок с деньгами и пустился за котом спасать дом от пожара, а дурак заграбастал деньги и давай тягу. Пришел в избу к братьям и говорит:

— Эх вы, простофили, еще меня дураком называли, а я умнее вас: и нос — вот он, цел, и деньги мои!

99. ЛЕНТЯЙКА КАСЯ

Была у одной матери дочка Кася. Пригожая, здоровая, но отчаянная лентяйка. До двадцати лет сидела на печи и ни за какую работу браться не хотела, только ела и спала. Даже умыться и причесаться ей было лень, — волосы всегда не заплетены, взлохмачены, и все ее так и называли «ленивая Растрепа». Матери приходилось самой делать все по хозяйству: ведь если бы она на свою Растрепу надеялась, горшки всегда оставались бы невымытыми, закопченными, изба неподметенной, а корова недоенной. Не раз мать пробовала заставить бездельницу дочку работать и приговаривала:

— Эх, Растрепа, учись хозяйничать, не то никакой воеводич тебя не возьмет, и быть тебе женой крестьянского сына. А тогда уж придется работать с утра до ночи, муж и слушать не станет твоих отговорок, что ручки болят.

Но Растрепа на эти уговоры ничего не отвечала — повернется на другой бок и опять дрыхнет.

Все ее сверстницы давно замуж повыходили, а на Касю-Растрепу никто из парней и смотреть не хотел. Кому нужна такая жена, которая ничего не умеет — ни постирать, ни обед сготовить?

Но вот стала Кася заглядываться на молодого лесника, который жил неподалеку и по временам заходил к ним. Крепко он ей полюбился.

Раз ночью она тихонько встала, закуталась в простыню, чтобы быть похожей на смерть, и пошла к дому лесника. Стала под окном и спрашивает:

— Ты не спишь?

— Нет.

— Господь наш Иисус и святая Анна велят тебе жениться на Касе-Растрепе. Женись! Женись!

И скрылась в темноте.

Лесник с перепугу не сомкнул глаз до самого утра. Встал чуть свет и пошел в хату к Касиной матери. А Растрепе лежит на печи чистенько умытая, молчит и смотрит на него — так и сверлит глазами. На этот раз она ему приглянулась. Но он ничего не сказал и ушел.

Наступила ночь, и в тот же час опять заглянула к леснику в окно высокая женщина в белом и окликнула его:

— Спишь?

— Нет.

— Иисус и святая Анна велят тебе взять в жены Касю-Растрепу. Женись, женись, не то прощайся с жизнью!

Лесника еще сильнее страх одолел. «Ну, — думает, — придется, видно, жениться на этой бездельнице, что день-деньской с печи не слезает!»

Перед вечером зашел к соседям и видит — Растрепе на печи сидит, умылась еще старательнее, да и причесалась как следует. Еще больше понравилась она леснику, но в тот день в хату набилось много гостей, и поговорить с Касей ему не удалось. Так ни с чем и ушел.

На третью ночь снова белая женщина стучит к нему в окно и спрашивает:

— Спишь?

— Нет.

— Велят тебе Иисус и святая Анна жениться на Касе-Растрепе. Последний раз говорю: женись, иначе не сносить тебе головы.

Лесник вскочил с постели, выбежал на улицу, — а под окном уже никого нет.

Парень до того был напуган, что рано утром побежал к соседям. И что же он видит? Кася уже не лежит на печи, а встречает его у порога. Она принарядилась и так похорошела, что лесник едва узнал ее. Он больше не стал раздумывать, поклонился ее матери в ноги и

попросил, чтобы отдала за него дочку. Мать с радостью согласилась, но взяла с него слово, что он никогда не будет бить Касю. И лесник обещал.

Заслал он сватов, а там и свадьбу сыграли. Зажили они с Касей вдвоем своим хозяйством. Лесник всегда с раннего утра уходил на работу в лес, домой приходил только полдничать. В первый день, когда он встал, жена еще спала, а в хлеву две их коровы мычали с голоду. Лесник задал им корму, убрал хлев и пошел на работу. Воротился, — в избе не убрано, завтрака жена не приготовила — опять, как бывало, лежит на печи растрепанная и спит.

В первое время муж ничего не говорил Касе, сам, бедняга, кое-как с хозяйством управлялся. Сам посуду мыл, стирал, стрянал. Наконец ему это надоело. Выхлопотал себе службу в другом месте, миль за пять от их деревни, и перевез туда свою Растрепу. А она и на новом месте все так же бездельничала да отлеживалась на печи. Тогда лесник придумал вот какую хитрость.

Висела у него на стене у кровати ветхая уже охотничья сумка. Вот он раз перед уходом в лес и говорит этой сумке, чтобы приготовила к его приходу завтрак, убрала избу и сделала все, что нужно по хозяйству.

— А не сделаешь, — говорит, — так я, когда из лесу вернусь, тренку тебе задам!

Растрепа это слышит — и ни гугу. Муж ушел, а она искоса все поглядывает на сумку — скоро ли та прыгнет с крюка и примется за работу. Но сумка как висела, так и висит, а Растрепа посмеивается и говорит ей:

— погоди, вернется хозяин из лесу, он тебе задаст!

Пришел лесник домой, видит — ничего не сделано, и давай грозить сумке:

— Ну, попомнишь ты меня! Сейчас над тобой суд учиним. Вот я дубового свидетеля позову.

И говорит жене:

— Сними-ка сумку да повесь себе на спину, а я ее хорошенько отколочу, чтобы в другой раз меня слушалась.

Растрепа смеется, любопытно ей, что будет дальше. А лесник принес из сеней толстый дубовый кол и давай колотить по сумке на жениной спине. Растрепа караул кричит, а муж все колошматит и колошматит ее. Здорово избил — будто бы не ее, а сумку.

На другой день он, уходя в лес, опять наказал сумке:
— Смотри же завтрак приготовь, все сделай по хозяйству, не то я тебе опять всыплю!

Не успел он выйти, как Растрепа вскочила с постели и принялась за работу.

Воротился муж из лесу, смотрит: в доме полный порядок.

— Что же, — спрашивает, — сегодня, пожалуй, не требуется учить сумку уму-разуму?

А Растрепа отвечает:

— Нет, нет, сегодня не нужно!

— Коли будешь и вперед так хозяйничать, никогда я тебя и пальцем не трону, — сказал лесник своей сумке.

И пошло у них все на лад. Кася каждый день вставала раненько, и к приходу мужа у нее все бывало готово. Про сумку больше и помину не было. Забыто было и то, что хозяйку этой избы когда-то люди называли «ленивой Растрепой». Кася, Касенька, — другого имени ей теперь не было.

Прошло много времени, и захотелось матери поглядеть, как живет ее дочка. Вот приехала она в гости к Касе — и диву далась, когда увидела, какой порядок и в доме и в хлеву. Не парадует мать, что из ее лентяйки Растрепы такая хорошая хозяйка вышла, и спрашивает у нее:

— Как же так? Ведь ты никогда ничего делать не хотела, а теперь вот какая работающая стала, и в дому у тебя чистота и порядок, смотреть любо. Наверно, муж тебя сильно бил, пока не научил работать?

— Ой, что вы! Никогда он меня не бил, — ответила Кася. — Только один раз мы с ним отколотили его сумку, а больше уже и не понадобилось.

Мать радуется, а Кася на нее раз-другой глянула как-то странно, помялась немного и наконец говорит:

— Вы бы, мама, сходили в сарай да припесли бы хоть немного дров. Потому что в этом доме даром есть не дают...

100. АСТРОЛОГ И ЛЕКАРЬ НА КАШУБАХ

В городе Гданьске жили когда-то в старые времена немец лекарь и немец астролог. У обоих было мало дела, потому что в той стороне люди крепкие и здоровые, они не лечились и не нуждались в предсказаниях погоды.

Вот раз лекарь и говорит астрологу:

— Сходим-ка мы с тобой, друг милый, в какую-нибудь деревню на Кашубах. Авось там удастся кое-что заработать. Для деревенских жителей знать, какая будет погода, очень важно. Да и работа у них тяжелая, так что они, наверное, часто хворают.

Астролог с ним согласился, и они ушли из города. Весь тот жаркий летний день были в пути. Устали, проголодались и зашли к одному кашубскому мужику, чья хата стояла у самого леса. Радужный хозяин пригласил их поужинать и заночевать у него, не требуя за это никакой платы.

Вечером, когда стадо вернулось с выгона, хозяйка подала ужин. За столом лекарь нарочно спросил у астролога:

— А какая завтра будет погода?

— Завтра будет дождь, — ответил тот.

— Ну, нет, — вмешался хозяин. — Завтра наверняка будет хорошая погода.

— Мне лучше знать, — возразил астролог. — Ведь предсказывать погоду — мое ремесло.

Но мужик упрямо твердил:

— Нет, завтра будет ясно, солнце будет светить весь день.

— Да почему ты знаешь? — спросил астролог.

— Ты погляди в окно, — сказал хозяин. — Когда мой бык весело скачет перед конюшней, на другой день всегда бывает отличная погода.

Астролог замолчал, решив, что не подобает ему спорить с неученым мужиком.

Когда все поели досыта и собирались уже лечь спать, хозяин вдруг сказал жене:

— Мать, а я не прочь еще малость закусить. Найдется у тебя что-нибудь?

— С обеда осталась миска гороха. Разогреть его тебе?

— Не надо, не хлопочи. В такую жару можно съесть его и неразогретым.

На глазах у изумленных гостей кашубец съел большую миску холодного гороха и только после этого объявил, что наконец-то сыт.

Когда немцы из Гданьска улеглись спать на соломе, лекарь сказал астрологу:

— Ну, завтра будет у меня работа! После такого ужина не только человек — лошадь не выдержит и свалится.

Они уснули, но рано утром их разбудил какой-то стук. Астролог выглянул в окно и, к своему удивлению, увидел, что хозяин, еще полуодетый, рубит дрова.

— Что это ты поднялся в такую рань? — крикнул он ему. — И зачем сам делаешь то, что обязан делать твой работник? Ты трудишься, а этот негодник дрыхнет.

— Видишь ли, друг, — отвечал хозяин. — Дрова у нас всегда рубит работник, но вчера за ужином я поел лишку, и у меня брюхо побаливает. Потому я и принялся дрова рубить — это первейшее средство растрясти кишки.

Лекарь и астролог пробыли у гостеприимного кашубца еще целый день и ночь. Хозяин так и не захворал, а солнце и на другой день по-прежнему светило ярко. И астролог сказал лекарю:

— Знаешь что, вернемся-ка мы в город! Здесь, на Кашубах, где бык предсказывает погоду, а люди лечатся рубкой дров, мы ничего не заработаем и помрем с голоду...

Они от души поблагодарили радушного хозяина за гостеприимство и пошли обратно в Гданьск.

101. ВОРОЖЕЙ

В одной деревне жили ксендз и органист. Оба они пили горилку и все прокутили, уж и пить было не на что.

Вот приходит однажды ксендз к органисту и говорит:

— Ну, пан органист, придумывайте, как бы нам на горилку денег раздобыть.

Органист говорит:

— Я уже придумал, сразу получим пятьдесят талеров. Я буду вором, а вы будете ворожеем. Тут у одного хозяина есть пара добрых волов, я их украду, сведу вон в тот лес и привяжу. Он придет к вам ворожить и пятьдесят талеров с радостью даст.

Вот органист пошел ночью и волов увел. Хозяин рано встал и прямо за голову схватился, что у него кто-то таких хороших волов украл, — он бы лучше готов двести талеров потерять. Вот идет он по деревне, ксендз увидел его и позвал в костел. Спрашивает, что нового слышно. Хозяин говорит:

— Да что нового? Волов у меня кто-то украл нынче ночью!

Ксендз ему:

— Жалко, добрые были волы, ну да у меня есть такая книжка, я в нее посмотрю и скажу, где они.

Вот полистал ксендз книгу и говорит хозяину:

— Идите вон в тот лес, там они привязаны, да идите поскорее, чтобы застать, а то сейчас этот вор их заберет.

Хозяин пошел, а волы там и стоят; он охотно дал ксендзу пятьдесят талеров за то, что волы нашлись.

Так и стали они добывать на горилку. Как деньги выйдут, так органист украдет что-нибудь, а ксендз ворожит. И все было хорошо.

А жил поблизости от них граф, и обокрали его разбойники, что расположились в лесу неподалеку. Разыскал он ксендза да органиста и говорит им:

— Вот вы мастера ворожить, так извольте найти мне эти деньги, а не найдете — несдобровать вам. Придете ко мне сегодня вечером, получите горилки, сколько хотите, выберете себе комнату, какую угодно, наверху или внизу, и чтоб до утра деньги нашлись.

Тем не по себе стало. Ксендз говорит, что, пожалуй, лучше будет внизу.

Но внизу на окнах — решетки, так что все равно не убежишь.

Вот дал им граф горилки и запер в комнате:

— Пейте и ворожите.

Ксендз уж и горилки не хочет, облокотился он на стол и все думает, как же это будет. Думал, думал, да и заснул.

А разбойники узнали, что ксендз и органист идут против них ворожить, и тоже испугались, что их откроют, схватят и перебьют.

Вот и говорит один из них:

— Нужно пойти послушать, что они там делают.

Пошел он и слушает. А органист налил в стаканчик горилки и выпил, хлопнул по столу и говорит:

— Ну вот, это первый.

Разбойник испугался, думает: «Ого, он уже знает, что я здесь».

Прибегает к своим и говорит:

— Плохо наше дело: не успел я прийти, как органист говорит: «Ну вот, это первый».

Пошел послушать другой. Органист снова налил, выпил и говорит:

— Теперь второй.

А там этих разбойников было тринадцать. Все они по очереди ходили, и каждый попадал как раз в то время, когда органист вновь наполнял свой стакан. Так всех обошло. Последним пошел Процьпак. А органист уже тринадцатый стаканчик допивал. Больше он пить не собирался и сказал:

— Ну вот, этот, тринадцатый, — последний.

Испугался и Процьпак, думает: «Знает уже про нас про всех».

И кричит он в окно органисту:

— Послушайте, не открывайте, что это мы взяли! Деньги украденные мы принесем, а вам тоже хорошо заплатим, только нас не выдавайте.

Органист говорит:

— Идите и принесите деньги, да лучше больше, чем взяли, а то как недосчитаемся денег, вам плохо будет.

Процьпак пошел к товарищам и говорит:

— Соберите деньги, несите туда и ссыпьте им через окно в комнату.

Так они и сделали. Отдали деньги, органист их взял, растолкал ксендза и говорит:

— Вставай, не умеешь ты воровать. Вот я так воровей, смотри — вот все деньги.

Ксендз обрадовался и уж тут давай пить вовсю. Утром отдали деньги графу, граф им заплатил, и они пошли.

Говорит ксендз органисту:

— Как же дальше-то будет, уже по всему свету разнеслось, что мы умеем воровать. На этот раз сошло, но если еще раз придется — пропадем.

Органист говорит:

— Есть над чем голову ломать! Подожжем костел и скажем: книжка, по которой мы ворожили, сгорела вместе с костелом — она как раз в это время там была, — теперь уж мы ворожить не будем.

Так они и сделали. Тем дело и кончилось.

102. КАК РАБОТНИК ПРОУЧИЛ КСЕНДЗА

Жил в одной деревне хлоп, довольно богатый, но хоть были у него и кони, и волы, и дом — полная чаша, ходил он почти всегда впроголодь. А было так потому, что жена его обманывала: ходил к ней знакомый ксендз, и ему отдавала она лучшие куски.

Пришел как-то к этому хлопну один продувной парень по имени Гжесь и говорит:

— Хозяин, возьмите меня в работники.

А хлоп ему:

— Э-э, милый, что тебе у меня делать? Чем тебя кормить, когда мне самому-то есть нечего?

— Не беспокойтесь, хозяин, — говорит работник. — Обойдусь как-нибудь, только бы работу у вас получить. Мне сейчас позарез нужна работа.

Нанял хлоп Гжесю.

В первый же день говорит Гжесь хозяину:

— Как это так — вы такой богатый, всего у вас много, а есть нечего?

— Да вот сам увидишь, — отвечает хозяин.

Пошли они к хозяйке, чтоб она им завтракать дала. Та поставила перед ними немного супу с гнилой картошкой.

В овине работник говорит хлопну:

— Тут еще порядочно ржи осталось, так я намолочу, и мы хлеба напечем.

Хозяин отправился в поле пахать, а работник остался молотить.

Немного погодя заходит Гжесь в хату и видит там ксендза. А перед ним на столе чего только нет — хозяйка не знает, как ему и угодить.

— Так вот вы какая! — говорит работник. — Для хозяина у вас нет ничего, а для ксендза — пир горой! Погодите, вот я расскажу хозяину.

Тут ксендз взмолился:

— Не говори, милый! Я сюда больше не приду!

И хозяйка тоже просит.

Отправился работник в поле на пахоту. Хозяин шел за плугом, а Гжесь быков погонял. Недалеко от них пахал и ксендз. Хозяйка и сюда тайком от мужа приносила ксендзу обед; она его по быкам узнавала: его быки были пестрые — белые с красным, — издали видно.

На другой день хлоп с работником снова пахали.

Работник говорит:

— Схожу-ка я на мельницу, хозяин, — может, зерно смололи, что я вчера намолотил. Снесу муку хозяйке, пусть напечет нам хлеба.

Подходит работник к дому, а ксендз увидел его из окна и спрятался в печь. Работник говорит хозяйке:

— Иду за мукой, но сперва затоплю печь, вы нам хлеба напечете.

Принес он огромную охапку гороховой соломы, а хозяйка ему:

— Погоди, милоч, разжигать: успеем истопить, когда с мукой вернешься.

— Нет, хозяйюшка, затоплю сейчас, а то когда еще огонь разгорится.

Зажег он солому и сунул в печь, а ксендз как завопит оттуда:

— Гжесь, дорогой мой, что ты делаешь! Ведь я здесь задохнусь!

А работник ему:

— Разве к лицу это ксендзу в печи сидеть? Вот уж я расскажу хозяину.

Снова они просят Гжесю молчать. Оставил их работник и пошел за мукой.

На третий день хозяин с работником снова в поле пахут.

— Пойду наколю дров, — говорит работник, — хозяйка собирает хлеб печь.

— Чего ты наколешь? Там и дров-то нет, — говорит хозяин.

— А там перед домом старая, трухлявая груша стоит, так я ее срублю на дрова, — отвечает работник.

Вот идет он домой, а ксендз опять был у хозяйки. Увидел он работника, бросился прочь и спрятался в душло той самой груши.

Работник говорит хозяйке:

— Дров нужно наколоть, срублю я эту грушу.

А она в ответ:

— Да оставь ты, ради бога! Жалко ведь, еще груши будут на ней.

— Какие там груши! — отвечает работник и пошел рубить.

Ударил он раз-другой, а изнутри голос ксендза:

— Стой, Гжесь! Побойся бога, так ты мне и ноги отрубишь.

— Во имя отца и сына, вы-то что здесь делаете? Ну куда ни ткнешься — всюду вы!

Выбрался ксендз из душла, а Гжесь и говорит:

— Пора кончать с этим, уж теперь-то я обязательно скажу хозяину.

Пошли снова пахать хлоп с работником. Гжесь накиннул на красного быка до половины дерюгу, чтобы он издали казался таким же пестрым, как бык ксендза, потом сказал хлопцу:

— Сегодня нам хозяйка вкусный обед принесет.

— Э-э, откуда ему взяться, вкусному обеду? — возразил хозяин. — Никогда она мне обеда не носила.

— Вот увидите, — ответил работник.

А хозяйка как раз несла галушки, мясо, хлеб, водку. Подошла поближе, увидела пестрого быка и, думая, что это ксендз пашет, сказала:

— Бог в помощь!

— И правда, парень, женка обед принесла! — воскликнул хозяин.

Обидно стало хозяйке, что ошиблась, говорит она мужу и работнику:

— Оставьте немного для ксендза, пусть подкрепится: ему-то ведь никто обеда не принесет.

— Ладно, ладно, — говорит хлоп, — отнеси и ему немного.

Но тут вмешался работник:

— Я сам отнесу, хозяйюшка, а вы посидите с хозяином.

По дороге он хлеб съел, водку выпил, а галушки ложку за ложкой кучками разложил по дороге. Пришел к ксендзу и говорит:

— Ну, держитесь теперь, попадет вам от хозяина, что вы его с хозяйкой обманываете, да еще и объедаете. Хозяин собирается вам голову отрубить за это.

Вернулся работник и говорит:

— Хозяин, у ксендза плуг сломался, он просит вас прийти исправить.

Хлоп — а он был здоровенный детина — взял топор и направился к ксендзу. Ксендз решил, что тот и в самом деле собирается отрубить ему голову, бросил все и пустился наутек.

«С ума он, что ли, сошел?» — подумал хлоп. Подошел к плугу, смотрит — все в исправности, — и пошел обратно. Видит — на дороге галушки, — и стал собирать их в полу сермяги.

Хозяйка и спрашивает:

— Что это он поднимает?

— Разве вы не видите? Камни. Хочет прибить вас за то, что вы с ксендзом якшаетесь, да еще и кормите его, — отвечает Гжесь.

Хозяйка увидела, что хлоп уже близко, и бросилась бежать.

— Что это дура баба побежала? — спрашивает хлоп.

— Да разве вы не знаете? — говорит Гжесь. — Хата ваша загорелась, а там дитя малое. Вот она и бежит да кричит во все горло.

Поверил хлоп и помчался за женой, а она оглянулась и видит — догоняет ее муж, — да как завопит:

— Прости меня, муженек, никогда больше ксендза кормить не буду.

«Сдурела, что ли, баба-то? — подумал хлоп. — Пальцем ее не тронул, а она мне что-то о ксендзе плетет».

И вернулся на пашню.

Хозяйка была дома, и опять к ней пришел ксендз.

— Не ходите сюда больше, — говорит она ксендзу. — Тут от работника никуда не спрячешься. Расскажет он мужу. Лучше приходите в хлев, когда я коров доить буду, услышите, как запою.

Но хитрый работник узнал и об этом. Переоделся он женщиной, взял подойник и пошел в хлев. Там он съел оставленный для ксендза завтрак, а потом стал доить коров и знай распевает. А ксендз, услышав песню, вошел и снова увидел работника.

С тех пор не приходил больше ксеидз. Он знал — работник все равно помешает. А хозяин был рад, что плутоватый работник отвадил гостя, который объедал его. А что жена изменяла, хлопну и невдомек было.

103. О ХИТРОМ РАБОТНИКЕ

Один хозяин искал работника. Перебывало их в его доме немало, да ни один не мог ужиться, потому что хозяйка всем большую обиду чинила. Наконец пришел какой-то парень и поставил такие условия:

— Я к вам наймусь, но только будем вместе есть, вместе работать и вместе спать.

Хозяин согласился, потому что в своей деревне он уже не мог найти работника.

Вначале все шло как по маслу. Хозяин ел — и работник с ним. Хозяин спал на кровати, и работник — тоже. Бабе пришлось ложиться на полу. Впрочем, ей там было неплохо: она спала на перине.

Но хозяйке иногда хотелось приготовить для мужа что-нибудь получше. Как-то раз она решила сварить ему мяса.

Приходит работник и спрашивает:

— Что это там в чугуне варится?

Баба отвечает:

— Да вот носки были грязные, надо прокипятить.

— Мои тоже грязные, — сказал работник, — вот и я свои прокипячу. — И сунул носки в чугунок.

В другой раз на ночь баба навязала мужу на палец длинную нитку и сказала:

— Как уснет работник, я дерну за нитку — яичницу тебе поджарила, ночью съешь.

Но хозяин этого не слышал: он уже крепко спал. Зато услышал работник, отвязал нитку и привязал себе к пальцу, а потом притворно захрапел.

Услышала баба — потянула за нитку. Встал работник. Баба не узнала его, повела к печке, где стояла поджаренная яичница, и работник за здоровье хозяина начал уписывать ее за обе щеки.

Немного погодя баба его тихонько спрашивает:

— Вкусная?

— Вкусная, только соленая, — так же тихо отвечает он.

— Еще дать? — снова спрашивает баба.

— Ага!

Когда он покончил с яичницей, баба сказала:

— Ну, раз уж этот чертов работник так крепко спит, пойдем ко мне на перину, погреешься — ведь ты, верно, замерз.

Работник не противился, и хоть утром правда вышла наружу, никто не смел обижаться — уговор дороже денег!

Однажды хозяин уехал на свадьбу, а работника оставили дома.

— Что же мне тут делать? — спросил работник.

— То же, что и всем людям, — ответил хозяин.

Работник и послушался; увидел, что на соседней хате с крыши сдирают гнилую солому, и тоже ободрал крышу, хоть ее крыли совсем недавно.

В другой раз ему было велено сторожить посевы в поле и бить каждого, кто бы туда ни забрел. Работник в точности исполнил наказ, и когда хозяин пришел надергать репы, он его так отколотил, что тот даже расхворался.

В конце концов хозяину пришлось расстаться с работником, потому что не мог он с ним сладить.

104. МУЖИЦКАЯ ЖАЛОБА

В деревне, неподалеку от помещичьей усадьбы, жил гураль¹ в убогой халупе. И была у него в хозяйстве одна единственная коровенка.

Как-то раз эта скотинка забрела в панский клевер. Увидел это помещик, схватил огромный нож и своими собственными руками зарезал мужицкую корову.

Когда жена гуралья узнала про несчастье, послала она своего мужа в помещичью усадьбу, чтобы попросить пана хоть немного возместить убыток.

¹ Гураль — польский горец, житель Карпат.

Крестьянин пошел, но ничего хорошего из этого не вышло: помещик еще сильнее разгневался на мужика и приказал своим слугам всыпать ему десять батоков. Вернулся избитый гураль домой и рассказал жене обо всем.

— Ежели так, — сказала жена, — напишем жалобу королю. Пусть нас рассудит по справедливости.

Взяли они доску, остругали и вырезали на ней ножом все, как было. Видно было, где стоит мужицкая халупа и где находится панская земля с усадьбой; видно было даже, как корова пошла на панский клевер и как пан ее зарезал. А потом еще мужик вырезал на доске лавку, на ней — себя самого и сделал рядом десять зарубок.

Эту доску жена привязала мужику на спину и велела идти прямо к королю. Отправился крестьянин, а дорога проходила через большой и темный лес. В том лесу мужик увидел красиво одетого охотника и сказал ему:

— Слава Иусу Христу.

— Во веки веков, аминь! — ответил пан охотник и спросил: — Куда ты идешь, человек?

— К королю.

— А зачем?

— Иду с жалобой на моего помещика.

— А что за жалоба?

Крестьянин снял с плеч доску и начал показывать:

— Это моя халупа, вот усадьба и клеверное поле пана, а тут моя корова залезла на это поле, и пан ее забил. А вот лавка и десять зарубок. Зарубки — это десять батоков, которые мне вlepили по приказу пана.

Так мужик рассказал пану все дело.

— Ну, — промолвил пан, — поезжай к королю. Он рассудит по справедливости.

Пан отъехал, а крестьянин пошел дальше. И невдомек ему было, что пан охотник — это сам король Ян.

На другой день пришел гураль к королевскому дворцу. Его впустили в большой пышный зал. Там на золоченом троне сидел король в окружении своих двенадцати министров. Гураль не узнал короля, потому что был он одет теперь совсем по-иному. На голове у короля Яна красовалась корона, с плеч короля спускался красный плащ, а ноги были обуты в желтые сапоги со шпорами. Подал мужик свою доску одному из министров и сказал:

— Здесь все рассказано про мою обиду. Читайте.

Ничего не понял первый министр из той доски, не поняли и другие министры. Хотели они выгнать крестьянина, да король приказал подать себе мужицкую жалобу. Тогда первый министр передал доску второму, второй — третьему, третий — четвертому, и так до тех пор, пока двенадцатый не вручил доску королю. Король позвал к себе гуралья и стал спрашивать:

— Это твоя халупа?

— Она, она, паночку!

— А усадьба здесь?

— Здесь.

— И твоя корова пошла на панский клевер?

— Так и есть.

— А вот тут ее пан как раз и зарезал?

— Так, так, наияснейший паночку!

— Тогда ты пошел к помещику и взамен коровы получил десять плетей?

Гураль потрепал короля по плечу и закричал:

— Вот это голова, а те все — дурни! — И показал на двенадцать министров.

Много было смеху в королевской резиденции. Потом король Ян сказал мужику:

— Теперь иди домой, а я уж так распоряджусь, чтобы тебе не обидно было.

Вернулся мужик домой, а вскорости от короля пришел указ. Король приказывал пану попросить у мужика прощения, построить ему новый дом, конюшню, хлев, ригу и еще прибавить к этому тридцать моргов земли от его, панских, полей.

Мужик и его жена не раз над паном насмеялись: дорого ему пришлось заплатить за мужицкое горе!

И часто-часто повторял гураль своей жене:

— Король Ян — самый мудрый король. Жалобу мою сумел прочитать, а вот его министры только рты пораззявили и ничегошеньки не поняли. Ума не приложу, зачем их король около себя держит, если они даже читать не умеют...

Жил один богатый мельник. Три вора давно точили на него зубы, очень им хотелось добраться до его денег, да дело это оказалось непростое. Мельник был осмотрителен и дом запирали крепко, а к тому еще держал злых собак и верных слуг. Вот и попробуй проберись к нему днем или ночью! Дело это, можно сказать, было немыслимое.

Что же вору придумали? Договорились они между собой, что один будет паном Исусом, другой — святым Петром, а третий — святым Павлом. В таком виде и явятся они на мельницу. Однако сообразили безбожники, что приходить с пустыми руками к мельнику бесполезно. Вот и решили заpastись сначала какими-нибудь даяниями — тогда, мол, легче будет обмануть хозяина.

Самый главный злодей отправился в город и в рыбном ряду стал выбирать товар. Набрал целую бадью лучшей рыбы и говорит торговке:

— Эту рыбу я покупаю для ксендза-исповедника. Ступай за мной до притвора и там подожди, он выйдет и тебе заплатит.

Торговка отправилась за вором в костел и, оставив рыбу в притворе, сама начала молиться. А вор опустился на колени около исповедальни недалеко от входа и слушает исповедь, как все, и торговка его видит. Прежде чем подняться и уйти, вор молвит потихоньку ксендзу такие слова:

— Разрешите, святой отец, сказать. Привел я тут свою бабу, у нее вроде как голова не совсем в порядке, так уж вы, милостивый отец, выслушайте ее, отпустите грехи и не обращайтесь на ее пустопорожнюю болтовню. Только я бы просил исповедать ее вслед за мною, чтобы я мог потом ее сразу с собой забрать.

Ксендз из исповедальни кивает бабе с рыбой, чтобы она приблизилась, а та думает, что он зовет ее расплатиться, подошла и толкует, что-де столько-то с него за рыбу. Благочестивый ксендз, помня о помешательстве бабы, велел ей стать на колени и учит, что повторять. Ксендз про исповедь, — баба про деньги, так и не могут договориться. А вор тем временем дал драпака с рыбой.

Второй злыдень пошел в магазин покупать кофе, изюм, сахар и разные другие яства. Выбрал, что ему было нужно, и вроде платит... А тут вошли в магазин еще покупатели, торговец и не заметил, как злодей ловко смахнул с прилавка в товар свои деньги и был таков. Вот и раздобыли уже мошенники рыбу и всякие к ней приправы. Недоставало только вина.

Третий вор идет в винный погреб и велит хозяину налить в бочонок, который он с собой захватил, шесть гарнцев вина и закупорить. Сам же, оглядевшись по сторонам, говорит:

— Мне спешно, а пану, видно, большой труд наливать вино из бочек. Я знаю один хороший способ, можно бы показать...

— Ну, покажи! — говорит купец.

Вор достал бурав, повертел дыру в днище бочки и говорит:

— Заткните пальцем и подержите, пока я аппарат устрою: сразу из двух бочек вино будет наливаться.

Торговец воткнул палец в дырку, злодей просверлил дырку во второй бочке, рядом, и велит заткнуть ее пальцем другой руки. Удивленный владелец магазина растолпил руки между двумя бочками, а вор схватил налитое вино и удрал, не заплатив ни гроша. Долго стоял торговец в погребе, боясь пошевелиться, чтобы содержимое не убежало из бочек. Взывал о помощи, да напрасно: приказчики, занятые в лавке, не слышали его отчаянных воплей.

Теперь, когда раздобыли вору и вино, и рыбу, и всякие другие закуски, они покинули город и отправились прямо к мельнице. Спрятали добытые припасы в камышах на реке, нарядились святыми и пошли к мельнику. А надо сказать, что раньше люди верили в то, что пан Исус и святые апостолы по земле ходят, а жена мельника была женщина очень набожная.

Мельник, однако, не очень-то уверовал, что это настоящие святые, хотя злодей и принялся разговаривать и обходиться промеж собой по-евангельски. Но тут мнимый пан Исус объявил, что сейчас сотворит чудо. Встал он над рекой, осенил ее крестным знаменем и говорит:

— Павел, принеси вина.

Павел пошел и принес вина в жбане, словно бы из реки зачерпнул. Мельник с семьей и домочадцами

отпробовал и больше уже не сомневался в пришельцах. А фальшивый Христос приказал Петру доставить другое угощение. Петр идет к воде, и вот тебе: по первому слову — прекрасная рыба. А тут гости еще посвятили реку, и разная прочая снедь явилась. Мельничиха на седьмом небе от счастья и принимается готовить ужин из святых даров. Варится рыба на прищечке, и по всей мельнице расходится запах. Мельник ест рыбу, запивает вином, и все-то ему кажется необыкновенным. После вечера по велению Иисуса святые торжественно несут новую бутылку с вином, потчуют хозяина и челядь и даже детей малых не забывают, и пошло всеобщее веселье. Пан Христос без остановки крестит и благословляет направо и налево, и вслед за каждым его мановением все падают на колени, а сам мельник, порядком уже пьяный, в безустанных

поклонах целует святым ноги и раз за разом бросается перед ним ниц.

Тут наконец мнимый Иисус Христос говорит хозяину:

— Войтуть, а Войтуть, если хочешь, чтоб у тебя росло богатство, могу освятить твой дом, и до чего только коснусь — прибудет трижды. Все добро твое, коли соберешь в одно место и представишь моим очам, умножу и сделаю неуязвимым — никакой злодей не уворует. Несите, Войтуть, какие есть у вас деньги, кладите в корыто и дайте мне кропило и воду, освящу плоды трудов ваших, и будете от сей минуты владеть ими и пользоваться в безопасности.

Кинулась мельничиха, велела принести воды, кропило и корыто и первая высыпала туда свои сбережения. Прельщенные слуги тоже спешили побросать в корыто, что имели наилучшего. И вот корыто наполнилось до краев деньгами, камнями драгоценными и разными нарядями.

Тут фальшивый мессия начинает длинную проповедь, крестит, благословляет и взывает громким голосом к святым собратьям:

— Апостолы мои, Петр и Павел! Возьмите корыто, обойдите с ним вокруг мельницы три раза и прикоснитесь к каждому углу.

Только произнес он те слова, апостолы схватили корыто и побежали с ним вокруг мельницы, задевая углы, а потом ловко высыпали все разом в приготовленные мешки. Пьяный мельник, вышедший за святыми из дому, кувырнулся на пороге, мельничиха с челядью не смекнули, что случилось, а воры тем временем, оставив порожнее корыто, удирали по кустам, и что утащили, то уже никогда не вернулось к хозяину.

106. ТЯЖБА ДВУХ ХОЗЯЕВ

В одной деревне, где-то около границы, жили двое хозяев. А были они соседи, и жилища их стояли рядом, а поля проходили одно возле другого, и во всю длину между ними тянулся глубокий ров. По краям того рва были высокие валы, так что никакая скотина не могла

перейти с одного поля на другое, перелезть через ров. И жили эти два соседа в мире и согласии до поры.

Долго так они в мире жили, пока в одно лето не оставили оба участка у рва пераспаханными. Оставили они их под пастбища и пасли себе скот. Мартин Тшебела пас на своем загоне коней, а Матусь Гжимала на своем — волов и бычков. И вот один раз неведомо каким способом перелез молодой бычок через ров к коням и там остался. Утром рано пошли хозяева по свою скотину, чтобы гнать ее домой, и увидели, что один бычок пасется на другом поле. Как тут быть? Хозяин бычка говорит соседу, чтобы он ему отдал скотину. А Мартин отвечает, что это его кобыла ожеребилась и принесла бычка. А Матусь ему говорит:

— Этого быть не может, чтобы у кобылы родился бычок.

— А как же мог твой бычок перелезть через ров?

И такую затеяли Матусь с Мартином свару, что пришлось им обращаться в суд, Мартин-то так и не отдал Матусю бычка. И вот, как пришел срок, вызвали их к судье. А был Матусь немного беднее своего соседа и потому шел на суд только со своей правдой; Мартин же нанял себе адвоката. Ну вот. Предстали тяжущиеся перед судьей, тот и спрашивает, как все это случилось. Матусь, значит, и рассказывает, как пасли они всегда свою скотину, как жили в мире и в согласии и как раз, невесть каким способом, перелез бычок на поле соседа через ров и Мартин его себе забрал и не хочет отдавать: кобыла-де его ожеребилась и принесла бычка. Ну, а у Мартина-то адвокат нанятый так ловко повел дело, что Мартин выиграл тяжбу, — значит, будто кобыла родила быка. Но на том не кончилось, так как Матусь уперся и сказал, что он не отступится от своей правды, что бычок его и не мог он родиться от кобылы. А потом еще Матусь начал плакаться, что у него и так немного скотины, а Мартину еще отдали его животину, и теперь у него совсем мало осталось, — видно, нет на земле справедливости. Вот судье стало жаль мужика, и он сказал:

— Матеуш, сделайте одну вещь, и если сумеете, то дело ваше будет выиграно. Явитесь ко мне завтра, но чтобы вы не шли, не ехали и были не голым, не одетым.

Мужик опечалился и направился домой. А пришел, его спрашивают дома, как в суде порешили. Рассказал он

своей жене и своим детям, что проиграл дело, а Мартин выиграл. И судья, мол, задал такую задачу, чтобы на-завтра явиться к нему и ни идти, ни ехать и быть ни одетым, ни голым. И так кончил:

— Что же мне делать? Бедный я Матусь!

А была у него дочка, мастерица на все руки и умница. Она быстро сообразила, как отцу помочь, и говорит:

— Не бойтесь, татусь, я вам посоветую, как быть. Вот что: возьмите козу и садитесь на нее, а ноги у вас до земли достанут. Вот и получится, что не одете, раз ноги пойдут по земле, не идете, раз на козе верхом. Так одно выполните. Ну, а другое условие: чтобы и одетому быть и не одетому, — накиньте на себя сак, чем рыбу ловят, вот и получится — вроде одеты, а через него видать вас.

На другой день Матусь и в самом деле взял козу, сел на нее, закутался в сак и вроде одет, вроде нет. И так прибыл к судье, как он велел. Судья увидел мужика и говорит:

— Хорошо, Матеуш. Одну задачу выполнил. Только это еще не все; решишь другую, тогда отдам тебе бычка.

Приуныл Матусь — какая еще будет задача? А судья ему и говорит:

— Должны вы мне завтра не принести, не пригнать подарок и ногами чтоб! он не шел.

Пошел хозяин снова домой в печали и опять рассказал дочери, а она ему посоветовала:

— Возьмите, татусь, пару голубей и несите их в корзине. А когда подойдете к дому судьи — выпустите, и тогда получится, что вроде вы ему не принесли подарок, не пригнали, потому что голуби выпорхнут.

И вот, как судья увидел это, говорит мужику:

— Ну и умный же и ловкий вы, Матеуш. Скажите, однако, мне: кто вам отгадал мои загадки?

А Матусь на это:

— Дочка меня научила.

«Ну, это хорошо — значит, она очень умная девушка», — подумал судья и говорит Матеушу:

— Когда она такие задачи решает, то я бы, пожалуй, на ней женился.

— А что же, если у пана судьи такое намерение, я не противлюсь.

— Тогда велите ей прийти ко мне, надо мне ее посмотреть. Как только женюсь на вашей дочке, так вам Мартин бычка отдаст.

Тут только Матусь хватился и говорит:

— И все это того не стоит, сколько мне потом заботы будет. Ведь Мартин-то решит, что я на бычка променял дочку.

На том дело кончилось. И прошло сколько-то там времени, и вот раз Матеуш заметил, что судья ходит их дорогой, прогуливается как раз там, где тянулся большой ров. А через тот ров был мост, и мужик задумался, что бы тут такое учинить, чтобы найти свою правду, вернуть бычка. А дочь ему так посоветовала:

— Как судья будет тут опять прохаживаться, вы возьмите сак и повесьте его на мосту, а сами полезайте в ров и бейте шестом по воде, будто бы рыбу загоняете в сак. Когда же судья спросит: «Что ты тут, мужик, делаешь?» — то вы ему ответьте: «Вельможный пан судья, ловлю рыбу».

Ну и вот. Только высмотрел мужик, что судья идет на прогулку, — взял сак, повесил на мосту, а сам влез в ров и лупит шестом, чтобы рыбы снизу лезли вверх, в сак. Этим временем судья проходит мимо и видит, как мужик хлещет шестом по луже. Вот судья его и спрашивает:

— Что это вы, отец, там делаете?

— А вот, вельможный пан судья, ловлю рыбу, хочу загнать ее в сак.

А судья ему и говорит:

— Это же невозможно, чтобы рыбы шли на мост в сачок.

А Матеуш отвечает:

— Как это невозможно, чтобы рыбы шли на мост? Если у кобылы родился бычок, то и рыбы пойдут на мост. А вот коли рыба не пойдет на мост, то, пан судья, и кобыла не могла принести бычка.

И только после этого судья задумался и присудил Матеушу его бычка, что влез на Мартиново поле. Тут кончилась наконец тяжба двух хозяев, то есть Мартина Тшебелы и Матеуша Гжималы.

107. КУЗНЕЦ И КСЕНДЗ

Пришел однажды ксендз к кузнецу и попросил его что-то отковать. Взялся кузнец за дело: накалил железо, выковал, что было нужно, и бросил раскаленную железку на землю. Ксендз расплатился и, собравшись домой, голый рукой схватил еще горячую железку и, конечно, ожегся. Заохал ксендз, а кузнец говорит:

— Как это можно: ксендз, а ничего не смыслит, дурной какой-то...

Позвал он своего четырехлетнего сынишку и велел подать железку. Прежде чем взять, мальчонка плюнул на нее — проверить, не горячая ли.

Увидел ксендз и сказал:

— Вот это здорово!

А кузнец ему:

— Видите, сын кузнеца умнее ксендза.

Пришел ксендз домой. Служанка подала ему обед. Вспомнил ксендз сынишку кузнеца и решил плюнуть в суп — проверить, не горячий ли. Плюнул — не зашипело. Тогда он зачерпнул полную ложку, собрав сверху пожирнее, и обжег себе язык. Бросился он в кухню отругать служанку, зачем такой горячий суп подала. Она в это время наливала в таз теплую воду — собиралась мыться.

— Я сперва проверяю, лан ксендз, не слишком ли горячая, и только потом моюсь, — сказала она и попробовала воду пальцем.

С тех пор, прежде чем есть суп, ксендз всегда совал туда палец.

108. КАК НАКАЗАТЬ ВОЛКА

Один молодой крестьянин, сын зажиточного хозяина, ни за что не хотел жениться. Думалось ему, что слишком ранняя женитьба частенько добром не кончается. Совсем другого мнения был его отец. Он не устал твердить сыну, что неженатый хозяин немногого стоит, — недаром

же говорится, что изба тремя углами на хозяйке держится и только четвертым — на хозяине. Притом жену брать надо смолоду, поздняя женитьба — дьяволу потеха. Уговаривал, уговаривал отец сына — и своего добился: привел сын жену в дом. Да не повезло бедняге. Баба попала злая, сварливая, неуживчивая — суцая ведьма. Хозяйка она была никудышная, а непременно хотела всем верховодить. Что муж привозил в дом возами, то она умудрялась выносить из дому под фартуком. С утра до вечера они бранились и спорили из-за всякого пустяка. В доме, где прежде жили так тихо и мирно, теперь был ад крошечный. Муж под любым предлогом уходил из дому и возвращался скрепя сердце только поздно вечером.

Как-то ранней весной отец и сын поехали пахать участок поля, которое находилось среди леса. Каждый привел своего вола, и они запрягли обоих вместе, чтобы работа лучше спорилась. В полдень отец с сыном пошли домой обедать, а волов оставили в лесу. Привязали их к елям, подбросили каждому по охапке сена. И надо же беде случиться: рыскал в том лесу волк и учуял свежину. Вцепился он одному волу в горло, загрыз его, потом и другого сожрал всего, до косточек.

Воротились мужики после обеда, смотрят — нет на месте их волов. Искали, искали — и что же нашли? В одном месте — полхвоста, в другом — голова, в третьем — копыта да кучка требухи. Тут догадались они, что это волчья работа. Выследили разбойника и накрыли его в чаще, он до того нажрался, что с места двинуться не мог. Одолели его мужики без труда и стали советоваться, какую бы ему придумать кару посуровее. Отец сказал, что лучше всего зажать волку хвост в тяжелой расщепленной колоде и уморить его голодом. Но сыну казалось, что и этого мало.

— А знаешь что, отец? — сказал он вдруг. — Давай ничего ему не сделаем, только женим! Вот это будет страшнее самой жестокой казни!

109. КАК ХЛОП ОТУЧИЛ СВОЮ БАБУ ДРАТЬСЯ

Одна баба била своего мужа, и он ничего не мог с ней поделаться; приходилось выполнять все, что ей ни взбредет в голову. Однажды на пасху она велит ему свезти на ярмарку трех баранов, купить за них всего к празднику, а самих-то баранов обратно привезти. И еще наказала узнать, о чем судачат на ярмарке.

Хлоп, который бабы очень боялся, не стал перечить, хотя знал, что ему ничего не удастся сделать: как можно за баранов все купить и обратно их домой привезти? А не перечил он потому, что иначе баба его бы побила.

Вот едет он и голову ломает — как выполнить волю своенравной бабы? Уж очень он боялся взбучки от нее. А как добрался до города, совсем онешил — стоит дурак дураком, не знает, что предпринять. Вдруг подходит к нему какой-то горожанин и спрашивает, чего он нос повесил. Хлоп сперва не хотел говорить, что у него такая баба, но горожанин продолжал выпрашивать. И вот хлоп рассказал ему про свое горе: о том, что баба наказала всего привезти, а он-де не знает, как поступить.

— Э-э, не горюй, дружище, я тебе помогу, — сказал горожанин.

Велел он хлопцу везти баранов в лавку, там остриг их и вернул обратно, а за шерсть дал мужику все, что баба наказала купить.

Обрадовался мужик, что теперь баба не отдубасит его, когда он домой вернется, и собрался было в обратный путь, да вдруг припомнил, что ему надо узнать еще, о чем на ярмарке судачат.

Нашел он того горожанина-лавочника и спрашивает у него, как быть.

— И ты не знаешь, что ответить своей бабе, когда она спросит, о чем судачат на ярмарке?

— Да ведь как же! Моя баба умная и сразу догадается, если я ей навру, — ответил хлоп.

— Если она тебя спросит, — говорит горожанин, — так ты ей скажи: судачили, мол, о том, что если баба бьет своего хлопа, то у нее будет еще бóльшая власть над ним, стоит ей только засунуть голову себе под колено...

Обрадовался хлоп, что исполнит он все наказы своей бабы и та его не побьет.

Приехал он домой и отдал бабе покупки. Снимает баранов с телеги, а она спрашивает:

— А о чем на ярмарке судачили?

— Да вот сказывали, что если которая баба бьет своего хлопа, то у нее будет еще ббольшая власть над ним, стоит ей только засунуть голову себе под колено.

Обрадовалась баба, что еще сильнее теперь будет, пошла в сарай, села в закрOME и давай засовывать голову себе под колено. И так и этак — ничего не получается. Но наконец удалось ей как-то закинуть ногу на шею, и голова оказалась под коленом. И тут хлоп как начнет стегать ее веревкой, а она голову вынуть не может. Поняла баба, что обвели ее вокруг пальца. А хлоп знай стегает да стегает. Только когда отходил как следует, высвободил ей голову из-под колена.

С тех пор баба уже его больше не била.

110. О ХЛОПЕ, КОТОРЫЙ УМИРАЛ

Одному хлопцу гадалка предсказала, что он умрет, стоит ему трижды испустить дурной дух. Затужил хлоп, думает: «Я уж так привык к этому, как же тут удержаться!»

Наконец решил, что работать ничего не будет, — может, тогда и обойдется.

В это время как раз нужно было молоть зерно, но побоялся хлоп, что, если будет сам молоть, испустит дух. Вот он и думает: «Свезу на мельницу, и дело с концом».

Но и на мельницу ехать страшно: придется зерно подносить, тяжесть поднимать — так и до греха недолго. Помрешь — и мука не нужна будет. А работника, на ту беду, нет. Выходит — нужно ехать. Да и жена просит: поезжай, мол, но остерегайся, понемногу зерно носи, так, может, и смелешь.

Как пристала к нему баба, сама лошадей запрягла, сама нагрузила на телегу мешки и кадки с зерном, — оставалось садиться и ехать. Поехал хлоп. Вдруг на дороге — канава. Как трягнуло телегу, так и не смог он удержать-

ся — первый раз испустил дух. Чуть не заплакал хлоп, лишь тем себя утешил, что теперь будет еще осторожнее, а как привезет муку домой, так и вовсе делать ничего не станет — ляжет и будет есть.

Приехал он на мельницу, заплатил мельнику за работу, а сам только наблюдает, чтоб помол был хороший да чтоб зерно не украли. Смолот мельник зерно, сложил все на телегу, хлоп сел и поехал обратно.

Кони бежали резво. Подъехал хлоп снова к канаве, а сам все думает, как бы сдержаться. Но не тут-то было: колеса в канаву, а он — тр-рах! — и второй раз испустил дух. Снова чуть не заплакал с досады, да потом решил, что все равно — делать нечего.

— Теперь уж не вернешь! — утешал себя бедняга.

Двинулся снова в путь, а сам только думает, как бы третий раз сдержаться, чтобы хоть домой вернуться да муку-то съесть, а там будь что будет.

Да где там! Подъехал он к пастбищу. Дорога в гору, грязь, — коням тяжело, а он слезать не хочет, боится, чтоб в третий раз беды с ним не случилось. Не вытянули кони, остановились. Хлоп как стеганет по ним кнутом, да тут и в третий раз из него дух вон.

Заголосил мужик:

— Ой, смерть моя пришла! — А потом думает: «Зачем я муку домой повезу, если мне ее есть не придется, все равно умру? Из-за жепы помираю, это она меня на мельницу прогнала. А раз мне есть не придется, пусть и ей не достанется, раз уж она такая умная!»

И начал сбрасывать мешки и кадки на землю, потом лег возле мешков и лежит. Помирает.

А тут неподалеку свиньи паслись, подобрались к мешкам, давай рвать их да муку уписывать. А хлоп лежит и стонет жалобно, хотя у него ничего не болит, да на свиней покрикивает:

— Был бы я живой сейчас, я бы вам показал! «У-у — волки идут!»

А свиньи и ухом не ведут — знай уплетают.

В ту пору ехал какой-то мужик на телеге и еще издали слышит стоны и крики. «Больной, что ли?» — думает. Подъехал ближе и слышит, что хлоп стонет.

Мужик спрашивает:

— Что с тобой?

— Ой, не спрашивай! Конец мой пришел!

Догадался тут мужик, что болезнь-то притворная, поднял с земли кнут и давай стегать хлопа. Стегал, пока тот не вскочил на ноги, забросил на телегу кадки и мешки, что свиньи еще испортить не успели, погнал во всю прыть домой.

Проходит неделя, другая, а он жив и здоров, только спина от кнута побаливает.

Смекнул тогда хлоп, что обманула его гадалка. Локти готов был кусать, да уж не вернешь муки-то, что свиньи сожрали да рассыпали.

С тех пор перестал хлоп гадалкам верить.

111. ПРО ПАНА, КОТОРЫЙ ВСЕ ПОТЕРЯЛ

Жил когда-то пан — богач, каких мало. Были у него леса громадные — дубовые, буковые, сосновые, — много земли и фольварков, а на тех фольварках — все, что только человеку нужно. Да, добра у пана было много, слишком даже много.

Но пан этот сильно пил. И пропил сначала леса, потом земли, а там и усадьбу и все свое имущество. До тех пор пьянствовал, пока не разорился вконец.

А когда потерял все, что имел, сел он в кресло и велел позвать лекаря.

Приехал лекарь, осмотрел его, обстукал, выслушал, велел язык показать, а потом головой покачал и говорит:

— Не нахожу я у тебя, пане, никакой болезни, ты здоров, как рыба в воде.

— Загляни-ка ты, доктор, мне в горло, — сказал пан. — Там наверняка увидишь что-нибудь.

Разинул он рот как можно шире. Лекарь смотрел, смотрел.

— Нет, — говорит, — в горле у тебя ничего такого нет.

— Да ты гляди как следует! — твердит свое пан. — Там, наверное, что-нибудь да есть.

Лекарь опять заглянул ему в горло, смотрел долго и внимательно, но, как и прежде, ничего не увидел и сказал пану, что он может уже закрыть рот.

Задумался пан.

— Удивительное дело! Ведь через эту глотку ушли мои волы, овцы, все имущество. Уходили поля, дома, деревья, целые леса. Вот я и подумал — авось хоть один сук у меня там застрял, тогда я мог бы по крайней мере посох себе из него вырезать да идти побираться. Ну, раз уж и в глотке ничего не осталось — что поделаешь? Надену суму.

И по миру от дома я к дому пойду —
Может, хоть немного съестного найду.

Обидел я жену и детей, сделал их нищими. Теперь мне одна дорога — с сумой ходить и петь:

Ох ты, водка огневая,
Льешься в горло, как шальная.
Ты от пекла нам дана,
Тебя придумал сатана.
Ох, горилочка-злодейка
Согнала с родной земельки!

112. КСЕНДЗ И МУЖИК

Один мужик лет тридцать не ходил к исповеди, а был он большой плут, всегда норовил выманить что-нибудь или стащить. Раз говорит он своей жене:

— Завтра пойду к исповеди.

Та согласилась да еще похвалила его. Мужик встал на рассвете и пошел исповедоваться. Приходит к костелу — а там еще закрыто. Он зашел в дом ксендза, заглянул в печь и видит два добрых куска солонины. Стащил он эту солонину, отошел подальше от костела и спрятал у леса. Вернулся потом обратно и видит, что костел открыт. Мужик вошел и уселся на лавку перед алтарем. Ксендз приходит в костел служить мессу, подошел к алтарю поправить лампаду, чтобы лучше светила, а камилавку свою положил на алтарь. Потом пошел в ризницу, а камилавку забыл. Мужик подошел, схватил ее, сложил и спрятал в карман. После мессы ксендз стал мужика исповедовать. Мужик говорит:

— Я вытащил свинью из канусть. — (Это он про солонину, что из щей украл.)

Ксендз:

— Правильно поступил, это не грех, это хороший поступок, Ну, что же ты еще сделал?

— Шапку снял у алтаря.

— И это правильно, так и нужно. — (А мужик-то с алтаря украл камилавку.)

Ксендз понюхал табак и положил табакерку на исповедальню. Мужики табакерка понравилась, и он стал смеяться, как бы ее украсть. Говорит он ксендзу:

— Есть у меня один очень большой грех, но я боюсь о нем рассказать.

Ксендз говорит:

— Не бойся, никакой ксендз ничего тебе не может сделать и об этом грехе никому не смеет сказать, а то ему язык оторвут или отрежут.

Ксендз еще договорить не успел, а мужик — цап табакерку. Ксендз кричит: отдай, мол, а мужик одной рукой схватился за свой язык, а другой водит по нему, показывает, что, мол, ксендз не должен болтать перед людьми, что было на исповеди.

Ксендз застыдился и ничего ему не сказал.

113. О МУЖЕ, КОТОРЫЙ ЖЕНУ ПОПРЕКАЛ

Один муж все бранил жену, что он-де от нее помощи не видит, что в хате и делать-то нечего, а она все дома сидит. Наконец жене надоели эти попреки, она и говорит:

— Раз я в хате ничего не делаю, так оставайся ты дома и сделай все за меня, а я за тебя пойду в поле. Но смотри и муку на жерновах смели, и хлеб хорошо вымеси, и курицу с цыплятами устереги, и масло сделай.

Он отвечает:

— Хорошо, хорошо, иди. — А сам думает: «Я за час все это сделаю, а потом буду отдыхать».

Стал он первым делом молоть, а кадушку со сметаной привязал к поясу: хотел сразу и муку смолоть и масло сбивать. Вот мелет он муку и масло сбивает, а тут приле-

тела ворона, расправляется с цыплятами так, что в избе слышно. Он жернова бросил и во двор бежать, тут сметана-то и пролилась — кадушка, что к поясу привязана была, перевернулась. Он — к курице, а ворона уже только двух цыплят оставила. Стал мужик думать, что ему делать, стоит ли стеречь остальных. Взял да и перебил их.

Принялся за хлебы. А тут давай его мухи кусать; как муха его куда жиганет, — он рукой по тому месту. Как увидит, что муха на стену села, — бац туда тестом. Сам весь измазался и стены залепил. Наконец и теста у него не осталось — все ушло на этих мух, что его кусали. Одних перебил, а другие снова над ним выются. Вот он и думает: «Что бы такое сделать, чтоб от мух спастись?»

Взял и весь измазался в смоле, а мухи еще хуже к нему липнут. Он уж и сам не знает, что ему делать; взял да и помчался в поле к жене.

А та подумала, что это черт, и давай удирать домой. Вбегает в хату, а там такое творится, что и пером не описать: сметана пролита, цыплята задушены, тесто из квашни по стенам расшлепано, печь не затоплена. А ее мужик вбегает следом в хату и говорит:

— Жenuшка, ты не бойся меня. Это я смолой вымазался, с мухами сладить не мог, чтоб им пусто было. Только я уж теперь никогда не останусь в хате и тебе, жenuшка, буду верить, что и дома есть работа.

114. ГЛУПОМУ СЫНУ И УРОК НЕ ВПРОК

Один хозяин снаряжал на ярмарку сына с волами. Было это в воскресенье, а идти на ярмарку собирался он в понедельник. Сын молодой, мало еще бывал на ярмарках, вот отец и учит его, как нужно продавать, как остерегаться, чтоб деньги у него не украли:

— Спрячь хорошенько, а как выйдешь из города, не пересчитывай, а то случится с тобой, как с тем человеком, что у шлагбаума деньги считал.

— Батюшка, а как это было?

— Как? Да вот как. Продал он волов в Рыманове и уселся на бревнах у шлагбаума, деньги пересчитывает, все одно серебро. А вор-то его заметил еще как он волов продавал. Как бы это у него деньги выудить? Купил вор гвоздей, молоток да каленых орехов. Сел позади мужика и будто орехи колет, а сам как стукнет молотком, так и прибьет гвоздем рубаху мужику. Незаметно со всех сторон прибил рубаху к бревну. Мужик пересчитал деньги, сунул в мешок и собирается домой. А вор-то хватъ мешок да удирать. Мужик — за ним, а тут — стоп, рубаха не пускает. Он — в крик, народ собрался: «Что такое, что случилось?» Пока мужик гвозди из рубахи повытаскивал, вора и след простыл. Так и пропали денежки.

— Ну, уж теперь я буду знать, — говорит парень.

И пошел в понедельник с волами. Продал, деньги тут же пересчитал, да и спрятал за пазуху. А вор-то уже сбоку подстерегает, как бы у него эти деньги стащить. Ходит, ходит вокруг — да что толку? Видит: за пазухой у парня целый бугор выпячивается; это были еще австрийские серебряные цванцигеры, — да как до них добраться?

Вдруг видит он другого вора. Тот говорит ему:

— Браток, что у тебя?

— Да вон у того денег уйма за пазухой, да черта с два у него достанешь.

— Знаешь что, продай его мне.

Договорились они, и один другому предал этого парня. Первый вор отступился, теперь второй с него глаз не спускает.

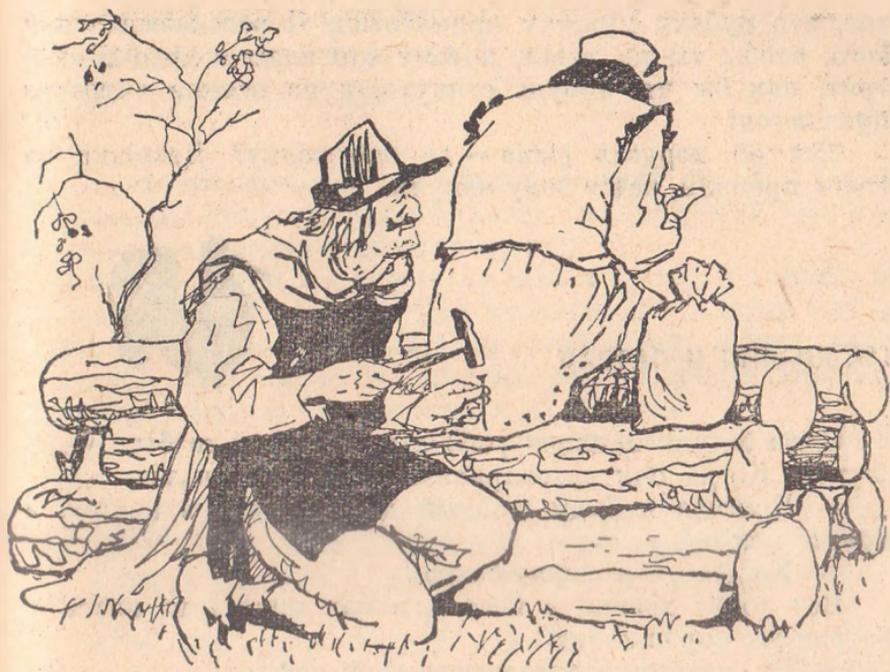
Подходит он к парню и говорит:

— Хозяин, хочу я вас попросить — надо мне купить ризу для нашего ксендза, а вы ростом как раз с него: пойдите со мной; если вам будет впору, то и нашему ксендзу будет впору.

Парень обрадовался, что наденет на себя ризу, и пошел с вором в лавку. Вор на него ризу примеряет, натягивает, да и говорит:

— Тут у вас какой-то бугор под мышкой, риза плохо лежит.

Парень вынул кошель и положил на прилавок, а вор знай вертит его во все стороны, и как парень повернулся спиной к прилавку, вор говорит:

— Ну-ка, постойте вот так, а я посмотрю издали.

А сам тем временем хватъ кошель, да и драла. Парень постоял минутку, оглянулся — а вор уже на улице. Парень как был в ризе — за ним. А лавочник — за парнем. Собрался народ, диву дается, что человек в ризе бежит. Позвали жандармов и хотели его арестовать, да свидетели нашлись, что он волов продал, поручились за него, и парня отпустили.

Пришел он домой с плачем. Отец еще ни о чем не знает.

— Эх, батюшка! Видно, состарились вы: говорили вчера о ворах — почему же мне ничего о ризе не сказали?

— О какой ризе?

Тут сыночек рассказал отцу, что с ним приключилось. А отец:

— Ах ты дурень, дурень, ну слыханное ли это дело — таким ослом быть! Посмотрите-ка на него! Настоящий теленок, — рассказывай ему такие глупости, каких еще никто не слыхивал! Где ж ты видел, чтобы ксендз батрака за ризой посылал? Полюбуйтесь на него, добрые люди! Ведь я не к тому рассказывал, что воры везде такие, как

тот, что рубаху мужику приколотил. Я рассказывал для того, чтобы ты не зевал, потому что воры только и смотрят, как бы что-нибудь стянуть, и на всякие хитрости пускаются!

Так он изругал сына — да что толку? Денежки за волов пропали, как в воду канули.

115. ХОЗЯИН И БАТРАК

Один батрак нанялся работать, а хозяин-то был очень скупой. Когда они договаривались, хозяин сказал:

— Полгода я буду каждый день ходить в костел, а другие полгода — ты.

— Хорошо, — говорит батрак.

Вот ходит хозяин в костел, а как придет из костела, батрак его спрашивает:

— Ну, хозяин, что в костеле-то было?

— Сегодня пост и завтра пост, — отвечает хозяин, и так было каждую неделю, редкий день был без поста. А хозяину та выгода от поста была, что он тогда батраку меньше есть давал. Батрак как мог, так терпел, и полгода прошли.

Наступила очередь батрака ходить в костел. Приходит он из костела и говорит:

— Ой, хозяин, в костеле-то говорили, что завтра праздник и послезавтра праздник.

Вот батрак и работал едва один день в неделю, потому что все другие дни были праздничные, и целых полгода он почти ничего не делал.

116. ПРО ПЬЯНОГО МУЖИКА,
КОТОРОМУ ПРИМЕРЕЩИЛОСЬ,
БУДТО ОН СТАЛ КСЕНДЗОМ

У одного мужика были быки. Погнал он их в Скалу и продал. Выручил много денег, на радостях напился в кабаке, а потом свалился в канаву.

Вечером шел по дороге парень, видит — в канаве человек лежит. Перевернул он мужика, сунул руку ему за пазуху, а там — деньги. Парень снял с него кожух, надел на себя, а на мужика напялил свой наряд — ксендзову рясу, потому что парень учился на ксендза.

Утром проснулся мужик, смотрит — на нем ксендзово облачение.

«Каспер я или не Каспер? — думает мужик. — Пойду-ка домой; если меня узнает мой пес — значит, я Каспер».

Только подошел к дому, а пес на него как накинется!

Призадумался мужик:

«Выходит, я не Каспер?.. Зайду-ка еще в хату. Если и жена не узнает — ну, тогда я и вправду не Каспер».

Зашел в хату, а жена ему говорит:

— Как вы сюда попали, пан ксендз? Уж коли приплы, так освятите мне, пан ксендз, хату!

Стала она жарить ему яичницу, а он вынул из рясы книжку, повертел — читать-то не умеет, — покрошил немного в хате и ушел.

Пришел в город на церковный праздник. Много ксендзов туда понаехало проповеди читать. Спрашивают они у мужика:

— А вы, пан ксендз, с чем приехали?

— С чем вы, с тем и я, — отвечает мужик.

Велели они ему прочесть проповедь. Вышел мужик на амвон, да так прямо и брякнул:

— Помните, хлопцы: если не исправитесь — мы с вас три шкуры снимем!

Слез с амвона, ксендзы накинулись на него, задрали облачение, видят — а там холщовые портки! Избили мужика до полусмерти.

Пошел он домой. Увидела его жена, схватила метлу и давай лупить, приговаривать:

— Где деньги за быков, а? Где?..

А он говорит:

— Небось когда я тебе хату кропил, о деньгах забыла, личницу жарила? А теперь метлой охаживаешь?..

Что с дураком поделаешь? Оставила его баба в покое.

117. ВЗДОРНЫЕ СУПРУГИ

В Незабышеве, около Бытова, жили супруги, которые поженились не по любви, а из расчета.

Он, Рацлав, был старым холостяком. Долгие годы вместе с матерью вел небольшое хозяйство, главным богатством которого была корова. Мать, хотя и старушка, еще прибирала комнаты, доила корову, кормила поросенка, занималась всем по дому и особенно заботливо ухаживала за сыном. Под такой опекой Рацлав чувствовал себя отлично, не обращал внимания на женщин и не помышлял о женитьбе.

Но вот однажды мать не пробудилась от сна. Навалились на сына заботы. Не мог он управиться со всей работой, и хочешь не хочешь пришлось ему подыскивать хозяйку в дом.

Нашлась такая. Была это Дорота, старая дева, которая до того времени напрасно высматривала сватов. Когда Рацлав спросил ее, не хочет ли она стать его женой, старая дева зарумянилась, как шестнадцатилетняя девка, и ответила поспешно:

— Да, да, очень!

Таким-то образом Рацлав и Дорота сделались супругами. Но оказалось вскоре, что брак их был ошибкой. Не подошли они друг другу. Старохолостяцкие и стародевичьи привычки слишком укоренились в них, и они не могли их теперь преодолеть. Начались взаимные укору да свары.

Рацлав упрекал жену, что она не умеет готовить и кормит его куда хуже, чем кормила мать. Дорота обвиняла мужа в том, что он не заботится о ней, что постоянно ею помыкает. В минуты гнева бросались они обидными словами, попрекали друг друга.

— Недотепа!

— Бессердечный!

— И зачем я только на тебе женился!

— Убегу из этого пекла!

Привыкли уже говорить только слова горькие и злые, смотреть друг на друга с отвращением. Сердца их ожесточались все больше. Ругались супруги промеж себя даже на людях. А потом и того больше: озлобившись, стали и на других смотреть неприязненно. Люди не хотели заходить в их дом. Не заглядывали сюда даже нищие за подаванием — знали, что ничего не получают.

Один раз работали Рацлав и Дорота в поле, вскапывали лопатами землю, чтобы посадить овощи. И опять вспыхнул между ними бурный спор. Он хотел конец полгу засеять брюквой, она — морковью.

— Тут будет брюква, — сказал он. — На корм для коровы.

— Нет, тут будет морковь, — ответила она. — Мне пужна она для кухни.

— Корове нужен корм. Мне корова милее, чем все твое бабье хозяйство.

— Если тебе корова милее, чем я, то пусть тебе корова готовит и стирает, а я ухажу!

— Ну и иди себе, я тебя не держу!

Дорота затряслась от злости.

— А чтоб тебе камнем стать! — крикнула она.

Перестали копать, топчутся друг против друга, злоязычат и размахивают кулаками.

И вдруг случилось так, что тут же эта сварливая пара окаменела. Так и стоят они по сей день на том поле как устрашающий пример вздорных супругов.

118. БЕДА С ОДНИМ ГЛАЗОМ

Жили на свете три брата: скорняк, портной и кузнец. Поселилась в деревне беда — совсем изголодались люди. А у братьев всегда есть что в рот положить и во что одеться.

— Эй, говорят люди про беду. Хо-хо! А какая она, беда? Мы не знаем, что за беда. — И отправились братья искать беду.

Идут, идут, пришли в лес и очутились у какой-то избушки. Зашли внутрь; сидит бабица одноглазая и печет картошку. А в избе и в хлеву полно баранов.

— Вы зачем сюда явились?

— А мы идем беду искать.

— Ну, так и нашли — я ваша беда!

Тут братья струхнули. Вот скорняк и говорит:

— Беда моя, беда, только не удави меня! Я тебе сделаю кожух.

А беда отвечает:

— На что мне твой кожух? — Хвать мужика за шею, только братья его и видели.

Портной тоже давай просить, пообещал рубаху полотняную сделать, но и его беда задушила. Остался кузнец, здоровый мужик. Запел он:

Эй, беда моя, беда,
Не тебе меня давить,
А удавишь — так сама
В землю будешь хоронить.

Беда рассмеялась и говорит:

— А ну, спой еще!

Но кузнецу не до песен. Хоть и сильный был, а все равно испугался — видел, как старуха братьев душила. Он и говорит:

— Эй, беда! Хочешь, я тебе глаза сделаю? Так-то, с одним, не больно красиво. А то будет два, как у меня.

— А сделаешь?

— Отчего бы нет?

— Ну, сделай.

Кузнец схватил кочергу, которой старуха угли шевелила, накалил, выжег ей последний глаз, и делу конец! С тех пор стала приставать беда к таким людям, которые работают как лошади. А иной мерзавец и лежебока, случается, что и хорошо живет. А все оттого, что беда слепая, не знает, к кому идет.

Тут беда разъярилась и — на кузнеца. Кузнец бежать, да в хлеву и укрылся. Беда завопила, ищет его среди баранов, но кузнец все от нее прячется. Тогда беда села у порога, стала подзывать баранов по одному, проведет рукой по спине и пропускает. Коваль видит — дело плохо, схватил баранью шкуру, что была там, завернулся в нее, а свою рубашку снял и натянул на барана. Сам идет

на карачках, блеет. Беда ощупала его и пропустила, а барана того в рубашке, которого кузнец все назад отпихивал, беда потрогала:

— Ого, вот кузнец! — И хрясть его об землю, убила, а кузнец на дворе:

— Ха-ха-ха!

Беда совсем рассвирепела от злости — да что поделаешь?

— Кузнец!

— Ну?

— Знаешь что? Я уж с тобой ничего не могу поделать. Но есть там в лесу золотой ключ. Пойди по этой дороге и найдешь его. Возьми себе — пригодится, раз ты кузнец. Не жаль мне его для такого удалца!

Кузнец идет, идет, глядь — висит ключ. Ага! Взбирается, берет ключ, как вдруг рука приросла. Смотрит с дерева, а беда уже летит к нему. Что тут делать? Был у него здоровенный нож, раз — и отхватил руку по локоть. Беда подходит, берет ключ, а на нем рука висит.

— Вот видишь, кузнец? Искал беду, теперь получил ее — без руки не заработаешь!

И так все трое нашли беду.

119. О ПАНЕ И ЕГО ПОВАРЕ

Один пан получил от отца большое хозяйство и управлял им, как хотел. Бог знает, чего он только не выдумывал!

Однажды отгородил этот пан большой участок за конюшней и велел всей деревне ходить туда оправляться, а кто нарушал его приказ — того наказывал. Виноватого приводили к пану, раскладывали на лавке и пороли нещадно по заднице.

Крестьяне до того боялись пана, что каждый бегал только на этот участок, да еще и за другими следил.

Так продолжалось год. Потом участок вспахали и посеяли на нем пшеницу.

Пшеница уродилась на славу. Убрали ее, смолотили. И вышло у пана той пшеницы сто мер. Зерно свезли на мельницу. Смолот его мельник. Привезли муку пану,

а тот велел сразу приготовить галушки. Взятся повар за дело, а сам думает:

«Погоди же, я тебя проучу, раз ты такой умный».

Отсыпал он муки, сходил в нее за большой нуждой, замесил тесто, состряпал галушки и подал их своим господам на стол.

Едят господа галушки, а от них так и несет. Пан к повару:

— Что ты сделал с галушками, ведь от них воняет!

— Я-то ничего не делал, — сказал повар. — Это от земли, она пропиталась дерьмом, и дух от него по соломе достиг колоса. Оттого и мука такая нехорошая.

Подумал пан и решил:

— Правду говорит повар.

И велел он всю муку раздать крестьянам. Участок же приказал разгородить.

Так повар проучил своего пана.

120. КОПЬ С ТРУТОМ В УХЕ

Пошел однажды разбойник в город за продовольствием, да еще дали ему наказ горшков и котелков купить. Вот приходит он на ярмарку и начинает выбирать горшки, а сам думает, как бы его не узнали, что он разбойник. Вот он и прикинься дурачком — возьмет горшок и не выстукивает его, чтоб проверить, целый ли он, а схватит за края и тянет, так что у самого глаза на лоб лезут. Но он это, дорогие мои, только в шутку так делал, горшок-то он разорвать не собирался.

А тут прибегает баба. У нее ум короткий; видела, как мужик горшок растягивал — пробовал, крепкий ли. Вот и она стала так же выбирать, да тянула-то изо всех сил и разорвала два горшка.

А сама-то бедная, в кармане у нее пусто, за горшки и заплатить нечем.

Разбойник и говорит горшечнику:

— Она не должна платить: горшок был слабый.

А горшечник ничего слушать не хочет, побежал за полицейскими. Те пришли и забрали у бабы последнюю юбку. Вот как!

А разбойник купил два крепких горшка, заплатил за них, как полагается, и пошел себе. Да чувствует сам, что он виноват. Жалко ему стало бабу.

Вергулся он, снял шляпу и спрашивает горшечника, не позволит ли он своей кобыле, что горшки привезла, прийти к нему завтра ненадолго.

Говорит:

— Сын ее у меня зимовал, такой ладный жеребец. Завтра он женится, я хочу ему свадьбу справить, уж больно хорош он удался. Так он велел, чтоб я его мать позвал. Вот я и хочу позвать.

А горшечник ему:

— Ты, парень, дурак настоящий. Ни на какую свадьбу я кобылу не пущу, она мне нужна.

А разбойник снова просит, чтоб хозяин позволил ему перемолвиться с кобылой. Что она, мол, не заяц — не убежит, и не соль — он ее не слизнет.

Горшечник наконец согласился. Разбойник пошептал, пошептал что-то кобыле, а потом поблагодарил хозяина.

— Ну, что ж ты ей сказал? А она тебе что ответила?

— «Мой хозяин, говорит, ни за что на свете не пустит меня на свадьбу, он меня очень мучает. Ну, нет так нет, горевать не буду. Я здесь эту свадьбу справлю».

Рассказал разбойник и пошел, куда ему нужно.

Минуты не прошло, как вдруг кобыла начала фыркать, крутить хвостом и взбрыкивать, а потом как начнет выпли-сывать по горшкам. Переколотила все горшки до единого.

Разбойник-то был парень хитрый и, когда с кобылой говорил, зажег трут и вложил ей в ухо. Как стало ее припекать, она давай головой крутить и все горшки вдребезги перебила.

Так-то, мои дорогие, разбойник отомстил горшечнику за бедную бабу. Вот оно что!

121. «УЛЮЛЮ...»

Не раз мужик мужику дает совет в трудную минуту пустить всю свою силу в ход. И гурالي при этом частенько говорят так:

— Словами горю не поможешь. Чай, сами знае-

те — от одного «улюлю» больше пользы, чем от ста молитв.

Теперь уже мало кому понятно, что означает эта поговорка. Если хотите знать, откуда она взялась, послушайте гуральскую побасенку.

У одного зажиточного хозяина служил пастух. Хотя в горы он хозяйских овец не гонял и пас их на лугу неподалеку от дома, но и сюда раз подобралась волки. Известно, эти звери на баранье мясо падки и рыщут повсюду. Увидел их пастух, встревожился и спрашивает у хозяина, как быть, если волк на овец нападет.

А хозяин ему:

— Ну, что ж тут делать? Богу помолись, тогда волк ни одной овцы не унесет.

Вот волк подкрался к стаду и кинулся на овец. Он их душит, а пастух, помня наказ хозяина, твердит одну молитву за другой. Наконец видит парень — дело плохо, от стада уже только несколько ягнят осталось. Тут он как заорет изо всей мочи на разбойника волка:

— Улюлю! Улюлю!

Потому что охотники, когда гонят зверя, всегда так кричат.

И это улюлюканье помогло лучше всякой молитвы. Волк испугался и убежал в лес.

Воротился пастух домой и говорит:

— Эх, хозяин, хозяин, вы мне наказывали богу молиться, а волк молитв не испугался. Только когда я заулюлюкал, он бросил овец — и в лес... Видно, от одного «улюлю» больше пользы, чем от ста молитв.

122. ЖАДНЫЙ ОРГАНИСТ

Одна старуха, очень богатая и скупая, но набожная, боялась смерти и все думала, как бы ее избежать. Органист узнал об этом, стал чаще к ней захаживать и распинаться на божественные темы.

— Уж вы мне верьте, кума, — говорил он, — тот человек не умирает, на ком почиет божья благодать.

— Не умирает! — воскликнула баба, слушавшая внимательно.

— Да, — изрек органист. — Кто сподобится божьей благодати, тому бог под конец жизни дает бессмертие: присылает ангелов, которые берут его живым на небо, как пресвятую деву. И живет он в раю новой жизнью, еще лучше, чем на земле.

— А что нужно сделать, чтобы получить эту божью благодать? — спросила старуха.

— Вон вы что хотите знать, кума! Это большая тайна, не каждому можно ее доверить. Но вам я скажу, потому что вы меня угощали и привечали. Но только, ради бога, никому не проговоритесь.

— Будьте спокойны, — заверила баба.

— Если уж вы обязательно хотите, так слушайте. Тот, кто желает сподобиться божьей благодати и жить вечно, должен свое состояние: талеры, дукаты, кораллы, кольца — все, что у него есть, тайно принести в костел и возложить на алтарь какого-нибудь святого, которому он отдаст себя под защиту. Но этого мало: несколько ночей подряд нужно стоять на коленях пред алтарем; и вот зашумит в воздухе, спустятся ангелы и на крыльях унесут на небо.

Поверила баба органисту и все свои драгоценности принесла на алтарь. Органист каждую ночь впускал ее в костел, чтобы в горячей молитве дожидалась она чуда.

Про себя же думал: «Стой, стой на коленях, глупая баба, натруждай свои старые кости, а я обдеру тебя как липку».

Баба одну ночь молится в костеле и другую ночь стоит на коленях, не отрывая глаз от денег на алтаре, а чуда нет как нет. На третью ночь, когда баба на коленях призывала чудо, она вдруг заметила, что кто-то спускается из окна. Видит — пустая корзина привязана на шнуре. Эту корзину спускали в костел два вора для третьего, который тайком от всех спрятался там раньше, чтобы забрать драгоценности, а органист об этом тоже ничего не знал.

Увидела баба человека, который вышел из-за алтаря, и подумала, что это ангел. А вор решил избавиться от старухи, взял ее на руки, как ребенка, посадил в корзину и крикнул:

— Готово!

Воры подняли бабу наверх, а она радовалась, что дождалась-таки чуда и вознеслась наконец на небо.

Прежде чем баба пришла в себя, они обчистили костел и с добычей убежали. А органисту достался шиш.

123. ПРОЗОРЛИВЕЦ

Жил на селе один парень, которому непременно хотелось стать ксендзом, хотя все знали, что из такого растяпы и неряхи ксендза не выйдет. Но он так надоел домашним, что мать наконец отправилась с ним к приходскому священнику. Пусть, мол, отец духовный проверит — может ли ее сын стать ксендзом?

Посмотрел священник на сопляка, неумытого и нечесаного, и решил про себя: «Подожди же, дурень! Я так тебя проэкзаменую, что больше никогда не захочешь быть ксендзом!»

И спросил парня:

— Коли ты, мой дорогой, такой умный и хочешь стать ксендзом, то поведай мне: что такое быстрота?

— Гм!.. Быстрота, — бойко начал парень, — это вроде горы, такой крутой и высокой, что на нее одним духом и не заберешься.

Священник усмехнулся.

— Глупенек ты, мой дорогой, как, с позволения сказать, лопоухий щенок. Быстрота — это огопь; когда что-нибудь загорится, то пламя сразу взметнется вверх, вспыхнет зарево — огонь отовсюду видно! Вот что такое быстрота, сын мой, а никакая не гора. А теперь ответь мне: что такое радость?

— Гм!.. Радость, — отвечает парень все еще решительно, — это утеха да веселье. Когда сердцу весело — это и есть радость.

— Ох, несмышлениш ты, несмышлениш! — сказал в ответ священник. — И тебе быть ксендзом? Тебе?! Да ведь ты ровным счетом ничего не смыслишь.

Мать хлопца стоит и только головой кивает, а священник втолковывает:

— Чтобы сердце развеселилось, должна быть причина. Когда в полях урожай хороший, а на деревьях не видно листьев от множества яблок, слив, груш, когда на гумне полно снопов, а в сусеках — зерна, — вот это и есть радость, это и есть утеха, тогда-то сердце и веселится. Ничего ты еще не знаешь, парень. Но раз уж ты пришел экзаменоваться, я еще спрошу тебя: что такое изобилие?

Парень подумал, что надо, пожалуй, быть похитрее. Ежели ксендз задает такие коварные вопросы, то и ответ должен быть хитрым. Иначе совсем уж священник опочит его перед матушкой! Задумался парень на минуту и не торопясь ответил:

— Значит, изобилие... Я думаю, что это урожай на все: в огородах полно овощей, в садах — плодов, на полях — жита, в лесах — ягод, а в хозяйстве большой приплод и жеребятами и телятами...

— Ох, был у твоей матери приплод теленком, — прервал его священник, — когда ты на свет появился! Так ты думаешь, что гладко повторять за пани матушкой молитву — этого уже достаточно, чтобы быть ксендзом?! Твое счастье, что я еще не дочитал требник, а то бы вымолотил я тебя палкой, чтобы тебе раз и навсегда расхотелось экзаменоваться! Слушай же ты, глупец! Изобилие — это вода, потому что ее больше всего на свете: в реках, морях и колодцах. Видишь, до чего ты глуп! Ни дать ни взять кот, что съел свечку, а потом сидит в потемках! Ну, а чтобы твоя дурная башка не думала, что я завидую и не хочу допустить тебя учиться на ксендза, задам тебе еще один вопрос. Только подумай хорошенько, а то опять попадешь пальцем в небо. Итак, поведай мне: что такое прозорливец?

Парень думал, что напоследок священник его бог знает о чем спросит, а тут вдруг такой легкий вопрос. Задумался парень и стал прикидывать — в чем же здесь заковыка?.. Долго и так и этак прикидывал и наконец ответил:

— Кажется мне, что тут нечего долго канителиться. Прозорливец — это тот, что видит все сразу, как мой татусь. Он только выйдет за хату — и сразу видит, не пасет ли кто скотину на нашем участке около молодых елочек...

Тут священник как подскочит к хлопцу да как даст ему по заливку!

— Прозорливец — это кот, потому что он видит ночью, понимаешь ты, урод ты этакий! Ты что, осел, хочешь отца своего к коту приравнять?! А четвертая заповедь?! Ах ты дурак! Так-то ты считаешь своего родителя?!

Накинулся священник на парня, и мать тоже грохнула сына по спине, аж эхо отозвалось:

— Тебе пальцем в носу ковырять, а не ксендзом быть, осел ты безголовый!

У бедняги в глазах потемнело. Поцеловал он священнику руку и побрел домой, а позади шла мать и всю дорогу подгоняла его тумаками. Когда узнал об экзамене отец, тоже рук не пожалел.

Вот так и остался царень ни с чем. Но в сердце его глубоко запала обида на священника. Только о том и думал, как бы отомстить ему за такой экзамен.

Однажды, когда священник читал требник на крыльце своего дома, подходит к нему этот самый парень, низко кланяется и говорит:

— Прошу прощения, нан ксендз, прозорливец с быстротой полетел к радости, а если не будет изобилия, то и радости не будет.

— Что? Что? Что ты мелешь, бродяга?! — закричал священник.

— Видно, батюшка забыл об экзамене, раз меня не понимает. А я ведь правду говорю: ежели мигом не придет изобилие, то уйдет и радость.

— Иди-ка ты, дурак, со своими загадками туда, откуда пришел! А не то вот пройдусь по тебе палкой!

— Вот как! Ну, если у батюшки такая короткая память, я напомию. Ведь прозорливец, по-вашему, — это кот. Так вот он с быстротой, то есть с пучком горячей соломы, привязанной к хвосту, пустился к радости, то есть на гумно вашей милости. Вот я и говорю: если не будет изобилия, воды, — гумно загорится, и тогда прощай вся ваша радость!

— О боже милостивый! — закричал священник, увидев, что уже занялась крыша риги.

Прошло с того времени несколько дней. Однажды увидел священник мать того парня, подзвал ее к себе и сказал:

— Можете отдать вашего хлопца в учение, если уж ему так не терпится стать ксендзом. Кажется мне, что па экзамене я в нем не разобрался...

Ну, вот и все. Отдали парня в учение. Тут и делу ве-нец, и нашей сказке конец.

124. ОТКУДА ПОШЛА ПОГОВОРКА: «В ШЕСНЕ ДЬЯВОЛ МАТЬ ДАЕТ»

Давным-давно, в старые времена, в Шесне, деревне Мронговского повета, была гмина.¹ Управлял этой гминой староста, а помогал ему посыльный.

Так вот. В эту гмину входила одна деревня, где жила вдова Козянка со своим сыном. Решила она передать сыну свое маленькое хозяйство, а сама собралась жить на его попечении. Пока хозяйство было в руках матери, сын обращался с матерью, как полагается. Жили они хорошо, в мире и согласии. Но как только сын почувствовал себя хозяином, сразу же переменялся: стал часто выпивать, изводил свою мать придирами и даже бил.

В те поры староста гмины был одновременно и мирским судьей. Наказывали тогда строго: розгами били, плетьюми.

Вот старушка, видя, что надеяться па исправление сына нечего, написала старосте жалобу: мол, и обзывает ее сын, и изводит, и бьет.

Староста распорядился, чтобы посыльный вызвал сына с матерью к нему.

Сын узнал об этом и понял, что дело его плохо: всыплет староста ему батогов. Стал он тогда просить у матери прощения. И руки ей целует, зарекается бить и обижать ее. Ну, а у матери сердце за сына болит, поверила она ему и отправилась в гмину, чтобы упросить пана старосту не наказывать сына, — обещает, мол, он никогда больше ее пальцем не тронуть.

Пан староста выслушал и сказал:

---

¹ Г м и н а — община.

— Хорошо, но только запомните: второй раз ко мне по этому делу не приходите.

С таким грозным предупреждением старуха вернулась домой. Сын был очень доволен, благодарил мать. Зажили они опять в мире и согласии.

Но вот прошло немного времени, и забыл сын свои обещания. Снова начал он бить свою мать, обзывать по-всякому и изводить, как раньше.

Волей-неволей пришлось матери идти снова к старосте, уже не хватало больше у нее терпения.

Увидел пан староста старушку и сразу сказал:

— Разве не остерегал я вас? Вот теперь получайте то, что должен был ваш сын получить.

Но тут же посмотрел староста на обиженную старую женщину и смягчился. Опять приступил к разбору дела.

Когда сын узнал об этом, снова стал просить у матери прощения. Чего он только не делал! Обнимал и целовал мать, ползал перед ней на коленях и все клялся, что уж больше никогда обижать ее не будет. Мать ему толкует, что не может взять жалобу обратно, а то разгневанный староста накажет ее самое вместо сына. А сын все не перестает упрашивать, пока материнское сердце не смягчилось.

Когда настал день суда, взяла она в руки палку и вместе с сыном отправилась в гмину. В дороге на нее нашло какое-то затмение — очень уж она боялась гнева старосты.

Подходит она к гмине, садится на лавке перед домом и словно чего-то ждет, словно надеется на какой-то случай. Тут как раз едет мимо мужик, везет навоз на поле. Женщина ему и говорит:

— Дорогой мой, пан староста вызывает вас в гмину.

Мужик, не видя здесь злого умысла, привязывает лошадь к столбу и смело идет с незнакомой женщиной в гмину.

Староста видит — идет со старушкой какой-то мужчина, и спрашивает:

— Это и есть ваш сын?

— Да, пан староста.

Тут мужик удивился и говорит:

— Я не знаю этой бабки.

— Вот видите, пан староста, — пожаловалась женщина, — это он всегда так говорит!

Староста, ничего больше не говоря, приказывает внести сноп соломы, уложить на него мужика и всыпать двадцать пять батогов. Потом снова спрашивает:

— Это ваша мать? Будете еще ее бить?

А мужик никак не признает себя ее сыном и все повторяет:

— Не знаю я этой бабки.

Вконец разгневанный староста прибавил ему еще двадцать пять батогов. Потом в третий раз спрашивает:

— Это ваша мать или нет?

Мужик видит — ничего тут не поделаешь, и отвечает:

— Да, пан староста, это моя мать.

— Ну, иди, и чтобы я тебя больше тут не видел.

Вышел мужик из гмины и сказали:

— Не иначе, как дьявол в Шесне дал мне матушку.

С тех пор и пошла поговорка, что в Шесне дьявол мать дает.

125. КСЕНДЗ И КУЧЕР

У ксендза в Дызитах была уйма скота, и вот сметану хозяйка его ставила за алтарь. Был у него кучер Адам Фрышмут. Проведал он, что сметана за алтарем стоит, и съел немного. На другой день хозяйка говорит:

— Куда-то сметана у меня пропадает.

Пошел кучер вечером опять за алтарь, а на алтаре стояли двое святых — Шимон и Юда. Кучер взял и намазал им губы, чтобы было видно, кто ест сметану. Ксендз пришел утром в костел, встал на колени и читает молитвы, посмотрел на святых и увидел, кто ел сметану. После обеда взял ксендз веревку и тех святых высек и сказал:

— Ну, больше вы мне не будете воровать сметану.

К вечеру в доме затихла суматоха, вот кучер пошел и святых тех с алтаря снял и спрятал под солому в высек.

Ксендз идет читать молитву, а святых-то нету. Перепугался ксендз, вернулся во двор темнее тучи, а кучер увидал его и спрашивает:

— Что пан ксендз такой печальный?

— Да вот, подумай, побил святых веревкой, а они теперь от меня убежали.

Кучер говорит:

— Так ведь они в Рожнове сидят в корчме и пьют. Дайте мне, отец-благодетель, полсотенную, я их приведу назад.

Вечером вернулся кучер, идет к ксендзу и говорит:

— Там они, да беда, святой отец, что вы денег мало дали; еще столько же надо, уж я их ночью обязательно приведу. Только пусть пан ксендз пораньше спать отправляется, тогда они не будут бояться.

Пошел, взял из сусека святых, поставил их на алтарь, там они и стоят.

Утром рано спешит ксендз в костел и видит с радостью, что Шимон и Юда — опять на алтаре, на своем месте. Развеселился ксендз и велел на радостях сделать себе крест с надписью: «Я живу без заботы».

А в Ольштыне был королевский маневр, выехал туда король на прогулку со своими офицерами. Увидел он надпись и думает: «Я — король, и то у меня полно заботы, а тут ксендз — и живет себе без забот!»

Велел позвать ксендза на двор и говорит ему:

— В воскресенье будешь читать проповедь, да так, чтобы одна половина людей в костеле смеялась, а другая — плакала, и скажешь, как высоко до неба и как глубоко Дивиское озеро.

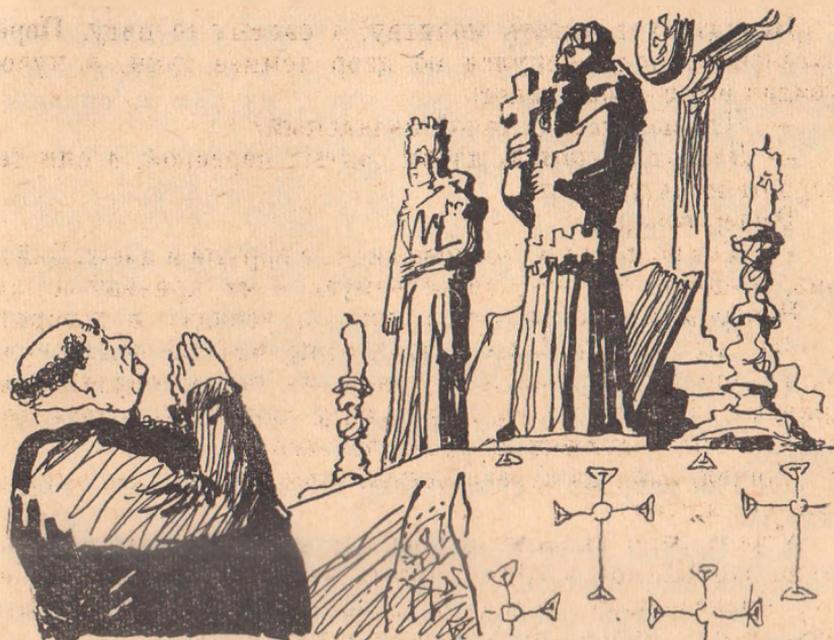
Ксендз в горе вернулся домой, а кучер его спрашивает:

— Что пан ксендз так опечалился?

— Еще бы. Нужно мне в воскресенье читать проповедь и сказать, как высоко до неба и как глубоко озеро. А главная беда не в том — проповедь-то нужно так прочесть, чтобы половина прихожан плакала, а половина — смеялась.

А кучер и молвит:

— Это пустыки, отец-благодетель. Скажите, что до неба только одна дорога, а озеро такую глубину имеет: как кинешь камень в воду, он и падет до самого дна. Ну, а проповедь пусть пан ксендз сам выучит как следует, вот и будут люди плакать, а чтобы другие смеялись — об этом уж я позабочусь.

Поставили амвон посредине, чтобы людей разделить — тут половина и тут половина. Ксендз хорошую проповедь девкам и бабам — всюю плакали. А кучер взял ножницы и вырезал ксендзу сзади дыру, так что всю мягкую часть видать голую. Которые были сзади — смеялись, а которые стояли спереди — плакали. Король плакал, потому что тоже слушал проповедь. А после проповеди король похвалил ксендза и сказал:

— Твоя правда, пусть стоит крест.

На том и конец.

126. КАК МЕЛЬНИКОВА ДОЧЬ ВЫШЛА ЗА ПАНА ИСУСА

Была у мельника дочь, звали ее Кася. Ни за кого другого замуж идти не хотела, только за пана Христа или за святого Петра. Два парубка, порядочных плута, прознали об этом, нарядились святым Петром и паном Исусом, накупили в городе вина несколько бутылок и хле-

ба и пошли на мельницу свататься. А там у мельницы был пруд. Вот опустили они вино в воду, а хлеб спрятали в кусты. А как пришли на мельницу, их там и спрашивают, кто такие. А парни отвечают:

— Пришли сватать вашу Касю.

— Эй, так она ни за кого другого идти не хочет, только за пана Христа или за святого Петра.

А тот, что был святым Петром, тогда и показывает на другого:

— Вот это и есть пан Исус Христос.

Тут все встали и крестятся на него.

А пан Исус говорит:

— Сходи-ка, Петр, за вином на пруд да в кусты за хлебом.

«О! Раз так, это в самом деле Исус Христос», — подумали все.

Вот. Святой Петр пошел за вином и хлебом, принес. Напились все, наелись. А пан Исус потом говорит:

— Ну, теперь пойдём, Кася, на небо!

Мельник, мужик богатый, собрал приданое, дал денег, одежку — что мог. А пан Исус говорит:

— Как увидите, светит на той горе (была там недалеко гора, вот как наш Хишпак), молитесь тогда; это значит — мы на небо отправились.

Ну, а парни — те насобирали сначала сухой пихты, вереску и, как пришли под гору, сложили костер и подожгли. А на мельнице в это время крестились и радовались:

— Эй, наша Кася идет на небо! Наша Кася идет на небо!

А те пройдохи у огня поснимали с Каси наряды да как начали лупить Касю! Отлупили, деньги забрали, Касю прогнали домой, а сами пошли.

Уже ночь была, на мельнице спят, а тут кто-то тут-тук в окно. Мельничиха проснулась:

— Это ты, Кася?

— Я, я, пустите скорей!

— Ты, стало, не пошла на небо? Не пустили тебя?

А мы-то как молились да радовались за тебя!

— Ага, вас бы самих так порадовали палками, так вы бы и домой не дотащились.

Однажды бородатый ксендз — видно, капуцин — читал в костеле проповедь об отпущении грехов. И нельзя сказать, чтобы так уж хорошо читал.

Вдруг видит: стоит какая-то баба и как посмотрит на него — сразу в плач. Ужас как плачет.

Ксендз с бородой подумал, что это он в проповеди сказал что-то такое, отчего баба совсем размякла. Велел он костельному позвать бабу, чтобы подошла она к нему. Очень уж хотелось ксендзу узнать, какое слово в проповеди так ее растрогало.

Пришла баба, а ксендз ее спрашивает:

— Дорогая моя, отчего вы так плакали, когда я читал проповедь?

А баба опять в слезы.

Долго ксендз допытывался, в чем дело. Только через некоторое время она сказала:

— Ой, батюшка! Как посмотрю я на вас, так сразу и слезы. Был у меня козел, но разорвали его волки. У него такая же была бородка, как и у вашей милости. Взгляну на вас и сразу о козле своем вспоминаю, от жалости и плачу.

128. ПРО СОЛДАТА, КОТОРЫЙ ПРОСИЛ У БОГА ДЕНЕГ

Как-то раз почевал солдат у одного хозяина. Поднялся он среди ночи и стал просить милостивого бога, чтобы послал он ему сто бумажек. Именно сто: если не будет хватать хоть одного крайцера,¹ солдат не возьмет.

А хозяин с хозяйкой спали на чердаке. В потолке была дырка, и они все слышали. Разобрало их любопытство: неужто солдат и вправду не возьмет сто рейнских без одного крайцера? Было у них восемьдесят рейнских — выручка за волов, вот они и спустили их в дырку.

¹ Крайцер — австрийская монета.

Солдат взял деньги, поблагодарил бога, потом зажег свет и считает:

— Это еще что такое?! Ведь я тебя, боже, просил о ста рейнских, а ты даешь мне восемьдесят?!

Швырнул он деньги, но через минуту стал рассуждать вслух:

— Э, видно, пан бог ведает, что делает. Может случиться, что нужда в деньгах будет у меня еще больше, вот тогда он мне и добавит! — сказал это и спрятал бу-мажки в карман.

Наутро хозяин требует, чтобы солдат вернул его деньги. Тот признался, что получил восемьдесят рейнских, но от пана бога, а не от хозяина.

Пошли они к старшине. Тот рассудил, что деньги принадлежат солдату: он просил их у пана бога — бог ему и прислал.

— Лично не мог принести, так через вас передал.

Тем бы дело и кончилось, если бы у солдата в кармане лежало целиком сто рейнских! А так ждет он, ждет, а пан бог все не присылает добавки. Что ж тут делать солдату?

Встречает он как-то монаха и спрашивает:

— Это ты — слуга господний?

— Я, — отвечает монах.

— Ага! Видишь ли, мне пан бог должен двадцать рейнских, и я никак не могу их получить; а ты, как слуга его, с ним должен встречаться. Дай мне эти двадцать рейнских, а с него их получи. Я-то ведь еще никогда его не видел.

Монах стал оправдываться, но что с того! Солдат вынул меч и пригрозил, что убьет. Хочешь не хочешь, а пришлось монаху отдавать двадцать рейнских...

129. ПРО БАБУ, КОТОРАЯ ПРИ ЖИЗНИ ХОТЕЛА ПОПАСТЬ НА НЕБО

Одна баба хотела еще при жизни попасть на небо. Днем и ночью сидела она в костеле и молилась.

Однажды подобрался к костелу воры. Один из них сел в корзину, а другие спустили его в храм через окно.

Спустился вор — и прямо к алтарю, стал открывать копилки. А баба решила, что это за ней явился ангел с неба. Села она в корзину и дернула веревку. Стали воры ее тянуть. Тут баба закричала:

— Несут меня ангелы на небо в кошелке!

Услышали воры, отпустили веревку и убежали, а баба об пол — бряк! Так расшиблась, что еле жива осталась.

А тот, что в костел забрался, так и сидел там до утра, пока органист не пришел.

130. ЗЛОДЕЙ УКРАЛ КОНЯ

Привели вора в суд. Судья и спрашивает:

— Зачем ты коня украл?

— Я, проше пана, — отвечает злодей, — коня не крал. Иду я, а конь стал на дороге и не дает пройти — лягается. Хотел пройти мимо морды — норовит укусить. Вот так хожу я и хожу, а тут Янек кричит: «Войтек, иди скорей сюда!» Я заторопился, хотел было через коня перелезть; только забрался, а он как поскачет со мной! А теперь получается, что я украл коня.

131. ПРО ЦЫГАНА

Однажды привели цыгана к виселице, хотели его повесить. Палач уже и петлю приготовил, но цыган вдруг попросил, чтобы судья разрешил ему перед смертью немножко поцлясать. Судья согласился и велел развязать ему руки. Цыган начал петь, скакать, выплясывать какие-то коломийки да краковяки. Все смотрят, смеются, расступаются все шире и шире. Цыган плясал, плясал, а потом как прыгнет — и был таков. Бросились его догонять, да где там! Удрал.

К ночи пришел цыган к мужику, попросился переночевать. Дал мужик ему подушку и видит: вместо того чтобы положить под голову, цыган кладет ее под ноги.

Мужик спрашивает, почему, мол, так делаешь. А цыган объясняет:

— О, если бы не ноги, не носить бы мне и головы! Ноги спасли мою голову — значит, им должно быть больше почету, чем голове.

132. ПРО ЖЕНУ САПОЖНИКА

Зачастила сапожникова жена к ксендзу. Каждый день, как наступят сумерки, она соберется и уходит из дому. Муж ее спрашивает:

— Куда ты все ходишь?

А она всякий раз отвечает:

— Молиться.

У ксендза был слуга. Однажды он и говорит сапожнику:

— Я скажу вам правду, только за это сделайте мне хорошие башмаки и не выдавайте меня ни ксендзу, ни бабе своей. Совсем не молиться ходит она сюда. Сегодня ксендз уедет в гости, а вы следите, когда ваша жена уйдет из дому. Увидите — бросайте все дела и напрямик, через поле — сюда. Я впущу вас в ксендзову комнату, и вы сразу ложитесь на его постель.

Так сапожник и сделал. Прибежал в дом ксендза, лег в постель, а когда жена пришла, закрыл ей рот подушками и так избил, что она едва жива осталась. Потом отправился домой и стал тачать сапоги.

Немного погодя приходит жена, еле дышит. Сапожник спрашивает, что с ней. А она отвечает, что лихорадка ее на дороге схватила, и просит привезти доктора.

— Сперва господь бог, а потом уж доктор, — отвечает ей муж. И привел ксендза к жене.

Закрыв ксендз за собой дверь и спрашивает:

— Что это с тобой, Кася?

Тут сапожникова жена, не долго думая, выхватила изпод подушки каток для белья и давай бить ксендза да приговаривать:

— Сам знаешь, что ты мне сделал, вот и я тебе то же.

А слуга получил от сапожника хорошие башмаки.

133. ПРО ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ПАНОМ ИСУСОМ И СВЯТЫМ ПЕТРОМ НА СВАДЬБЕ

Ходил пан Исус со святым Петром по свету, и попали они однажды на свадьбу. Хозяин принял их очень хорошо, угостить ему было чем. Вечером велел он постелить им в сенях. Пан Исус лег к стене, а святой Петр — с краю. Ночью в сени забрели пьяные лоботрясы и давай тормошить святого Петра. Угостили его пинками да кулаками, побили основательно, а пан Исус даже ни о чем не догадывался, спал спокойно и крепко.

Когда озорники отошли, святой Петр тихонько перелез через Исуса и лег у стены.

Через несколько минут озорной сброд опять вернулся в сени и рассудил так:

— Того, кто лежит с краю, мы уже били. Потешимся теперь над тем, кто у стены!

И высыпали святому Петру во второй раз.

Не всегда, видно, и святым уловки помогают.

134. ПРО БОГАТОГО ПАНА

Жил-был богатый пан. Много у него было денег, а прятал он их в дупло старой вербы. Когда дупло наполнилось до краев, пан сказал:

— Теперь мне все нипочем. Пускай хоть сгорит мой дом, я не боюсь. Деньги у меня спрятаны.

Только он сказал это, как с неба упал огонь и сжег имение дотла, а за огнем пришла вода, подмыла вербу и унесла с собой. Остался пан ни с чем и пошел по миру.

А верба приплыла к одному старику. Откуда ему было знать, что в дупле спрятаны деньги?.. Вот и лежала верба во дворе без пользы. Долежалась до тех пор, пока у старика плуг не сломался. Подошел он к вербе, осмотрел, ударил топором, тут из дупла деньги и посыпались! Собрал старик все и сразу разбогател.

Несколько лет спустя к нему пришел убогий старичок и попросился переночевать, а был это тот самый пан, который деньги в дупло прятал. Разговорился с ним хозяин,

узнал, что прежде гость был богатым, но прогневал силы небесные и вербу с деньгами унесло у него.

Рассказал хозяин потихоньку обо всем жене. А жена видела, что у старичка в котомке хлеб совсем сухой, и сказала:

— Дайте, дедушка, этот хлеб, а я испеку вам свежий.

Отдал старик ей черствые куски, а она испекла ему хлеб и в середину положила много денег. Поблагодарил старик и снова отправился по миру.

Идет, — навстречу работники свиней гонят. Он и продал им этот хлеб за несколько крайцеров.

Пришли работники к хозяину, показали ему хлеб, он и узнал его.

Прошло еще несколько лет. Слова убогий старик пришел к хозяину, снова хотел хозяин помочь ему: наполнил мешочек деньгами и положил на дорогу. А сам забрался под мостик, следит, чтобы никому, кроме странника, деньги не достались. А старик в это время шел и раздумывал, как должно быть плохо слепому. Закрыв глаза, шагает ощупью и палочкой впереди себя постукивает! Так и прошел мост и денег не увидел.

А хозяин вылез из-под моста, поднял мешочек и больше никогда уж не пытался помочь этому старцу. Что поделаешь, такая уж, видно, у него судьба.

135. ПРО ПЛАЦ

Три брата никак не могли решить, кому из них должен достаться отцовский плац. Один хотел взять его себе, другой — себе, а третий, самый старший, не хотел им его отдавать. Вот и подрались они.

Шел мимо мужик, спросил у братьев, из-за чего они дерутся. Братья отвечают, из-за плаца, мол.

У мужика была в руках гиря на веревке. Он и говорит братьям:

— Я брошу эту гирю. Кто раньше ее найдет, тот и плац получит.

Раскрутил он веревку, закинул гирю, помчались братья ее искать, а мужик взял плац, да и был таков.

136. ПРО МУЖИКА И ПРО КСЕНДЗА

Один мужик закутался в белую простыню, приладил себе за плечи гусиные крылья, взял тачку, пришел к ксендзу и объявил:

— Я — ангел божий. Господь прислал меня, чтобы я отца духовного живьем на небо доставил. Надо только в мешок облачиться и с собой состояние забрать.

Положил ксендз все свои деньги в мешок и сам туда залез. Ввалил мужик мешок на тачку и повез ее по камням, чуть душу из ксендза не вытряхнул.

Ксендз спрашивает:

— Почему так сильно трясет?

А мужик отвечает:

— Сам знаешь, тропинка на небо узкая и камнями усыпана.

Так они и разговаривали всю дорогу.

Привез мужик ксендза в гусиный хлев и говорит!

— Велено сперва деньги принести.

Вытащил из мешка деньги, отнес их домой, а ксендза оставил в зловолии.

Так мужик доставил ксендза на небо.

137. КАК НЕМЦЫ ПЕРЕДВИНУЛИ КОСТЕЛ В ШИВАЛДЕ

В Шивалде немцы-умники решили передвинуть церковь, а то одним ходить туда было очень близко, а другим — очень далеко.

Вот собрались они вместе — было их человек тридцать, — подошли к костелу, кафтаны сбросили и за собой сложили. Высыпали у стен три мешка гороху, потом навалились и давай костел толкать.

А один парень взял да потихоньку и перенес их одежду подальше. Оглянулся один немец и говорит:

— Стойте, братцы, хватит, а то уж и кафтанов наших не видать.

Посмотрели они — и правда. Так и решили, что передвинули церковь на то место, куда им хотелось.

138. ТРИ ПОЛЯКА С ТРЕБУХОЙ

Три поляка отправились белый свет посмотреть. Пришли они к одному мяснику и купили у него требухи. А как приготовить ее, не знают. Спрашивают у мясника; он взял мел, да и написал одному на спине: «Чесноку с луком набери и так, трень-брень, вари».

Повесил тот требуху на палку и несет ее на плече. Проходили они по деревне, набежали собаки, один громадный пес как наскочит на мужика и схватил требуху. Другой мужик поскорей поплевал на руку, стер ту надпись, что мясник сделал, и говорит псу:

— Черта с два ты теперь поешь! варить-то все равно не знаешь как.

Пошли они дальше и забрели в лес. Там застала их ночь. Влезли они на ель, один и говорит:

— Вон там свет виднеется, слезем и пойдем в ту сторону.

Он думал, что там лес кончается. А другой говорит:

— Влезть-то мы влезли, а как теперь слезем?

Третий отвечает:

— Ты ухватись за верхушку этой ели, я — за твои ноги, а он пускай за мои ноги схватится. Ель-то согнется, мы и спустимся на землю.

Так они и сделали. Висят себе, висят, а ель и не думает сгибаться. У того, что за верхушку держится, уж и руки занемели. Нижний ему советует:

— А ты поплюй на руки!

Хотел он на руки поплевать, отпустил дерево, — все и попадали на землю. Встали они и разошлись по домам.

139. ТРИ ОСЛА

Шел по дороге старец. Навстречу ему три молодых человека. Юноши поочередно обратились к старцу:

— Приветствую вас, пан Авраам!

— Что слышно, пан Исаак?

— Как поживаете, пан Иаков?

Поздоровавшись таким образом, молодые люди и разразились хохотом. Очень уж они были довольны собою.

Старец спокойно ответил:

— Я не Авраам, не Исаак и не Иаков. Я сын старого Космы, у которого на днях пропали три осла. О, какое счастье, что я наконец встретил их!

140. КАЗЕННАЯ ПАХОТА

Один мужик препоручил свое дело адвокату. Прошло некоторое время. Мужик снова пришел в контору и увидел, что его дело разрослось в целую пачку бумаг, за которые надо было заплатить адвокату очень много денег.

Мужик посмотрел на эту писанину и сказал, вздыхая:
— Пане, тут все так редко написано, а так дорого стоит. Нельзя ли писать немножко гуще?

— Дорогой мой, — ответил адвокат, — вы ведь в этом ничего не понимаете. Именно так и пишутся казенные бумаги. Но если у вас не хватает денег, можете взамен вспахать несколько моргов моей земли.

Мужик согласился и, не тратя времени, взялся за пахоту, но пахал так, что борозда от борозды пролегала не меньше чем на аршин.

Адвокат увидел мужицкую пахоту и раскричался:

— Эй, эй, ты что делаешь?! Разве это работа!

— Пан просто не знает, — ответил мужик. — Это как раз и есть казенная пахота...

141. ШУТНИК САПОЖНИК

Принесла девица мастеру сапожки починить и наказала, чтобы ни одной дыры не осталось.

На другой день отдает мастер девице сапожки, а в них и голенища зашиты.

— Что ж это вы сделали? — спрашивает девица.

— Как же я мог ослушаться, — отвечает сапожник, — если ты мне сама велела, чтобы в них ни одной дыры не было!

142. ЧТО СВИСТИТ?

Один мужик рассказывал своему соседу:

— Знаешь, пришел я сегодня с поля домой, слышу — свистит. Зашел в сенцы — свистит. Зашел в хату — опять свистит. Посмотрел под печь — и там свистит. Заглянул в печь — все равно свистит! Что за дьявол?

Слушаю — что же это свистит? А оно знай себе свистит... Думаю — что бы это могло быть? Хорошенько прислушался, а это у меня в носу так свистит.

143. ДОГАДЛИВЫЙ КУБА

— Эй, ты, Куба! Угадай, сколько у моей Каськи сыров. Угадаешь, все шесть отдам, — говорит сосед Кубе.

— Да шесть.

— А, чтоб тебе ни дна ни покрывки! Ведь угадал!

144. ПРО ХИТРОГО МУЖИКА, КОТОРЫЙ ПОЛУЧИЛ ВДЕСЯТЕРО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПОЖЕРТВОВАЛ САМ

Узнал мужик, что за пожертвование господь бог вознаграждает вдесятеро.

Была у мужика одна коровенка, вот он и решил пожертвовать ее богу. Отвел он свою скотинку ксендзу, а у того было десять коров и один бык.

Мужицкая коровенка как раз в эту пору гуляла. Почуял это бык, кинулся за ней, а за быком и все стадо прискакало в мужицкий хлев. Мужик взял и закрыл ворота.

Присылает ксендз к мужику за скотиной, а тот говорит, что это его господь бог вдесятеро вознаградил за жертву.

Так ничего и не отдал ксендзу.

145. БЛОХА И МУХА

Было так: блоха из деревни удирала в город, а муха, наоборот, летела из города в деревню. Блоха и спрашивает:

— Куда это ты?

— Да куда? В деревню! А ты куда?

— А я из деревни.

— А что так?

— А! — говорит блоха. — Мне в деревне нечего делать. Придут с работы, повалятся куда попало, хоть на землю, а встают ни свет ни заря. И мне, — говорит, — нет

никакого с этого проку. А в городе, — говорит, — в постели до восьми проваляются, да и народ, что ни говори, пожирнее, голодать не придется.

Тут муха в ответ:

— А для меня в городе, — говорит, — нет ничего хорошего. Отовсюду нас гонят. Если и влетит одна какая-нибудь в суп, так ее деликатно вынут за крылышко и положат на столе. В городе мы все голодаем. Ну, а в деревне, если муха залетела в какое варево, хозяйка схватит поварешку, зачерпнет и плюх на пол — тут уж всем нам еды хватит.

146. СПОР МУЖИКА С МОРОЗОМ

Поспорили мужик с морозом. Мороз пригрозил мужику, что заморозит его. А мужик посмеивается: ничего, мол, из этого не выйдет.

Положили они решить свой спор в сутки.

Оделся мужик потешнее и стал на морозе. Мороз постарался на совесть, ноги у мужика совсем заледенели.

Чувствует мужик, что не выдержать ему больше, снял сапоги и стоит босой.

Мороз удивился, спрашивает:

— Ты зачем сапоги снял?

А мужик отвечает:

— Очень уж у меня ноги от жары вспотели.

Решил мороз, что проиграл, и перестал хитрого мужика морозить.

147. ДУРЕНЬ ДУРНЕМ

У одной матери был сын. Пока он мал был — дома сидел, а подрос — спровадила его мать из дому людей посмотреть, ума-разума набраться. попрощалась с ним и сказала:

— Если по дороге увидишь людей за работой, не забудь сказать: помоги вам бог!

Пошел парень, а навстречу ему похороны. Он и говорит:

— Помоги вам бог!

А один из тех, что несли покойника, говорит:

— Ты бы лучше сказал — вечный покой!

Идет парень дальше и видит — потрошит мясник свинью.

— Вечный покой! — говорит парень.

А мясник ему в ответ:

— Ну и глупый же ты! Лучше бы сказал: хорошо бы съесть с капустой!

Дальше по дороге встретил парень крестьянина, который справлял большую нужду. Вспомнил парень мясника и говорит:

— Хорошо бы съесть с капустой!

А мужик отвечает:

— Дурень ты дурень, ты бы лучше сказал: сторонись со своей вонью!

Пошел парень дальше, и встретились ему кавалер с барышней. Посмотрел на них парень, да и ляпнул:

— Сторонись со своей вонью!

Рассердился кавалер и обругал его:

— Глупый ты осел, надо было сказать: вы друг другу подходите.

Снова на дороге встретился парню мясник, который шел с собакой. Парень и говорит:

— А вы друг другу подходите!

Накинулся на него мясник, отколотил. Вернулся парень домой со слезами, а ума у него так и не прибавилось.

148. О РАБОТНИКЕ, КОТОРЫЙ ИСПОВЕДОВАЛСЯ

Отправились двое работников на исповедь. Стали они неподалеку от ксендза, один и говорит:

— Ты иди.

— Нет, ты, — отвечает другой.

Оба боятся.

Наконец пошел один исповедоваться, а ксендз и спрашивает:

— Сквернословишь ли ты, сын мой?

— Я-то — нет, а вот тот, что ждет своей очереди, вот это ругатель, черти бы его забрали!

— Так и ты же ругаешься, — говорит ксендз.

— Когда это вы слышали, черт возьми?!

Тут позвал ксендз псаломщика и органиста, отвели они работника на колокольню, привязали веревками к перекладине и давай бить. Били, били, пока работник не разорвал веревки и не убежал домой.

Идут люди в костел и удивляются:

— Что, разве уже обедня кончилась?

А он отвечает, что уже сытехонек, отобедал.

Приходит домой мать и спрашивает:

— Как у тебя, сынок, прошла исповедь?

— Эх, матушка, — отвечает сын, — исповедь была как исповедь, а вот кабы не разорвал я причастие, так задница бы моя, наверно, лопнула.

149. ПОЧЕМУ МОЛНИЯ НЕ УДАРИЕТ В КУЗНИЦУ

Явился к кузнецу дьявол с громом и молнией. Только он вошел в кузницу, сразу же спросил:

— Где зубной лекарь?

Кузнец его спрашивает:

— А по какому делу?

Дьявол отвечает:

— Зуб болит.

Тогда кузнец говорит ему:

— Зубной лекарь болен.

Дьявол стал тогда просить, чтобы сам кузнец ему больной зуб вытащил. Заглянул кузнец дьяволу в пасть и увидел, что зуб тот страшно длинный, широкий и толстый. Велел кузнец дьяволу положить голову на верстак. Зажал больной зуб тисками, а сам раскалил в огне кусок железа. Потом плюнул на наковальню, взял раскаленное железо, положил его на то место, куда плюнул, да как трахнет молотом! Получился такой грохот, будто разорвалась бомба. И в этот же самый момент прикоснулся кузнец горячим железом к носу дьявола. Тот испугался,

дернулся, зуб выскочил, а сам дьявол удрал из кузницы как ошпаренный.

С той поры ни один черт в кузницу носа не показывает, и никто не слыхал, чтобы молния хоть раз в нее угодила.

150. СКАЗКА О НАНЕ И МУЖИКЕ

Пахал крестьянин в поле, а кони были у него красивые, сильные. Идет мимо пан и говорит:

— Продай мне твоих коней!

А мужик отвечает:

— Не продам.

Спорили они, спорили и в конце концов решили: кто совет лучше, тот и коней получит.

Пан говорит:

— Я уж постараюсь.

И рассказывает:

— Однажды я столько молока надоил — литров сто от одной коровы!

А мужик говорит:

— Это что! А вот у моего отца было столько пчел, что и не сосчитать. Я их пас. Одна и потерялась. Пошел я тогда на небо, поискать, нет ли ее там, по пути и в ад тоже забежал. На небе было красиво, святые ели пирожные, а в аду сидели шляхтичи и в котле варились. Бедняки только знай дрова подбрасывали.

Тут пан говорит:

— Ты врешь лучше, потому что никто не скажет, правда это или неправда.

И от коней мужицких отступился.

151. ХОЗЯИН И ГОСТЬ

Одному гостю очень не хотелось возвращаться домой темной ночью, и он не спешил уезжать. Скупой хозяин решил подбодрить его.

— Разве это ночь? — сказал он. — Когда я возвращался однажды домой из гостей, так вот это была темень так темень!

— Ну и дурак же был тот хозяин, который ночью выпроводил тебя из своего дома! — ответил гость.

152. МУЖИКОВА НАГРАДА

Один король имел пристрастие к разным диковинам, и каждого, кто приносил во дворец что-нибудь необычное, награждал.

Вырастил однажды мужик кочан капусты величиной с кадушку и пошел к королю. Но к самому королю попасть не так-то просто. Вот и говорит мужику один из придворных:

— Дашь мне половину награды, тогда проведу к королю.

Мужик согласился:

— Ладно, так и быть, дам.

Король увидел такой огромный кочан, подивился. Похвалил мужика и тут же повелел выдать ему из своей казны десять дукатов.

Но мужик не торопился уходить от короля и в придачу к дукатам попросил еще десять ударов кнутом!

Король посмотрел на такого чудака, развел руками и приказал удовлетворить мужикову просьбу. Тогда хитрец сказал придворному вельможе:

— Теперь у нас есть чем поделиться, пане. Я получу пять дукатов и пять батогов, и вы получите столько же. Ложитесь!

Придворный струхнул, отсекся от дукатов и — давай бог ноги!

153. НЕ ТОГО ПРИХОДА

Однажды ксендз читал проповедь. Все горожане плакали, и только у одного человека глаза были сухие. Его спросили, как он мог не прослезиться.

Он ответил с удивлением:

— Так я же не вашего прихода!

154. СКОЛЬКО НА СВЕТЕ БОГОВ?

Увидел ксендз старого человека и спросил у него:

— Скажи-ка, дедушка, сколько на свете богов?

Старик, который всю жизнь прожил в дремучем лесу и давно забыл катехизис, ответил ксендзу так:

— А кто их знает, сколько. Ведь каждый год на рождество по одному богу рождается! Я вот живу на свете восемьдесят лет — значит, за мой век родилось восемьдесят богов. А кто считал, сколько их появилось при моем отце, деде и прадеде!

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

1. Kolberg, O. Lud.
 Seria III. Kujawy. Warszawa, 1867. — №№ 26,¹ 102.
 Seria VIII. Krakowskie. Kraków, 1875. — №№ 18, 32, 41, 122.
 Seria XIV. Poznańskie. Kraków, 1881. — №№ 42, 46, 87, 147.
 Seria XIX. Kieleckie. Kraków, 1886. — №№ 80, 146.
2. Biblioteka «Wisły», tt. III i VI. Warszawa, 1889—1890. — №№ 33, 84, 98, 119, 148.
3. Głiński, A. J. Bazarz polski, t. IV. Wilno, 1853. — №№ 88—93.
4. Gloger, Z. Skarbczyk. Baśnie i powieści. Wydanie II. Warszawa, 1889. — № 77.
5. Gloger, Z. Skarbczyk II. Zabawy, gry, zagadki, żarty i przypowieści. Warszawa, 1891. — №№ 152—154.
6. Swojstaw. Diabeł wśród ludu polskiego. Warszawa, 1904. — № 82.
7. Dzikowski, St. Klechdy polskie. Warszawa, 1948. — №№ 22, 27, 29, 30, 39, 51, 60, 75, 99, 100, 104, 108, 111, 121, 123, 139, 140.
8. Karpowicz, T. Legendy pomorskie. Szczecin, 1948. — №№ 66, 79.
9. «Poradnik językowy», 1951, № 1 — № 149.
10. Malinowski, L. Powieści ludu na Śląsku. Warszawa, 1954. — №№ 19—21, 97, 137, 138.
11. Powieści ludu rzeszowskiego. Warszawa, 1956. — №№ 28, 34, 65, 76, 85, 106, 118, 126—136.
12. Bajki Warmii i Mazur. Kraków, 1956. — №№ 25, 40, 70, 107, 124, 125, 150, 151.
13. Baranowicz, J. Baśnie śląskie. Warszawa, 1957. — №№ 1—4, 31, 64, 72, 74, 95.
14. Sto baśni ludowych. Warszawa, 1957. — №№ 23, 24, 36, 37, 48, 50, 53—59, 61—63, 67, 69, 78, 83, 86, 96, 101, 112—115, 120.
15. Łęga, Wł. Legendy Pomorza. Gdynia, 1958. — №№ 5—14, 48, 68, 81, 117.
16. Powieści ludu krakowskiego. Kraków, 1959. — №№ 15—17, 35, 38, 43—45, 47, 52, 71, 73, 94, 103, 105, 109, 110, 116, 141—145.

---

¹ Цифры означают порядковые номера сказок в данном сборнике.

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Мацюсович. Польская сказка 3

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ

1—4. Легенды о Скарбнике. <i>Перевод М. Крылова</i>	
Как горняк променял рай на шахту	15
Горный обушок Владыки педр	20
Скарбник помогает рудокопам	28
В царстве Скарбника — Властелина гор	34
5. Королева пущи. <i>Перевод Л. Зимичевой</i>	39
6. Туя и разбойник. <i>Перевод Л. Зимичевой</i>	44
7. Два брата-великана. <i>Перевод Л. Зимичевой</i> . . .	45
8. Ужи возле Бытова. <i>Перевод Л. Зимичевой</i> . . .	47
9. Лосось и угорь. <i>Перевод Л. Зимичевой</i>	49
10. Морские девы. <i>Перевод Д. Аврова</i>	51
11. Бессердечная княжна. <i>Перевод Д. Аврова</i> . . .	55
12. Замок под Корне. <i>Перевод Л. Зимичевой</i>	60
13. Конь-предсказатель. <i>Перевод А. Акимовой</i> . . .	63
14. Часы Мариацкого костела. <i>Перевод Л. Зимичевой</i>	65
15. Лишница. <i>Перевод А. Акимовой</i>	71
16. Как закрыли монастырь в Висниче. <i>Перевод</i> <i>А. Акимовой</i>	71
17. Клад. <i>Перевод А. Акимовой</i>	72
18. Горох у дороги. <i>Перевод А. Акимовой</i>	72
19—21. Легенды о Процьнаке. <i>Перевод А. Акимовой</i> .	
Процьнак	73
Процьнак велит купить пороху и свинца . . .	74
Процьнак-ясовидец	76
22. Чертов камень. <i>Перевод А. Акимовой</i>	77

23. Святой в Шафларах. <i>Перевод А. Акимовой</i>	79
24. Людской век. <i>Перевод А. Акимовой</i>	81
25. Легенда об Адаме и Еве. <i>Перевод А. Акимовой</i>	83
26. О воробьях. <i>Перевод А. Акимовой</i>	84
27. Аист. <i>Перевод Л. Зимичевой</i>	85
28. Черт и святой Мартин. <i>Перевод А. Акимовой</i>	86
29. Мать святого Петра. <i>Перевод А. Акимовой</i>	87
30. Петух и ветер. <i>Перевод Ю. Балахнина и Э. Меркуловой</i>	89
31. Князь Гордец и природа. <i>Перевод Я. Мацюсович</i>	90

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ
Перевод Ю. Балахнина и Э. Меркуловой

32. Лиса и волк	99
33. Заяц и волк	101
34. Волк и баран	103
35. О чем собака думает зимой и о чем — летом	103
36. Волк и собака	104
37. О том, как собака волка в сапоги обула	105
38. Кот и лиса	107
39. Почему заяц мяса не ест?	108
40. Как гусь обманул лису	109
41. Конь, вол, петух, кот и рак	110
42. Лев и скрипач	113
43. Мужик, медведь, конь, заяц и лиса, или Есть ли справедливость на свете	115
44. Орел и крапивник, «Король плетней»	118
45. Коростель и перепелка	119
46. Аист и утка	119
47. Сова и ястреб	120
48. Жаворонок и волк	121
49. Сельдь и камбала	123

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

50. О рыбаке и трех его сыновьях. <i>Перевод Д. Аврора</i>	129
51. Королевна-ушырь. <i>Перевод Д. Аврора</i>	142
52. Об одном королевиче, который на крыльях летал. <i>Перевод З. Суриной</i>	149
53. О дурне, который страху не знал. <i>Перевод А. Акимовой</i>	150

54. Как кузнец в рай попал. <i>Перевод З. Суриной</i> . . .	153
55. Гуси. <i>Перевод Д. Аврова</i>	155
56. О том, как панна полюбила чудище. <i>Перевод</i> <i>А. Акимовой</i>	157
57. Стеклянная гора. <i>Перевод З. Суриной</i>	165
58. О том, как батрак стал паном. <i>Перевод З. Суриной</i>	170
59. До чего жадность доводит. <i>Перевод А. Акимовой</i>	175
60. Как месяцы поссорились. <i>Перевод А. Акимовой</i>	179
61. О том, как мужик стал королем и привез себе жену со дна морского. <i>Перевод З. Суриной</i> . . .	180
62. Злой брат. <i>Перевод З. Суриной</i>	183
63. О пастухе, который узнал, как звери говорят. <i>Перевод Д. Аврова</i>	187
64. Справедливый карлик и волк-отшельник. <i>Пере-</i> <i>вод М. Абкиной</i>	189
65. О жадной бабе. <i>Перевод Д. Аврова</i>	192
66. Князь Без Сердца. <i>Перевод М. Абкиной</i>	194
67. Шабаш нечистых. <i>Перевод П. Глинкина</i>	200
68. Несправедливые судьи. <i>Перевод Д. Аврова</i> . . .	203
69. Твардовский. <i>Перевод М. Абкиной</i>	205

СКАЗКИ О ЧЕРТЕ

Перевод Л. Пивоваровой

70. О дьяволе и господе боге	213
71. Как черт помог бедному мужику	214
72. Ярошек	215
73. О нищем короле	220
74. На службе у дьявола	225
75. Как Куба с чертом в карты играл	229
76. Хромой бес	233
77. О черте Водкоробе и бедном хлопце	234
78. Как черт монахом был	240
79. О рыбаке и черте	243
80. Как мужик у черта деньги занимал	247
81. Как мельники ссорились	248
82. Мазур самого черта хитрее	251

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ, АНЕКДОТЫ И ШУТКИ

83. Путь к богатству. <i>Перевод М. Абкиной</i>	255
84. О ксендзе и его органисте. <i>Перевод А. Жигляв-</i> <i>ского</i>	258

85. О смерти, что была кумой. <i>Перевод П. Глинкина</i>	262
86. Как два хлопа вместо кобыл поменялись женами. <i>Перевод П. Глинкина</i>	264
87. Хлоп, пан и ксендз. <i>Перевод П. Глинкина</i>	268
88—93. Сказки о расторопном мужичке Простачке и его смекалке. <i>Перевод М. Крылова</i>	270
О том, как Простачок утешал помещика в его несчастьях	271
Простачок изгоняет домового	273
Простачок распознает, где ложь, где правда	276
Как Простачок дважды обвел охотника вокруг пальца	278
«Свинья не коза, а дуб не береза»	280
Слово — серебро, молчание — золото	286
94. Долг Мапека. <i>Перевод П. Глинкина</i>	292
95. Совизджал-органист. <i>Перевод П. Глинкина</i>	295
96. Как мужик научился воровать. <i>Перевод М. Абкиной</i>	298
97. Хлопец из пекла. <i>Перевод Я. Мацюсович</i>	301
98. Как братья служили у ксендза. <i>Перевод П. Глинкина</i>	302
99. Ленитаяка Кася. <i>Перевод М. Абкиной</i>	306
100. Астролог и лекарь на Кашубах. <i>Перевод М. Абкиной</i>	310
101. Ворожей. <i>Перевод Я. Мацюсович</i>	311
102. Как работник проучил ксендза. <i>Перевод А. Жиглявского</i>	314
103. О хитром работнике. <i>Перевод А. Жиглявского</i>	318
104. Мужичкая жалоба. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	319
105. О трех ворах. <i>Перевод П. Глинкина</i>	322
106. Тяжба двух хозяев. <i>Перевод П. Глинкина</i>	325
107. Кузнец и ксендз. <i>Перевод А. Жиглявского</i>	329
108. Как наказать волка. <i>Перевод М. Абкиной</i>	329
109. Как хлоп отучил свою бабу драться. <i>Перевод А. Жиглявского</i>	331
110. О хлопe, который умирал. <i>Перевод А. Жиглявского</i>	332
111. Про пана, который все потерял. <i>Перевод М. Абкиной</i>	334
112. Ксендз и мужик. <i>Перевод Я. Мацюсович</i>	335
113. О муже, который жену попрекал. <i>Перевод Я. Мацюсович</i>	336

114.	Глупому сыну и урок не впрок. <i>Перевод Я. Мацюсович</i>	337
115.	Хозяин и батрак. <i>Перевод Я. Мацюсович</i>	340
116.	Про пьяного мужика, которому примерещилось, будто он стал ксендзом. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	341
117.	Вздорные сунруги. <i>Перевод П. Глинкина</i>	342
118.	Беда с одним глазом. <i>Перевод П. Глинкина</i>	343
119.	О нане и его поваре. <i>Перевод А. Жиглявского</i>	345
120.	Конь с трутом в ухе. <i>Перевод Я. Мацюсович</i>	346
121.	«Улюлю...» <i>Перевод М. Абкиной</i>	347
122.	Жадный органист. <i>Перевод А. Жиглявского</i>	348
123.	Прозорливец. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	350
124.	Откуда пошла поговорка: «В Шесне дьявол мать дает». <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	353
125.	Ксендз и кучер. <i>Перевод П. Глинкина</i>	355
126.	Как мельникова дочь вышла за пана Исуса. <i>Перевод П. Глинкина</i>	357
127.	Капуцин с козлиной бородкой. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	359
128.	Про солдата, который просил у бога денег. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	359
129.	Про бабу, которая при жизни хотела попасть на небо. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	360
130.	Злодей украл копя. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	361
131.	Про цыгана. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	361
132.	Про жену сапожника. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	362
133.	Про то, что случилось с паном Исусом и святым Петром на свадьбе. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	363
134.	Про богатого пана. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	363
135.	Про плац. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	364
136.	Про мужика и про ксендза. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	365
137.	Как немцы передвинули костел в Шивалде. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	366
138.	Три поляка с требухой. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	366
139.	Три осла. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	367
140.	Казенная пахота. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	367
141.	Шутник сапожник. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	368
142.	Что свистит? <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	368
143.	Догадливый Куба. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	369
144.	Про хитрого мужика, который получил вдесятеро больше, чем пожертвовал сам. <i>Перевод Э. Меркуловой</i>	369

145.	Блоха и муха. Перевод Э. Меркуловой	369
146.	Спор мужика с морозом. Перевод Э. Меркуловой	370
147.	Дурень дурнем. Перевод Э. Меркуловой	370
148.	О работнике, который исповедовался. Перевод Э. Меркуловой	371
149.	Почему молния не ударяет в кузницу. Перевод Э. Меркуловой	372
150.	Сказка о пане и мужике. Перевод Э. Мерку- ловой	373
151.	Хозяин и гость. Перевод Э. Меркуловой	374
152.	Мужикова награда. Перевод Э. Меркуловой .	374
153.	Не того прихода. Перевод Э. Меркуловой	375
154.	Сколько на свете богов? Перевод Э. Меркуловой	375
	Указатель источников	377

**ПОЛЬСКИЕ НАРОДНЫЕ ЛЕГЕНДЫ
И СКАЗКИ**

Редактор *П. Кочурин*
Художественный редактор *Л. Чалова*
Технический редактор *В. Алексеева*
Корректор *В. Урес*

Сдано в набор 5/Х 1962 г.
Подписано к печати 4/1 1965 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ — 12 печ. л. = 19,68 усл.
печ. л. Уч.-изд. л. 19,535.
Тираж 75 000 экз. Заказ № 966. Цена 64 к.

Издательство
«Художественная литература»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета
Министров СССР по печати,
Измайловский пр., 29.